

Карпюк С.Г.

Общество, политика и идеология классических Афин

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1136>]

[Публикация работы:]

Карпюк С.Г. 2003:

Общество, политика и идеология классических Афин. М.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

С.Г. КАРПЮК

**ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА
И ИДЕОЛОГИЯ
КЛАССИЧЕСКИХ АФИН**

Институт всеобщей истории
Российской академии наук

С. Г. Карпюк

**ОБЩЕСТВО,
ПОЛИТИКА
И ИДЕОЛОГИЯ
КЛАССИЧЕСКИХ АФИН**

Москва 2003

Рецензенты:

доктор исторических наук Л.П. Маринович,
кандидат исторических наук, доцент А.В. Зайков

Карпюк С.Г. Общество, политика и идеология классических Афин. – М.: ИВИ РАН, 2003. – 310 с.

В книге – на основании анализа разнообразных источников и использования последних достижений историографии – рассматриваются дискуссионные проблемы истории Афин VI–IV вв. до н.э., а также сопутствующие темы. Взаимоотношение политических лидеров и толп (неорганизованных массовых соборий) рассматривается в первых двух разделах. Совершенно разных (даже противоположных по политическим взглядам) лидеров классических Афин объединяла общая вписанность в «политические рамки», невозможность использовать «энергию масс» в своих целях.

На основе анализа слов, обозначающих толпу, и сообщений источников о возможных действиях неорганизованных массовых соборий автор делает вывод о том, что толпа в классических Афинах не играла почти никакой роли в политической жизни, однако использовалась как средство идеологического устрашения. Для характеристики идеологии демократических Афин используется неожиданный источник: собственные имена, которые анализируются с использованием как просопографических методов, так и методов описательной статистики. Особый интерес представляет анализ «закрытых» ономастических комплексов, который позволяет провести корреляцию между «демократическими» именами и социальным статусом афинских граждан.

В исследовании использованы оригинальные подходы, которые позволяют по-новому взглянуть как на афинское общество V–IV вв. до н.э., так и на другие проблемы истории античного мира.

Публикация в интернете не воспроизводит нумерацию страниц печатного издания книги. По техническим причинам греческий текст латинизирован.

**Памяти родителей
– Ханы Менделевны и Георгия Григорьевича –
посвящает эту книгу автор**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (стр. 6)

Дело о назначении ординарного профессора греческой словесности
Московского университета (стр. 13)

Почему Афины: полис в российской историографии (стр. 24)

Была ли афинская революция? (стр. 35)

I. Афинские политики (стр. 38)

Никий: боящийся толпы (стр. 38)

Гипербол, «человек негодный» (стр. 69)

II. Афинское общество: роль толпы (стр. 91)

ОХЛОС от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте
истории афинской демократии (стр. 91)

Полибий и Тит Ливий: *ochlos* и его римские соответствия (стр. 114)

Vulgus и *turba*: толпа в классическом Риме (стр. 129)

Роль толпы в политической жизни древней Греции (стр. 155)

III. Политическая ономастика классических Афин (стр. 176)

Заключение (стр. 233)

Приложение I. S.G. Karpyuk. Society, Politics, and Ideology of
Classical Athens. *Summary* (стр. 238)

Приложение II. Список опубликованных работ автора по теме
исследования (стр. 265)

ВВЕДЕНИЕ

Исследователю истории древней Греции, а уж тем более изучающему историю классических Афин, очень трудно найти новое место, «незатоптанную площадку» для своих штудий. Казалось бы, историк античности находится в привилегированном положении: в его распоряжении научные комментированные издания древних авторов и надписей, многочисленные лексиконы, индексы, конкордансы. Как говорится, «твори, выдумывай, пробуй». Одна только проблема, как дамоклов меч, висит над каждым серьезным исследователем: синдром «изобретателя» велосипеда. Впрочем, даже если это случилось, то всегда остается надежда, что твоя модель сей конструкции более современная и усовершенствования.

Афинская демократия – один из наиболее изученных феноменов мировой истории. Иногда кажется, что мы знаем о политической борьбе в древних Афинах даже больше, чем о политической жизни современности. Это, конечно же, иллюзия: несмотря на уникальность Афин (по части обеспеченности источниками), в их истории остается немало белых пятен. Однако опасность «изобрести велосипед» необычайно велика, и попытка «переписать заново» политическую историю Афин заведомо обречена на неудачу. Поэтому остается единственная возможность – изменить угол зрения, попробовать найти неисследованные аспекты социально-политического развития Афин, в частности, и древней Греции в целом.

Моя книга может показаться несколько фрагментированной (по правде говоря, так оно и есть), но это скорее суровая необходимость, вызванная стремлением связать воедино отдельные аспекты истории афинской демократии, которые до сих пор не привлекали внимания историков. К таковым относятся роль толпы (неорганизованного массового собрания) в политической истории, а также использование этого феномена политическими лидерами. Это использование, как будет показано ниже, наиболее ярко проявилось именно в сфере идеологии. Одним же из проявлений демократической идеологии явилось использование новых, «политически/идеологически значимых» собственных имен. Все это, как мне представляется, позволит по-новому взглянуть на афинскую демократию, расширить рамки исторического исследования.

Итак, что нового можно сказать об афинском обществе классического периода? Можно ли, продолжая отечественную историографическую традицию нейтрального, «отстраненного» отношения к греческому полису, проложить пусть узкую, но свежую и не затоптанную (или хотя бы не слишком затоптанную) тропинку в афиноведческих штудиях?

Историки античности давно и небезуспешно разрабатывают проблему взаимодействия масс и элиты, политических лидеров и граждан полисов – можно сослаться на последнюю фундаментальную работу Дж. Обера (J. Ober), труды М. Хансена (M. Hansen) и некоторых других исследователей. Досконально рассмотрены вопросы функционирования народного собрания, буле, судов, других полисных институтов – наиболее полно, конечно, на материале Афин. Однако исследователи фактически не обращали внимания на такой феномен, как толпа (т.е. массовое неорганизованное собрание).

Почему? На мой взгляд, этому способствуют две причины. Первая: этот феномен не слишком значителен на фоне хорошо организованных и функционирующих полисных институтов. Однако есть и другая причина. Эта причина – наши источники. Первыми к изучению толпы в историческом контексте обратились исследователи европейской истории XVIII-XIX вв. – Ле Бон, Рюде (G. Le Bon, G. Rude). В качестве источников они использовали газеты, полицейские архивы, т. е. «источники изнутри». Но антиковеды, в отличие от историков-новистов, имеют в своем распоряжении в действительности лишь тексты античных авторов (надписи и папирусы не могут нам помочь, потому что дают материал только по сравнительно более позднему периоду: первое упоминание *ochlos* в надписи относится к концу II в. до н. э.). То есть в нашем распоряжении остаются только «внешние» источники, враждебные толпе.

При изучении текстов античных авторов мы сталкиваемся с неожиданной сложностью. Поскольку сама толпа, будучи вполне конкретной исторической реалией, не была, однако, легальным политическим институтом, не существовало и единого понятия для ее обозначения. Даже, встречая в источниках наиболее характерное (для обозначения толпы) слово *ochlos*, мы далеко не всегда можем сказать, что именно имеется в виду в каждом конкретном случае – низший слой гражданства, неграждане (женщины, метеки, рабы), либо конкретное массовое собрание. Таким образом, в каждом конкретном случае нужно выяснить, обладает ли *ochlos* социальной или ситуационной характеристикой. Для Платона, например, *ochlos* обозначало как толпу, так и демос. Аристотель (а вслед за ним

перипатетики) стал его использовать как нейтральный научный термин для низших слоев либо всей массы демоса, но все это, собственно говоря, уже не имело отношения к толпе как феномену политической жизни. Таким образом, *ochlos* приобретает значение «толпа» лишь в некоторых контекстах.

Поэтому вначале идет историко-филологическое исследование, позволяющее проанализировать терминологию (если быть более точным, лексику) толпы. Основная сложность заключается в нетерминологичности (если можно так выразиться) античных авторов. В разном контексте слова *ochlos*, *demos*, *plethos* могут иметь разные значения: «народ», «граждане», «большинство народного собрания», «низшие слои населения», «толпа», «чернь». Таким образом, очень важна роль контекста. Опубликованные и компьютерные указатели могут упростить поиск необходимых контекстов, но не могут заменить конкретного историко-филологического анализа.

Очевидно, что в основе настоящего исследования лежит историко-филологический подход. Главным источником наших сведений об этой эпохе остаются труды древних авторов, дополненные, конечно же, археологическими, и, прежде всего, эпиграфическими, источниками, и на первый план выходит проблема интерпретации текстов античных авторов. «Спор о терминах» - необходимая часть любого антиковедческого исследования, даже если речь не идет не о терминах в собственном смысле этого слова, а о лексике. Сама история появления и изменения смысла тех или иных слов дает, на наш взгляд, основания для исторических выводов; при этом необходимым условием, *conditio sine qua pop*, является сопоставление с историческим контекстом. Поэтому столь значительное место в работе занимает изучение слов, обозначающих толпу, в древнегреческом и латинском языках: *ochlos*, *plethos*, *hoi polloi*, *vulgus*, *turba* и других.

Будет также сделана попытка обобщения взглядов античных философов и историков на роль толпы в обществе. Естественно, что при этом необходимо иметь в виду «нетерминологичность» античных авторов. Для разных частей моей работы применяются различные виды анализа исторических источников: анализ лексики (употреблений тех или иных слов) и историко-филологический анализ, причем они взаимодополняют друг друга. Для анализа данных ономастики используется описательная статистика.

Итак, прежде всего, следует обратиться к слову *ochlos*, возможно, ключевому слову в этой сфере исследований. Вместе с тем, толпа может определяться целым рядом других понятий в контекстуальных значениях. Поэтому в первую подробно

исследуется круг понятий, при помощи которых античные авторы описывают феномен толпы.

Нельзя, впрочем, опираться только на афинский материал. Прочность афинских социальных и политических институтов не способствовала возрастанию роли неорганизованных соборий в политической жизни. Социальная борьба на Сицилии (Диодор) и в городах Пелопоннеса (Эней Тактик) дает примеры другого рода. Роль толпы находилась в обратной зависимости от прочности социально-политических институтов того или иного полиса.

Очевидно, она имеет тенденцию к возрастанию в эпоху эллинизма. Это связано с уменьшением значения полисных институтов и увеличением концентрации населения. Последний фактор нельзя недооценивать. Концентрация населения, когда толпа стала представлять реальную угрозу функционирования власти, сложилась только в эллинистических городах (Александрия) и в Риме. Обычный греческий полис не предполагал высокой плотности населения, и это препятствовало образованию толп. Недовольство героев Аристофана афинской суетой – лишь синдром деревенского жителя. По моему мнению, роль толпы в политической жизни Греции (вплоть до эпохи эллинизма) была небольшой, значительно большее значение она имела в сфере идеологии. Ненависть к толпе служила в какой-то мере лозунгом антидемократической пропаганды. Нужно отметить, что ситуация в Риме принципиально отличалась от греческой, и роль толпы там была совсем другой.

Таким образом, угрозы толпы как социальной силы все-таки не было (как мы постараемся показать). Феномен толпы оказался гораздо более значимым в идеологической сфере. Толпа как массовое неорганизованное собрание совмещалась с «чернью», т. е. низшими слоями населения полиса, и служила своеобразным идеологическим пугалом, которое использовалась Исократом, Платоном и другими авторами в антидемократической пропаганде.

Толпа, или, по определению социологов, неорганизованное массовое собрание, играет заметную роль в развитии цивилизации. Осуждение толпы стало «общим местом» в сочинениях философов, писателей поэтов (от Платона до Томаса Харди). При этом зачастую осуществляется подмена понятий «толпа» и «чернь», и толпа однозначно рассматривается как негативный феномен в общественной жизни.

Феномен толпы, проблемы поведения скоплений людей в разных исторических условиях стали привлекать специальное внимание исследователей с рубежа XIX и XX вв. Ученые-историки, социологи, а позднее и социальные психологи прежде всего обратились к изучению поведения «революционных масс», а также

народных движений европейского средневековья и раннего индустриального общества. Что касается истории античности, то здесь проблема «толп» обычно связывалась с проблемой социальной борьбы народных масс (можно сослаться хотя бы на классическую концепцию «кризиса III века» М. И. Ростовцева).

Одна из задач настоящей работы – на примере взаимодействия толпы с политическими деятелями показать роль толпы в классических Афинах. Поэтому поставлена задача подвергнуть анализу взгляды и биографии двух афинских политиков – Никия и Гипербола. Выбор этих фигур не случаен. Во-первых, и Никий и Гипербол гораздо меньше привлекали и привлекают внимание исследователей, чем, например, Перикл и Алкивиад. Поэтому сохраняется возможность бросить новый взгляд или по крайней мере дополнить политические биографии Никия и Гипербола. Во-вторых, эти политики придерживались разных, если не противоположных, политических взглядов. И их отношение к толпе очень важно (причем, как сходства, так и различия).

Другая задача состоит в том, чтобы попытаться определить влияние демократической идеологии на массовое сознание. Политические идеи и повседневная жизнь демократических Афин неоднократно подвергалась изучению. Последние работы Л.Б. Картера, Джоша Обера, Курта Раафлауба, Могенса Хансена и многих других исследователей способствовали прояснению различных аспектов как общественной, так и частной жизни афинян¹. Несомненно, исследователи предпринимали, предпринимают и будут предпринимать попытки рассматривать пассажи из трудов древних авторов, которые «иллюстрируют определенные фундаментальные доктрины афинской демократической мысли»². И, конечно же, остается проблема предубеждения авторов большинства дошедших до нас текстов против демократии, с одной стороны, и проблема почти полного отсутствия «программных» демократических текстов – с другой. Но до сих пор мы знаем гораздо больше о политической теории, нежели о ежедневной политической практике демократических Афин.

¹ *Carter L.B.* The Quiet Athenian. Oxf. – N.Y., 1986; *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989; *idem.* Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1996; Democracy 2500? Questions and Challenges / Ed. I. Morris, K. Raaflaub. Dubuque, Iowa, 1998; *Hansen M.H.* The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes: Structure, Principles, and Ideology. Oxf. – Cambr. Mass., 1991 и др.

² *Seager R.* Xenophon and the Athenian Democratic Ideology // CQ. 2001. 51 P. 385.

Главная причина подобной диспропорции – недостаток источников, которые могли бы показать жизнь афинских граждан «изнутри».

И действительно, в отличие от своих оппонентов (противников демократии) сторонники демократии не смогли (или не хотели?) создать стройной теории, а попытки ее реконструкции скорее всего так и не смогут увенчаться успехом. К тому же в последнее время стали высказываться обоснованные сомнения в том, что многие стороны жизни Афин V–IV вв., нашедшие отражение в литературных произведениях, можно связывать именно с демократическими институтами³. В последние годы преобладает мнение и, как я полагаю, весьма справедливое, что демократическая теория не существовала в текстах, авторами которых были представители антидемократической элиты, а была частью «демократического дискурса», чье отражение нужно искать в «политической риторике» и «публичных речах»⁴.

Поэтому никакая попытка расширить круг источников не будет лишней. Для этого я предлагаю привлечь неожиданный источник – собственные имена, причем имена «значимые». Очевидно, что наименование детей отражало семейные традиции. Наименование в честь деда было обычным явлением, во всяком случае в аристократических семьях. Обычным явлением в архаической и классической Греции было «знаковое» наречение детей аристократических фамилий – например, именем с корнем *hipp-* (от *hippos* – конь). Но, наряду с этим, с V в. до н.э. в Афинах отмечается распространение «демократических» имен, которые можно рассмотреть как политически (идеологически) значимые.

Вообще очень немногие эпохи в мировой истории позволяют использовать материал антропоники для реконструкции политической идей и идеологических предпочтений. В Советском Союзе пик «движения за новые имена» приходился на конец двадцатых – начало тридцатых годов XX в., когда «революционные» имена должны были вытеснить из обихода (но не вытеснили!) традиционные христианские; многие из носителей этих новых имен погибли во время Великой Отечественной войны. В одной из афинских общественных надгробных надписей я наткнулся на редкое имя Гибридем, составленное из основ «гордыня» и

³ См., например: *Rhodes P.J.* Nothing To Do with Democracy: Athenian Drama and the Polis // *JHS*. 2003. 123. П.Дж. Родс в этой статье указывает на то, что афинскую драму V в. до н.э. не обязательно связывать именно с демократическим полисом.

⁴ См., например: *Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998. P. 32–33.

«демос/народ», носитель которого пал на поле боя в завершающий период Пелопоннесской войны, и это привело меня к мысли о том, что, может быть, стоит подвергнуть анализу «новые имена» послеклисфеновских Афин?

Для анализа из всего массива собственных имен можно выделить «политически значимые» имена для того, чтобы выяснить, оказывало ли влияние государственное устройство и политическая ситуация на частоту появления того или иного значимого имени. Собственные имена с корнем *dem-* наилучшим образом подходят для подобного анализа, поскольку составляют достаточно большой процент от всех собственных имен афинян. С другой стороны, корень *dem-* в Афинах классической эпохи очевидно коннотировал с демократической идеологией, о чем пойдет речь в завершающем разделе моего труда. Для анализа были использованы сравнительно простые методы описательной статистики. Но даже эти методы позволяют продемонстрировать влияние демократической идеологии на процесс имяназвания. По моему мнению, сочетание исторических методов с методами социологического анализа (в случае с исследованием толпы) и с методами ономастики (в случае с собственными именами) создает «пограничную» ситуацию, когда можно использовать инструментарий разных наук. Это способствует более полному анализу источников, позволяет дополнить историческую картину новыми штрихами.

В книге нет специального раздела, посвященного характеристике источников, поскольку большая часть работы носит источниковедческий характер. Анализ взглядов предшественников – также неперенный атрибут глав моего труда. Но, кроме этого, в начале книги помещены два историографических очерка, которые, по сути, связаны с исследованием. В первом из них на основе архивных материалов рассматривается функционирование высшего классического образования в России в начале XX в., а, в другом – анализируются взгляды российских историков на греческий полис. Этими очерками я хотел бы выразить дань уважения своим учителям и предшественникам.

ДЕЛО О НАЗНАЧЕНИИ ОРДИНАРНОГО ПРОФЕССОРА ГРЕЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В обиходно-бюрократическом диалекте великого и могучего русского языка существовало (а, может быть, существует и поныне) выражение «зачумленная ставка». Так работники кадровых служб и руководители разных уровней именовали обычно единицу штатного расписания, которая часто оставалась вакантной и с которой, по их мнению, приключались различные неприятности. Впрочем, ничто не ново под луной, и похожие (хотя и не совсем) неприятности случались и век назад, на рубеже XIX и XX столетий, о чем с немалой достоверностью свидетельствует архивное «Дело канцелярии попечителя Московского учебного округа. О возведении экстраординарного профессора Шеффера в ординарные, о переводе профессора Новороссийского университета фон Штерна в Московский университет, о переводе экстраординарного профессора Юрьевского университета Никитского, об оставлении Никитского на службе. Началось 24 февраля 1900 г. Исполнено 28 ноября 1908 г. В сем деле нумерованных листов 42»⁵.

Эта полная драматизма история началась еще 14 февраля 1900 г. В этот день именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату, «директору Константиновского Межевого института и заслуженному ординарному профессору Императорского Московского Университета⁶, доктору греческой словесности, тайному советнику Шварцу всемилостивийше повелеваю быть попечителем Рижского учебного округа» (л. 4). А тогдашний попечитель Московского учебного округа Павел Алексеевич Некрасов 1 марта 1900 г. писал по поводу замещения освободившейся вакансии министру народного просвещения николаю Петровичу Боголепову, что «остановился своим выбором на экстраординарном профессоре Московского Университета, статском советнике Шеффере» (л. 4). Сложность заключалась в том, что согласно Уставу ИМУ занимать кафедру древнеклассической филологии мог только ординарный профессор, имевший ученую степень доктора. Валериан Александрович Шеффер ученую степень доктора имел, однако профессором был лишь экстраординарным.

⁵ ЦГИА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 5244. В действительности в деле 71 нумерованный лист, из которых 6 – чистые. В дальнейшем ссылки на него даются в тексте с указанием листов.

⁶ Далее – ИМУ.

Впрочем, формулярный список его был вполне достойным: «По окончании курса наук а Императорском Университете Св. Владимира утвержден в стапени кандидата в 1884 г.; состоял стипендиатом при сем Университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре греческой словесности с 31 мая 1884 г. по 31 мая 1886 г.; был командирован за границу с ученою целью на два года с 1 июля 1886 г., каковая командировка была продолжена по 1 сентября 1889 г.» (л. 4 – 4 об.). Далее последовала защита в Юрьеве магистерской диссертации «*De Deli insulae rebus*» и назначение приват-доцентом ИМУ по кафедре классической филологии в 1889 г. публичная защита в 1892 г. диссертации «Афинское гражданство и народное собрание», после чего Шеффер был утвержден в степени доктора греческой словесности, и в том же году «Государь Император, по всеподданнейшему докладу г. Министра народного просвещения соизволил на назначение его сверхштатным экстраординарным профессором...» (л. 4 об.). И, наконец, в 1897 г. Шеффер был утвержден в должности штатного экстраординарного профессора по кафедре классической филологии (л. 4 об.).

Дело касалось предрешенным, но в те времена большое значение имело мнение научной общественности, т.е. коллег Шеффера по историко-филологическому факультету. Появляются две записки – отражение кулуарных дебатов среди профессуры ИМУ. «Донести Министру Народного Просвещения, что обстоятельная беседа декана Историко-филологического факультета Московского университета со всеми членами факультета по вопросу о лице, подходящем для замещения вакансии профессора по кафедре греческого языка и словесности, привела к разногласию мнений, которые разделились между кандидатурою главным образом двух лиц: ординарного профессора Казанского университета Мищенко и экстраординарного профессора Харьковского университета Денисова. Весьма немногими голосами выставлялась также кандидатура профессора Нежинского института Жданова. Ввиду сего просить Министра объявить на означенную кафедру конкурс» (л. 6 – 6 об.). И наконец: «Просить Департамент задержать движение дела по представлению Шеффера в ординарные (профессоры. – С.К.) впредь до выявления вопроса о замещении профессорской вакансии, освободившейся после Шварца» (л. 7).

Не прошло и месяца после первоначального обращения в Петербург, как 28 марта 1900 г. в министерство народного просвещения отправляется из канцелярии Московского учебного округа новая бумага, в которой пересказываются все обстоятельства дела; завершается она следующим образом: «...Имею честь

покорнейше просить Ваше Высочайшее помянутое представление за № 4562, о профессоре Шеффере оставить без движения и разрешить объявление конкурса на означенную кафедру» (л. 10 об.). Почта в те далекие времена работала исправно, и 31 марта 1900 г. бумага была зарегистрирована Департаментом народного просвещения в Петербурге. Бюрократическая машина Российской империи в общем и целом была вполне дееспособной: уже 4 апреля министр начертал резолюцию «согласен». Впрочем, какие-то интриги продолжались, и рядом с резолюцией министра стоит карандашная пометка: «Задержать до получения ответа на заказное письмо по скму делу» (л. 10). Задержка была не слишком долгой, и 17 апреля предложение об объявлении конкурса вновь вернулось в канцелярию Московского учебного округа. На следующий день, 18 апреля 1900 г. Валериан Александрович Шеффер скончался⁷.

Почему Шеффер так и не стал ординарным профессором, сказать сейчас трудно. Возможно, этот вдумчивый ученый не пользовался авторитетом среди профессуры ИМУ либо из-за своей молодости (он умер на 36-м году жизни), либо из-за других качеств. Может быть, руководству уже было что-либо известно о болезни, которая свела его в могилу, а, может быть, это был очередной рецидив подковерной борьбы «немецкой» и «русской» партий, которая обострилась в российских университетах в конце XIX в. – так или иначе, В.А. Шефферу было не суждено стать ординарным профессором ИМУ.

Был отложен и конкурс – как писал попечитель округа министру «в виду обстоятельств, изложенных в моем письме от 14 апреля» (л. 11 об. – 12). Что это были за обстоятельства, можно со значительной долей вероятности предположить. Дело в том, что наибольшие шансы победить в конкурсе имел Федор Герасимович Мищенко, ординарный профессор Казанского университета, начавший свою научно-педагогическую деятельность в Киевском университете Св. Владимира. С 1872 по 1884 г. Мищенко преподавал в Киевском университете, был командирован во Францию, успешно защитил магистерскую и докторскую диссертации, перевел на русский язык «Географию» Страбона (М., 1879).

Однако 12 июня 1884 г. товарищ министра внутренних дел генерал П.В. Оржевский пишет тогдашнему министру народного просвещения И.Д. Делянову отношение, в котором указывает: «Сведениями, полученными в последнее время департаментом

⁷ Некролог см.: ЖМНП. 1900. № 6. С. 128–130.

полиции из разных источников, вполне определилась крайне вредное против-правительственное направление профессоров Муромцева, Мищенко, Дриля и Сыцянка, относительно которых и прежде сего имелись указания, свидетельствующие о их политической неблагонадежности»⁸. В конце отношения было предложено «признать неудобным дальнейшее оставление на государственной службе Муромцева, Мищенко, Сыцянка и Дриля, против-правительственное направление коих в настоящее время, казалось бы, достаточно доказано»⁹. Относительно мищенки было дано специальное разъяснение: «Он (Мищенко. – С.К.) известен департаменту полиции за лицо, политическая неблагонадежность которого находится вне сомнения. Вследствие принадлежности его к группе украинофилов и близости к государственному преступнику Ивану Басову»¹⁰. Мищенко ставили в вину произнесение речи на праздновании годовщины Шевченки в Петербурге в начале 1884 г., и 25 июля 1884 г. ученый был уволен.

Мищенко написал 30 августа 1884 г. И.Д. Десянову полное достоинства письмо, в котором описывал свои научные заслуги и отвергал обвинения. При этом он не отрицал своих украинофильских взглядов, но писал: «Однако, самое украинофильство, как таковое, не представляет собою не только противогосударственного, но и вообще политического движения. Малорусская разновидность русского народа существует, как непреложный факт; любовь малороссиян по происхождению к своему родному, Украине, к ее языку, песням, музыке, само по себе не исключает безупречной лояльности относительно общерусского правительства»¹¹.

Мищенко не играл сколь-нибудь заметной роли в национальном движении на Украине и напрочь отрицал (очевидно, совершенно справедливо) приписываемую ему связь с социалистическими кругами. Однако власти были совершенно неумолимы – царствование Александра III не было временем либеральных послаблений и заигрывания с интеллигенцией. Мищенко был не только уволен со службы, но и выслан из Киева в административном порядке.

⁸ Сватиков С. Опальная профессура 80-х годов // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 22.

⁹ Там же. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 29.

¹¹ Там же. С. 31.

Для компроментации Мищенко было использовано так называемое «дело Свиридова», директора лопнувшего банка, разорившего многих людей в Юго-Западном крае. Мищенко был старшиной присяжных заседателей, разбиравших дело Свиридова, причем молва ему приписывала деловые связи с банком. Некоторые присяжные открыто заявляли о том, что Мищенко оказывал на них давление. Свиридов был оправдан, а 22 профессора Киевского университета (в основном из так называемой «немецкой партии») направили ректору Ренненкампу в январе 1884 г. заявление, в котором требовали обсудить в Совете университета действия Мищенко¹².

Казалось бы, события более чем 15-летней давности не должны были играть столь существенной роли. К тому же Мищенко в 1889 г. был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук, ездил в научные командировки в Европу и на Ближний Восток¹³. Но, как говорилось, *колпак сняли, да хвост остался*. Министр был непреклонен, профессорская кафедра в Москве была для Мищенко недоступна, и мнение «членов факультета» никакой роли здесь не играло. Впрочем, специалисты-классики профессора Соболевский и Покровский были настроены против кандидатуры Мищенко, возможно, из-за слишком общего, по их мнению, характера его научных работ и склонности к публицистике.

Наибольшие шансы занять вакантную должность были, казалось, у профессора Штерна, которого рекомендовали Покровский и Соболевский. Попечителю Московского учебного округа ректорат ИМУ 24 июня 1900 г. отправил донесение, в котором ясно указвалось, что «было бы более желательным назначение на вакантную должность [...] доктора классической филологии, статского советника Эрнеста Романовича фон Штерна, так как он рекомендуется профессорами-специалистами классиками и является, как очевидно из отзывов о его научных трудах, специалистом именно по классической филологии. Кроме того, свою научную деятельность профессор Штерн начал лишь в 1884 г., потому ввиду солидной подготовленности и любви к науке, которыми он успел уже зарекомендовать себя. Можно с

¹² Там же. С. 34. Ректор отказался поставить вопрос на обсуждение ввиду недоказуемости обвинений. Характерно, что после этого Мищенко отнюдь не разбогател, и материальные трудности стали для него одной из побудительных причин к работе над переводами Полибия и Фукидида.

¹³ *Шестаков С.П.* Мищенко (Некролог) // ЖМНП. 1907. № 7. См. также: *Шофман А.С.* Ф.Г. Мищенко. Казань, 1973.

уверенностью сказать, что в дальнейшей своей деятельности он принесет еще большую пользу науке, а следовательно и университету» (л. 18 – 18 об.).

Однако еще 10 июня Сергей Иванович Соболевский писал попечителю Московского учебного округа: «Честь имею уведомить Вас, что проф. Штерн отказался от перехода из Одессы в Москву» (л. 14). До Штерна «дошли слухи о кандидатуре Мищенко. Это вызвало в нем опасение. Что он будет неприятен факультету. Опасается он поставить свою кандидатуру и потому, что не уверен в утверждении его министерством. По этим сомнениям и опасениям он отказывается от перехода в Москву, хотя этот переход, как кажется, ему и нравится» (л. 17).

Но министр был непреклонен.

«23 июня 1900 г.

Его Превосходительству

П.А. Некрасову.

Конфиденциально.

Милостивый Государь,

Петр Алексеевич.

Вследствие письма Вашего Превосходительства от 14 сего июня относительно замещения освободившейся в Московском университете за смертью профессора Шеффера вакансии считаю долгом уведомить Вас, Милостивый Государь, что я решительно затрудняюсь согласиться на предоставление оной профессору Казанского университета Мищенко. Между тем, по Вашему заявлению, кандидатура Мищенко послужила поводом к отказу профессора Новороссийского университета Штерна, опасавшегося перевеса означенной кандидатуры в факультете и в высшей инстанции, так как ни ему, ни профессорам-классикам Московского университета неизвестен мой взгляд на допустимость подобной конкуренции. Посему, если у профессора Штерна помимо указанного опасения имеются еще другие какие-либо причины к отказу от перехода на службу в Московский университет, я, со своей стороны не усматриваю в настоящем случае иного исхода, как просить Вас приостановиться представлением о замещении упомянутой вакансии впредь до приискания Вами более соответствующего интересам Министерства кандидата, чем профессор Мищенко.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности. Бого[лепов] » (л. 19 – 19 об.).

17 июня 1900 г. последовал циркуляр ректору Московского университета «О переводе профессора Новороссийского университета фон Штерна на службу в Московский университет» (л. 24 – 24 об.). Однако нашла коса на камень: фон Штерн так и не дал своего согласия на этот переход. Вряд ли когда-нибудь удастся узнать обо всех мотивах его решения, но, очевидно, главную роль сыграла свойственная Эрнесту Романовичу деликатность, нежелание «навязываться» московским коллегам, «перебегать дорогу» Мищенко. А, возможно, фон Штерн прикипел душой к теплой провинциальной Одессе, к милым его сердцу греческим надписям, к Одесскому обществу истории и древностей и, вспомнив судьбу Шеффера, не захотел перебираться в Первопрестольную. *Что русскому здорово, то немцу смерть.*

Между тем следующий (1900/1901) учебный год уже начался, и злосчастная кафедра по-прежнему пустовала. 2 сентября 1900 г. товарищ министра народного просвещения отправляет очередную бумагу попечителю Московского учебного округа, а тот, в свою очередь, переправляет ее ректору ИМУ. Из этой бумаги мы узнаем, что «профессор фон Штерн обратился в министерство с докладной запиской, указывая на сопряженные для него с означенным переводом материальный ущерб и неудобства семейного характера, просит об оставлении его на службе в Новороссийском университете. Признав возможным удовлетворить изложенное ходатайство, предложить Начальству вверенного Вам университета принять меры к обеспечению преподавания классической филологии на историко-филологическом факультете в наступившем академическом году» (л. 25 – 25 об.). Меры были приняты: уже 9 октября 1900 г. товарищ министра народного просвещения начертал «разрешаю» на прошении попечителя округа «о разрешении поручить чтение греческого историка со студентами классического и исторического отделений 5-6 и 7-8 семестров ординарному профессору Соболевскому...» (л. 30).

Таким образом, благодаря безотказному Сергею Ивановичу Соболевскому учебный процесс не прервался, и вопрос на некоторое время был снят с повестки дня. Университет, очевидно, не желал беспокоить петербургское начальство надоевшей всем проблемой замещения вакантной ставки, не без оснований опасаясь праведного гнева министра Николая Петровича Боголепова, знатока римского права и человека твердых правил. Боголепов весьма дорожил репутацией Московского университета, ректором которого он был дважды, в 1883-1887 и 1891-1893 гг. А профессор Мищенко, наверное, ассоциировался у него с беспорядками в Киевском университете: в 1900 г. по его приказу были отчислены за участие в беспорядках 183

студента Университета Св. Владимира, что влекло за собой отбывание ими воинской повинности. Как в вопросе о замещении вакантной ставки, так в вопросе об отчислении студентов Боголепов проявил твердость. Во втором случае она обошлась ему слишком дорого: 14 февраля 1901 г. Н.П. Боголепов был смертельно ранен исключенным из Киевского университета студентом П.В. Карповичем.

Оправившись от шока, руководство ИМУ решается вновь поставить вопрос о вакантной кафедре. Ректор 10 апреля 1901 г. пишет попечителю округа, «что, принимая во внимание единодушные отзывы профессоров по кафедрам греческой и римской словесности профессоров Покровского и Соболевского, к которым [...] безусловно присоединяется и профессор сравнительного языкознания профессор Фортунатов, наиболее желательным кандидатом является и[справляющий] д[олжность] ординарного профессора Юрьевского университета А.В. Никитский» (л. 33). Попечитель (П.А. Некрасов) наложил резолюцию: «Представить, присоединившись к мнению ректора и прибавив, что мнение специалистов кафедры, поддерживающих Никитского, (важнее. – С.К.), нежели мнение преимущественно историков, поддерживающих кандидатуру Мищенко. Упомянуть о необходимости сношения Министерства с избранным лицом о согласии его принять должность, дабы не повторились недоразумения, которые произошли при перемещении на эту кафедру фон Штерна, не пожелавшего этого перехода. Присоединить, что дело это длится больше года и нуждается в окончательном решении до наступления будущего учебного года» (л. 33).

Однако Александр Васильевич Никитский к тому времени доктором еще не был, хотя звание на «исправление должности» ординарного профессора имел и соответствующее содержание в Юрьеве получал (л. 36), и на переход «с понижением» не соглашался. Ректор ИМУ должен был признать, что «назначение г. Никитского ординарным профессором тотчас по защите им докторской диссертации будет своего рода обидной для тех профессоров Факультета, которые уже имеют степень доктора, но состоят еще экстраординарными профессорами» (л. 33 об.).

Наученное опытом с фон Штерном, министерство уже не торопило, и только 11 июня 1901 г. уведомило университет о том, что «профессор Юрьевского университета Никитский выразил согласие на переход на службу в Московский университет, но с тем, чтобы назначение его в названный университет было отложено на несколько месяцев, так как он надеется к ноябрю сего года получить

степень доктора греческой словесности, и тем самым приобрести право на сохранение должности ординарного профессора и в Московском университете» (л. 40 – 40 об.). Со стороны Московского университета такая просьба Александра Васильевича Никитского никаких возражений не вызвала, и 20 сентября 1901 г. ректор писал попечителю округа: «Имею честь уведомить Ваше превосходительство, что согласно заключению декана Историко-филологического факультета, переход профессора Никитского на службу в Московский университет к 10 января будущего 1902 г. не вызовет никаких затруднений» (л. 48).

И, наконец, 24 января 1902 г. попечителю Московского учебного округа пришел подписанный товарищем министра народного просвещения циркуляр: «Уведомляю Ваше Превосходительство, что Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, последовавшим 5 сего января за № 3, исправляющий должность ординарного профессора Юрьевского университета, доктор греческой словесности, статский советник Никитский назначен ординарным профессором Московского университета, по кафедре греческой словесности, с 1 сего января» (л. 51). К тому времени А.В. Никитский блестяще защитил в Юрьеве (осенью 1901 г.) докторскую диссертацию, которая была опубликована тогда же по-русски («Исследования в области греческих надписей») и частично – по-немецки¹⁴. Ученый пользовался высоким авторитетом среди своих коллег по историко-филологическому факультету ИМУ, и в 1906-1908 гг. был его деканом.

21 июня 1907 г. профессор Никитский «выслужил 25-летний срок в учебной службе. Согласно ст. 504 Свода Законов Росс. Импер. т. XI ч. I изд. 1893 г. » для продолжения службы по истечении 25 лет требовалось ходатайство попечителя учебного округа и разрешение министра (л. 54). Разрешение на дальнейшее оставление на службе сроком на 5 лет было подписано 4 сентября 1907 г. (л. 60). Впрочем, в Московском университете А.В. Никитский оставался недолго: 20 ноября 1908 г. министерство вновь затребовало копию формулярного списка ординарного профессора, к тому времени уже действительного статского советника Никитского (л. 62). Результатом стало назначение его попечителем Оренбургского учебного округа. На службу в Москву Александр Васильевич Никитский больше не возвращался. Он умер в нищете и одиночестве в голодном Петрограде в 1921 г.¹⁵

¹⁴ *Яйленко В.П.* Александр Васильевич Никитский (К 50-летию со дня смерти) // ВДИ. 1972. № 4. С. 176.

¹⁵ Там же. С. 180.

А через несколько лет, в первую военную зиму, состав кафедры классической филологии, согласно «Ведомости о состоянии кафедр по историко-филологическому факультету Императорского Московского университета к 15 декабря 1914 г.»¹⁶, был следующим: штатные ординарные профессора – Соболевский, Покровский, Грушка, сверхштатный профессор – Новосадский, приват-доценты магистранты – Рождественский, Дератани, оставленные при университете – Сергей Соловьев и Федор Петровский. На кафедре всеобщей истории преподавал тогда известный профессор Р.Ю. Виппер.

Таков happy end этой любопытной истории. Автору может быть задан резонный вопрос: а где же выводы? Мне представляется, что в некоторых случаях историографическое исследование может обойтись и без заключения. Гизо как-то заметил, что историю, в конечном счете, творят люди, индивидуумы. К историографии это относится еще в большей степени. Важно уже хотя бы то, что Шеффер, Штерн, Мищенко, Никитский предстают перед нами не только как «вехи в историографии», но как живые люди с присущими им самим и той эпохе достоинствами и недостатками, важен сам фон, на котором проходила их научная и педагогическая деятельность.

Однако некоторые выводы все жже напрашиваются. Стоит хотябы отметить высокий моральный уровень действующих лиц: российские антиковеды стремились к академической карьере, но отнюдь не любой ценой. Университеты в тот период находились под достаточно жестким контролем бюрократии, и мнение самих профессоров (Совета факультета) учитывалось лишь в том случае, если оно не противоречило мнению попечителя учебного округа либо министра народного просвещения. Но благодаря этой же административной системе престиж научной и преподавательской деятельности был весьма высок и подкреплялся чинами, солидным жалованьем и прочими льготами. Характерно также, что проблема замещения вакантной должности профессора греческой словесности живо интересовала и попечителя учебного округа, и министра народного просвещения.

Приятно встречать в архивных делах хорошо известные фамилии ученых, рассматривать четкий почерк Сергея Ивановича Соболевского, к чьим грамматикам обращаешься в трудные минуты противоборства с древними языками, и осознавать, что цепочка все-таки не прервалась, что российское антиковедение – единый поток, то широкий, то узкий. И последнее: подшивайте, уважаемые

¹⁶ ЦГИА Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 7604. Л. 24 об. – 25 об.

коллеги, документы в папки и бережнее относитесь к архивам своих предшественников. *Verba volant, scripta manent*. Мы ведь историки.

ПОЧЕМУ АФИНЫ: ПОЛИС В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассмотрение историографии вопроса может идти двумя путями: либо «магистральным» путем рассмотрения общих работ и всех исследований по данной теме, либо узкой тропинкой анализа специальных исследований. В данном случае проблема осложняется тем, что работ по афинской демократии великое множество, исследований по роли толпы очень немного, а о «политически значимых» собственных именах не писал никто.

Однако любой историк не может не обозначать свое место в ряду своих предшественников. Поэтому мне кажется необходимым охарактеризовать проблему изучения греческого полиса в отечественной историографии. Прекрасно понимаю, что затрагиваю достаточно чувствительную «личностную» тему и заранее прошу моих учителей и коллег не затаить обиду. Моя цель – наметить тенденции развития научной мысли, а не рассматривать под лупой вклад того или иного ученого; на последнее я не имею никакого морального права.

Исследование любой национальной историографии как единого целого – достаточно трудная задача, и мною будет сделана попытка реконструкции только одной из сторон такого сложного явления, как российская историография античности. Конечно, это не первая попытка: почти все авторы книг о полисе стремились проанализировать достижения и ошибки своих предшественников. Наиболее полное описание взглядов на греческий полис российских историков можно найти в книге Э.Д. Фролова «Рождение греческого полиса»¹⁷. В моем обзоре я постараюсь проанализировать некоторые специфические причины для этих изменений, а также проследить употребление слова «полис» в трудах отечественных историков.

Научное изучение истории древней Греции в России появилось в результате модернизации российского общества и культуры в XVIII веке. Авторы средневековых идеологических конструкций рассматривали Москву как «третий Рим», то есть предполагалась линия наследования Рим – Константинополь – Москва. С тех пор интерес к империи и к христианству в России всегда преобладал над интересом к греческой древности, а

¹⁷ Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.

греческий полис никогда не был предметом идеологических дискуссий в России.

Светское научное знание «европейского типа» появляется в России в XVIII в., с учреждением Санкт-Петербургской Академии наук и Московского университета. Однако для русских ученых и общественных деятелей того времени древняя Греция была лишь частью «европейского декора» и сама по себе не представляла специального интереса: Ломоносов и его современники были озабочены проблемой происхождения славян и образования древнерусского государства. Русские просветители XVIII в. (например, Радищев) использовали древнегреческие сюжеты лишь для морализаторства.

Научное изучение античности в России начинается в середине XIX в., причем, несмотря на очевидное влияние немецкой историографии, сразу же проявляются национальные черты. Нужно отметить, что дискуссия между «славянофилами» и «западниками» не оказала никакого влияния на русскую историографию древней Греции, поскольку «славянофилы» больше интересовались византийской и отечественной историей, и почти все русские исследователи классической античности того периода симпатизировали «западникам».

Русские интеллектуалы XIX-XX вв. не могли представить, что существует хоть какая-либо связь между греческим полисом и современной им российской действительностью, оставив рассмотрение древнегреческого полиса исключительно профессионалам-историкам. Поэтому полем наших исследований будут исключительно исторические труды.

Характерной является точка зрения Михаила Куторги, ведущего российского исследователя древнегреческой истории середины XIX в. Куторга, чьи основные работы были посвящены истории афинской демократии, подчеркивал, что наиболее важный вклад в мировой прогресс, сделанный греческими городами-государствами, – это идеи личной свободы и свободы мысли. Эти идеи преобразовали Европу и привели ее к мировому лидерству. С другой стороны, Куторга подчеркивал разделение Европы на два основных культурных региона, германо-романский и славяно-греческий, а также то, что эллинизм и в древнегреческой и в христианско-византийской ипостасях был источником русской культурной традиции¹⁸.

Книга Николая Кареева, известного российского историка и либерального политического деятеля (он был депутатом первой

¹⁸ Куторга М.С. Собрание сочинений. Т. I. СПб., 1894. С. VII.

Думы) «Государство-город античного мира» стала даже гимназическим учебником. Кареев подчеркивал преемственность между средневековыми европейскими и современными ему парламентскими институтами, но был весьма осторожен, когда дело касалось возможного влияния греческих городов-государств на средневековые и современные города¹⁹.

Михаил Ростовцев отмечал преемственность между греко-римским миром, Византией и древнерусскими городами. Но он подчеркивал также разницу между городами Киевской Руси, которые прежде всего были торговыми центрами, и городами периода Московского царства. По его мнению, Москва в XIV–XVII вв. была преимущественно политическим и военно-административным центром, подобно Фивам, Вавилону и другим городам древнего Востока²⁰.

Ни Куторга, ни Кареев, ни Ростовцев, ни другие русские ученые-антиковеды не предпринимали серьезных попыток сравнения греческих полисов с русскими городами. В конце XIX – начале XX в. абсолютное большинство русских исследователей древней Греции занималось конкретно-исторической проблематикой – изучением специальных проблем политической и экономической истории, эпиграфикой и т.п. Только некоторые историки России в конце XIX – начале XX в. проводили явные параллели между древнегреческими и древнерусскими городами. Их внимание прежде всего привлекали так называли феодально-купеческие республики северо-восточной Руси (Новгород, Псков). В полемике 1870-х годов о происхождении и сущности древнерусских городов многие ученые (например, Костомаров и Затыркевич) делали утверждения о схожести древнерусских и древнегреческих городов-государств на основании предполагаемой схожести их политической жизни²¹. Другой историк-русист этого периода, Никитский, подчеркивал, что

¹⁹ Кареев Н.И. Государство-город античного мира. 2-е изд. СПб., 1905. С. 319 сл.

²⁰ Rostovtzeff M. Les origines de la Russie kiévenne // *Revue des Études slaves*, t. II, 1922, fasc. 1–2, p. 5–18; *idem*. Greece. Mainland and Colonies. Lecture 2 (Feb. 14, 1922). – Five Lectures Held in February 1922 in Ann Arbor // Michail I. Rostovtzeff. Papers, Manuscripts and Archives. Yale University Library. 1133. Series III. Box 28. Folder 165–168 (University of Wisconsin).

²¹ Костомаров Н. Начало единодержавия в Древней Руси // *Вестник Европы*. 1870, ноябрь. С. 24 сл.; Затыркевич М. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период. М., 1874. С. 49.

и в древней Греции, и в древней Руси понятия «город» и «государство» были взаимозаменяемы²².

Русские дореволюционные историки, как правило, не использовали термин «полис» в своих трудах: ученые середины XIX в. предпочитали переводить его как «государство» либо «республика», а исследователи конца XIX – начала XX в., под влиянием идей Фюстель де Куланжа, Бузольта и других, использовали выражение «город-государство» или «государство-город».

Для дореволюционных русских исследователей отечественной истории преемственность между греческим полисом и древнерусскими городами была гораздо более очевидной, чем для их коллег-антиковедов. Это не было случайностью. Конечно, подобный феномен может быть объяснен разницей методов, используемых каждой конкретной отраслью исторических исследований. Но, по моему мнению, это было, прежде всего, результатом различного методологического и идеологического «фона». Русские ученые-антиковеды были преимущественно «западниками» по своим симпатиям, в то время как идеи об особом пути развития России были широко распространены среди исследователей отечественной истории. И даже противники этих идей, стараясь доказать свои взгляды, использовали аргумент о схожести древнегреческого полиса и древнерусских городов-республик Киевской Руси, а также Новгорода и Пскова более позднего времени (особый путь развития предполагался именно у Московского государства).

Российскую историографию античности после 1917 года и вплоть до последнего времени обычно обозначают как «советскую историографию». Что означает «советская историография»? На Западе до сих пор пользуется популярностью точка зрения о том, что советская историография – это исключительно марксистская историография. Однако насильственное внедрение марксизма (или псевдо-марксистских идей) в советское антиковедение начинается только с конца двадцатых годов.

В 30-40-е годы наиболее известные ученые, воспитанные в старых, дореволюционных традициях, сохраняли прежнюю выучку, навыки прежней школы, добавляя к ней – в меру испуга и хитрости – то или иное количество «правильных» цитат. Творческое развитие марксистских идей в СССР началось лишь с конца пятидесятых годов. Если и можно говорить об оплодотворяющем воздействии марксизма на советскую историографию, то только для периода «оттепели», начиная со второй половины пятидесятых годов XX в.

²² Никитский А. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, с. 60.

Для этого времени характерны дискуссии, не столько спланированные сверху, сколько вызванные потребностями самого ученого сообщества.

Для значительного числа советских историков-антиковедов марксизм оставался «мертвой буквой», а труды классиков марксизма – источником сносок, и не более того. Таким образом, «советская историография», по моему мнению, – понятие скорее территориальное и хронологическое, нежели методологическое.

Советские ученые в двадцатые-пятидесятые годы почти не занимались проблемами полиса, поскольку главной сферой их интересов были проблемы рабства и классовой борьбы в древности. Это было результатом идеологического давления, и рабовладельческий способ производства стал официальной концепцией для всех древних обществ. Только с середины пятидесятых годов, после ослабления жесткого идеологического давления эпохи сталинизма, стало возможным большее разнообразие подходов.

Советские исследователи античности до 50-х годов крайне редко использовали термин «полис» в своих трудах. Перелом намечался в начале 50-х годов в среде московских академических историков-антиковедов. С.Л.Утченко начал широко употреблять выражение «греческие полисы»,²³ обозначая античную гражданскую общину как *полис* (греческую) и *civitas* (римскую), подчеркивая их родство и употребляя термин «полис» в качестве более общего, «видового», понятия²⁴. Другой выдающийся историк, О.В. Кудрявцев, следующим образом характеризовал полис: «В процессе формирования рабовладельческого общества в Средиземноморье возникает основная общественная единица и политическая форма античного мира – гражданская община землевладельцев и рабовладельцев, которая именовалась в эллинском мире, *civitas* в Италии и которая в дальнейшем для краткости будет именоваться полисом»²⁵.

²³ См., например: Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики (Из истории политических идей I в. до н.э.). М., 1952. С. 8.

²⁴ Там же. С. 11. Ср.: его же. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 6.

²⁵ Кудрявцев О.В. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954. С. 6-7.

Ленинградский историк К.М.Колобова с середины 50-х годов также начала употреблять выражение «рабовладельческий полис»²⁶. Широко использовал термин «полис» для обозначения греческих городов-государств А.И.Доватур²⁷. Определение полиса можно найти и в «Советской исторической энциклопедии»²⁸. К 70-м – началу 80-х годов «полис» практически вытесняет все иные слова, используемые для обозначения древнегреческих государств²⁹.

Историки-марксисты стремились выявить специфику полиса через изучение античной формы собственности (на основе работы Маркса «Немецкая идеология»). Фрагмент ее, опубликованный еще в 1940 г. в ВДИ № 1 под заголовком «Формы, предшествующие капиталистическому производству», оказал заметное влияние на развитие советской историографии.

Советские историки, которых проблемы методологии интересовали в меньшей степени, используя термин «полис» как некий щит, могли им отгородиться от неизбежных в предыдущую

²⁶ Колобова К.М. Возникновение и развитие рабовладельческих полисов в Греции. Л., 1956; Колобова К.М., Глускина Л.М. Очерки истории древней Греции. Л., 1958. С. 74–78.

²⁷ Доватур А.И. Политика и Политии Аристотеля. М.-Л., 1965.

²⁸ «Полис – город-государство, особая форма социально-экономической и политической организации общества, типичная для Древней Греции и Древней Италии (лат. *civitas*)... С установлением в Древней Греции рабовладельческого строя полис становится формой рабовладельческого государства» (Казаманова Л.Н. Полис // Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М., 1968. Кол. 271 сл.). В работе Л.П. Маринович содержится, пожалуй, классическое для советской историографии 60-80-х годов определение полиса: «Принципиальное решение проблемы полиса прежде всего как организации социальной, а не только политической дано К. Марксом в его работе "Формы, предшествующие капиталистическому производству", где гражданская община поставлена в связь с античной формой собственности, специфика которой и определила своеобразие античной общины (*polis, civitas*). Характерная же особенность античной формы собственности состоит в том, что она всегда выступает в противоречивой, двуединой форме, как собственность государственная и как собственность частная... Отсюда – кардинальнейшая особенность полиса, заключающаяся в том, что право частной земельной собственности определяется принадлежностью к гражданской общине» (Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 271).

²⁹ См., например: Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. I. Становление и развитие полиса. Т. II. Кризис полиса. М., 1983. Добрая половина глав этого двухтомника содержит в заголовке слово «полис».

эпоху генерализаций, сведя «необходимую дань» марксизму к набору обязательных сносок, а подчас и вовсе обходясь без них³⁰. Впрочем, никакого четкого деления в данном случае провести невозможно, речь может идти скорее о степени использования марксистской методологии. Все, однако, были рады использовать «полис» в качестве защиты от обязательной догматики.

«Полис» не стал «новой ортодоксией» для советских ученых; напротив, он использовался в качестве конструкции, призванной скрыть отсутствие «обязательной к исполнению» методологии, включая, разумеется, и марксистскую. Так термин «полис» превратился в своеобразный «щит» против идеологического давления. И это простенькое оружие обеспечило спокойную жизнь многим советским ученым и способствовало полной (но, надеюсь, не окончательной) победе позитивизма в сфере методологии. Только немногие историки (среди них можно назвать О.В.Кудрявцева, С.Л.Утченко, Э.Д.Фролова, Ю.В.Андреева³¹, Л.П.Маринович, Г.А.Кошеленко³² и некоторых других) пытались изучать полис в теоретическом аспекте.

Не случайно, что главная дискуссия в области древней истории в 60-70-е годы развернулась не в области антиковедения, а вокруг «азиатского способа производства», т.е. по вопросу о том, насколько был уникален восточный путь развития общества. Косвенным откликом на эту дискуссию была знаменитая статья Е.М.Штаерман в известном сборнике «Проблемы истории докапиталистических обществ», в которой греческий (средиземноморский) полис рассматривался как уникальное

³⁰ Характерно, что Е.М.Штаерман использовала термин «полис» крайне редко, возможно, из-за его отчетливого позитивистского оттенка. См., например: *Штаерман Е.М. Эволюция античной формы собственности и античного полиса* // Византийский временник. 1973. 34. С. 3–14.

³¹ *Андреев Ю.В. Раннегреческий полис*. Л., 1976. На Ю.В.Андреева большое влияние оказала идея М.Финли об «unbridgeable divide» между доиндустриальным и индустриальным городом. См. *Андреев Ю.В. Историческая специфика греческой урбанизации* // Город и государство в античном мире: проблемы исторического развития. Л., 1987. С. 7. Статья М.Финли «The Ancient City: From Fustel de Coulanges to Max Weber and Beyond» (Comparative Studies in Society and History. 1977. 19. 3) часто цитировалась советскими историками.

³² *Кошеленко Г.А. Полис и город: к постановке проблемы* // ВДИ. 1980. № 1. С. 3–27.

отклонение от обычного «восточного» пути развития человеческого общества³³.

Гораздо меньший размах и меньший научный и тем более общественный резонанс имела дискуссия о кризисе полиса (70-80-е годы). Концепция кризиса полиса, популярная в то время и среди западных марксистов, и в странах Восточной Европы, приобрела в СССР много сторонников,³⁴ среди которых следует отметить Л.М. Глускину³⁵ и Л.П. Маринович³⁶. Даже не вдаваясь в научное значение этой концепции (а она в любом случае сыграла значительную роль в развитии наших взглядов на эволюцию полиса), можно задаться вопросом: почему именно кризис? Не вырисовывается ли здесь помимо научной и какая-то иная общественная потребность? Если возникновение концепции «революции рабов» было явным и неприкрытым социальным заказом, то интерес к проблемам кризиса не говорит ли о некоем «историческом чутье» советских античников в эти внешне сравнительно спокойные «застойные» годы?

В качестве примера можно привести взгляды ленинградского историка Л.М.Глускиной³⁷. Главная причина кризиса полиса, по ее мнению, – это растущее противоречие интересов отдельного индивида и государства в целом, стремительно нараставшее в IV в. и ставшее очевидным в эпоху эллинизма. «Кризис полиса, приведший к ослаблению спаянности коллектива граждан, противопоставивший различные слои гражданского населения не только друг другу, но и государству в целом, четко выявивший разрыв между государственными и частными интересами, возможность обогащения и существования вне узких полисных рамок, не мог быть разрешен ни частичными реформами, ни усилиями теоретиков политической мысли, ни заменившими гражданское ополчение наемными армиями. На смену системе небольших, автаркичных,

³³ Штаерман Е.М. Античное общество. Модернизация истории и исторические параллели // Проблемы истории докапиталистических обществ / Под ред. Л.В.Даниловой. Кн. I. М., 1968. С. 638–671.

³⁴ О кризисе греческого полиса в IV–III в. до н.э. писал еще О.В. Кудрявцев (ук. соч., с. 14).

³⁵ Глускина Л.М. О специфике классического греческого полиса в связи с проблемой его кризиса // ВДИ. 1973. № 2. С. 27–41.

³⁶ Маринович. Ук. соч.

³⁷ См. прежде всего: Глускина Л.М. О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса // ВДИ. 1973. № 2. С. 27–42. См. также написанную ею главу «Проблемы кризиса полиса» в двухтомнике «Античная Греция. Становление и развитие полиса» (Т. II. М., 1983. С. 5–42).

замкнутых политических образований шла система эллинистических государств»³⁸.

Экономические причины, по мнению Л.М.Глускиной, не были главной причиной кризиса полиса. Конечно, классический греческий полис не смог решить в полной мере проблему пополнения государственных финансов; эллинистические полисы смогли в какой-то мере это сделать за счет эксплуатации хоры³⁹. Однако в целом "кризис греческого полиса не сопровождался экономическим упадком и ослаблением интенсивности хозяйственной жизни. И общая сумма богатств и число состоятельных граждан не были меньше, чем в период расцвета. Число бедных граждан было, очевидно, большим, чем в V в. до н.э., но сохранившаяся в Афинах демократическая система позволяла несколько сглаживать противоречия внутри гражданского коллектива, и здесь дело не доходило до насилий и кровопролитий"⁴⁰. То есть кризис полиса воспринимался, прежде всего, как идеологический, а не экономический, кризис. Идеология превалировала над экономикой – вывод, не совсем типичный для советской историографии.

Концепцию дихотомии полис/город активно поддерживал Г.А.Кошеленко⁴¹, который посвятил полису немало работ, в специальной монографии исследовав греческий полис на эллинистическом Востоке. Наиболее «идеологична» и поэтому представляет для нас наибольший интерес статья Г.А.Кошеленко, посвященная соотношению полиса и города⁴². По мнению автора, «...в древнегреческом обществе, особенно в IV в. до н.э., существовали глубокие внутренние противоречия. Одним из важнейших было противоречие между двумя социальными структурами: городом и полисом. Город – это олицетворение развития производства (в первую очередь ремесленного производства) и товарно-денежных отношений – вступал в конфликт с полисом, как социальным организмом, основанным на общинных началах и допускающим только ограниченное развитие ремесла и товарно-денежных отношений. Проявлялось же это в том, что в рамках единого политического организма боролись две эти

³⁸ Античная Греция. Т. II. С. 42.

³⁹ Глускина. О специфике... С.39–40.

⁴⁰ Там же. С. 40.

⁴¹ Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979, с. 3 сл.

⁴² Кошеленко Г.А. Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 3–27.

тенденции, представляющие две структуры»⁴³. Эта концепция не стала, впрочем, общепринятой среди советских историков.

С «выделением» античного Средиземноморья из общего пути развития человеческого общества были не согласны многие видные востоковеды. Так, ленинградские ученые И.М.Дьяконов и В.А.Якобсон, несмотря на различия в своих взглядах на эту проблему, считали, что гражданская община существовала и на древнем Востоке (может быть, за исключением Египта в силу специфичности условий возникновения государства в Египте), и рассматривали полис в ряду других древних гражданских общин⁴⁴.

Таким образом, полис для советских исследователей античности был по преимуществу «цеховым термином». Однако в трудах историков России в 70-80-е годы вновь стала пользоваться популярностью концепция о подобии древнерусских городов средневековья и греческих полисов⁴⁵. Таким образом, для историков России полис оставался своеобразным «признаком» европейского (западного) пути развития.

Итак, кризис полиса воспринимался, прежде всего, как идеологический кризис. Случайное ли совпадение, что именно в 70-е годы в СССР четко обозначился кризис коммунистической идеологии? Исследователи в массе своей не пытались «бороться», «спорить» с марксизмом, они пытались уйти от него в менее идеологизированные сферы истории: конкретно-историческую проблематику⁴⁶, историю культуры и т.д.

Марксистские и вообще методологические штудии в области античной истории не имели никакой перспективы уже с начала 70-х годов. Перестройка здесь в сущности мало что изменила. Поэтому поистине трагически выглядит позиция выдающегося советского историка Е.М.Штаерман, которая в дискуссии на страницах ВДИ в

⁴³ Там же. С. 27.

⁴⁴ Дьяконов И.М., Якобсон В.А. Гражданское общество в древности // ВДИ. 1998. № 1. С. 22–30 (с библиографией более ранних работ).

⁴⁵ Например, Фроянов И. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1980. С. 222 сл.; Фроянов И., Дворниченко А. Города-государства древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство) / Под ред. Г.Курбатова, Э.Д.Фролова, И.Фроянова. Л., 1986. С. 198 сл. Ср. Rostovtzeff. Les origines...

⁴⁶ Прекрасный пример - «Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование» Ю.Г.Виноградова (М., 1989). Автор мало озабочен проблемами возникновения или кризиса полиса вообще.

конце 80-х годов⁴⁷ отстаивала свой (марксистский) взгляд на античную общину. Ее концепции не пытались оспорить; они были никому не интересны и не нужны. В 90-е годы уже не было никаких острых дискуссий в области антиковедения.

У молодого и среднего поколения российских ученых-антиковедов до сих пор сохранилось неприятие теоретических проблем, стремление избежать их, уйти в историческую конкретику. Сыграло роль и то, что в последние годы не было создано ярких школ или направлений; отрицательную роль в данном случае сыграло разделение академической и университетской науки. Нужны годы, чтобы интерес к методологии истории восстановился. Поэтому и проблема полиса отпала сама собой. Молодое поколение исследователей не видит здесь никакой проблемы; как правило, термин «полис» употребляется наряду с термином «государство» взаимозаменяемо.

Подводя итог, можно утверждать, что полис никогда не был в центре широкомасштабной интеллектуальной дискуссии в российском и советском обществе. Причина заключалась в том, что он был слишком далек от главных «горячих точек» интеллектуальных дискуссий в России: проблемы взаимодействия власти и индивида и проблемы места России между Востоком и Западом. Греческий полис никоим образом не мог помочь в объяснении предполагаемой российской уникальности. Он оставался знаком европейского пути развития, европейской «ординарности», и именно поэтому исследователи российской истории стремились сравнить его (возможно, напрасно) с древнерусскими городами-республиками. Но для советских историков античности, начиная с пятидесятих годов, полис играл важную роль как профессиональный термин, позволяя «обходить» идеологические догмы. Так, уникальность греческого полиса оказалась востребованной в достаточно уникальных условиях советской историографии.

⁴⁷ ВДИ. 1989. № 2, 3, 4; 1990. № 1, 2, 3. Ср. особое мнение Г.А.Кошеленко: ВДИ. 1990. № 1. С. 93 сл.

БЫЛА ЛИ АФИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

В то время как российские историки «отодвигались» от идеологических тем, в Европе и США с 90-х годов XX в. разворачивается дискуссия о том, насколько революционными были преобразования в клисфеновских и послеклисфеновских Афинах. Ключевую роль в ней сыграли, пожалуй, работы заведующего кафедрой классических исследований Принстонского университета Джоша Обера «Массы и элита в демократических Афинах: риторика, идеология и власть народа», в которой показывается реальная роль народных масс в политической жизни Афин⁴⁸, а также «Афинская революция. Очерки по истории древнегреческой демократии и политической мысли» представляет собой сборник его статей⁴⁹. Автор пытается проложить путь исследования, лавируя между Сциллой антиисторизма и Харибдой отрицания теоретических подходов. Очерчиваются и предметы исследования – анализ традиции об афинской демократии, взаимоотношения между идеологией и практикой демократии. Автора в первую очередь интересуют Афины IV в. до н. э. – период афинской истории, когда демократия, по мнению автора, была живой и стабильной⁵⁰, но некоторые главы посвящены и другим периодам афинской истории.

Дж. Обер считает нужным остановиться на роли историка в описании событий. «Историческая модель произрастает из опыта и мыслей индивида или группы, и нет моделей, свободных от оценок. Использование моделей предполагает перенос в прошлое аспектов идеологии, не присущих прошлому. Идеология, согласно моему определению, включает предположения о человеческой природе и поведении, взгляды на мораль и этику, общие политические принципы и взгляды на социальные отношения»⁵¹.

Дж. Обер считает Афины были подлинной демократией и указывает на значение публичных речей в функционировании демократии. Афинские граждане рассматривали себя в качестве «коллективной знати» (collective nobility), и именно публичные речи

⁴⁸ Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology and Power of the People. Princeton, 1989.

⁴⁹ Ober J. The Athenian Revolution: Essays of Ancient Greek Democracy and Political Theory. 2nd ed. Princeton, 1999.

⁵⁰ Ibid. P. 7–8.

⁵¹ Ibid. P. 14.

в суде и в народном собрании имели важное значение для пресечения самой возможности создания антидемократической элиты⁵². Автор настаивает на неприменимости «железного закона олигархии» (правило, которое разработал по отношению к древнему Риму Р. Сайм и которое предполагает закулисное правление олигархических группировок при любом государственном строе) к демократическим Афинам.

Глава четвертая «Афинская революция 508/7 г.: волнения, авторитет (violence, authority) и происхождение демократии» является, пожалуй, ключевой в книге. Цель автора – анализ «революционных» действий афинского демоса. Автор считает возможным сравнение этих событий с американской, французской, а также с русскими революциями 1917 и 1989–1991 гг.⁵³ Эта работа, опубликованная в виде статьи, вызвала интересную дискуссию⁵⁴.

Джош Обер, подчеркивая роль масс в исторических событиях, трактует революцию Клисфена как «беспорядки, т.е. жестокое (violent) и более или менее спонтанное восстание значительной части афинских граждан»⁵⁵, сопоставляя осаду Акрополя афинянами в 508/7 г. до н. э. со штурмом Бастилии⁵⁶. В интерпретации Дж. Обера события в Афинах явно «революционируются» по сравнению с тем смыслом, который в них вкладывал Аристотель. Автор преувеличивает спонтанность действий демоса и, напротив, преуменьшает роль Совета, который был в состоянии организовать сопротивление. В данном случае можно скорее говорить о мобилизации афинского демоса, гражданского ополчения, чем о массовых беспорядках⁵⁷.

⁵² Ibid. P. 22, 27.

⁵³ Ibid. P. 33.

⁵⁴ См. недавнюю дискуссию об этом К. Раафлауба и Дж. Обера: *Raaflaub K. Power in the Hands of the People: Foundations of Athenian Democracy // Democracy 2500? Questions and Challenges / Ed. I. Morris, K. Raaflaub. Dubuque, Iowa, 1997 (Archaeological Institute of America. Colloquia and Conference Papers. № 2. 1997). P. 31–66; Ober J. Revolution Matters: Democracy as Demotic Action (A Response to Kurt A. Raaflaub) // Ibid. P. 67-85; Raaflaub K. The Thetes and Democracy (A Response to Josiah Ober) // Ibid. P.87-103. Ср. также Rhodes P.J. Review Article – How to Study Athenian Democracy // Polis. 1998. 15. P. 76*

⁵⁵ Ober. The Athenian Revolution. P. 43.

⁵⁶ Ober. The Athenian Revolution. P. 48.

⁵⁷ Более подробную критику концепции Дж. Обера см.: *Карпюк С. Г. Роль толпы в политической жизни архаической и классической Греции // ВДИ. 2000. № 3.*

Дж. Обер пытается определить понятие «власть» применительно к демократическим Афинам, полагая, что без посредничества оратора афинская демократия могла превратиться в собрание эгоистичных индивидов (с. 106). Дж. Обер достаточно критически рассмотрел точку зрения М. Хансена относительно того, что «суверенной властью» в V в. обладало народное собрание, а в IV в. – суды; он также настаивает на толерантности афинской демократии и пишет о некоем «симбиозе» демократии и ее критиков. Эта книга, несомненно, стимулировала дальнейшие исследования афинской демократии. Однако излишнее, полемически заостренное, «осовременивание» картины политической борьбы в архаических и классических Афинах привело автора к ошибочным выводам о «революционности» и «спонтанности» действий афинского демоса в период борьбы за демократические преобразования в конце VI в. до н.э.

I. АФИНСКИЕ ПОЛИТИКИ

НИКИЙ: БОЯЩИЙСЯ ТОЛПЫ

Афинский полководец и государственный деятель Никий никогда не принадлежал к числу любимых героев античных авторов. Его не считали баловнем судьбы, его полководческий талант не превозносили до небес, как это случалось с его политическим оппонентом и младшим современником Алкивиадом. По повелению афинского демоса его статую не воздвигали рядом со статуями Гармодия и Аристокитона, как в честь другого афинского полководца, Конона, всего через 15 лет после гибели Никия. Комедиограф Аристофан в комедии «Птицы» (414 г.) высмеивал Никия за «медлительность» и «сонливость» (стк. 639–640), его нерешительность во время сицилийской экспедиции неоднократно отмечалась Фукидидом. Аристотель при упоминании имени Никия пояснил своим современникам, что это «тот, который погиб в Сицилии» (Ath. pol. 28. 3), и, наконец, Плутарх объединил жизнеописание Никия в паре с Крассом по признаку неудачливости и печального конца, который постиг обоих государственных деятелей.

Когда же сицилийская экспедиция закончилась для Афин катастрофой, могущество Афинской архе было сокрушено, а сам Никий попал в руки врагов и погиб, Фукидид пишет о Никии как о человеке, который «менее всего заслужил уготованной ему участи» и «прожил всю свою жизнь в соответствии с доблестью» (Thuc. 7. 86. 5). В чем же заключалась доблесть (*arete*) Никия, почему Лисий и Демосфен, Платон и автор «Афинской политики» рассматривали его в числе выдающихся афинских государственных деятелей?

Знаменательно, что многие современные исследователи рассматривали деятельность Никия, исходя из его печального конца, как бы отгораживаясь от того очевидного факта, что Никий был одним из наиболее популярных и «стабильных» политиков Афин классической эпохи: в течение почти полутора десятилетий (подобно Периклу!) он регулярно, почти каждый год избирался афинянами стратегом, а это мало вяжется с образом неудачника. Еще более показателен несопоставимо больший интерес к Алкивиаду, анализу личности и жизненного пути которого

посвящено немалое число монографий⁵⁸. Современные исследователи как будто забывают ту очевидную и особенно важную для историка истину, которую прекрасно выразил Борис Пастернак:

“Но поражения от победы
Ты сам не должен отличать.”

Конечно, Никий неоднократно упоминался в общих трудах, посвященных истории Греции, истории Афин либо истории Пелопоннесской войны, но обзор современной историографии следует начинать с большой статьи американского историка Аллена Уэста “Политические наследники Перикла”⁵⁹. Уэст не без оснований утверждал, что Никий являлся сторонником демократии, как и его противник Клеон⁶⁰. После этой статьи никто из серьезных исследователей не пытался отстаивать распространенное ранее мнение о том, что Никий был противником демократии, которое основывалось на противопоставлении Никия Клеону в известном пассаже из «Афинской политики» (28. 3). «Следует понимать, – писал А.Б. Уэст об Афинах V в. до н.э., – что партий в современном смысле не существовало. За исключением кучки реакционных олигархов, все граждане были демократами»⁶¹.

В несколько иной плоскости были написана работа немецкого ученого Г.Ф. Бендера о государственных деятелях у Фукидида, вторая глава которой посвящена Никию⁶². Автор подробно рассмотрел вопросы, связанные с *tuche* и *arete* Никия, вслед за Плутархом упрекнул афинского государственного деятеля в недостатке патриотизма в случае с отказом от командования под Пилосом⁶³. Бендер не считал Никия продолжателем политики Перикла. Миротворец Никий вызвал повышенный интерес в эпоху мировых войн, и своеобразным ответом Бендеру стала статья английского ученого Уэстлейка, предназначенная первоначально

⁵⁸ См., например, *Taeger F. Alcibiades*. Muenchen, 1943; *Forde St. The Ambition to Rule. Alcibiades and the Politics of Imperialism in Thucydides*. Ithaca – London, 1989; *Ellis M. Alcibiades*. L., 1989. Обзор последних работ об Алкивиаде: *Bloedow E.F. Alcibiades: A Review Article* // *Ancient History Bulletin*. 1991. 5. P. 17–29.

⁵⁹ *West A.B. Pericles' Political Heirs* // *CPh*. 1924. 19. P. 124–146, 201–228.

⁶⁰ *Ibid.* P. 137.

⁶¹ *Ibid.* P. 137, n. 1.

⁶² *Bender G.F. Der Begriff des Staatsmannes bei Thucydides*. Wuerzburg, 1938. S. 38–57.

⁶³ *Ibid.* S. 53–54.

для немецкого журнала “Philologus”, но напечатанная весной 1941 г. в “Classical Quarterly”⁶⁴. Уэстлейка, принимая в целом концепцию Уэста, попытался продемонстрировать, что отношение Фукидида к Никию не всегда было безусловно положительным, что в некоторых фукидидовских характеристиках Никия можно усмотреть горькую иронию. Концепцию о предубежденности Фукидида против Никия английский историк впоследствии несколько смягчил, но придерживался ее и в своем более позднем труде “Личности у Фукидида”, две главы которого посвящены Никию⁶⁵. Новозеландец Г. Меррей считал Никия “вполне фукидидовским персонажем”, однако с важной оговоркой: в образе Никия Фукидид стремился показать недостатки, присущие политическим лидерам подобного типа⁶⁶. В серии книг, посвященных истории Пелопоннесской войны, американский историк Доналю Кэген подробно описывает политическую и военную деятельность Никия, отводя ему достойное место среди других афинских политических лидеров⁶⁷. Другой американский ученый, Питер Паунси, пишет о “пассивной доблести” Никия, противопоставляя его Брасиду и Алкивиаду⁶⁸.

В отечественной историографии, если не считать общих трудов, политическая деятельность Никия была рассмотрена в книге М.С. Корзуна, посвященной социально-политической борьбе в Афинах. Автор дает достаточно традиционную оценку деятельности Никия, подчеркивая, что “Никий оставался демократом, но одновременно шел на уступки олигархам”⁶⁹. Никий рассматривается в роли своеобразного “противовеса” Клеону, лидеру радикальных демократов⁷⁰. В недавно опубликованной

⁶⁴ Westlake H.D. Nicias in Thucydides // CQ. 1941. 35. 1–2. P. 58–65.

⁶⁵ Westlake H.D. Individuals in Thucydides. Cambr., 1968. P. 86–96, 169–211. См. также: *idem*. Essays on the Greek Historians and Greek History. Manchester - New York, 1969. P. 145–152.

⁶⁶ Murray H.A. Two Notes on the Evaluation of Nicias in Thucydides // Bulletin of the Institute of Classical Studies, University of London. 1961. № 8. P. 46.

⁶⁷ Kagan D. The Archidamian War. Ithaca – London, 1974; *idem*. The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca – London, 1981.

⁶⁸ Pouncey P. The Necessities of War. A Study in Thucydides’ Pessimism. N.Y., 1980. P. 130.

⁶⁹ Корзун М.С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444–425 гг. до н.э. Минск, 1975. С. 139.

⁷⁰ Там же. С. 80.

небольшой статье О.В. Осипова рассмотрела фукидидовский «некролог» Никия в контексте греческих эпитафий⁷¹.

То, что в последние десятилетия среди специалистов интерес к образу Никия у Фукидида был большим, чем собственно к биографии Никия, неудивительно: труд Фукидида (наряду с биографией Плутарха) – основа для любого исследования о Никии. Сведения, почерпнутые из других источников, будь то литературных (Аристофан, Лисий, Платон, Аристотель), либо эпиграфических (небольшие фрагменты постановления народного собрания о сицилийской экспедиции, остракон с именем Никия) могут играть лишь дополнительную, уточняющую роль. Труд Фукидида для исследователя биографии Никия если не "альфа и омега", то наверняка нечто близкое к этому, и поэтому зачастую источниковедческие проблемы переплетены с собственно историческими.

Происхождение и богатство Никия. О жизни Никия до его акме (а то и до пятидесятилетия) нам ничего не известно. Можно полагать, что он был старше Сократа, родившегося в 469 г. до н.э. (Plat. Lach. 186c), но не более, чем на 10 лет, так что условно датой его рождения можно считать середину 70-х годов V в. Никий происходил из дема Кидантиды филы Эгеиды, который был расположен далеко от Афин⁷². В Афины могли перебраться отец или дед Никия: согласно клисфеновскому законодательству, демотикон фиксировался за гражданином Афин на время принятия законодательства и закреплялся за его потомками, вне зависимости от их перемещений. Никий принадлежал к числу политиков новой волны, тех самых “новых богачей” (*neoploutoi*), которые вышли на авансцену политической жизни Афин в 20-е годы V в. до н.э. Очевидно, что богатство семьи, к которой принадлежал Никий, восходит к его отцу Никерату, который нажил свое состояние на разработке Лаврийских рудников; каждый из трех сыновей Никерата – Никий, Евкрат и Диогнет – получил значительное наследство⁷³. Никий был значительно старше братьев; возможно, Евкрат и Диогнет были детьми Никерата от второго брака, причем не на афинянке родом (вполне законного до закона Перикла 451/0 г.). В пользу такой возможности говорит замечание схолиаста к аристофановской “Лисистрате” (ст. 103), сообщающее, что Евкрат

⁷¹ Осипова О.В. Фукидидовский «некролог» Никия (7. 86. 2) и греческие эпитафии // ВДИ. 2001. № 2. С. 113–117.

⁷² Sealey R. Essays in Greek Politics. N.Y., 1966. P. 96–97.

⁷³ Davies J.K. Athenian Propertied Families. 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 403.

высмеивался как *xenos* - подобным нападкам никогда не подвергался сам Никий⁷⁴. Никий пользовался гораздо большим авторитетом и, хотя оба его брата, подобно ему самому, побеждали в хорегии, а Евкрат был даже стратегом (уже после смерти Никия, в 412/1 г.), их роль несопоставима с местом Никия в политической истории Афин.

Богатство Никия было настолько значительным, что древние авторы обычно приводили его в пример при характеристике самых крупных афинских состояний. Так, Ксенофонт указывал, что Никий сдавал в аренду в Лаврийских рудниках 1000, Гиппоник – 600, а Филемонид – 300 рабов (Xen. Poroi. 4. 14–15; Memorab. 2. 5. 2). Естественно, что Никий сам не занимался сдачей рабов в аренду, он делал это через фракийца Сосия, который был *epistates* Никиевых рабов (Xen. Poroi. 4. 14; Memorab. 2. 5. 2). Сосий должен был платить Никию за каждого раба 1 обол в день и замещать вакансии в случае болезни или смерти рабов (Xen. Poroi. 4. 14). Годовой доход афинского государственного деятеля от этих операций составлял 60 тыс. драхм, т.е. 10 талантов, что вполне согласуется с его общим состоянием размером около 100 талантов (Lys. 19. 49)⁷⁵. Никий был богатейшим представителем того «литургического класса», которые обычно расходовали значительную часть своего личного состояния на общественные нужды путем исполнения военных (триерархий и проэйсфоры) и агональных литургий⁷⁶. Для сопоставления можно отметить, что годовой доход квалифицированного ремесленника примерно равнялся минимальной из известных нам литургий⁷⁷, а максимальная литургия (триерархия – 1 талант) в IV в. в три раза превосходила гоPLITский ценз⁷⁸.

Богатство Никия выделялось даже и на этом фоне, стоит только упомянуть все исполненные им хорегические литургии. Никий многократно побеждал в хорегических состязаниях, причем ни разу не проигрывал их (Plut. Nic. 3. 3). Платон упоминает о посвященным Никием и его братьями треножниках, хранившихся в

⁷⁴ Ibid. P. 404.

⁷⁵ Lauffer S. Die Bergwerkssklaven von Laureion. Teil I. Wiesbaden, 1955. S. 69, 77–81.

⁷⁶ Davies J.K. Wealth and the Power of Wealth in Classical Athens. Salem, 1984. P. 15 ff.

⁷⁷ 300 драхм за хорегию на Панафинях в 409/8 г. (Lys. 21. 2).

⁷⁸ Davies. Wealth and the Power. P. 9; idem. Athenian Propertied Families. P. XXI-XXII.

храме Диониса (Plat. Gorg. 472a)⁷⁹. Много средств потратил Никий и на организацию “священного посольства на Делос”. Только участок земли на острове Делос, на котором Никий установил посвящения Аполлону, стоил 10 тыс. драхм – и это не считая стоимости самих посвящений (Plut. Nic. 3. 6).

Из комедий известно о щедрости, проявленной Никием в отношении сограждан. Вообще комедиографы были чрезвычайно снисходительны к Никию – это видно даже из приведенных Плутархом цитат (Plut. Nic. 4. 4-6; 8. 2). Разве что Аристофан в “Птицах” (стк. 639 сл.) посмеялся над его нерешительностью во время Сицилийской экспедиции:

“Клянусь я Зевсом, медлить больше нечего!

Нам не к лицу уподобляться Никию.

За дело надо приниматься тотчас же!”

(перев. С. Апта)⁸⁰

Это не должно казаться удивительным: помимо всего прочего, вряд ли авторы комедий стремились вступить в конфликт с Никием, который мог дать деньги на постановку.

Все эти факторы сказывались на устойчивости симпатий значительной части афинян к Никию. Несомненно, у него было немало завистников, но не так уж много афинян было заинтересовано в устранении Никия из политической жизни.

Богатство Никия в немалой степени способствовало тому, что он не поддался на уловку, которая ввела в заблуждение афинских послов в Эгесте и послужила первопричиной сицилийской катастрофы. Он понимал, что пышность приема еще не говорит о подлинном богатстве принимающей стороны, и известие об отсутствии у эгестян сколько-нибудь значительных средств не стало для него неожиданностью, хотя другие стратеги и рассчитывали на них (Thuc. 6. 46. 2).

Никий – стратег. Первое упоминание Никия Фукидидом относится к повествованию о событиях середины лета 427 г., перед

⁷⁹ Плутарх (Nic. 3. 3) добавляет, что находившийся за этими треножниками *neos* был воздвигнут Никием, сыном Никерата. Однако раскопки свидетельствуют о том, что Плутарх ошибался: *neos* рядом с храмом Диониса Элевтерия был воздвигнут потомком Никия – Никием, сыном Никодима в 320/19 г. до н.э. См. *Dinsmoor W.B. The Choragic Monument of Nicias // AJA. 1910. 14. № 4. P. 459–484.*

⁸⁰ «Птицы» были поставлены в Великие Дионисии в марте 414 г. (*Kagan. The Peace of Nicias. P. 237 f.*). Ср. Thuc. 7. 42. 3 (мнение Демосфена).

тем, как новые стратеги вступили в должность⁸¹. Никий возглавил тогда экспедицию на находившийся напротив Мегар остров Миною, изгнал оттуда мегарцев, построил укрепление и оставил там афинский гарнизон, чтобы держать под контролем этот важный стратегический пункт на пути к Пирею (Thuc. 3. 51).

Итак, в 427/6 г. (или в 428/7 г. – Кэген считает, что Фукидид упоминает о Никии в конце его стратегии⁸²) Никий был афинским стратегом, причем в числе его коллег по магистратуре на этот год были такие известные деятели, как Лахет (Thuc. 3. 86. 1) и Демосфен (Thuc. 3. 91. 1)⁸³. До этого, во всяком случае, во время Пелопоннесской войны Никий стратегом не был. Однако Плутарх (Nic. 2. 2) сообщает о том, что Никий был коллегой Перикла. Мы не знаем, опирался ли в данном случае Плутарх на какие-либо источники, или это его домысел. Вполне резонно предположить, что Никий к 427 г. не был неизвестным афинянам политическим деятелем – иначе трудно объяснить его как минимум шестилетнюю непрерывную стратегию с 427/6 по 422/1 г.⁸⁴ В любом случае до смерти Перикла Никий не был политиком «первого ряда» и выдвинулся только после эпидемии и смерти ряда государственных деятелей.

Вероятно, следы более ранней деятельности Никия можно обнаружить в странном сообщении Диогена Лаэртского о том, что Никий, сын Никерата, в сорок шестую Олимпиаду по повелению Пифии был послан афинянами на Крит с целью пригласить мудреца Эпименида помочь прекратить эпидемию в Афинах (Diog. Laert. 1. 110–111). Здесь очевидная контаминация, характерная для Диогена Лаэртского: Эпименид был современником Солона, сорок шестая Олимпиада также была в начале VI в. в до н.э., в другом же месте Диоген упоминает Никия (без патронима) в связи с захватом полководцем острова Киферы во время Пелопоннесской войны (Diog. Laert. 1. 72). Однако это позднее сообщение содержит, возможно, и зерно истины: афиняне могли попытаться вторично использовать эпименидовские оракулы для очищения города в

⁸¹ Beloch J. Die attische Politik seit Perikles. S. 301; Reincke G. Nikias 5 // RE. Hlbd 33. 1936. Sp. 323; Kagan. The Archidamian War. P. 170.

⁸² Ibid.

⁸³ Fornara Ch.W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404 (Historia Einzelschriften. Ht 16). Wiesbaden, 1971. S. 56 f.

⁸⁴ Ibid. S. 56–62.

начале Пелопоннесской войны⁸⁵. Несомненно, что в выдвижении Никия на первый план афинской политической жизни в 420-е годы сыграло роль и его богатство, и изменение политической атмосферы в Афинах, и приход к власти “новых политиков”, не-аристократов по происхождению, благосостояние которых основывалось не на землевладении, а на ремесленной и торговой деятельности: таким был Никий, таким был и его политический оппонент Клеон⁸⁶.

После удачного похода на Миною Никий, избранный стратегом и на следующий год, возглавил экспедицию против острова Мелос (Thuc. 3. 91). Все десять афинских стратегов имели одинаковые полномочия, и между ними не было закрепленных законом иерархических отношений, однако народное собрание, давая стратегам те или иные назначения, исходило из их авторитета и полководческих достоинств. К 426 г. рост авторитета Никия был несомненен: ему было поручено возглавить экспедицию против мелосцев, в которой было задействовано 60 кораблей и 2000 гоплитов. Характерно, что Демосфену и Проклу было предоставлено в распоряжение для рейда вокруг Пелопоннеса всего 30 кораблей (Thuc. 3. 91. 1). Мелосцы, лаконские колонисты, отказывались присоединиться, как это сделало большинство других жителей островов, к Афинскому морскому союзу. Однако и после того, как афиняне начали разорять их земли, мелосцы не подчинились. Никий, очевидно, не посчитал целесообразным (и не имел полномочий) на длительную осаду, отплыл к Оропу. Там афинские гоплиты высадились, соединились с прибывшей из Афин другой частью войска и нанесли поражение танагрцам. Затем флот во главе с Никием опустошил побережье Локриды (Thuc. 3. 91. 6). И на этот раз, хотя Никию не удалось одержать решительной победы, военные действия для афинян были вполне успешными, и авторитет полководца возрос. Никий принял также участие, наряду с другими стратегами, в “очищении” Делоса (Plut. Nic. 3. 4–6; ср. Thuc. 3. 104)⁸⁷.

Никий был избран стратегом и на следующий, 425/4 г. (Thuc. 4. 27. 5) наряду с Ламахом (Thuc. 4. 75. 1), Демосфеном (Thuc. 4. 29. 1) и другими⁸⁸. Целью военной активности афинян в этом году была

⁸⁵ Huxley G. Nikias, Crete and the Plague // GRBS. 1969. 10. № 3. P. 235–239.

⁸⁶ Connor W.R. The New Politicians of Fifth-century Athens. Princeton, 1971. P. 140, 153–156.

⁸⁷ Reincke. Op. cit. Sp. 323.

⁸⁸ Fornara. Op. cit. S. 59; Kagan. The Archidamian War. P. 218–219.

преимущественно Сицилия, и афинский флот направлялся к Керкире, когда возглавлявший его, наряду с Софоклом и Евримедонтом, Демосфен, предложил захватить и укрепить Пилос на юго-западе Мессении. План этот, очевидно, не возник спорадически: мессенские друзья сообщили Демосфену о стратегических преимуществах этого места, легкости обороны его даже от превосходящих сил противника; Пилос был также прекрасным сборным пунктом для недовольных Спартой мессенских илотов.

Спартанцы сначала не придали особого значения очередной высадке афинян на Пелопоннесе, однако предприняли решительные действия, когда стало ясно, что афиняне изменили своей обычной (Перикловой!) стратегии: от краткосрочных рейдов на Пелопоннес они перешли к основанию укрепленных пунктов на полуострове. В результате последовавших затем военных действий спартанский флот был разбит, а 420 пелопоннесских гоплитов оказались отрезанными на маленьком острове Сфактерия напротив Пилоса (Thuc. 4. 8–16)⁸⁹. Однако осада Сфактерии затянулась, лето 425 г. подходило к концу, и в афинском народном собрании разгорелись дебаты между Никием и радикальным политиком Клеоном, ярко описанные Фукидидом (Thuc. 4. 27–29).

Прежде всего необходимо отметить следующее: Никий был стратегом в этом году, Клеон – не был (известны все десять афинских стратегов этого года, и Клеона среди них нет)⁹⁰. Однако мы ничего не знаем об участии Никия в военных действиях этого года до пилосской операции. Пилосской кампанией реально руководил Демосфен, стремившийся во чтобы то ни стало оправдаться за прошлогоднюю неудачу в Этолии и поэтому проявлявший особую активность.

Следует также принять во внимание неотложность решения проблемы. Более 14 тыс. афинян и союзников размещались на маленькой площади, осажденные пелопоннесским войском; в распоряжении афинян был только один небольшой источник воды на пилосском акрополе (Thuc. 4. 69. 2)⁹¹. И еще одна важная деталь общеизвестно резко отрицательное отношение к Клеону как к личности, а также к его политической программе. Клеон был политическим оппонентом Фукидида, и именно Клеону историк был

⁸⁹ Описание этой операции дают: *Busolt G. Griechische Geschichte*. III. 2. Stuttgart, 1904. S. 1110–1111; *Kagan. The Archidamian War*. P. 218–259 и др.

⁹⁰ *Fornara. Op. cit.* S. 59.

⁹¹ *Kagan. The Archidamian War*. P. 239.

прежде всего обязан своим изгнанием (во всяком случае, по мнению самого Фукидида).

Клеон настаивал на том, что экспедицию в Пилос необходимо послать немедленно и что “если бы стратеги были мужами”, они бы захватили Сфакторию – эта задача не представлялась ему трудной, а тем более невыполнимой. Никий же упрекал Клеона за то, что из-за его политики были упущены благоприятные возможности для выгодного мира со Спартой, и подчеркивал трудности захвата Сфактории.

Противопоставление Клеона и Никия проводится Фукидидом не только на личном уровне, но и на уровне социальном. Клеон выступает как вождь толпы, дезорганизованного социума (охлос). Чем упорнее Клеон отказывался от командования экспедицией, тем сильнее афиняне настаивали на этом – “как любит поступать толпа” (*hoion ochlos philei poiein* – Thuc. 4. 28. 3). Противостоял же Клеон людям из числа добропорядочных (Thuc. 4. 28. 5). Эти люди, как правило, поддерживали Никия, но не в этом случае. В результате Никий предложил Клеону самому возглавить экспедицию на Сфакторию и разбить спартанцев.

Таким образом, Никий не выполнил свой гражданский долг, отказался от командования в пользу худшего, по его мнению, кандидата – деяние, которое явно не вписывалось в полисную этику. Конечно, Никий не отказался от стратегии в пользу Клеона – такой механизм просто-напросто отсутствовал, но реальная власть в этом походе была, несомненно, передана Клеону. Фукидид (Thuc. 4. 29. 1) пишет о постановлении народного собрания; очевидно, здесь речь идет о какой-то экстраординарной магистратуре.

Можно много говорить о мотивах, которыми руководствовался Клеон, обещая афинянам либо привезти в двадцатидневный срок пленных спартанцев в Афины, либо перебить воинов противника на Сфактории (Thuc. 4. 28. 4). Несомненно, что Никию обещания Клеона казались невыполнимыми. Но очевидно и то, что план операции на Сфактории был заранее разработан Демосфеном (Thuc. 4. 32. 4); не случайно в Афинах оказались и лемносцы, и имбросцы, и пелтасты из Эна, и 400 лучников, которых взял с собой Клеон. Подчеркнем, что Клеон не захотел взять дополнительно афинских гоплитов, а ограничился легковооруженными воинами и союзниками. В данном случае просматривается не только военный расчет, но и социальный подтекст: для борьбы со спартанскими гоплитами афинские гоплиты не нужны. Сразу же по прибытии Клеона в Пилос задуманная Демосфеном операция началась, и была проведена весьма успешно: из 420 переправившихся на Сфакторию пелопоннесских гоплитов

292 были доставлены пленниками в Афины (среди них – свыше 120 спартанцев), остальные погибли (Thuc. 4. 38. 5). Так была завершена наиболее успешная для афинян за все время Пелопоннесской войны военная операция.

Сразу же после того, как Клеон вернулся со спартанскими пленниками в Афины, Никий вместе с двумя другими полководцами возглавил афинский рейд на территорию Коринфа (Thuc. 4. 42–45). Этот факт позволяет отбросить предположение об отказе Никия от стратегии в пользу Клеона. В этой экспедиции приняли участие и пехота и кавалерия, что нашло отражение в аристофановских “Всадниках” (стк. 595–610). Использование кавалерии, столь восхитившее драматурга, можно объяснить как военными, так и политическими причинами. Клеон (вместе с Демосфеном) смогли одолеть прославленных спартанских гоплитов, используя легковооруженных воинов. Это был достаточно нетрадиционный подход. Подход Никия тоже был нетрадиционным: он посадил на корабли афинских всадников. Однако эта нетрадиционность имела совершенно противоположную социальную направленность: афинские всадники, представители верхушки афинского общества, вынуждены были “простаивать” почти всю Архидамову войну – стратегия Перикла не предполагала активного ведения военных действий на суше в самой Аттике. С тем большим энтузиазмом всадники принимали участие в военных действиях, которые подтверждали важность кавалерии (а не только флота) в военной стратегии Афин⁹².

Еще Гоммом было отмечено⁹³, что Фукидид описал этот поход детально и очень живо и, возможно, сам был его участником. Афинянам удалось нанести поражение коринфянам около Солигейи, но при появлении более значительных коринфских сил афиняне отступили на корабли. Потом афиняне опустошили другую часть Коринфии и оставили гарнизон в Метанах (неподалеку от Эпидавра). Этот афинский рейд можно считать достаточно успешным – в битве пало 212 коринфян и менее 50 афинян (Thuc. 4. 44. 6), была опустошена часть коринфских земель и оставлен гарнизон в Метанах. Однако, в отличие от других подобных описаний, Фукидид умалчивает о целях экспедиции в Коринфию⁹⁴.

⁹² См. *Bugh G.H. The Horsemen of Attica. Princeton, 1988. P. 33*; Аристофан (Eq. 604) даже по отношению к лошадям всадников, участвовавших в экспедиции, дважды употребляет слово *andrikos*

⁹³ *Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. III. Oxf., 1956. P. 494.*

⁹⁴ *Westlake. Individuals... P. 89.*

Это наводит на мысль о том, что цели афинян были более обширны (численность афинских сил впечатляет – 80 кораблей, 2000 гоплитов, 200 всадников, не считая союзников из Милета, Андроса и Кариста – Thuc. 4. 42. 1), однако сопротивление коринфян было яростным и пришлось удовольствоваться сравнительно скромными успехами.

Фукидид отмечает в начале эпизода верховное руководство Никием этой экспедиции (4. 42. 1), хотя нигде дальше и не упоминает конкретно его действий. Не заостряет он внимания и на эпизоде переговоров с коринфянами о выдаче ими не найденных сразу тел погибших афинских воинов, на что обращает внимание Плутарх (Plut. Nic. 6. 5). При описании экспедиции в Коринфию Фукидид не стремился ни характеризовать личные качества Никия, ни проанализировать его достоинства как полководца. Описание Фукидида производит впечатление сухого отчета, но это не так: текст великолепно стилистически обработан, и историк подчеркивает именно те детали, которые считал нужным подчеркнуть, и скрывает то, что считал нужным скрыть. Для Плутарха же важнее продемонстрировать, что “... Никий готов был скорее перенести утрату победной награды и славы, чем оставить без погребения двух граждан” (Plut. Nic. 6. 6. Перев. Л.М. Глускиной).

Для характеристики Никия этот эпизод также чрезвычайно важен. Никий предстает здесь как стратег, который вел военные действия, опираясь на традиционно значимую часть войска – гоплитов и всадников (правда, транспортировка лошадей морем практиковалась нечасто; впоследствии Никий будет предлагать использовать афинскую конницу также и в Сицилии). Это – одновременно и военный прием, и социальная политика, получившие одобрение у Фукидида, который, возможно, и сам был в числе всадников во время рейда в Коринфию. Цели Никия были, вероятно, значительно достигнутых, что можно интерпретировать как определенный отход от перикловой стратегии ограничения боевых действий на суше. Никий стремился противопоставить свои достигнутые “традиционными методами” военные успехи неожиданному триумфу Клеона и Демосфена на Сфактерии.

Вполне традиционным было и отношение к погребению павших воинов. Никий считал это своим первейшим делом и готов был ради этого пожертвовать трофеем и почестями. Никий представлял психологию афинского демоса и стремился поступать так, как следовало поступать политическому лидеру послеперикловых Афин: осторожно и с почтением к народу. Особых лавров экспедиция в Коринфию ему не принесла, но

пошатнувшуюся после Пилоса репутацию укрепила: Никий остался “в обойме” политических лидеров демократических Афин.

Летом 424 г. Перикл вместе с Никостратом и Автоклом возглавил экспедицию против Киферы (Thuc. 4. 53-55)⁹⁵, которая оказалась успешной: остров был захвачен, его жители сдались (после переговоров именно с Никием) на условии сохранения им жизни. Умеренность Никия, несомненно, вызывала доверие противников и способствовала успеху переговоров. Умеренность эта имела, впрочем, определенные рамки. И, когда во время той же экспедиции, афиняне захватили Фирею в Кинурии, в которой жили переселенные туда спартамцами эгинцы, участь пленников была предрешена – все взрослые мужчины были казнены “из-за прошлой всегдашней вражды” (Thuc. 4. 57. 4).

Несмотря на отказ от командования под Пилосом, Никий оставался одним из ведущих афинских стратегов, причем возглавлял важные экспедиции в Коринфию и на Киферу. Он был избран стратегом и на следующий, 424/3 г.⁹⁶, и его подпись стоит в числе других под афинско-спартанским соглашением о перемирии (Thuc. 4. 119. 2). Это не означало, что деятельность Никия безоглядно одобрялась народным собранием, но несомненно, что он пользовался поддержкой значительной части афинского общества. Никий также рассматривался как противовес Клеону, который был в зените своей славы (Aristoph. Nub. 581 sqq.) и также был избран стратегом на 424/3 г.⁹⁷ То, что Никий не был отвергнут как политик, характеризует обстановку в афинском народном собрании 420-х годов, столь отличавшуюся от более позднего времени. Сыграла роль, конечно, и полоса военных удач афинян: никаких поводов для истерии не было.

Никий вместе с Никостратом возглавлял также экспедицию в Халкидику для противодействия спартанской армии Брасида и восстановления власти афинян над городами Халкидики (Thuc. 4. 129-132), которая, несмотря на первоначальные трудности, была вполне успешной для афинян. Под руководство Никия и его коллеги вновь были поставлены значительные силы – 50 кораблей, 1000 афинских гоплитов, 600 лучников, 1000 фракийских наемников (Thuc. 4. 129. 2). Афинянам удалось захватить Менду (в результате внутренних раздоров в городе) и осадить Скиону.

⁹⁵ IG I² 324, l. 20–21 сообщает о выделении стратегов 100 талантов для экспедиции на Киферу.

⁹⁶ Fornara. Op. cit. S. 59–61.

⁹⁷ Ibid.

Первая фаза Пелопоннесской войны, Архидамова война, подходила к концу, и Никий был одним из наиболее активных афинских политических деятелей, которому афиняне часто поручали командование военными операциями. В 427 г. он захватил Миною, остров у побережья Мегариды (Thuc. 3. 51), в 426 г. он возглавил экспедицию на Мелос, атаковал Танагру и разорил локрийское побережье (Thuc. 3. 91), в 425 г. он возглавил высадку в Коринфии (Thuc. 4. 42), в 424 г. Никий добился сдачи Киферы (Thuc. 4. 53–54), в 423 г. он захватил Менду и пытался отбить Скиону у Брасида (Thuc. 4. 129–131). Д. Кэген справедливо отметил, что ни один афинский полководец того времени не участвовал в столь разнообразных кампаниях⁹⁸.

Никий, по мнению большинства современных исследователей, придерживался стратегии Перикла в ведении войны: оборонительные действия на суше при господстве на море, которые сопровождались рейдами (небольшими силами) на контролируемую противником территорию. Такая стратегия, по мнению Перикла, должна была ослабить Спарту и заставить ее пойти на выгодный для Афин мир. Часть афинских лидеров, и, прежде всего, Клеон и Демосфен, предлагали перейти от активной обороны к наступательным действиям в самых различных регионах эллинского мира. Для этого нужно было иметь спокойный тыл, и с этой точки зрения был оправдан призыв Клеона к поголовной расправе с восставшими митиленцами. Наивысшим успехом подобной политики был захват Сфактерии, вслед за чем последовало повышение оплаты гелиастам и увеличение фороса, взимаемого с союзников.

Если исходить из современной реконструкции логики политической борьбы, то после Сфактерии политическое поражение Никия было бесспорным, и он и “его партия” должны были отойти на второй план⁹⁹. Однако даже после совершенно неслыханного для афинского политика отказа от командования его продолжали избирать стратегом (с 425/4 по 421/0 г.)¹⁰⁰. При ближайшем рассмотрении все это, однако, не представляется удивительным.

Термин “политическая партия” уже вышел из употребления в современной историографии античности. Некоторые исследователи предлагают проводить различия между политиками, политической

⁹⁸ Kagan. The Archidamian War. P. 183.

⁹⁹ Ср. типичные рассуждения: Корзун. Ук. соч. С. 134.

¹⁰⁰ Sealey. Essays... P. 108–111.

элитой (*politeuomenoi*) и народной массой (*demos*)¹⁰¹. Демос, конечно же, не был безразличен к политике, но его политические симпатии не выражались безлично, «в чистом виде». Рядовой гражданин в своем политическом выборе не мог – и не хотел – абстрагироваться от личности политика. Однако, в отличие от Перикла, никто из его преемников (Клеон, Никий, Алкивиад) не мог осуществлять достаточное влияние на экклесию, необходимое для проведения постоянной политической линии в течение длительного периода¹⁰².

Для многих граждан Никий стал олицетворением осторожной, уверенной, спокойной политики. За время Архидамовой войны Никий ни разу не проигрывал сражений: другое дело, что он избегал прямого столкновения со спартамцами; его успехи были ограниченными, но в отнюдь не катастрофических для Афин условиях середины 420-х годов этого было достаточно. Не случайно Фукидид характеризует Никия как полководца, «лучше других действовавшего при исполнении стратегии» (Thuc. 5. 16. 1).

Миротворец. Затяжные и зачастую неудачные для афинян военные действия в Халкидике против талантливого спартанского полководца Брасида и восставших союзников, поражение от фиванцев при Делии (Thuc. 4. 93–101), общая усталость от длительной войны способствовали росту мирных настроений в Афинах. Все это еще более оттеняло репутацию Никия как талантливого, но осторожного стратега.

Весной 423 г. афиняне и спартамцы заключили перемирие сроком на год, текст которого полностью приводит Фукидид (4. 118). Нам неизвестно, принимал ли Никий участие в подготовке этого договора: предложение было внесено Лахетом (Thuc. 4. 119. 2), который часто был коллегой Никия по должности, а Никий вместе с другими стратегами, Никератом и Автоклом, заключил договор и принес клятвы от имени афинян (Thuc. 4. 119. 2). Согласно условиям перемирия, должны были вестись переговоры о мире (Thuc. 4. 118. 13–14), и эти переговоры действительно проводились (Thuc. 4. 119. 3), однако военные действия в Халкидике помешали заключению мирного договора.

Только после битвы при Амфиполе (422 г.), которая закончилась тяжелым поражением афинян и гибелью как Клеона, так и Брасида (Thuc. 5. 10–11), переговоры о мире возобновились с новой силой. И здесь впервые Никий, по мнению Фукидида,

¹⁰¹ Strauss B. Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy 403–386 B.C. London – Sydney, 1986. P. 17.

¹⁰² Gomme. A Historical Commentary... Vol. II. Oxf., 1956. P. 195.

выходит на первый план афинской политической жизни. И здесь впервые Никий, по мнению Фукидида, выходит на первый план афинской политической жизни. Даже во время дебатов о пилосской операции Никий лишь оттеняет Клеона, интересен Фукидиду как антипод ненавистного ему демагога – не более того. Фукидид даже не осуждает Никия за несовместимый с этикой гражданина поступок – отказ от командования. Вообще в первой части труда Фукидида Никий предстает достаточно значительной, но не выдающейся фигурой: характерно уже хотя бы то, что при описании Архидамовой войны в его уста не вкладывается ни одной речи.

Тем больший интерес представляет характеристика Никия в конце первой части труда Фукидида, написанного, очевидно, в начале 410-х годов: “Теперь в обоих государствах наиболее энергично стали выступать за окончание войны два человека, стремившиеся занять первое место в своем городе. То были царь лакедемонян Плистоанакт, сын Павсания, и Никий, сын Никерата, – наиболее удачливый полководец своего времени (дословно: лучше других действовавший в стратегиях). Никий, которому до сих пор всегда сопутствовало счастье и почет в городе, предпочитал не рисковать этим и желал не только сам избежать тягостей войны, но и избавить от них сограждан, оставив потомкам память о себе как о человеке, который за свою жизнь не принес несчастья родине. Никий полагал, что добиться этого можно, не пускаясь в рискованные мероприятия и как можно меньше полагаясь на счастливую судьбу; наилучшей же защитой от опасностей является мир” (Thuc. 5. 16. 1. Пер. Г.А. Стратановского).

Для Фукидида характерно, что он указывает исключительно на личные причины заинтересованности Никия в мире: сохранение своего высокого общественного положение, стремление избежать тягот войны. Впрочем, желание самого Никия вполне сочеталось с желанием его сограждан. Можно привести хрестоматийные стихи из “Мира” Аристофана (стк. 299 слл.), демонстрирующие стремление афинян к миру; Плутарх также пишет об этом: “Богатые, старшее поколение и большая часть земледельцев, как решительные сторонники мира, служили опорой для Никия” (Plut. Nic. 9. 4. Перев. Л.М. Глускиной)¹⁰³.

Впервые после смерти Перикла афинский политик имел столь широкую поддержку среди сограждан. Конечно, аттические крестьяне, – и об этом недвусмысленно свидетельствует Аристофан, – были заинтересованы в мире гораздо больше, чем слои населения, связанные с морем и войной, но настроение афинского общества в

¹⁰³ О мире сообщает также и Диодор (12. 74. 5).

целом было вполне определенным. Спартанцы также не могли не оценить миролюбивой политики Никия и его заботы о спартанских пленниках. Таким образом, роль Никия в подготовке мирного договора была не только заметной, но ведущей. Фукидид, опираясь, несомненно, на официальный документ, приводит сухой перечень из 17 афинских должностных лиц, скрепивших своими клятвами мирный договор – в нем имя Никия стоит третьим. Однако никто не заблуждался – главным инициатором мира был именно Никий. «Про Никия постоянно говорили, что он человек, приятный богам, и поэтому божество в награду за благочестие предоставило ему возможность назвать своим именем величайшее и прекраснейшее из добрых деяний. И действительно, мир считали делом рук Никия, а войну – делом Перикла» (Plut. Nic. 9. 6–7. Перев. Л.М. Глускиной). Плутарх подчеркивает, что именно поэтому мир зовется Никиевым (Plut. Nic. 9. 7).

Аргумент Плутарха не совсем точен. У греков существовала стойкая традиция: называть войну по имени государства-противника или территории, на которой велись боевые действия (Троянская, Лелантийская, Мидийская, Пелопоннесская), а мир – по имени заключившего его должностного лица (Каллиев, Анталкидов)¹⁰⁴. Формально этот принцип и был соблюден в данном случае, а выбор Никия из числа других должностных лиц лишь подчеркивает его роль.

Первоначально мир вызвал энтузиазм афинян, и заключение мирного договора стало вершиной политической карьеры Никия. Фукидид указывает, прежде всего, на внутривойсковые причины стремления афинян к миру. Однако несомненным достоинством Никия было умение собирать информацию о намерениях других государств. Одной из причин стремления Никия было опасение, что Коринф составит сильную коалицию для вторжения в Аттику, и это опасение было реальным. Но Никий в более поздней речи подчеркивал, что Коринф и Беотия вряд ли предпримут враждебные действия без поддержки других полисов (Thuc. 6. 10. 3)¹⁰⁵. Поэтому мир со Спартой был дополнен союзом с ней.

¹⁰⁴ Бадян указывает также, что именно афинские стратеги обычно выполняли важные дипломатические поручения: Ксантипп (480/79 г.), Аристид (479/8 г.); вероятно, стратегом был и Каллий. См. *Badian E. From Plataea to Potidaea. Studies in the History of Pentecontaetia.* Baltimore – London, 1993. P. 193, n. 1.

¹⁰⁵ См. *Westlake H.D. Corinth and Argive Coalition // AJPh. 1940. 61. № 4. P. 413–421.*

Впрочем, по мнению некоторых исследователей, Спарта в гораздо большей степени была заинтересована в мире и союзе с Афинами для того, чтобы обезопасить свое господство в Пелопоннесе¹⁰⁶. Для этого были свои основания: важнейшие союзники Спарты – Коринф, Мегара, Беотия – не приняли условий подписанного без них и за них спартанцами мира. Жители Амфиполя вновь отказались подчиниться афинянам. Все это довольно быстро вызвало разочарование афинян миром со Спартой. Разочарованием граждан воспользовался Алкивиад, толкавший Афины на путь активной внешней политики, на путь конфронтации со Спартой. Алкивиаду удалось также интрига в отношении лаконских послов, прибывших летом 420 г. в Афины с целью предотвратить афинско-аргосский союз (Thuc. 5. 44. 1 sqq.; Plut. Nic. 10. 4–6). Впрочем, послы и не были в состоянии предложить афинянам чего-либо нового: спартанцы не могли вернуть Амфиполь и разорвать союз с беотийцами.

Никий пытался спасти положение: на карту была поставлена его политическая репутация как вдохновителя мира со Спартой. Ему удалось убедить народное собрание направить посольство в Лакедемон, причем он сам был в числе послов (Thuc. 5. 46. 1–3). Однако посольство фактически закончилось провалом: спартанцы отказались идти на уступки. Только в угоду Никию ими были сделаны некоторые формальные шаги, чтобы помочь инициатору мирного договора “сохранить лицо”: “Однако по просьбе Никия они (спартанцы. – С.К.) согласились подтвердить свои прежние клятвы на верность договору. Действительно, Никий опасался навлечь на себя нападки врагов, вернувшись ни с чем. Так действительно и случилось; его сочли ответственным за мирный договор с лакедемонянами. Узнав, по возвращении Никия, о полной неудаче его посольства, афиняне пришли в негодование” (Thuc. 5. 46. 4–5).

Негодование экклесии обычно оборачивалось смертельным ударом для карьеры политика, к тому же афиняне считали себя обиженными (Thuc. 5. 46. 5). Афинская политика качнулась в другую сторону: был заключен союз с аргосцами, афиняне приняли участие в неудачной для союзников битве при Мантинее, в которой погибли 200 афинян, и в их числе два стратега (Thuc. 5. 74. 3). На это время приходится двухлетний перерыв в стратегии Никия: после 421/0 г. он был стратегом только в 418/7 г.¹⁰⁷ Казалось бы, Никиев мир афиняне сочли для себя невыгодным: лаконские пленники были

¹⁰⁶ Kagan. The Peace of Nicias. P. 19–32; ср. Meiggs R. The Athenian Empire. Oxf., 1973. P. 339.

¹⁰⁷ IG I² 302; Fornara. Op. cit. S. 62–63.

отпущены, Амфиполь и Навпакт возвращены не были. Никий, инициатор мира, стремился сохранить доверие к себе как к политическому деятелю. Не случайно именно на первую половину 410-х годов приходятся победы Никия в хорегии, не случайно “священное посольство” и богатые посвящения Никия Аполлону Делосскому датируются 417 г.¹⁰⁸ И эта задача оказалась выполненной: после битвы при Мантинее, когда политика Алкивиада потерпела поражение, Никий вновь был избран стратегом и должен был возглавить очередную афинскую экспедицию против Амфиполя (Thuc. 5. 83. 4), запланированную на весну 417 г. Мы не знаем определенно, состоялась она или нет, однако деньги из афинской казны на нее были выплачены¹⁰⁹. Главная причина “живучести” Никия как политика заключалась в том, что значительная часть афинян была кровно заинтересована в прекращении Спартой военных действий на территории Аттики: несмотря на битву при Мантинее, захват Мелоса и экспедицию в Сицилию, спартанцы нарушили мирный договор и вторглись в Аттику только через восемь лет, когда царь Агид в 413 г. занял Декелею. Так что Никиев мир, при всех его недостатках, обеспечил аттическим земледельцам восемь лет сравнительно спокойной жизни, за что они, несомненно, были благодарны Никию.

Фукидидовское изложение событий в Афинах между Никиевым миром и сицилийской экспедицией (конец книги V) чрезвычайно кратко и конспективно. Только два события описываются подробно: битва при Мантинее и захват афинянами острова Мелос (“мелосский диалог”). Это связано с композицией труда Фукидида, временем написания отдельных частей его труда, и мы сейчас не будем подробно останавливаться на данной проблеме. Однако в результате этого (либо сознательного умолчания историка) мы почти ничего не знаем о внутривнутриполитической борьбе в Афинах, связанной с остракизмом Гипербола.

Остракизм как орудие политической борьбы широко применялся в первой половине V в. до н.э.¹¹⁰ Последним, кто был изгнан остракизмом ко времени описываемых событий, был

¹⁰⁸ Davies. Athenian Propertied Families. P. 404.

¹⁰⁹ Gomme A.W. Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. IV. Oxf., 1970. P. 154; Meiggs-Lewis 77 (P. 235).

¹¹⁰ Об остракизме см. Thomsen R. The Origins of Ostracism. Copenhagen, 1972; Stockton D. The Classical Athenian Democracy. Oxf. – N.Y., 1991. P. 33–41; Гинзбург С.И. Остракизм как орудие политической борьбы в Афинах V в. до н.э. // Государство, политика и идеология в античном мире / Отв. ред. Э.Д. Фролов. Л., 1990. С. 32–42.

соперник Перикла Фукидид, сын Мелесия, и произошло это в 443 г. Почти три десятилетия остракизм не применялся, но в таком длительном перерыве нет ничего удивительного. После изгнания Фукидида, сына Мелесия, у Перикла не было значительных политических соперников. Затем началась Пелопоннесская война, а в период чрезвычайных ситуаций остракизм не применялся – наоборот, во время похода Ксеркса изгнанным посредством остракизма было разрешено вернуться в Афины.

Очевидно, народное собрание одобрило голосование по вопросу остракизма потому, что необходимо было сделать ясный вывод между политикой Никия и политикой Алкивиада, между пассивной политикой сохранения более или менее мирных отношений со Спартой, которой придерживался Никий, и активной агрессивной политикой Алкивиада. Сведения об этом остракизме в основном восходят к Плутарху, который в биографиях Никия и Аристиды сообщает, что только Никий и Алкивиад были кандидатами на изгнание (Plut. Nic. 11. 4; Arist. 7. 3), в другом месте приводит мнение о том, что Никия вообще не было среди кандидатов, а соперником Алкивиада был Феак (Plut. Nic. 11. 7), и, наконец, в биографии Алкивиада указаны все три кандидата (Plut. Alcib. 13. 4). Во время раскопок на агоре было найдено около 30 черепков, относящихся к этому остракизму: на пяти из них начертано имя Алкивиада, на трех – Гипербола, на восьми – Клеофонта. Сохранился и один остракон с именем Никия (Музей агоры. Р 31179 с надписью ΝΙΚΙΑΙ ΝΙΚΗΡΑΤΟ)¹¹¹.

Однако, согласно Плутарху, сторонники Никия и Алкивиада объединились, и изгнанным оказался радикальный демагог Гипербол, после чего афиняне, по мнению знаменитого биографа, вовсе отказались от процедуры остракизма именно потому, что она была использована против столь низкого и недостойного человека, как Гипербол (Plut. Nic. 11. 6; Arist. 7. 3). Возможно, что остракизм Гипербола оказался последним именно в силу своей бесполезности:¹¹² он не помог афинянам утвердить у власти одного лидера, проводящего явно выраженную политическую линию, а такое стремление, как показали дальнейшие события,

¹¹¹ Philips D.J. Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // ZPE. 1990. Bd 83. S. 123–148. Fig. 2 (воспроизведение остракона с именем Никия). См. также The Birth of Democracy. An Exhibition Celebrating the 2500th Anniversary of Democracy. Washigton – Athens, 1993. P. 99, Fig. 14. 8, 14. 9 (черепки с именами Никия и Алкивиада).

¹¹² Следует отметить, что остракизм формально отменен не был, а просто перестал применяться. См. Stockton. Op. cit. P. 39.

прослеживается. И Никий, и Алкивиад продолжали оставаться на вершине власти; агрессивность Алкивиада компенсировалась осторожностью Никия. Плутарх упрекает Никия в том, что тот не решился на политический поединок с Алкивиадом: биограф считал, что, либо после устранения противника Никий смог бы продолжать осторожную, взвешенную политику, либо, будучи изгнанным, сохранил бы репутацию удачливого полководца (Plut. Nic. 11. 7). Но это – *vaticinium post eventum*, совершенно не отвечающее политической линии Никия, которому было свойственно стремление к переговорам и компромиссам. Целью Никия (как показывает пример Клеона) было не устранение противника с политической арены, но стремление сохранить свое собственное высокое и достаточно стабильное положение. За Никием стояло его богатство, его поддерживали определенные социальные слои, и, с точки зрения Никия, сохранение Алкивиада как политического противовеса его политике не было катастрофой для него лично.

Среди исследователей нет единого мнения о дате последнего в истории Афин остракизма: Э. Эндрюс относит его к началу 416 г.¹¹³, другие исследователи – к началу 415 г.¹¹⁴ Дата остракизма Гипербола обычно исчисляется, исходя из фрагмента Феопомпа (FGrH 115 F 96b), в котором сообщается, что Гипербол был убит на Самосе на шестой год после своего остракизма¹¹⁵. Однако более поздняя дата, может быть, и предпочтительнее, поскольку ставит остракизм Гипербола в контекст избрания стратегов на 415/4 г. и дебатов о сицилийской экспедиции.

Сицилийская катастрофа. Стратегами на 416/5 г. были избраны Никий, Алкивиад и Ламах (Thuc. 6. 8. 2)¹¹⁶, а когда в марте 415 г. из Сицилийской Эгесты (Сегесты) вернулись афинские послы, а вместе с ними посланники эгестян с просьбой прислать 60 афинских кораблей для помощи в войне с Селинунтом. Они привезли с собой 60 талантов серебра на месячное жалование экипажам (Thuc. 6. 8. 1). А уже в июне 415 г. огромный афинский

¹¹³ Gomme A.W. Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. V. Oxf., 1981. P. 258–264.

¹¹⁴ Raubitschek A.E. Theopompos on Hyperbolos // Phoenix. 1955. 9. P. 122–126; Sealey R. A History of the Greek City States. Berkeley, 1976. P. 353; Phillips. Op. cit. P. 127.

¹¹⁵ Об убийстве Гипербола на Самосе сообщает Фукидид (8. 73. 3). Шесть лет включают, по мнению Кэгена, афинские гражданские годы от 417/6 до 412/1 включительно (Kagan. The Peace of Nicias. P. 145).

¹¹⁶ Кроме них, известны еще трое стратегов. См. Fornara. Op. cit. P. 63–64.

экспедиционный корпус отплыл из Пирея в направлении Сицилии¹¹⁷. Таким образом, решение атаковать Сицилию, сыгравшее столь роковую роль и в судьбе Никия, и в судьбе Афинской архе, было принято весной 415 г.

Для принятия столь важного решения одного заседания народного собрания было недостаточно, и мы знаем как минимум о двух, которые были описаны Фукидидом¹¹⁸. И в данном случае Фукидид остается для нас основным источником, причем второе народное собрание описано им так подробно, как никакое другое, а то, что историк вкладывает в уста Никия сразу две речи – вообще явление уникальное для “Истории”¹¹⁹. Впрочем, некоторые подробности о посольстве сицилийцев в Афины добавляет Диодор (12. 83. 2), сохранились фрагменты постановлений этого народного собрания (Meiggs-Lewis 78 = IG I /3 ed./ 93). Факты можно изложить следующим образом.

Весной 415 г. афиняне, выслушав вернувшихся из Эгесты послов и представителей самих эгестян, решили послать флот из 60 кораблей в Сицилию под командованием Алкивиада, Никия и Ламаха как стратегов-автократоров (Thuc. 6. 8. 2). Четырьмя днями позже (Thuc. 6. 8. 3) было созвано еще одно народное собрание, чтобы ускорить подготовку флота и обсудить вопрос об оснащении и усилении экспедиционного корпуса. На нем Никий, подчеркивая трудности предприятия, попросил увеличить силы до 100 боевых кораблей, 5 тыс. афинских и союзнических гоплитов и соответствующего числа легковооруженных воинов (Thuc. 6. 25. 2). Народное собрание наделило стратегов большими полномочиями (Thuc. 6. 26. 1). Экспедиция, в конце концов, состояла из 136 кораблей (100 афинских), 5100 гоплитов (2200 афинских) и 1300 легковооруженных воинов (Thuc. 6. 43).

Один из фрагментов постановления народного собрания, несомненно, относится к первому народному собранию, и он оставляет открытым вопрос о числе военачальников; существовала даже возможность подчинения экспедиции одному стратегу, которой совершенно умалчивают литературные источники¹²⁰.

¹¹⁷ Эту дату дает К. Довер: *Gomme A.W. Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. IV. Oxf., 1981. P. 217–276.*

¹¹⁸ Судя по ремарке Андокида (I. 11), их могло быть и больше.

¹¹⁹ Подробное рассмотрение речей Никия и Алкивиада содержится в работах: *Erbse H. Thucydides-Interpretationen. B. – N.Y., 1989. S. 169–173; Stahl H.-P. Thucydides. Muenchen, 1966. S. 125–126; Pouncey. Op. cit. P. 122 ff.*

¹²⁰ *Meiggs–Lewis 78b, 2–3.*

Фрагмент сначала касается проблем финансирования экспедиции, возможно, в связи с проблемами разделения общественных и частных затрат (ср. Thuc. 6. 31. 3–5). Число направляемых судов — по-прежнему 60 (стк. 4), что также позволяет связать это постановление с первым из созывавшихся по поводу экспедиции в Сицилию народных собраний, тем более, что предусматривается созыв народных собраний в дальнейшем (стк. 4–12). Фрагменты a, d-g отражают более поздние стадии обсуждения: в них речь идет об оплате легковооруженных воинов, упоминаются какие-то финансовые ресурсы, трогать которые запрещено¹²¹. Финансирования сицилийской экспедиции касается также фрагмент надписи о выдаче денег для общественных нужд из сокровищницы Афины¹²².

Надписи дополняют наши знания о политической обстановке в Афинах накануне сицилийской экспедиции. Показателен тот факт, что афиняне рассматривали вопрос о том, чтобы подчинить флот и войска одному стратегу, Алкивиаду, — случай, небывалый в афинской политической практике. Это свидетельствует об умонастроениях в городе, о том, что народное собрание было уже готово выйти за рамки конституционности. Возложить ответственность за исход столь крупного предприятия на одного человека. Обсуждение сицилийской экспедиции — тот единственный случай в труде Фукидида, когда историк употребляет производные от глагола *ero* в политическом контексте¹²³. Никий пытался убедить хотя бы афинян старшего поколения не быть страстно желающими (*duserotai* — 6. 13. 1), но безуспешно: слишком велико было стремление афинян овладеть Сицилией.

Нет оснований сомневаться в сообщении Плутарха (Nic. 12. 1-2) о том, что Алкивиад возбудил мечты афинян перспективой похода на Карфаген. Диодор, в отличие от правильно предоставлявшего ход событий Плутарха, пишет только об одном народном собрании. Однако он вкладывает в уста Никия дополнительный аргумент: если имевшие обширную державу и

¹²¹ Наша интерпретация всей этой достаточно плохо сохранившейся надписи основывается на совпадающих между собой прочтениях К. Довера и Д. Льюиса: *Gomme A.W. Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. IV. Oxf., 1981. P. 223; Inscriptiones Graecae. Vol. I. Ed. tertio. Fasc. I / Ed. D. Lewis. B. — N.Y., 1981. № 93; Meiggs–Lewis 78.*

¹²² *Meiggs–Lewis 79, 49–50 = IG I / 2. 302.* Однако сообщение о выплатах в 416/5 г. сохранилось крайне плохо, и на его основе невозможно делать какие-либо далеко идущие выводы.

¹²³ *Forde. The Ambition to Rule. P. 33, 59.*

воевавшие в Сицилии карфагеняне не смогли подчинить остров, то как это могут сделать обладающие меньшим могуществом афиняне? (Diod. 12. 83. 6). Конечно. Диодор или его источник могли придумать этот аргумент, хотя многие исследователи¹²⁴ не сомневаются в его аутентичности. Можно предположить, что все аспекты решения подверглись обсуждению в народном собрании.

Вероятно, приведенные Фукидидом аргументы Никия близки к реальности и отражают умонастроения в Афинах. Каким же образом пытался Никий разубедить соотечественников в гибельном, по его мнению, решении послать войска и флот в Сицилию?

Один ряд аргументов касался, прежде всего, отдаленности и обширности острова, ненасущности для Афин дальних завоеваний. Никий апеллировал к чувствам гражданина полиса, стремился продемонстрировать ограниченность возможностей полиса: «Сицилию же, – отдаленную страну с многочисленным населением – если даже мы и покорим, то едва ли будем в состоянии удержать наше владычество. И сколь неразумно нападать на страну, господство над которой нельзя удержать даже после победы» (Thuc. 6. 11. 1. Перевод Г.А. Стратановского).

Насколько мне известно, не проводилось сопоставления этой речи Никия с обращением Фемистокла к афинянам за семьдесят лет до этого (Herod. 7. 144; Plut. Them. 4. 1–2). Фемистокл призывал сограждан, скептически относившихся к персидской угрозе, строить флот для достижения реальной и близкой цели – победы над Эгиной (близкой до такой степени, что афиняне могли хорошо видеть этот остров с акрополя). Фемистокл добился своего. Аргументы Никия были в сущности такими же: он считал завоевания далекой и огромной Сицилии делом нереальным, да и не необходимым. Система аргументации не изменилась, изменились за 70 лет Афины, другим стал афинский демос. Афины превратились из обычного полиса в метрополию могущественной Афинской архе, а демос афинский был уверен, что от Пирея до Тирренских морей флот афинский всех сильнее. Драма жизни Никия, не уловившего изменения социальной психологии сограждан, переплелась с контрапунктом афинской истории – до конца афинской талассократии оставалось всего три года.

Другая линия аргументации Никия против сицилийской экспедиции заключалась в том, что он указывал на слабость Афин, не оправившихся от последствий чумы и потерь, понесенных во время Архидамовой войны (Thuc. 6. 12. 1). Однако сам Фукидид выразил свое несогласие с Никнем, указав ниже, что Афины к тому

¹²⁴ См., например, *Kagan. The Peace of Nicias*. P. 170.

времени уже полностью восстановили свои силы (Thuc. 6. 26. 1). По мнению историка, само по себе решение о сицилийской экспедиции не было ошибкой: другое дело, что политическая борьба в Афинах привела к провалу этого предприятия¹²⁵.

Фукидид также подчеркивает аргументацию Никия против излишнего, по его мнению, риска: «...Успех зависит не только от вашего (народного собрания. – С.К.) правильного решения, но еще в большей степени от счастья (а уловить его людям трудно)» (Thuc. 6. 23. 3). Вообще речи Никия и Алкивиада – очень личные, отражающие их личный темперамент. Никий опасался нестабильности афинского характера, невозможности следовать определенной политической линии. Никий, по Фукидиду, настаивал на том, что забота о собственной безопасности не постыдна – напротив, она позволяет лучше заботиться о безопасности всего полиса (Thuc. 6. 9. 2). Это перекликается с мнением Перикла о том, что забота о своей собственности позволяет гражданам хорошо заботиться о полисной собственности (Thuc. 2. 60. 2–4).

Напротив, Алкивиад в пропаганде сицилийской экспедиции опирался на такие черты афинян, как подвижность, стремление к экспансии (Thuc. 6. 16. 5–6; 18. 1; 18. 6–7), и успех Алкивиада объяснялся тем, что именно эти черты оказались решающими в конкретной ситуации принятия решения о посылке экспедиции в Сицилию¹²⁶. Никий был изначально пессимистически настроен относительно того, что афиняне прислушаются к его совету (Thuc. 6. 8. 4). Однако отказаться от предложения возглавить экспедицию Никий не мог: при всем благорасположении к нему народного собрания вторичный (после Пилоса!) отказ от командования был бы совершенно губителен для его гражданской репутации, что было неприемлемо для Никия и как политика и как для гражданина. Стремление афинян видеть в Никии противовес заманчивой, но авантюристической стратегии Алкивиада было очевидным, и потому он вошел, наряду с Алкивиадом и Ламахом, в число трех наделенных неограниченными полномочиями стратегов-автократоров.

Никий становится одним из ключевых действующих лиц шестой и седьмой книг «Истории» Фукидида, поскольку он в течение долгого времени фактически возглавлял сицилийскую экспедицию. Плутарх вообще называет Никия «первым стратегом» (Plut. Nic. 12. 3), хотя может и противоречить сам себе (Plut. Nic. 14. 4). Плутарх анахронистически переносил на классическое время

¹²⁵ См. Westlake. *Nicias in Thucydides*. P. 61.

¹²⁶ Forde. *Op. cit.* P. 58.

эллинистическую практику, в действительности же все афинские стратеги были формально равны¹²⁷. В рассмотренной выше надписи при перечислении первым, как правило, называется Алкивиад (что естественно, поскольку он был инициатором), Никий и Ламах – в произвольном порядке. Стратегом, на которого афиняне в начале обсуждения вопроса думали возложить единоличное командование, был Алкивиад. Конечно, влияние стратегов было разным, и Никий пользовался большим авторитетом, чем храбрый, но бедный Ламах.

Интересно, что Фукидид уделяет мало внимания деятельности Никия как в первый период экспедиции, когда стратегов было трое, так и после этого, когда Никий возглавлял афинские войска вместе с Ламахом. Принятие решение приписывается «стратегам афинян» (как, например, *Thuc.* 6. 64. 1): в течение нескольких месяцев Фукидид как будто бы не замечает Никия и не дает оценки качеству его командования (*Thuc.* 6. 74–88, 94, 96–100); создается впечатление, что Фукидида больше интересует сиракузский лидер Гермократ. Даже при описании захвата важного сиракузского укрепления Эпипол роль Никия игнорируется (*Thuc.* 6. 97), при том что, судя по косвенным данным, планирование операций было и ведении Никия, хотя конкретное руководство военными действиями осуществлял Ламах¹²⁸. Именно первый период, до прибытия в Сиракузы спартанского полководца Гилиппа, был наиболее удачным для афинян. Однако целью Фукидида было показать, как нерешительность и отсутствие энергии афинского командующего привели к поражению и катастрофе. Хотя сравнительно успешное наступление афинян на Сиракузы осенью 415 г. и успешная операция в Эпиполах были совершены под руководством Никия, историк не акцентирует на этом своего внимания, принижая личные заслуги Никия. Характерно, что в день гибели Ламаха (*Thuc.* 6. 102. 2–3) Никий проявляет энергию и присутствие духа, что не вяжется с его инертностью.

Историк неоднократно подчеркивает нерешительность, пассивность Никия, его пристрастие к суевериям, что повлияло на исход кампании в Сицилии (*Thuc.* 7. 42. 3; 71; 73). Никий, по мнению Фукидида, не был наилучшим командующим: историк считал, что только под руководством Алкивиада афиняне имели шансы на успех. Однако неприятие пассивности Никия в Сицилии не означало для Фукидида неприятие личности Никия вообще.

¹²⁷ См. замечание С.Я. Лурье (*Плутарх. Избранные биографии* / Под ред. С.Я. Лурье. М. –Л., 1941. С. 408. Прим. 52).

¹²⁸ *Westlake. Individuals.* P. 180–184.

Сообщив о смерти Никия, Фукидид добавляет пассаж о его доблести: «По этой причине или по причинам близким к ней был казнен Никий, менее всего из греков моего времени достойный испытать такое несчастье, потому что в своем образе действий он всю жизнь следовал доблести (*arete*)» (7. 86. 5)¹²⁹.

Анализ заключительной фукидидовской характеристики Никия вызвал дискуссию среди исследователей. Это неудивительно: как справедливо заметил Уэстлейк, если бы подобный отрывок встретился в труде любого другого античного автора, он не потребовал бы специальных комментариев, но в «Истории» Фукидида «нет других подобных сантиментов»¹³⁰. Невозможно предположить, что Фукидид не видел ошибок Никия, когда тот командовал афинским экспедиционным корпусом, – всё предшествующее изложение свидетельствует об этом. Однако Никию была свойственна доблесть (*arete*): он, будучи больным, руководил военными действиями, которые не одобрял и от которых отговаривал афинян, пытался спасти от гибели своих сограждан.

Американский исследователь Эдкинс выдвинул теорию о разграничении между «соревновательными ценностями» и «ценностями сотрудничества» у греков, причем термин «доблесть» (*arete*), по его мнению, относится преимущественно к военной доблести¹³¹. По существу это – схема, которая не подтверждается конкретными примерами. Конечно, для характеристики воинских доблестей Фукидид использовал термин *arete* (*agathos*), но можно привести и обратные примеры¹³². Но даже *арете* государственных деятелей и полководцев не сводится к воинской доблести: *арете* Брасида заключалось в справедливом отношении к полисам (Thuc. 4. 81. 2–3), *арете* Писистратидов – в разумном и мягком правлении (Thuc. 6. 54. 5), *арете* Антифонта – в мужестве, с которым отстаивал свои политические взгляды (Thuc. 8. 68. 1).

¹²⁹ По поводу интерпретации этого места см.: Kagan. The Peace of Nicias. P. 351–352; Gomme A.W. Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. VI. P. 460–464.

¹³⁰ Westlake. Individuals... P. 210; cp. Murray. Op. cit. P. 41–42.

¹³¹ Adkins A.W.H. Merit and Responsibility. A Study in Greek Values.. Oxf., 1960; *idem*. The Arete of Nicias: Thucydides 7. 86 // GRBS. 1975. 16. № 4. P. 379–392 (в последней работе автор пытается дать более сбалансированную характеристику).

¹³² Thuc. 2. 40. 4; 4. 192; 5. 105. 4; 2. 51. 5 – *арете* тех, кто стремился помочь больным во время эпидемии чумы в Афинах. Критику концепции Эдкинса см. Creed J.L. Moral Values in the Age of Thucydides // CQ. 1973. 23. № 2. P. 213–231. Cp. Westlake. Individuals... P. 209.

Доблесть Никия заключалась прежде всего в следовании образцам поведения, свойственным гражданину и политику «перикловой эпохи»¹³³. Не случайно половина (пять из десяти) случаев употребления Фукидидом термина *arete* приходится на надгробную речь Перикла (Thuc. 2. 35. 1; 36. 1; 42. 2; 43. 1; 46. 1)¹³⁴. И Никий (за исключением случая с Клеоном) следовал им. Отношение к Никию в Афинах после его смерти было вполне положительным. Диссонансом звучит сообщение Павсания о том, что имя Никия не было начертано на официальном памятнике погибшим в Сицилии афинянам, поскольку Никий сдался в плен добровольно в отличие от попавшего в плен после ранения Демосфена (Paus. 1. 29. 11-12 = Филист FGtH 556 F3). Однако даже если сообщение Павсания верно¹³⁵, это всего лишь эпизод: уже для Лисия (18. 2–3) Никий – образец государственного деятеля, его высоко ценит Платон, и в диалоге «Лахет» Никий выступает как симпатичный автору персонаж. Демосфен (3. 21) относит его наряду с Аристидом и Периклом к числу величайших афинских государственных деятелей, а в «Афинской политике» (28. 5) Никий перечисляется в числе *kaloî kagathoi* – опытных в государственных делах политиков, по-отечески относившихся ко всем гражданам полиса. Род Никия был знаменит и через век, когда его потомком был воздвигнут памятник в честь победы в хорегии, хорошо известный Плутарху.

Между *demos* и *ochlos*. Никий был одним из многих политических деятелей Афин конца V в. до н.э., и можно было бы предположить, что после его гибели ситуация в политической жизни Афин мало изменилась. Однако дальнейшее развитие событий свидетельствует об обратном. В Афинах возник политический вакуум: в Сицилии погибли четыре наиболее опытных афинских стратега – Демосфен, Никий, Ламах и Евримедонт, а достаточно популярные Алкивиад и Гипербол находились за пределами Афин (первый был заочно осужден, а второй – изгнан остракизмом). Из четырех стратегов 413/2 г., имена которых нам известны, ранее никто не был стратегом – случай, уникальный в афинской политической практике¹³⁶. Поэтому последовавшее затем избрание коллегии десяти пробулов (по одному от каждой филы – Thuc. 8.1.3)

¹³³ Дополнительную аргументацию в пользу подобной точки зрения см.: Осипова. Ук. соч. С. 114 сл.

¹³⁴ См. Creed. Op. cit. P. 219.

¹³⁵ Gomme A.W. Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. VI. P. 463.

¹³⁶ Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. Ithaca – London, 1990. P. 5.

при всей ее необычности было достаточно закономерным: демагогам, агитировавшим за завоевание Сицилии, афиняне уже не доверяли, а политических лидеров, на которых можно было бы опереться, не было.

Изменилась для Афин и военно-стратегическая ситуация. В результате огромных потерь к 413 г. Афины имели не более 9 тыс. граждан-гоплитов всех возрастов, 11 тыс. фетов и 3 тыс. метеков. Число погибших в Сицилии афинян и их союзников было огромным (более 40 тыс.)¹³⁷, по меньшей мере, 216 триер, из них 160 афинских, были потеряны в Сицилии¹³⁸. Утрата господства на море была особенно чувствительной для Афин, привыкших к собственной талассократии в течение почти 70 лет¹³⁹. После 413–411 гг. Спарта с помощью Персии становится морской державой, и характер военных действий резко меняется¹⁴⁰. Изменяется и характер политической жизни Афин: правление олигархов было недолгим и в 411, и в 404–403 гг., но демократически настроенных афинян возглавляют уже лидеры нового тина (Алкивиад, Конон), которым предоставляют полномочия и воздают почести, невозможные ранее.

В этом свете отчетливо вырисовывается место Никия. По своему социальному происхождению он – типичный *homo novus*, предки которого происходили из отдаленного дема. Однако благодаря богатству отца, приумноженному им самим, Никий к моменту своего акме приобрел значительный вес, позволивший ему после смерти Перикла выдвинуться в число ведущих афинских политиков. Никий стремился придерживаться стратегической линии Перикла в Пелопоннесской войне, стремился использовать экономическую мощь Афин и превосходство на море для достижения победы над Спартой и сохранения Афинской архе. Даже тогда, когда обстановка требовала решительных и рискованных действий, он не поддерживал радикальные решения, и поэтому так

¹³⁷ *Davies J.K. Democracy and Classical Greece. Atlantic Highlands, 1978. P. 146.*

¹³⁸ *Kagan. The Fall... P. 2.* Цифры потерь включают, естественно, и подкрепление, присланное с Демосфеном.

¹³⁹ Когда афиняне были разбиты на море в Большой гавани Сиракуз, Фукидид отмечает, что они «после такого непривычно жестокого поражения на море пали духом» (Thuc. 7. 60. 4).

¹⁴⁰ Дж. Дейвис даже предлагает изменить традиционную периодизацию: по его мнению, после разгрома афинян в Сицилии начинается новый период в греческой истории, закончившийся в 370-е годы вместе с концом спартанской гегемонии. См. *Davies. Democracy... P. 129.*

легко отказался от командования под Пилосом в пользу Клеона.

Никий был достаточно удачливым стратегом, локальные операции под его руководством оканчивались успехом, и народное собрание доверяло ему. Совершенно не случайно то, что Никий стремился как можно чаще привлекать для выполнения военных операций всадников, которые набирались из наиболее обеспеченных слоев афинского общества. О рейде в Коринфию речь шла выше, но и при подготовке экспедиции в Сицилию он настаивал на том, что афинянам необходима собственная конница, чтобы противостоять многочисленным сиракузским всадникам (Thuc. 6. 20. 4 – 21. 1). Совет Никия услышан не был, но позднее афиняне убедились, что невозможно продолжать кампанию без использования значительных кавалерийских сил (Thuc. 6. 71. 2; Diod. 13. 6. 6). В конце концов подкрепление из Афин и от сицилийских союзников прибыло¹⁴¹, и эффект не замедлил сказаться – сиракузская конница не смогла уберечь сицилийцев от поражения при Эпиполах (Thuc. 6. 102–103. 1). Эта битва была моментом наивысшего успеха афинян при осаде Сиракуз.

У Никия были основания опасаться тех, кто стремился к агрессивной, радикальной политике. Несомненно, что пресловутая «корабельная чернь» (*nautikos ochlos*) была главной противницей Никиева мира, основной силой, поддерживавшей экспедицию в Сицилию. Охлос обозначает как массу кораблей, не построенных в боевой порядок (Thuc. 1. 49. 2; 2. 88. 2; 7. 61.1), так и экипажи этих кораблей – «корабельную чернь» (Thuc. 6. 20. 4; 7. 62. 2; 8.72.2). К этому значению примыкает и другое: охлос как толпа непостроившихся воинов, неупорядоченное войско (Thuc. 4. 56. 1; 4. 126. 2; 6. 126. 6; 8. 25. 4)¹⁴². Никий, стремившийся к упорядоченности, даже священный хор на Делосе стремился превратить из охлоса в нечто более стройное (Plut. Nic. 3. 4). Однако перед самой его гибелью он вынужден был возглавлять охлос – превратившееся в толпу отступавшее в Сицилии афинское войско (Thuc. 7. 75. 5).

Охлос – это не только чужеземцы, не-граждане, женщины, дети, то есть все те, кто не являются полноправными гражданами-воинами. Словом *ochlos* может обозначаться и вся совокупность граждан, весь демос, проявляющий свои худшие, свойственные толпе качества, возбужденная народная масса (Thuc. 4. 28. 3; 6. 17. 2;

¹⁴¹ К лету 414 г. афиняне и их союзники смогли выставить около 650 всадников (Thuc. 6. 98. 1; Diod. 13. 7. 4). См. Bugh. Op. cit. P. 101–103.

¹⁴² Охлос в применении к войску может иметь и другое значение: часть войска – не-всадники, не-гоплиты (Thuc. 3. 109. 2; 7. 78. 2; 84. 2; 8. 92. 11).

63. 2; 89. 5; 7. 8. 2; 8. 86. 5). Никий опасался, что «в угоду толпе» будет искажено реальное положение дел в Сицилии и поэтому отправил в Афины не вестника, а письменное донесение (Thuc. 7. 8. 2), он обоснованно боялся, что афинское народное собрание не простит ему отступления из Сицилии, и поэтому продолжал вести бесперспективные военные действия (Thuc. 7. 48. 3). Может быть, последнее суждение Фукидида о Никии связано с тем, что историк почувствовал близость своей судьбы и жизненного пути известного афинского политика.

Как уже отмечалось. Никию не всегда удавалось улавливать настроение демоса, народной массы: Клеон не только взял верх во время дебатов о пилосской экспедиции (Thuc. 4. 28), но и блестяще ее осуществил; Алкивиад прекрасно провел интригу со спартанскими послами (Thuc. 5. 46), сам же Никий ничего не добился, предложив увеличить военные силы, посылаемые на Сицилию (Thuc. 6. 19. 2 – 24. 2)¹⁴³. Богатство, несомненно, не только способствовало популярности Никия, но и служило ему своеобразным «амортизатором» при политических просчетах. Но не только это способствовало его политическому успеху - трудно назвать неудачей постоянное в течение полутора десятилетий присутствие в рядах афинской политической элиты. Для значительной части, если не для большинства афинян, он был политиком традиционного (для Афин конца V в.) типа, он служил как бы противовесом политикам нового типа (которых античные авторы обычно именуют демагогами). Никий стремился совместить консерватизм с демократическими ценностями, шатался по пути «среднему пути», но в условиях Пелопоннесской войны ему трудно было вести за собой демос. За смертью Никия последовал распад Афинской архе и превращение Афин в рядовой, хотя и значительный полис. Никий был последним выдающимся государственным деятелем периода могущества Афин. Конечно, его трудно сравнивать с Фемистоклом, Кимоном или Периклом, но у каждой эпохи – свои герои, и доблесть Никия не случайно заслужила похвалу потомков.

¹⁴³ Cp. *Pelling C.B.R. Plutarch and Thucydides // Plutarch and Historical Tradition / Ed. by P.S. Sladter. L. – N.Y., 1992. P. 20.*

ГИПЕРБОЛ, «ЧЕЛОВЕК НЕГОДНЫЙ»

Повествуя о событиях лета 411 г. на Самосе, связанных с олигархическим переворотом в Афинах, Фукидид вкратце описывает обстоятельства смерти афинского политика Гипербола:

"И некоего Гипербола, человека негодного, изгнанного афинянами остракизмом не из-за страха перед его могуществом или достоинствами, но вследствие его испорченности и из-за того, что был позором города, убили самосцы, действовавшие вместе с Хармином, одним из стратегов, и несколькими его соратниками, чтобы дать афинянам залог верности" (Thuc. VIII.73.3).

Это – единственное упоминание популярного политика в труде Фукидида. Крайне негативное отношение историка к демократическим политикам радикального толка общеизвестно (в конце концов, ведь именно Клеону Фукидид был обязан своим изгнанием), и то, что Фукидид ставит Гиперболу в вину "испорченность, низость" (*poneria*) и называет его "позором города", на первый взгляд, неудивительно. Современные исследователи неоднократно обращали внимание на то, что в рассматриваемом пассаже единственный раз, и именно применительно к Гиперболу историк использует эпитет *mochtheros* ("негодный")¹⁴⁴. Совершенно естественно, что этот фукидидовский *hara legomenon* привлек внимание специалистов. Однако при более внимательном рассмотрении выясняется, что из всех описанных им политических лидеров *poneria* Фукидид ставил в вину также исключительно Гиперболу.

Такое обилие негативных эпитетов заставляет задуматься о том, чем же Гипербол так не угодил знаменитому историку? Ведь Фукидид был изгнан из Афин в начале политической карьеры Гипербола, и нет никаких свидетельств об их личной вражде. В конце концов, даже своего личного врага Клеона Фукидид называл "самым неистовым из граждан" (*biaiotatos ton politon*)¹ (Thuc. III.36.6) и демагогом (*aner demagogos*), которому верило большинство (*to plethei pithanotatos*) (Thuc. IV.21.3), но никогда не *mochtheros* или *poneros*. Можно, конечно, предположить, что в последних книгах своего труда, написанных на исходе жизни, Фукидид изменил свои взгляды и более сурово стал относиться к

¹⁴⁴ См., например, Westlake H.D. Individuals in Thucydides. Cambr., 1968. P. 13; Baldwin B. Notes on Hyperbolus // Acta classica. Cape Town, 1971. 14. P. 151.

вождям демоса. Однако сиракузский демагог Афинагор, о котором идет речь в шестой книге, описывается буквально как двойник Клеона, почти теми же словами (Thuc. VI.35.2)¹⁴⁵.

Исследователями уже неоднократно было отмечено, что лексика фукидидовской характеристики Гипербола почти полностью восходит к лексике комедиографов¹⁴⁶. В комедиях Аристофана многократно используется слово *poneros* и производные от него. Это слово использовалось комедиографом для характеристики множества персонажей, и, прежде всего, политических деятелей, которых принято называть демагогами или "новыми политиками"; в их числе был, конечно, и Гипербол. Однако *poneros* подчеркивает не только отрицательные качества персонажа, но также их живой ум, ловкость, которые приносят удачу¹⁴⁷. Именно *poneria* принесла Гиперболу богатство (Aristoph. Nub. 1065 sq.), именно в этом качестве должен превзойти Клеона Колбасник, чтобы помочь старику Демосу (Aristoph. Eq. 178 sqq., 336 sqq.).

Напротив, слово *mochtheros* имеет однозначный пейоративный оттенок. Оно встречается у Аристофана десять раз, и пять раз встречается производное от него существительное *mochtheria*   . Два раза *mochtheros* прилагается к неодушевленным предметам: в "Лисистрате" (Lys. 576) и во "Всадниках", когда Колбасник обвиняет Клеона в том, что тот готов продать негодный (*mochtheros*) товар, гнилую кожу, за добротный (Eq. 316). Трижды оно используется как обращение к другому персонажу (*o mochthere* – "о, негоднейший (несчастнейший)" – Acharn. 165, Ran. 1175, Plut. 391),¹⁴⁹ и один раз герой обращает его к себе самому (Av. 493).

Два раза *mochtheros* имеет обобщающий смысл и характеризует группу людей. Дикеополь в "Ахарнянах" говорит о том, что в Афинах есть людишки (*andraria*) негодные, бесчестные и

¹⁴⁵ На это обратил внимание Уэстлейк (op. cit., p. 10).

¹⁴⁶ Ibid. P. 13; Baldwin. Op. cit. P. 151; Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. V. V. Oxf., 1981. P. 258.

¹⁴⁷ На это обратил внимание С.Уитман, как и на то, что в целом положительное значение этого слова в современном греческом языке. См. Whitman C.H. Aristophanes and the Comic Hero. Cambr. Mass., 1964. P. 29 f.

¹⁴⁸ Показателен пассаж из "Лягушек", поздней комедии Аристофана (405 г.), в которой Предводитель мистов отрицательно характеризует некоего народного лидера, Архидема, который призывает к народу (*demagogeî*) и верховодит всяким сбродом (*mochtheria*) (Ran. 419 sqq.).

¹⁴⁹ Cf. Plat. Phaedr. 268e.

т.п. (Ach. 517 sqq.)¹⁵⁰; характерно, что определение *mochtheros* связано здесь с доношением (сикофантией). А в "Лягушках" Эсхил говорит о том, что Еврипид превращает добропорядочных и благородных в наивысшей степени негодных (*mochtherotatoi*® (Ran. 1011). В "Плутосе" Хремил характеризует одного из персонажей как "не негодного" (*tis ou mochtheros en*) (Plut. 1003).

Наконец, во "Всадниках", в "разговоре триер" *mochtheros* единственный раз прилагается к реальному историческому лицу, и это реальное историческое лицо – Гипербол:

Не слыхали ли, сестрицы, новых сплетен городских?
Для похода к Карфагену сотню требует из нас
Злополучный полководец (*andra mochtheron*), кислый уксус,
Гипербол.

(Aristoph. Eq. 1302 sqq. Пер. А.Пиотровского)

Гипербол назван "мужем негодным, гражданином прокисшим (сварливым)". В дополнение к характеристике Гипербола как политика (достаточно тривиальной) Аристофан характеризует его человеческие качества, причем, очевидно, самым уничижительным образом. *Mochtheros* – эпитет, часто применяемый к неодушевленным предметам, и потребовалось пояснение (*aner* у Аристофана, *anthropos* у Фукидида), чтобы "подтвердить" его использование для характеристики человека¹⁵¹.

Чем же заслужил Гипербол такое отношение? Случайно ли то, что он стал первым "негодным человеком" среди афинских политиков?

Судьба известного афинского демагога, активная политическая деятельность которого пришлась на середину Пелопоннесской войны, волновала историков, как древних, так и современных, прежде всего в связи с концом остракизма. Уникальность этого политического института затмила индивидуальность политика, а сильная антидемагогическая и антидемократическая тенденция наших источников привела к умалению реального значения Гипербола в афинской политической

¹⁵⁰ Эти обвинения считались достаточно сильными; во всяком случае, Аристофан дважды подряд (!) подчеркивает, что не говорит о городе в целом (Acham. 515 sq.). Очевидно, комедиограф пытался застраховать себя от обвинения в оскорблении демоса.

¹⁵¹ Следует отметить, что *mochtheros* встречается (правда, очень редко) и в надписях, но более позднего времени. Наиболее показательна надгробная надпись начала II в. н.э. из Внешнего Керамика (IG II² 11552), в которой говорится, что покойный избежал жалкой человеческой жизни (стк. 3).

жизни. В работах последних десятилетий заметно стремление отойти от сложившейся "генеральной линии", но Гипербол часто рассматривается исследователями как бы вне социально-политического контекста, сам по себе.

Что мы знаем о Гиперболе? На первый взгляд, немало. Имя Гипербола как автора дополнения к афинскому декрету содержит надпись 418/7 г. (IG I³.85.6 sqq. = SEG XII.32.6 sqq.), а несколько более ранняя (421/0 г.) очень плохо сохранившаяся надпись свидетельствует о его интересе к организации религиозных празднеств (IG I³.82). Уже найдены и опубликованы три острака, содержащие его имя и относящиеся к последней афинской остракофории¹⁵². Комедиографы – современники Гипербола не обделили его своим вниманием. Гипербол упоминается по имени в семи комедиях Аристофана, поставленных в Афинах в промежутке между 425 и 405 г.¹⁵³ Аристофан был далеко не единственным: он сам указал на Евполида, Фриниха и Гермиппа как на своих соперников в обличении Гипербола, "обокравших" самого Аристофана и использовавших лишь плоские шутки (Nub. 550 sqq.). Комедиограф Платон (fr. 166–172 Kock) посвятил свою пьесу нападкам на популярного лидера и озаглавил ее "Гипербол". К хору нападок на Гипербола присоединились Евполид (fr. 364 Kock), Кратин (fr. 196 Kock) и Левкон (fr. 1 Kock). И это только в дошедших до нас фрагментах! Оратор Андокид следует за комедиографами в осуждении Гипербола (fr.5 Blass).

Фукидиду, имевшему основания не любить демагогов, не удалось сохранить высокомерное молчание,¹⁵⁴ и он был вынужден описать уж если не остракизм, то убийство Гипербола на Самосе в 411 г., поскольку оно повлияло на ход событий олигархического переворота (Thuc. VIII.73.2 sq.). Для современников Гипербол был одним из простатов демоса, демагогом – последователем Клеона. Таким же было и восприятие Гипербола Псевдо-Андокидом,¹⁵⁵ Исократом (De pace 75) и Феопомпом (FGrH 115 F 95, 96).

¹⁵² Phillips D.J. Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // ZPE. 1990. Bd 83. S. 123–148; Mattingly H.B. The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. 25. P. 24 f.

¹⁵³ "Ахарняне", "Всадники", "Облака", "Осы", "Мир", "Женщины на празднике Фесмофорий", "Лягушки".

¹⁵⁴ Которое, очевидно, повлияло на Аристотеля. В "Афинской политике" Гипербол не упоминается в перечне простатов демоса: следующим после Клеона простатом демоса назван Клеофонт (Ath. pol. 28.2 sqq.).

¹⁵⁵ "Четвертая речь Андокида", направленная против Алкивиада, является, вероятно, риторическим упражнением, написанным от лица Феака,

Зато вся более поздняя античная традиция интересовалась Гиперболом преимущественно как последней жертвой остракизма. Здесь не место рассматривать традицию об остракизме в целом; очевидно, что этот своеобразный политический институт, покрывшись благородной патиной времени, стал представляться потомкам как рафинированное средство борьбы благородных политиков. Использование этого "чистого" элемента политической борьбы против "низменного" Гипербола привело к исчезновению самого остракизма. Таков подход к Гиперболу в жизнеописаниях Плутарха (остракизм Гипербола упоминается в биографиях Аристида, Никия и Алкивиада).

Не находят доброго слова для Гипербола ни Лукиан, объединяющий Гипербола с Клеоном (Timon 30), ни Элиан, который перечисляет Гипербола – наряду с Клеофонтом и Демадом – в числе простатов демоса (Var. hist. XII.43). Позднейшая традиция добавляет к биографии Гипербола фантастические детали: апофеозом становится бегство (изгнание?) Никия от Гипербола у Гимерия (Himer. Orat. XXXVI.63).

На первый взгляд может показаться, что источников для реконструкции биографии и взглядов Гипербола немало. Однако они весьма отрывочны и концентрируются вокруг двух проблем: остракизма Гипербола и осуждения его как демагога. Соответственно отрицательное отношение древних авторов к Гиперболу затрудняет воссоздание объективной картины его жизни и деятельности.

Гипербол упоминается практически во всех работах по истории Афин, но посвященных ему исследований немного (интерес к этой фигуре вырос в последние десятилетия), а отечественные ученые специально не занимались им вовсе.

Основополагающие факты жизни и деятельности Гипербола были изложены еще в написанной Свободой биографии политического деятеля в энциклопедии Паули-Виссова¹⁵⁶. Происхождение Гипербола рассмотрено в известной

политического деятеля - современника Гипербола, в самом конце V или в самом начале IV в. до н.э. См. *Rosivach V. Some Fifth and Fourth Century Views on the Purpose of Ostracism* // *Tyche*. 1987. Bd 2. S. 162 ff.; *Rhodes P.J. The Ostracism of Hyperbolus* // *Ritual, Finance, Politics. Athenian Democratic Accounts Presented to David Lewis* / Ed. R.Osborn, S.Hornblower. Oxf., 1994. P. 91.

¹⁵⁶ *Swoboda. Hyperbolos* // *RE*. Bd IX. Hlbd 17. 1914. Sp. 254-258. К сожалению, статья в новом кратком издании этой энциклопедии, в сущности, лишь повторяет устаревшие точки зрения: *Kie Fr. Hyperbolos* // *Der Kleine Pauly*. Bd II. Lfg 12. 1966. Sp. 1274.

просопографической энциклопедии классических Афин Дейвиса,¹⁵⁷ его биографии посвящено несколько страниц в комментарии на "Историю" Фукидида Гомма, Эндрюса и Довера,¹⁵⁸ а также в истории Пелопоннесской войны Доналда Кэгена¹⁵⁹. Характеристику Гипербола как афинского демагога (в связи с влиянием на него Клеона) дает в своей известной монографии об афинских "новых политиках" У.Р.Коннор¹⁶⁰. Датировку последнего афинского остракизма подробно рассмотрели Х.Нойман,¹⁶¹ Ч.Фукуа¹⁶² и Г.Леман,¹⁶³ его направленность характеризуется в работе В.Розивача,¹⁶⁴ находки острака последних лет были проанализированы Г.Маттинли,¹⁶⁵ П.Брюн изучил причины неприязненного отношения к Гиперболу в позднейшей традиции,¹⁶⁶ некоторые детали жизненного пути политика были проанализированы Б.Болдуином,¹⁶⁷ а фундаментальная статья П.Родса "Остракизм Гипербола" как будто бы расставила, если не все, то многие точки над і в вопросе о том, какими причинами было вызвано и когда именно произошло прекращение практики остракизма в Афинах¹⁶⁸. Последнее известное мне исследование о Гиперболе, опубликованное в Италии, рассматривает все стороны

¹⁵⁷ Davies K.J. *Athenian Propertied Families, 600 - 300 B.C.* Oxf., 1971. P. 517 (№ 13910).

¹⁵⁸ Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J. Op cit. P. 257 ff.

¹⁵⁹ Kagan D. *The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition.* Ithaca – London, 1981.

¹⁶⁰ Connor W.R. *The New Politicians of Fifth-Century Athens.* Princeton, 1971. P. 29 f., 79 ff., 145 f.

¹⁶¹ Neumann H. *Die Politik Athens nach dem Nikiasfrieden und die Datierung des Ostrakismos des Hyperbolos* // *Klio*. 1936. Bd 29. Ht 1. S. 36–49.

¹⁶² Fuqua Ch. *Possible Implications of the Ostracism of Hyperbolus* // *TAPhA*. 1965. 96. P. 165–179.

¹⁶³ Lehmann G.A. *Ueberlegungen im Peloponnesischen Krieg: vom Ostrakismos der Hyperbolos zum Thragelion 411 v. Chr.* // *ZPE*. 1987. 69. S. 33–73, особенно S. 41 f.

¹⁶⁴ Rosivach. Op cit. S. 161–170.

¹⁶⁵ Mattingly. Op. cit. P. 1–25, особенно p. 24 f.

¹⁶⁶ Brune P. *Hyperbolos, la creation d'une "legende noire"* // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1987. 13. P. 183–198.

¹⁶⁷ Baldwin. Op. cit. P. 151–156.

¹⁶⁸ Rhodes. Op. cit. P. 85–98.

биографии Гипербола; особое внимание уделено проблеме остракизма¹⁶⁹.

Таким образом, в общих чертах биография Гипербола уже написана современными исследователями¹⁷⁰. Однако продолжаются споры о месте и значении Гипербола в афинской политической жизни. Для нас Гипербол интересен прежде всего как политическая фигура переходного периода от "старого" типа политического лидерства к "новому", которое в источниках обычно определяется как всевластие демагогов; на этот же период (конец V – начало IV вв. до н.э.) приходится и начало употребления слова *ochlos* вместо *demos* для обозначения афинских граждан¹⁷¹. В нашем исследовании мы постараемся выделить Гипербола из ряда других радикальных политических лидеров Афин, показать его место и значение в эволюции взаимоотношений политических лидеров и демоса в классических Афинах.

Гипербол (*Hyperbolos*), сын Антифана, из дема Перифоиды, был, скорее всего, аттического происхождения (в пользу этого свидетельствует его исконно аттическое имя¹⁷²). Упреки в варварском и даже в рабском происхождении, неоднократно бросавшиеся в его адрес авторами комедий и ораторами¹⁷³, очевидно, были несправедливыми. Их многочисленность, впрочем, наводит на мысль о принадлежности родителей Гипербола к тем слоям гражданства, которые сами не пытались проникнуть в политическую элиту Афин. То, что Гипербол в первую половину своей жизни успешно занимался производством светильников (очевидно, он был хозяином соответствующей мастерской – см. Aristoph. Eq. 1315; Pax 690: Гипербол прямо называется *luchnopoios*,

¹⁶⁹ Cuniberti G. Iperbolo, Ateniese infame. Napoli, 2000. P. 111 sqq. – об остракизме.

¹⁷⁰ К сожалению, мне не удалось познакомиться с работами Ф. Камона (F. Camon) в Rivista di studi classici (1961, 9, p. 186 f.), а также в Giornale italiano di filologia (1963, 16, p. 46–59, 143–162), однако его точку зрения приводят У. Коннор и Фр. Ки.

¹⁷¹ Карпюк С.Г. ОХЛОС от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 31–50.

¹⁷² Феопомп, в противоположность другим источникам, дает неверное имя его отца – Хремет. Подробнее об этом см. Davies J.K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 517. Имя матери Гипербола – Доко (Schol. Aristoph. Nub. 552).

¹⁷³ Платон называл его иностранцем (*xenos*) (fr. 166 Kock) и лидийцем (fr. 170 Kock). В Schol. Aristoph. Pax 692 Гипербол назван сирийцем, а оратор Андокид охарактеризовал его как *xenos kai barbaros* (fr. 5 Blass).

и т. д.), свидетельствует о том, что он имел представление об организации ремесленного производства. О богатстве семьи Гипербола свидетельствуют и обвинения в ростовщичестве, которые Аристофан бросал матери демагога (Thesm. 840 sqq.). Однако его родители (или он сам) выбрали для него политическую карьеру. Гипербол получил какое-то риторическое образование: об этом свидетельствуют и косвенные данные (политический успех в Афинах был практически невозможен без риторической подготовки), так и прямое указание в комедии "Облака": Сократ приводит как пример успех Гипербола, который выучил все риторические ухищрения, заплатив талант за обучение (Nub. 876). Конечно, нужно принимать во внимание комедийное преувеличение, но целью Аристофана было высмеять алчных софистов, так что сам факт получения Гиперболом риторического образования вряд ли мог быть простым вымыслом.

Основные вехи первой половины политической карьеры Гипербола можно реконструировать по комедиям, и прежде всего по комедиям Аристофана¹⁷⁴. Политическая карьера Гипербола началась в период Архидамовой войны, когда после смерти Перикла на политическую арену выходит целая плеяда "новых политиков" (среди которых были и Клеон и Никий). Гипербол фигурирует уже в комедии Кратина "Hoi" (fr. 262 Kock), поставленной в период между 428 и 426 г.¹⁷⁵, а также в ранней комедии Аристофана "Ахарняне", поставленной на Ленеи 425 г., в перечне более или менее известных политиков. Характерно, что хор радуется Дикеополю известием о том, что Гипербол его больше уже не засудит (Acharn. 846 sq.). В поставленной через год комедии "Всадники" упоминается уже конкретное предложение Гипербола. Его лозунг "идти на Карфаген" периода первой сицилийской экспедиции 427–424 г. едко высмеял Аристофан в "разговоре триер" (Eq. 1302 sqq.).

Насколько далеко простиралось комическое преувеличение Аристофана, мы не знаем, но очевидна активная поддержка Гиперболом афинской экспансии на запад, воплотившейся в первой сицилийской экспедиции (см. Thus. III.86, 88, 90 sqq.). Вообще исследователи осторожно относятся к этой ремарке Аристофана, отмечая, что из нее следует лишь то, что Гипербол поддерживал как войну в целом, так и западное направление афинской экспансии¹⁷⁶.

¹⁷⁴ Хронология комедий Аристофана: *Dover K.J. Aristophanic Comedy*. L., 1972. P. 13 f.

¹⁷⁵ *Swoboda*. Op.cit. Sp. 255.

¹⁷⁶ См. *Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J.* Op. cit. P. 257.

Характерно, что это предложение Гипербола было лишь повторением и конкретизацией предложения Клеона, на что может указывать другой пассаж из "Всадников" (Еф. 174).

Комедия "Всадники" свидетельствует, что Гипербол был уже к 424 г. одним из виднейших афинских политиков: он удостоивается длинной отповеди (Eq. 1300-1314), "награждается" эпитетом *tochtheros* (Eq. 1304) и уже выделяется из ряда других демагогов (Eq. 1359 sqq.). Карьера Гипербола была (и станет) обычной для радикального афинского политика: сначала следовало привлечь внимание сограждан выступлениями в суде, а затем уже переходить к радикальным внешнеполитическим призывам (благо, обстановка Пелопоннесской войны этому способствовала).

Комедия "Облака", поставленная на Великие Дионисии 423 г., застаёт Гипербола на пике своей популярности. Он становится настолько популярной мишенью для афинских комедиографов, что Аристофану пришлось защищать свое "первородство" в критике Гипербола (Nub. 550 sqq.). Именно здесь Гиперболу очевидно ставится в вину и бесчестно нажитое (*dia ponerian*) богатство (Nub. 1065 sq.), и риторическое образование, полученное благодаря этому богатству (Nub. 876). Возможно, что именно в этот период Гипербол исполнял триерархию: намеки на это содержатся в более поздней комедии Аристофана "Женщины на празднике Фесмофорий" (Thesm. 837 sqq.). Гипербол приобрел к этому времени уже все необходимые атрибуты публичного афинского политика, в их числе и исполнение обязанностей секретаря "священного посольства" (☼☺♣□□○■≡○□■♣☼♠■), что вызвало нападки за незнание религиозного календаря (Nub. 623 sqq.). Насмешки и издевки комедиографов означали только одно – как политик Гипербол находился уже "в обойме", и с ним приходилось считаться.

Однако Гипербол был обречен оставаться "вечно вторым", в тени Клеона. Клеон был наиболее известным политическим лидером радикального крыла, и именно он направлял в то время политику Афин. Об этом свидетельствует и следующая комедия Аристофана "Осы", поставленная на Ленеи 422 г. Здесь лишь однажды упоминается Гипербол как обманщик народа (Vesp. 1006 sqq.), вся же комедия посвящена высмеиванию именно Клеона; суть пьесы - в споре между Бделиклеоном и Филоклеоном.

Гибель Клеона в 422 г. должна была вывести Гипербола в лидеры радикалов. В аристофановском "Мире", поставленном на Великие Дионисии 421 г., в перечне афинских политиков Гипербол занимает самое верхнее место:

/Гермес/ На Пниксе кто сейчас владеет кафедрой?

/Тригей/ Гипербол свил гнездо себе на месте том.

Но что с тобою? Вертишь головой зачем?
/Гермес/ Да, отвернулась /богиня Эйрене. – С.К./. Ей презренен
 город ваш
 За то, что проходимца вожаком избрал.
/Тригей/ За ним никто и не идет. Но город наш
 Сейчас остался без опеки, сир и гол,
 И с горя проходимцем препоясая.

(Aristoph. Pax 680 sqq. Пер. А.Пиотровского)

Именно Гипербол в 421 г., по мнению Аристофана, *kratei nun tou lithou tou'n te pukni* (Pax 680), т.е. был главным оратором радикально и агрессивно настроенной группировки¹⁷⁷. Неудача для Гипербола состояла в том, что эта группировка в данной конкретной ситуации оказалась оттеснена на второй план, а вместе с ней и Гипербол (Pax 920 sqq.). Очевидно, что Гипербол лишился поддержки афинского демоса, который желал мира со Спартой (Pax 1318 sq.). Об этом же пишет и Фукидид.

Следующая по времени сохранившаяся комедия Аристофана "Птицы" была поставлена в 415 г. , так что в наших письменных источниках существенная лакуна, которую можно восстановить, только используя косвенные данные.

Очевидно, что Гипербол продолжал играть заметную роль в афинской политической жизни. В 420 или в 419 г. была поставлена комедия Платона "Гипербол"¹⁷⁸. Гипербол становится членом Совета пятисот: сомнения по поводу законности его избрания туда высказал комедиограф Платон (fr. 156)¹⁷⁹. Его активность распространялась и на религиозную сферу. Конечно, в этом отношении Гиперболу трудно было тягаться с известным своим богатством Никием¹⁸⁰, однако, судя по косвенным свидетельствам, Гипербол принимал деятельное участие в религиозных церемониях: об этом свидетельствует и его назначение *hieromnemon* – секретарем, ведающим отношениями Афин с Дельфийской амфикинией (Aristoph. Nub. 623 sq.), и то, что именно он выдвинул предложение относительно порядка проведения Гефестий,

¹⁷⁷ По мнению С.Уитмэна, Гипербол не случайно занимает именно "камень на Пниксе": камень, угрожающий разбить горшок с миром, для Аристофана является символом войны (Whitman C.H. Op. cit. P. 111).

¹⁷⁸ Swoboda. Op. cit. Sp. 256.

¹⁷⁹ Участие в работе Совета пятисот давало больше возможностей политику для выдвижения разнообразных инициатив (Родс П.Дж. Кому принадлежала власть в демократических Афинах? // ВДИ. 1998. № 3. С. 18 сл.).

¹⁸⁰ Примерно в это же время Никий проводит знаменитое "Очищение Делоса" (Plut. Nic. 3).

афинских празднеств в честь Гефеста, о чем свидетельствует надпись IG I³.82 181. Несмотря на утверждения некоторых исследователей о том, что Гипербол избирался также и стратегом,¹⁸² для подобного заключения нет никаких серьезных оснований.

Однако именно в начале 410-х годов новый политический лидер радикального толка привлёк внимание афинян. Этим лидером был Алкивиад. Как и Гипербол, он выступал за активную внешнюю политику и за возобновление войны со Спартой. Он поддерживал свою популярность громкими победами в Олимпии в 416 г. (Thuc. VI.16.2; Plut. Alcib. 11). И если до нас не дошли сведения о внешнеполитической активности Гипербола в это время (что характерно), то Алкивиаду удастся собрать антиспартанскую коалицию, а после поражения войск коалиции в битве при Мантинее Алкивиад обращает свой взор на запад, в сторону Сицилии. Ему, молодому и талантливому аристократу, афиняне доверяют больше, чем Гиперболу, давно уже пропагандировавшему это направление афинской экспансии.

Против Сицилийской экспедиции выступает Никий, сторонник мира и умеренной политики. Столкновение этих двух подходов, очевидно, и стало причиной остракофории, за которую афинское народное собрание проголосовало впервые после длительного перерыва. Датировка этой остракофории, ставшей последней, - вопрос дискуссионный.

Дата остракизма Гипербола обычно исчислялась, исходя из фрагмента Феопомпа (FGrH 115 F 96b), который можно интерпретировать таким образом, что Гипербол погиб на Самосе

¹⁸¹ Начало этой надписи сохранилось крайне фрагментарно. Исследователи тем не менее восстанавливают имя архонта Аристиона (сткк. 3, 5), позволяющее датировать ее 421/0 годом, а также — по первым трем буквам и весьма гипотетически — имя внесшего предложение Гипербола (стк. 5). Надпись — посвятельная (на стк. 1 восстанавливается *theoi*), касающаяся организации комиссии для проведения жертвоприношений (*thusiai*) (сткк. 17 слл.), награждения победителей состязаний и т.п.

¹⁸² В 425/4 г. (Kie. Op. cit. Sp. 1274). Между прочим, все десять стратегов этого года известны, и среди них нет Гипербола. См. *Fornara Ch.W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404* (Historia. Einzelschriften. Ht 16). Wiesbaden, 1971. S. 59. У.Р.Коннор (op. cit., p. 82) более осторожно говорит о возможной стратегии Гипербола в начале 420-х годов. Однако свидетельства в пользу этого очень поздние и ненадежные (Schol. Aristoph. Acharn. 346 et Pax 1319); к тому же Фукидид не упоминает о какой-либо деятельности Гипербола в качестве военного командира.

через шесть лет (или на шестой год) после своего ostracism¹⁸³. Однако реконструированная А.Вудхедом надпись свидетельствует о политической активности Гипербола в конце 418/7 г.: Гипербол внес предложение, касающееся проверки расходования средств, потраченных в пританию филы Эантиды (IG I³. 85.5 sqq.)¹⁸⁴. В надписи содержится упоминание о постановлении народного собрания (стк. 5), имя внесшего предложение Гипербола (стк. 6). С достаточно большой долей вероятности восстанавливается имя архонта 418/7 г. Антифонта (стк. 12), а притания филы Эгеиды, которая также упоминается в надписи (стк. 10), завершала афинский гражданский год. Таким образом, в 418/7 г. Гипербол не мог быть изгнан ostracismом¹⁸⁵. Наиболее вероятная датировка ostracism - 417/ 6 г.,¹⁸⁶ возможен также и 416/5 г.,¹⁸⁷ хотя это уже слишком близко к дате отплытия Сицилийской экспедиции. Следует также отметить, что народное собрание принимало решение о необходимости ostracism в шестую пританию (Arist. Ath. Pol. 43.5), а само голосование осуществлялось в восьмую пританию (Phil. FGrH 328 F 30), в конце афинского гражданского года. Так что ostracism Гипербола был осуществлен весной 416 или весной 415 г. В любом случае это ставит его в контекст дебатов о Сицилийской экспедиции, красочно описанных Фукидидом (VI.8 sqq.): афинский флот в направлении Сицилии вышел из Пирея в середине лета 415 г. (Thuc. VI.30.1).

Троекратно повторенный Плутархом, с некоторыми вариациями, рассказ об ostracismе Гипербола (Arist. 7, Nic. 11, Alcib. 13),¹⁸⁸ несомненно, в общих чертах вполне соответствует

¹⁸³ Шесть лет — это годы с 417/6 до 412/1 включительно. См. Kagan D. Op. cit. P. 145. Возможен также вариант, что эти шесть лет охватывают годы с 416/5 до 411/0 включительно.

¹⁸⁴ Woodhead A.G. // *Hesperia*. 1949. 18. P. 78–83. См. также Rhodes. Op cit. P. 86 f.

¹⁸⁵ Мнение Х.Ноймана (op. cit., S. 36 ff.), настаивавшего на этой дате, основывается лишь на предположении о связи ostracismа Гипербола с политической активностью Алкивиада в Пелопоннесе.

¹⁸⁶ Gomme, Andrewes, Dover. Op. cit. P. 258 ff.

¹⁸⁷ Raubitschek A.E. Theopompos on Hyperbolos // *Phoenix*. 1955. 9. P. 122-126; Sealey R. A History of the Greek City States. Berkeley, 1976. P. 353. К этой дате склоняется также и П.Дж. Родс, хотя он и признает возможность датирования предыдущим годом (Rhodes. The Ostracism of Hyperbolus. P. 91).

¹⁸⁸ Плутарх использовал самые разнообразные источники: исторические труды Фукидида и Феопомпа, сочинения комедиографов, из которых он

действительности: даже его сомнения о том, Никий или Феак вступил в сговор с Алкивиадом, находят подтверждения в острака, на которых фигурируют как тот, так и другой¹⁸⁹. Народное собрание высказалось за остракофорию, очевидно, потому, что необходимо было сделать ясный выбор между экспансионистской политикой Алкивиада и умеренными взглядами Никия. Можно вполне обоснованно предположить, что инициатором (или, во всяком случае, горячим сторонником подобного решения был Гипербол). Резоны его вполне понятны: при удалении с политической арены Алкивиада Гипербол сам становился главным выразителем радикально-экспансионистских воззрений, и мог претендовать на безусловное лидерство; впрочем, ничего Гипербол не терял и при возможном изгнании Никия, проводника совершенно противоположного политического курса. Однако главный удар был направлен все-таки против Алкивиада. Алкивиад был более "подходящей" жертвой для остракизма: его аристократическое происхождение, вызывающее поведение и "тиранические замашки" (Thuc. VI.15.4; /Andoc./ IV.25 sqq.). делали его, на первый взгляд, идеальной кандидатурой для изгнания.

Однако только на первый взгляд. Гипербол был активным, но не слишком дальновидным политиком. Он не учел настроений сограждан, которые устали от войны и желали ее окончания если не путем мира (этот путь был уже опробован и отвергнут), то путем чудесной сокрушительной победы. Алкивиадовская пропаганда похода на Сицилию была крайне успешной, гораздо более успешной, чем гиперболовская. И это Гипербол признавать не желал. Афиняне не хотели "безличного" одобрения Сицилийской экспедиции, они слишком "страстно желали" завоевать Сицилию (Thuc. VI.24.3 sq.), и им нужен был харизматический лидер. На роль такого лидера мог претендовать Алкивиад, но никак не Гипербол.

Не учел Гипербол и уровень политического мышления Алкивиада. Между голосованием о назначении остракизма и собственно остракофорией – промежуток около 70 дней. Алкивиад

называет по имени Платона, а также произнесенную от имени Феака речь, известную как четвертая речь Андокидова корпуса.

¹⁸⁹ А также некоторые другие политические деятели. По последним данным, из относимых к этой остракофории 26 черепков, на восьми начертано имя Клеофонта, сына Клиппида, из Ахарн, известного демагога, по пять содержат имена Алкивиада и Феака, на трех черепках написано имя Гипербола и на одном - Никия. См. *Mattingly*. Op. cit. P. 24. Значительное число черепков с именем Клеофонта может свидетельствовать о его популярности в тот период: он "наступал на пятки" Гиперболу.

максимально использовал этот период. Конечно, в Афинах не было каких-либо организованных политических партий,¹⁹⁰ и нет никаких сведений о том, что существовало какое-либо формальное обсуждение кандидатур на ostracism¹⁹¹. Однако речь, приписываемая Андокиду, и произнесенная от лица Феака (одного из возможных кандидатов на изгнание) говорит о том, что в народном собрании могли обсуждаться (а точнее – осуждаться) потенциальные жертвы ostracism. Уже было отмечено, что нет никаких оснований полагать, что специальное заседание экклесии могло быть посвящено обсуждению кандидатур на изгнание ostracism. Однако афинская политическая практика предоставляла достаточно возможностей для критики и осуждения того или иного политического деятеля. Даже если эта речь, известная как четвертая речь Андокидова корпуса, и была риторическим упражнением, сам факт его появления свидетельствует о том, что через полтора десятилетия после последнего ostracism в Афинах помнили о горячих дебатах, развернувшихся по этому поводу. Конечно, и Алкивиад и его сторонники не преминули обрушиться на Гипербола. Подвергался критике и сам Алкивиад, причем с совершенно разных сторон.

И тут вступал в силу еще очень важный фактор, который не принял во внимание Гипербол. После ostracism сначала подсчитывалось общее количество черепков (для признания ее состоявшейся необходимо было, чтобы их было больше 6 тысяч), а затем уже черепки раскладывались поименно, и изгнанным считался набравший простое большинство голосов¹⁹². Чем больше кандидатов на ostracism (а в последней ostracism их было по крайней мере шесть), тем меньше голосов может понадобиться для того, чтобы отправить в изгнание того или иного политика. И в данном случае большую роль играют закулисные соглашения между лидерами политических группировок. Трудно сейчас проверить истинность сообщения Плутарха о сговоре Алкивиада и Никия; вряд ли Никий мог рассматриваться как основная мишень. Но осторожный политик, всегда опасавшийся афинского демоса (см.,

¹⁹⁰ Свидетельство Плутарха (Nic. 11.5) о сговоре сторонников Никия и Алкивиада описывает партии (политические группировки) в широком смысле этого слова. Однако Плутарх жил через пять веков после описываемых событий и переносил на классические Афины реалии своего собственного времени. См. Hansen M.H. *The Athenian Assembly: in the Age of Demosthenes*. Oxf., 1987. P. 76.

¹⁹¹ Мнение В.Розивача (op. cit., S. 162) о том, что перед ostracism произносились специальные речи – лишь предположение.

¹⁹² Cp. Plut. Arist. 7; Hansen. Op. cit. P. 17 f.

например, *Thuc. VII.8.2; 48.3*), вполне мог захотеть застраховаться и договорился с Алкивиадом.

Беда Гипербола была в том, что он не смог вообразить себя жертвой остракизма. Гипербол считал, что быть подвергнутым остракизму может только "благородный", т.е. тот, чье влияние независимо от воли демоса. Так считал не только сам Гипербол, таково было общественное мнение. В том же русле мыслил и современный Гиперболу противник демократии, автор Псевдо-Ксенофоновой "Афинской политики": "...Таких должностей, которые приносят спасение, если заняты благородными людьми, и подвергают опасности весь вообще народ, если заняты неблагородными, – этих должностей народ вовсе не добивается; он не находит нужным получать по жребию должности ни стратегов ни гиппархов. И правда, народ понимает, что получает больше пользы, если эти должности не исправляет сам, а предоставляет их исполнять наиболее могущественным людям" (*Xen./ Ath. pol. I.3. Пер. С.И.Радцига*). Таким образом, анонимный олигарх резонно полагал, что наиболее ответственные должности должны были заниматься "благородными", и соответственно ответственность (в том числе и возможность быть изгнанным остракизмом) лежит на них, т.е. политических лидеров старого образца.

Но именно 30–20-е годы V в. стали переломными в политической жизни Афин, именно в это время в афинской политической жизни важную роль начинают играть демагоги, политические лидеры новой формации, происходившие из средних слоев общества и апеллировавшие к демосу¹⁹³. Демагоги вместе с претензией на власть должны были приобретать и ответственность за нее.

Итак, политическая комбинация, инициатором которой был, несомненно, Алкивиад, а непосредственными участниками Феак или Никий (либо оба вместе) удалась. Гипербол был изгнан. Современные исследователи, вслед за Фукидидом, Плутархом и другими античными авторами, часто задаются вопросом, почему именно Гипербол стал последней жертвой остракизма. Однако тот факт, что перед Гиперболом в течение более чем четверти века никто из афинских политиков не был изгнан остракизмом и, возможно, весь этот период народное собрание не вотирировало

¹⁹³ Вопрос о том, насколько Клеон и его последователи продолжали политическую практику времени Перикла и в чем была новизна их политической линии, обсуждается до сих пор. После известной книги У.Р. Коннора (op. cit.) как будто бы установилось мнение о "новом типе" афинских политиков после Перикла. Однако см., например, противоположное мнение: Сахненко Л.А. Демагог Клеон // ВДИ. 1991. № 4. С. 80 сл.

остракофорию,¹⁹⁴ заставляет поставить на первое место другую проблему: почему именно в 416 (или в 415) г. была сделана попытка возродить этот институт?

Остракизм Гипербола можно поставить в один ряд с избранием десяти пританов после Сицилийской катастрофы. Чрезвычайные обстоятельства, вызванные разгромом афинского экспедиционного корпуса в Сицилии, привели к чрезвычайным мерам (Thuc. VIII.1.3). Пританы заменили в какой-то степени стратегов (многие популярные политики погибли, а многие - утратили свой авторитет)¹⁹⁵. Обстоятельства 416 г. были не столь чрезвычайными, но афиняне решили испробовать "старое" средство политической борьбы для "новых" нужд. Результат оказался неожиданным, и попыток больше не было.

Остракизм 416 (или 415 г.) не стал выбором между двумя политическими линиями (агрессивная - умеренная), а между двумя выразителями агрессивной линии (и Алкивиад и Гипербол выступали за афинскую экспансию на запад). Поэтому остракизм Гипербола – но только после осмысления его результатов – показался афинянам неприемлемым¹⁹⁶. В остракизме "второй – лишней". Если же лишним оказывался третий (Гипербол), то сам инструмент становился ненужным.

Меняются и нормы поведения политиков: при всем морализаторстве Плутарха в его сетованиях на деградацию афинских политиков имелось некое рациональное зерно. Обвинения Гипербола в сикофантии и пр. свидетельствуют о новых "этических нормах" для афинских политиков конца V в. до н.э. Стало очевидным, что в новых условиях для устранения неугодных демосу политических лидеров более эффективны другие средства. Не

¹⁹⁴ Нет ни одного достоверного свидетельства ни письменной традиции, ни эпиграфического о каком-либо осуществленном остракизме после изгнания Фукидида, сына Мелесия в 443 г. См. *Rosivach. Op. cit. S. 163.*

¹⁹⁵ *Kagan D. The Fall of the Athenian Empire. Ithaca – London, 1990. P. 5;* Карпюк С.Г. Никий: доблесть политика // ВДИ. 1994. № 3. С. 55.

¹⁹⁶ "Остракизм как институт был предназначен для того, чтобы предоставить афинскому населению возможность выбора между политическими линиями и выдвигающими их политическими лидерами, но когда Гипербола предложил в 416 г. остракофорию, это был не тот случай" (*Fuqua. Op. cit. P. 177*). Впрочем, В.Розивач на основе анализа комедий и речи Псевдо-Андокида пришел к выводу, что главной целью остракизма было устранение лица, которое могло представлять опасность для демократии либо которое вело себя вызывающе по отношению к своим согражданам (*op. cit., p. 166*). Следует, однако, учитывать специфичность нападок авторов комедий и риторическую направленность Псевдо-Андокида.

случайно первое упоминание и о применении *графе параномон* относится приблизительно к 415 г.¹⁹⁷

А что же после остракизма Гипербола? Афинянам было не до него, и один перечень событий 416–412 гг. говорит в пользу подобного мнения. Осквернение герм и последовавшие вслед за этим репрессии, начало Сицилийской экспедиции, бегство Алкивиада, Сицилийская катастрофа, Декелейская война - кому был интересен изгнанный демагог? К тому же, как указывает Фукидид, афиняне после неудачи Сицилийской экспедиции разочаровались в политиках, выступавших за нее (Thuc. VIII.1.1). А ведь Гипербол был одним из них. Гипербол исчезает и из комедий Аристофана, а это самый верный индикатор: его имя не упомянуто ни в "Птицах", поставленных на Великие Дионисии 414 г., ни в "Лисистрате", поставленной на Ленеи 411 г. Однако вряд ли сам демагог оставил всякую надежду вернуться в афинскую политическую жизнь. В пользу этого свидетельствует выбор Самоса как места изгнания. Мы не знаем, отправился ли Гипербол на Самос сразу после остракизма или переместился туда впоследствии; однако выбор Самоса, места концентрации экипажей афинских военных кораблей, показателен. Гипербол хотел оставаться как можно ближе к *nautikos ochlos* – среде, которая ему была близка.

Наконец, о Гиперболе вспоминают. Сначала в театре, походя. Аристофан в "Женщинах на празднике Фесмофорий", поставленных на Великие Дионисии в конце марта 411 г., вкладывает в уста предводителя хора рассуждение о дифференциации почестей для афинских матерей, в котором мать Гипербола недвусмысленно осуждается:

Распустив на плечи кудри, ростовщица здесь сидит.

Рядом с матерью Ламаха. Поступить бы с нею так:

Если станет, в долг ссудивши, требовать она прирост,

Отобрать насильно деньги и сказать при этом ей:

"Не видать тебе прироста, ты уroda родила!"

(Aristoph. Thesm. 840 sqq. Пер. Н.Корнилова под ред. К.Полонской)

Но вспоминают о нем также и яростные противники демократии. В 412–411 гг. на Самосе разворачивается острая внутривнутриполитическая борьба, *stasis*, которая переплетается с олигархическим переворотом в Афинах – ведь Самос был главной базой афинского военного флота (см. Thuc. VIII.21, 25.1, 48, 72 sqq.)¹⁹⁸. Гипербол пал жертвой

¹⁹⁷ Hignett C. A History of the Athenian Constitution. Oxf., 1952. P. 210 ff.

¹⁹⁸ Подробный анализ событий на Самосе дан в книге Д.Шипли, которому, однако, так и не удается проследить (из-за недостатка источников)

этой борьбы. Фукидид сообщает, что под влиянием Писандра и сторонников олигархии в Афинах группа из примерно 300 самосцев совершила убийство сторонников демократии на острове. Убийство же Гипербола произошло, очевидно, по инициативе одного из афинских стратегов, Хармина в июне 411 г. (Thuc. VIII.73.2 sq.). У Хармина были скорее всего личные причины, чтобы свести счеты с Гиперболом. Однако убийство Гипербола на Самосе было в какой-то мере символическим актом. Политического лидера "добрых старых Афин" достаточно было изгнать остракизмом. Демагога необходимо было уже и уничтожить, что и произошло с самим Гиперболом. В IV в. политических лидеров пытались устранить посредством судебного разбирательства, а конец Пелопоннесской войны стал периодом проб и ошибок на переходе к новому типу политической борьбы. Именно в этот период под колесо афинской истории попал и демагог Гипербол.

Мало кто сожалел о его участи: посмертная слава Гипербола имела скорее скандальный оттенок. В комедии "Лягушки", поставленной на Ленеи 405 г., действие происходит в подземном царстве. Торговки, обвинившие Диониса в мелкой краже, кличут на помощь Клеона и Гипербола (Ran. 569 sqq.). И Гипербол здесь снова в тени своего предшественника. Клеон явно поставлен на первый план: он назван простатом (Ran. 570), да и упомянут вторично несколькими строками ниже (Ran. 577).

В чем же заключается новизна политической линии Гипербола или Гипербол был только продолжателем "линии Клеона"? Каковы были взаимоотношения Гипербола с демосом? В чем причина особой предвзятости наших источников по отношению к Гиперболу? Кроется ли она в его происхождении, поведении или здесь сыграли роль иные факторы? Постараемся ответить на эти вопросы, насколько позволяют наши источники.

Традиция рисует Гипербола как продолжателя методов Клеона, но не как продолжателя его успехов. В перечне простатов демоса Гипербол фигурирует нечасто. Даже у Аристотеля – не без влияния Фукидида – имя Гипербола не упомянуто, и следующим после Клеона "простатом демоса" назван Клеофонт (Ath. pol. 28.3). Клеон же всегда оставался на видном месте. Гипербол же, по мнению современников, отличался особой "низостью". Именно его обвиняли в доноситељстве (сикофантии), именно к нему (и только к

все перипетии сложной внутриполитической борьбы на Самосе (Shipley G. A History of Samos 800–188 BC. Oxf., 1987. P. 123 ff.). Очевидно, что Фукидид "переносил" на Самос реалии афинской политической борьбы, и те, кого Фукидид называет самосскими демократами (VIII.73.2), не обязательно были таковыми на самом деле.

нему!) Аристофан и Фукидид прилагали эпитет *mochtheros* ("жалкий, негодный"), именно его обвиняли в "низости, испорченности" (*poneria*),¹⁹⁹ называли "позором города" (*aischunetes poleos*)²⁰⁰. Фукидид прямо указывает, Гипербол был изгнан не из-за страха перед его силой и достоинствами (*dia dunameos kai axiomatos phobon*), но исключительно из-за его низости и из-за того, что он был позором города (Thuc. VIII.73.3). К тому же его происхождение считалось сомнительным, да и его мать высмеивали за занятие ростовщицеством.

Резкие выпады против демагогов не были редкостью. Но случайно ли именно к Гиперболу прилагает единственный раз употребленный им эпитет $\text{Ο} \text{Μ} \text{Η} \text{Ρ} \text{Α} \text{Ι} \text{Σ} \text{Τ} \text{Ο} \text{Σ}$ Фукидид? Случайно ли Аристофан называет Гипербола в добавление к характеристике его политической деятельности (*polites oxines*) также и *aner mochtheros*, т.е. человеком недостойным (Aristoph. Eq. 1304)?

Гипербол был достаточно популярен, но был "вечно вторым", всегда оказывался в тени: Клеона в начале своей политической карьеры, Алкивиада – в конце ее. В тот короткий период (с 422 по 420 или 419 г.), когда Гипербол господствовал на ораторском возвышении на Пниксе (Aristoph. Pax 680), т.е. был во главе радикально настроенных группировки, агрессивная внешняя политика не пользовалась поддержкой большинства афинских граждан.

Гипербол исполнял различные должности и литургии (возможно, даже триерархию), но нет ни одного ясного свидетельства о том, что он когда-либо был стратегом²⁰¹. Афиняне не доверяли ему настолько, насколько Клеону, и предпочли вручить

¹⁹⁹ Политический противник Гипербола Алкивиад в переговорах с олигархами соглашался управлять Афинами не на основе *poneria kai demokratia* (Thuc. VIII.47.2).

²⁰⁰ См. Siewert P. Accuse contro i "candidati" all'osracismo per la loro condotta politica e morale // L'immagine dell'uomo politico: vita publica e morale nell'antichita / Ed. M.Sordi (Contributi dell'Istituto di storia antica. V. 17). Milano, 1991. P. 12.

²⁰¹ Не считая экстраординарного командования под Пилосом, Клеон определенно был стратегом в 424/3 г. (Aristoph. Nub. 581sq.) и в 423/2 г. (Thuc. V.2.1); см. об афинских стратегах этого времени более подробно: Fornara. Op. cit. S. 59 ff. Предположение о стратегии Клеона в 422/1 г. лишь на основании FGrH 324 F 40 (ibid., S. 62) кажется нам сомнительным. Хотя имена стратегов периода с 422/1 по 419/8 г., за исключением Никия и Алкивиада, нам неизвестны, нет оснований считать, что афиняне могли доверить стратегию в этот сложный для государства период явно неискушенному в военном деле Гиперболу.

бразды правления Сицилийской экспедицией более популярному Алкивиаду и более опытному Никию.

Изгнание Гипербола в результате последней афинской остракофории 416 или 415 г. оказалось совершенно неожиданным прежде всего для самого демагога. Гипербол пал жертвой политического сговора. Этот остракизм подвергся осуждению афинского общественного мнения по причине "низости" Гипербола, что нашло отражение в комедии Платона, которую цитирует Плутарх: 202

Хоть кару он [Гипербол. – С.К.] и принял поделом,
Ее с клеймом его никак не совместить.

Не для таких, как он, был создан остракизм.

(Пер. М.Е.Грабарь-Пассек)

Другой причиной стала бесполезность данной остракофории для решения основного политического вопроса: быть или не быть экспедиции в Сицилию. Очевидно, уже после остракизма Гипербола было окончательно решено, что и Никий и Алкивиад возглавят Сицилийскую экспедицию.

Отношение самого Гипербола к афинскому демосу и к правилам политической борьбы мало отличалось от отношения его современников. Он не слишком выделялся своим происхождением (впрочем, и Никий и Клеон и Клеофонт были выходцами из той же самой среды владельцев ремесленных мастерских), риторическими приемами (очевидно, его язык был более понятен большинству граждан, хотя риторическое образование он и получил) и пропагандой экспансионистской внешней политики. До нас не дошло сообщений о каких-либо важных инициативах Гипербола во внутривнутриполитической сфере, если не считать какого-то конкретного предложения о проверке расходования средств в IG I³.85.

Политиков, подобных Гиперболу (а, возможно, и его самого) охарактеризовал Фукидид в речи Алкивиада перед спартанцами. Алкивиад противопоставил умеренную политику, проводимую самим Алкивиадом и осуществлявшуюся ранее родом Алкмеонидов, политику покровительственного руководства демосом (*he prostasia hemin tou pletous* – VI.89.4) противоположной политической линии: "Другие, которые были раньше и которые есть и теперь, вели толпу к низменному; они-то меня и изгнали" (Thuc. VI.89.5). Среди этих других был и Гипербол. Важным отличием его от других политиков было то, что он не занимал каких-либо важных государственных постов (если не считать таковым членство в Совете пятисот). Но,

202 Plut. Nic. 11. Впрочем, на найденных черепках не обнаружено никаких эпитетов, сопровождающих имя Гипербола.

подобно другим политикам, он продолжал действовать вполне традиционно – через суд и народное собрание. А возможность (и необходимость) действовать напрямую у него была. Как раз та самая *nautikos ochlos*, которой столь боялись олигархи (Thuc. VIII.72) – экипажи кораблей афинского флота, состоявшие и из граждан и из не-граждан, – концентрировалась на Самосе, где (случайно ли?) находился в изгнании Гипербол. Нет никаких сведений о том, что Гипербол пытался каким-либо образом повлиять на настроение этой массы (что успешно сделал впоследствии Алкивиад). Гипербол остался в старых рамках политической борьбы; он оказался беззащитен и был убит. Гипербол, последний изгнанный остракизмом афинянин, оказался единственным из всех изгнанных остракизмом, который был убит во время ссылки.

Гипербол внес важной новшество в афинскую политическую жизнь, точнее – в этику политической борьбы в Афинах. Он стал первым общепризнанным "негодным человеком", негодяем в афинской политической элите. Его, в отличие от Клеона, современники никогда не называли демагогом. Как и многих других радикальных политиков, Гипербола неоднократно обвиняли в *poneria* (ср. /Xen./ Ath. pol. I.5: *amathia*, *ataxia* и *poneria* характерны для демоса и объясняется автором памфлета бедностью), но именно его, и только его, современники называли *mochtheros*. Гипербола тянуло к толпе, к *nautikos ochlos*, но он не смог перейти последнюю грань и остался в рамках традиционных политических институтов. Трансформация значения слова *mochtheros* напоминает изменение значения слова *ochlos*: и то и другое слово именно к концу V в. приобретают пейоративный оттенок и начинают активно использоваться для характеристики политической жизни. Эти изменения могут рассматриваться как косвенное свидетельство перемен в политической жизни Афин.

Гипербол не заслужил сочувствия в последующей традиции, являя для нее лишь поучительный пример "неправильного" использования остракизма, а также взлета и падения "низкого" человека в политике. Гипербола несправедливо вспоминали преимущественно за то, в чем он – против своего желания – оказался последним: изгнанным остракизмом. В чем же Гипербол был первым? За Клеоном – вслед за Фукидидом – утвердилась характеристика первого демагога. Это – политическая характеристика: Клеон мог убеждать демос, его избирали стратегом. Гипербол был последователем Клеона; его считали даже его учеником, хотя и никогда не называли демагогом. Но отличие между ними было. И отличие – не только в том, что Клеон имел

определенную сплоченную группу сторонников, а Гипербол, апеллировал ко всем афинянам²⁰³.

Отличие заключалось в том, что современники (Фукидид, комедиографы), прежде всего, оценивали его человеческие качества, причем характеризовался он именно как "человек негодный"²⁰⁴. Моральное осуждение взяло верх над политической оценкой²⁰⁵. Это случилось, очевидно, потому, что сам политик не хотел укладываться в прежнюю политическую этику: он мог быть и сикофантом и священным посланцем одновременно, не скрывая своей политической "низости". Гипербол стал первым негодяем на афинской политической сцене. Совершенно беспринципный, но талантливый Алкивиад не мог с ним в этом соперничать: ведь, по мнению большинства афинян, успех оправдывал многое.

Гипербол пытался втиснуть новые приемы и новую этику политической борьбы в старые рамки. Для него лично итог оказался плачевным, но опыт был учтен; ostracism исчез из политической практики, и афинские демагоги IV в. до н.э. действовали уже по-другому.

²⁰³ На это указывает У.Коннор (op. cit., p. 84, 136).

²⁰⁴ Это не было характеристикой его социального происхождения; как уже отмечалось выше, Гипербол происходил из того же социального строя, что и Никий, Клеон и другие афинские политики того времени - его родители были владельцами ремесленных мастерских, "новыми богачами". В "Мире" Аристофана "ламповщик" имеет даже скорее положительную коннотацию (Pax 680 sqq.). См. *Dover. Op. cit.* P. 96, п. 4. По мнению Кл. Моссе, этих "новых политиков" конца V в. до н.э. можно скорее рассматривать как "управляющих" своих мастерских, нежели как "деловых людей". Политики конца V в. были больше связаны с ремесленным производством, политики IV в. — с морской торговлей и банковским делом (*Mosse Cl. La classe politique a Athenes au IVeme siecle // Die Athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. / Hrgb. von W. Eder. Stuttgart, 1995. S. 76*).

²⁰⁵ Конечно, к морализаторству наших источников нужно подходить с большой осторожностью, и в этом невозможно не согласиться с М.Финли (*Finley M.I. Politics in the Ancient World. Cambr., 1983. P. 55 f.*). Важен сам факт того, что морализаторство в такой степени применялось именно к Гиперболу.

II. АФИНСКОЕ ОБЩЕСТВО: РОЛЬ ТОЛПЫ

ОХЛОС ОТ ЭСХИЛА ДО АРИСТОТЕЛЯ: ИСТОРИЯ СЛОВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Изменение характера афинской демократии в последней трети V в. до н.э. стало общепринятым утверждением в научной литературе, истоки которого следует искать еще в суждениях древних авторов. Данное утверждение обосновывается, как правило, появлением новых лидеров не-аристократического происхождения, которые, начиная с периода Пелопоннесской войны, играют ведущую роль в политической жизни Афин. Выдвижение на первый план "новых политиков" стало возможным в результате изменений, которые произошли в социальной психологии демоса.

В целом подобную точку зрения нельзя не признать справедливой, однако, по нашему мнению, она нуждается в некоторой корректировке и в подтверждении не только отдельными "избранными" цитатами из сочинений древних авторов. Для того чтобы получить более или менее полную и достоверную картину, мы решили проанализировать все употребления слова *ochlos* в дошедших до нас текстах V–IV вв. до н.э. (до Аристотеля включительно). Рассмотрение его эволюции интересно не только само по себе – оно позволяет уточнить характеристику взглядов древних авторов, употреблявших его в разных контекстах с не всегда совпадавшими между собой значениями.

Изучение терминологии в социальном контексте в последние десятилетия становится все более популярным, появились интересные исследования, в которых трактуется употребление *demos* и *plethos* в классический период²⁰⁶; из отечественных работ следует отметить небольшую статью Л.А.Сахненко²⁰⁷. Наиболее фундаментальной работой является многотомный труд о социальной терминологии, подготовленный под редакцией Э.Ш.Вельскопф

²⁰⁶ Ruze F. *Plethos, aux origines de la majorite politique // Aux origines de l'hellenisme. La Crete et la Grice. Hommage a Henri van Effenterre.* P., 1984. P. 247–263.

²⁰⁷ Сахненко Л.А. Греческая социально-политическая лексика периода Пелопоннесской войны // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1978. № 6. С. 105–112.

учеными из Восточной Германии и ряда других стран в 70–80-е годы²⁰⁸. Коллективом исследователей была предпринята попытка совместить лексикон, в котором содержится перечень употреблений социальных терминов у греческих авторов от Гомера до Аристотеля, со сборником статей, в котором часть из них анализируется. Составители лексикона отнесли понятие *ochlos* (как и *homilos*) к числу "пограничных случаев", когда оно имеет социальное значение только в определенных контекстах. "Перечисление всех контекстов в подобных случаях не производится, потому что список, состоящий из большого числа цитат, лишенных связи с социальным смыслом, был бы излишним"²⁰⁹. Естественно, что в каждом конкретном случае составитель решал сам, какие употребления следует включать в лексикон, а какие – нет²¹⁰. Поэтому, хотя "Soziale Typenbegriffe" и может рассматриваться в качестве отправной точки для исследования, принципы отбора в этом издании представляются мне спорными, и для анализа мною использовались лексиконы и конкордансы, как старые, так и составленные с помощью компьютера²¹¹.

²⁰⁸ Soziale Typenbegriffe im alten Griechenland und ihr Fortleben in den Sprachen der Welt / Hrsg. von E.Ch.Welskopf. Bd 1–3. В., 1981-1985 (в остальных томах рассматривается употребление греческих терминов в новых языках).

²⁰⁹ Ibid. Bd 1. S. XIX; cf. S. XX.

²¹⁰ Так, в лексиконе отмечены две трети (18 из 27) употреблений *ochlos* Фукидидом и лишь четверть (4 из 16) употреблений *homilos* тем же автором (Ibid. Bd 2. Sp. 1343, 1357. Ср. Essen M.H.N. von. Index Thucydideus. В., 1887. S. 316, 336. Впрочем, *ochlos* в лексиконе отмечен звездочкой, что может обозначать неполноту перечисления контекстов (Soziale Typenbegriffe... Bd 1. S. XX).

²¹¹ Slater W.J. A Lexicon to Pindar. В., 1969; Italie G. Index Aeschyleus. Ed. altera. Leiden, 1964; Holmboe H. Concordance to Aeschylus. Aarhus, 1971; Ellend F. Lexicon Sophocleum. Ed. altera. В., 1872; Allen J.T., Italie G. A Concordance to Euripides. Berkeley – Los Angeles – London, 1954; Collard C. Supplement to Allen and Italie, Concordance to Euripides. Groningen, 1971; Tragicarum dictionis index, spectans ad Tragicorum graecorum fragmenta, ab A.Nauck edita. Petropoli, 1892; Todd O.J. Index Aristophaneus. Cambr. Mass., 1932; Edmonds J.M. The Fragments of Attic Comedy. V. I–II. Leiden, 1957–1959; Powell E.J. A Lexicon to Herodotus. 2nd ed. Hildesheim, 1966; Betant E.-A. Lexicon Thucydideum. V. I–II. 2. Ausg. Hildesheim, 1961; Thieme K.-A. Lexicon Xenophontum. V. I–IV. Lpz, 1801-1804; Preuss S. Index Isocrateus. 2. Ausg. Hildesheim, 1963; Van Cleef F.L. Index Antiphontus. 2nd ed. N.Y. –L., 1965; Holmes D. Index Lysias. Bonnae, 1895; Preuss S. Index Demosthenicus. Lpz, 1892; Concordantia in Corpus Hippocraticum / Ed. par G.Maloney et W.Frohn. T. I–IV. Hildesheim, 1986–1989;

Первая половина V в. до н.э. была для Греции временем появления новых терминов, новых понятий. Новое государственное устройство, введенное в Афинах Клисфеном, наконец, обрело свое имя “демократия” (а не *isonomia*, как раньше)²¹². И именно в это время в текстах впервые появляется термин *ochlos*, который постепенно приобретает значение “толпа”, “неорганизованное собрание”. Подобное значение имело и слово *homilos*²¹³, которое встречается еще у Гомера (например, II. 8.94)²¹⁴.

Распределение употребления слова *ochlos* по жанрам также не хаотично. Если исключить единичное употребление его в лирике, сначала его стали широко использовать драматурги (в особенности - Еврипид и Аристофан), затем оно появляется в историографии (широко – с Фукидида), публицистике и речах ораторов и, в конце концов, становится достоянием философов. В силу сильно выраженного негативного оттенка *ochlos* в рассматриваемый период зафиксирован исключительно в письменной традиции, но не в эпиграфике. Только в конце II и в начале I в. до н.э. *ochlos* появляется в надписях²¹⁵.

В словарях и лексиконах наиболее древним автором, который использует данный термин, обычно называется Пиндар. Действительно, в IV Пифийской оде поэт прославляет киренского царя Аркесилая IV, победителя в беге на колесницах на 31-х Пифийских играх (462 г.):

Прямо шел он,
Твердо стал он
На площади, где толпился народ.

(Pind. Pyth. IV. 83-85. Пер. М.Л.Гаспарова).

Пиндаровская “заполняющая агору толпа” (*en agora plethontos ochlou*) стала предвестницей “рыночной черни” (*agoraios ochlos*), о

Brandwood L. A Word Index to Plato. Leeds, 1976; Bonitz H. Index Aristotelicus. B., 1870. Использовались также указатели к изданиям серии “Les belles lettres”.

²¹² См. об этом: Debrunner A. Demokratia // Festschrift fuer E.Tieche. Bern, 1947. S. 11–24; Vlastos G. Isonomia // AJPh. 1953. V. 74. P. 337–366 и др.

²¹³ Сводку его употреблений, хотя и неполную, см.: Soziale Typenbegriffe... Bd 2. B., 1985. Sp. 1341–1343.

²¹⁴ Впрочем, чаще в “Илиаде” *homilos* обозначает сутолоку в битве, множество сражающихся. См. Welskopf E.Ch. Die Bezeichnungen *laos*, *demos*, *homilos*, *plethus*, *ethnos* in den homerischen Epen // Soziale Typenbegriffe... Bd 3. B., 1981. S. 184–185.

²¹⁵ Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Lpz, 1921–1924. V. II. 700,20; 709,5; 730,10 и др.

которой позже упоминали другие авторы вплоть до Аристотеля (Arist. Pol. 1319a 37).

Театр. Однако в действительности первое известное употребление термина *ochlos* зафиксировано в трагедии Эсхила "Молящие", написанной, вероятно, в 70-е годы V в. до н.э.: в нем речь идет о множестве воинов (Aesch. Suppl. 182). В более или менее точно датируемой 472 г. трагедии "Персы" уже три употребления: два раза при перечислении войск Ксеркса (Pers. 42, 53), причем синонимом выступают *plethos*, дважды *ethnos* и в третьем случае речь идет о погибших при Саламине соратниках Ксеркса (*philon allos ochlos* - Pers. 956). И в более поздних трагедиях он использовал этот термин (Sept. 234; Prometh. 315, 827).

У Эсхила термин *ochlos* выступает как синоним термина *homilos* известного еще со времен Гомера и обозначающего множество, скопление людей. Драматург использует *homilos* в похожих контекстах и близких значениях: толпа персидских женщин оплакивает ушедших на войну мужей (Aesch. Pers. 123–124; cf. 753–754, 1028), толпа врагов (Sept. 35), полчища скифов (Prometh. 417). У него, как и у Пиндара, новый термин только появляется, не приобретая при этом нового социального смысла.

В "Трахинянках" Софокла, написанных с середины V в., также упомянута большая толпа (*ochlos*) трахинцев, собравшаяся на агоре (Soph. Trachin. 423–424). Поступь "дикой толпы" (*agrostes ochlos*) донес до нас фрагмент софокловского "Александра" (Soph. Fr. 91 Nauck = Fr. 94 Pearson). У Иофона, сына Софокла, есть упоминание о толпе мудрецов (софистов) (Ioph. Fr. 1 Nauck), что перекликается с "Облаками" Аристофана.

Но настоящий переворот в отношении к толпе совершил Еврипид. Это заметно даже при анализе словоупотребления: при массовом использовании *ochlos* (39 раз, включая фрагменты) *homilos* употреблен лишь в нескольких случаях (Eur. Нес. 921; Iph. Aul. 427; Andr. 19; Cycl. 100; Orest. 943); но главное даже не в этом, главное - то, что толпа у Еврипида становится социальным понятием, а не просто определением множества. Охлос – зависимые люди, это – слуги в "державном доме" Тезея (Hippol. 842), в доме Геракла (Heracl. 976). Киклоп при виде Одиссея и спутников его вопрошает: "Что за толпу (*ochlos*) я вижу перед своим двором? Морские разбойники или воры пристали к берегу?" (Cycl. 222 sq.), т.е. охлос – это сброд, люди, находящиеся вне рамок общества.

В этой толпе опасно находиться женщинам, девушкам. Иолай в "Гераклидах" говорит:

Нельзя девиц пускать в толпу, сажать
Боимся их у алтаря мы даже.

(Eur. Heracl. 43–44. Пер. И.Ф.Анненского).

Агамемнон предупреждает Клитемнестру о том, насколько неприлично ей находиться “в толпе воинов” (Iph. Aul. 735; cf. 1030, 1546). В “Ипполите” кормилица говорит Федре:

Образумься, дитя!

Не пристало царице на людях (*par’ ochlo*) вести
Безрассудные речи. Опомнись, уймись!

(Hippol. 212–214. Пер. С.К.Апта).

Елена считает, что Гермionу нехорошо пускаться в толпу (*eis ochlon*) (Orest. 108). Антигона же прямо заявляет: “Я стыжусь толпы” (Phoin. 1276). Менелай стыдится расспросов толпы (*ochlos*), оказавшись в неподобающей царю ситуации. Толпы боится даже грозный Агамемнон (Hes. 868–869), а Ипполит гордится неумением “иметь дело” с толпой:

Я не умею пред толпой витийствовать

И говорить в кругу немногих сверстников

Мне легче. Впрочем, тот, кто ублажать горазд

Толпу речами, никнет перед мудрыми

(Hippol. 986–989. Перевод С.К.Апта).

Ближе к оригиналу это звучит еще отчетливее: “Средь мудрецов ничтожны те, / Кто соловьем пред сбродом разливается” (*par’ ochlo tousiloteroi legein*).

Однако Ипполит понимает, что его нежелание “соловьем пред сбродом разливаться” уместно лишь в единомудравном государстве, в котором во главе стоит единомудравный властитель (Eur. Suppl. 411 sqq.). При демократии решение – в руках “выборных толпы”: Тиндар, чтобы узнать судьбу Ореста, спешит *eis ekkleton Argeion ochlon* (Orest. 612.; cf. 119, 1280 etc.)²¹⁶. И толпа аргосцев, собравшаяся на холме (Orest. 871 sqq., 884 sqq.), т.е. народное собрание, решает судьбу Ореста. Совсем не случайно Еврипид вкладывает в уста Менелая слова (обращенные к Агамемнону) о том, что не следует чрезмерно бояться толпы (Iph. Aul. 517).

Конечно, далеко не все упоминания толпы у Еврипида “социально маркированы”. Толпа (*ochlos*) фригийцев (Eur. Cycl. 199–200), ахейских воинов (Hesub. 521), женщин (Phoin. 196–197), вакханок (Bacch. 1130–1131), метателей дротиков (Rhes. 312–313), воинов (Iph. Aul. 735), данайцев (Iph. Aul. 1030), аргосцев (Iph. Aul. 1546), сатиров (*homilos* – Cycl. 100) – обычное явление в полных драматизма пьесах Еврипида, но тенденция несомненна. Даже традиционный (и редко встречающийся у Еврипида) термин *homilos*

²¹⁶ В данном контексте *ekkletos*, возможно, не просто “созванная” толпа – здесь, очевидно, содержится аллюзия на *ekklesia*

ставится в новый контекст: "толпа моряков" (*putan...homilos*) - это греки, ворвавшиеся в Трою (Hesub. 921).

Еврипид, чутко откликаясь на новые веяния социальной реальности и интеллектуального прогресса, не мог не уловить усиления значения "толпы", далеко не объясняющегося старым противоречием монарх (тиран) - толпа.

В комедиях Аристофана также встречается слово *ochlos* (11 раз), как и производное от него прилагательное *ochleros* (3 раза). Прилагательное используется в значении "надоедливый" (Aristoph. Acharn. 460, 462; Thesm. 1075) и не несет никакого политического подтекста. Что касается самого *ochlos*, то он встречается в более поздних пьесах Аристофана ("Лягушки", "Лисистрата", Женщины в народном собрании", "Плутос"). Единственное исключение - пассаж в "Ахарнянах", когда Дикеополь обращается к дочери:

Иди вперед. Смотри, не будь разинею:

В толпе стянуть недолго драгоценности.

(Acharn. 275–276. Пер. С.К.Апта).

Охлос как пространство особой опасности для женщин (так у трагиков) переосмысливается комедиографом в свойственном ему приземленно-бытовом ключе. В "Лягушках" "толпящийся народ" (*laon ochlos*) иронично объявляется чуть ли не средоточием мудрости (Aristoph. Batr. 676 sq.; cf. 219 – "толпящийся народ" за храмовой оградой).

Наконец, в "Женщинах в народном собрании" охлос - это уже граждане в народном собрании:

Хремет. Множество несметное (*pleistos anthropon ochlos*)

Как никогда, народу собралось на Пникс.

На них взглянув, мы скопом за сапожников

Их приняли...

(Ecc1. 383 sqq. Пер. А.И.Пиотровского).

Несколькими строками ниже толпа (*ochlos*) собирается рано (на Пниксе), чтобы решить поставленный пританами вопрос о спасении государства (Ecc1. 394 sqq.).

Аристофан выводит бога богатства Плутоса в окружении толпы (*ochlos*), состоящей из справедливых и прежде малоимущих:

Но окружен толпою он /Плутос. – С.К./ несметною.

Все люди, что доселе были честными

И бедными, теперь его приветствуют...

(Plout. 750 sqq. Cf. 785 sqq. Пер. А.И.Пиотровского).

У Аристофана, отразившего реалии афинской жизни, охлос, толпа превращается (как у его старшего современника Еврипида) из сборища людей в сборище граждан. Вряд ли это случайно - это, очевидно, отражает динамику развития афинского общества и даже

изменение самооценки афинских граждан. Аристофан мыслил вполне конкретно, и для него это изменение было связано с введением платы за посещение народного собрания. Эта плата была введена в самом начале IV в. и затем очень быстро возросла (к 393 г. была повышена до 3 оболов). В связи с этим агора, где до того народ обычно проводил время, узнавая последние новости, опустела, и масса афинских граждан заполнила Пникс, где собиралась в это время эклесия (Aristoph. Eccl. 183 sqq., 289 sqq., 380 sqq.; Plout. 329 sqq. и др.)²¹⁷.

К сожалению, за исключением самого Аристофана, древняя и средняя аттическая комедия известна нам лишь в небольших фрагментах, в которых слово *ochlos* встречается в неполитическом контексте. У Кратина, старшего современника Аристофана, упоминается "множество ячменных зерен" (*krithon ochlos*) (Fr. 227A Edmonds); подобного рода упоминания можно встретить у Анаксандрида (Fr. 54, l. 5–6), Навсикрата (Fr. 1, l. 12). Толпа как скопление людей фигурирует в комедиях последней четверти IV в. до н.э.: например, *ochlos* ионийцев (Antiphan. Fr. 91, l. 3); см. также Amphip. Fr. 14, l. 5–6.

Употребление слова *ochlos* афинскими трагиками и комедиографами было подчинено той же тенденции, что и в других жанрах. Постепенно оно становится социально (и в меньшей степени эмоционально) окрашенным, чему способствовали социальные изменения в аттическом обществе, изменение позиции и поведения демоса, появление демагогов.

Историография. Писавший на ионийском диалекте Геродот только раз употребил *ochlos* в значении "неудобство, беспокойство" (Herod. I.86.5), но *homilos* встречается у него достаточно часто (21 раз). Рассмотрим эти употребления, чтобы попытаться определить различие в применении обоих слов историками.

Геродот употребляет *homilos* для обозначения скопления людей, больших людских масс (*pollos homilos* *suchnos homilos*): "великое множество" греков и варваров жило вокруг города, который Гистиэй строил на р. Стримон (V.23.2); в Кирену собралось "великое множество" колонистов со всей Греции (IV.159.4); в Сесте жили эолийцы, персы и множество (*suchnos homilos*) других союзников (IX.115); от ударов молнии погибло множество людей (VII.42.2); толпа мужчин (*homilos andron*) обступала девушек во время продажи невест у иллирийских энетов (I.196.1); фараон Сесострис пригнал в Египет множество пленных

²¹⁷ Ehrenberg V. The People of Aristophanes. A Sociology of Old Attic Comedy. 2nd ed. Cambr. Mass., 1951. P. 227, 349.

(II.108.1); одна из вершин Парнаса дала убежище множеству (*homilos*) фокидян, спасавшихся от нашествия Ксеркса (Herod. VIII.32.1).

Вполне традиционным также является и соотнесение *homilos* с войском: около раненого собирается толпа, как это обычно бывает на войне, – речь идет об осаде Потидеи персами (Herod. VIII.128.2), огромная толпа (*pollos homilos*) персидских воинов грабит Сарды (I.88.3); во время осады Вавилона Кир, имея в своем распоряжении огромное множество воинов, разделил р. Гинд на 136 каналов (I.189.4). Приведенные контексты могут, на первый взгляд, свидетельствовать и о том, что *homilos*, наряду с многочисленностью, может характеризовать и неорганизованность войска. Однако подобное предположение не подтверждается: Геродот называет *homilos* *allos homilos* как наступавшие на греков вполне организованные вооруженные силы Персидской державы (V.32; VII.184.1-2), так и бежавших после битвы при Платеях персов и их союзников (IX.67: *ton allon sunnachon ho pas homilos*; IX.70.1). У Геродота *homilos* не является оценкой ни состояния, ни качества войск, и, когда историк перечисляет, вслед за конницей, не-элитные персидские войска, он дополнительно использует наречие: "...А затем остальная толпа (*homilos*) шла вперемежку" (VII.41.2). В подобном случае более поздние авторы (и даже современники Геродота) вполне могли бы употребить *ochlos*.

Но наиболее показательное описание скифского похода Дария. Царь оставляет слабых и больных воинов вместе с вьючными животными в лагере, а сам с отборной частью войска уходит от преследовавших его скифов, причем эта лучшая часть персидского войска характеризуется Геродотом как *homilos* (IV.135.3). Понятно, что в данном случае "отец истории" хотел подчеркнуть то, что с Дарием уходила более многочисленная часть его войска, но никак не то, что она была наименее организованной.

Лишь одно употребление *homilos* в сочинении Геродота выделяется из общего ряда. Речь идет о знаменитом "диспуте трех персов" о наилучшем государственном устройстве (Herod. III.80-82). Защитник аристократической формы правления Мегабиз, выступая против передачи верховной власти большинству (*plethos*), говорит: "Ведь нет ничего вероломнее и заносчивее негодной толпы (*homilos*)" (Herod. III.81.1); далее речь идет о гордыне (*hubris*) демоса. С точки зрения Мегабиза, народ обладает теми же качествами, что и тиран, и *homilos*, как *plethos* и *demos*, получает у него резко отрицательную оценку через эпитет *achreios* – "бесполезный", "негодный".

"Диспут трех персов" принято рассматривать как отклик на развернувшуюся в греческом обществе дискуссию о политическом равенстве, о наилучшей форме государственного устройства, которая нашла отражение и в софистической литературе²¹⁸. Характерно, что в уже в горгиевской "Похвале Елене" дважды встречается *ochlos* (Fr. В 11 Diels, 13, 33). Но "отец истории" для выражения нового понятия (в этом единственном случае, когда такая необходимость возникла в его труде) все же использовал привычный ему *homilos*. Можно предположить, что Геродот не использовал слово $\square$ *ochlos* не из-за его незнания (историк первым использовал производное от него прилагательное *ochleros* – Herod. I.186.1), но из-за отсутствия интереса к данному социальному феномену.

Совершенно иная картина у Фукидида. Только одно употребление этого термина может быть сопряжено с геродотовским и не несет социального значения (Thuc. I.73.2), а в другом случае, при описании заговора Гармодия и Аристокитона, *ochlos* имеет значение сборища людей, в котором Аристокитону удалось скрыться (VI.57.4). Еще три употребления на первый взгляд также не имеют никакого отношения к социальной терминологии: речь в них идет о массе кораблей, не построенных в боевой порядок (I.49.3; II.88.2; VII.62.1), причем синонимом в указанных случаях является *plethos*. Однако характерно, что в трех случаях словом *ochlos* обозначаются уже экипажи кораблей (VI.20.4; VII.62.2; VIII.72.2), *nautikos ochlos* – та самая афинская "корабельная чернь", которая выступила против олигархов и способствовала восстановлению демократии после переворота 411 г. (причем снова синонимом является *plethos* – ср. Thuc. VI.20.2).

К этому значению примыкает и другое: *ochlos* как толпа непостроившихся воинов, неупорядоченное войско (Thuc. VI.56.1; VI.126.1; VII.75.5; VIII.25.4). Так, Брасид обращается к пелопоннесцам с призывом сохранить боевой порядок (*taxis*), противопоставляя свое войско "полчищам" (*ochloi*) варваров (VI.126.6). Отступавшее в беспорядке афинское войско в Сицилии все превратилось в толпу и обозначается Фукидидом также как *ochlos* (VII.75.5).

²¹⁸ Guthrie W.K.C. A History of Greek Philosophy. V. III. Cambr., 1969. P. 148 ff. Некоторые исследователи считают Протагора возможным источником "диспута трех персов". См. Waters K.H. Herodotos the Historian. His Problems, Methods and Originality. London-Sydney, 1985. P. 78 f., 93 (перечисление важнейших работ по "диспуту трех персов").

Но *ochlos* в применении к войску может иметь и другое значение: часть войска, не-всадники, не-гоплиты (Thuc. III.109.2; VII.78.2; VII.84.2; VIII.92.11). Так, во время сицилийского отступления афиняне опасались нападений всадников и остального войска ("толпы") противника (VII.84.2). Простые воины (*ho ochlos*) противопоставляются также богатым гражданам при описании попытки антидемократического переворота на Самосе (VIII.48.1–3). Гоплиты и многие жители Пирея выделяются из толпы, к которой они обращаются с призывом (VIII.92.11).

Для Фукидида *ochlos* – это и все те, кто не является полноправным гражданином, мужчиной-воином, – т.е. женщины, дети, метеки (Thuc. I.80.3; III.87.3; VI.30.2; VIII.48.3). Афинянам противопоставляются "чужеземцы и остальная толпа" (*hoi de xenoï kai ho allos ochlos*) (Thuc. VI.30.2); при перечислении жертв чумы в Афинах Фукидид пишет: "Из числа значившихся в списках от болезни погибло 4400 гоплитов и 300 всадников, а сколько жертв она унесла из остального населения (*tou de allou ochlou*), с точностью установить невозможно" (Thuc. III.87.3). Таким образом, *ochlos*, в противоположность гражданам, не учитывается в гражданских списках.

Однако *ochlos* может обозначать и всю совокупность граждан, весь демос, но лишь в том случае, если он проявляет свои худшие качества, свойственные толпе, либо тогда, когда речь идет о возбужденной народной массе (Thuc. IV.28.3; VI.17.2; VI.63.2; VI.89.5; VII.8.2; VIII.86.5). Толпе свойственно поступать из чувства противоречия (VI.28.3), или с излишней самоуверенностью (VI.63.2) – в обоих случаях Фукидид использует выражение *hoion ochlos philei poiein*. В угоду толпе (*to ochlo pros charin*) может быть извращено реальное положение вещей, чего опасался Никий (VII.8.2), *ochlos*, ведомый демагогами, может совершать дурные поступки – об этом говорится в речи Алкивиада перед спартанцами (VI.89.5). И, наконец, в другой речи Алкивиада, обращенной к афинянам, дается характеристика населения сицилийских полисов: "Ведь перемешанной толпой обильно населены эти города, и они с легкостью меняют граждан и принимают /новых. – С.К./" (VI.17.2).

Таким образом, у Фукидида, подобно его современникам Еврипиду и Аристофану, слово *ochlos* уже наполняется социальным содержанием: *ochlos* – это не члены гражданского коллектива, не-гоплиты, в общем – не-*demos*, или, во всяком случае, худшая его часть. Демос может превратиться в охлос, утратив порядок (*taxis*) во время военных действий, или потеряв благоразумие в мирное время и поступая подобно толпе. При этом Фукидид отнюдь не отказывается и от употребления слова *homilos*, которое достаточно

часто (16 раз) встречается в его труде, но в отличие от Геродота он нередко стремился им обозначать не только (и не столько) многочисленность, но часто и неупорядоченность. Так, Фукидид широко использует *homilos*, как и *ochlos*, для обозначения легковооруженных воинов, не-всадников, не-гоплитов (Thuc. II.31.2; III.1; IV.112.3; IV.125.2; VII.58.4), неорганизованного войска варваров в противоположность грекам либо македонцам (Thuc. II.98.4; II.100.6; IV.124.1).

Homilos у Фукидида – это также большое скопление граждан и просто людей (и в данном случае его употребление вполне соответствует употреблению *ochlos*). Перикл выступал на помосте для того, чтобы его речь была слышна как можно большему числу собравшихся (*epi pleiston tou homilou* – Thuc. II.34.8), он же в своей знаменитой речи обращается как ко всем собравшимся жителям города, так и к чужеземцам (*ton panta homilon aston kai xenon xumphoron* – II.36.4)²¹⁹. На проводы сицилийской экспедиции в Пирей собралось все множество жителей (*ho allos homilos hapas*): и граждане, и чужеземцы, и приверженцы (*eunoi*) афинян (Thuc. VI.30.2; VI.32.2). В Сицилии множество афинских граждан и воинов стремились поправить свое материальное положение и распространить афинское владычество (VI.24.3). Фукидид использует также выражение *allos homilos* для обозначения граждан Амфиполя – не-афинян (IV.106.1). Однако *homilos* у Фукидида, в отличие от Геродота, не подчеркивает многочисленность по преимуществу; напротив, Фукидид часто добавлял слово или выражение, характеризующее многочисленность (II.31.2; II.98.4 и т.п.).

В двух случаях *homilos* у Фукидида имеет резко негативный смысл. В своей речи перед афинским народным собранием Алкивиад характеризует сицилийцев как толпу (*ho toioutos homilos*), неспособную спокойно выслушать оратора (Thuc. VI.17.4). А повествуя о возвращении Перикла к политической жизни, историк пишет: "Немного спустя, впрочем, афиняне, как обычно и поступает толпа (*hoper philei homilos poiein*), вновь избрали Перикла стратегом и поставили его во главе государства" (Thuc. II.65.4). В обоих случаях *homilos* явно соотносится с *ochlos*: в речи Алкивиада немного выше население сицилийских городов характеризуется как "перемешанная толпа" (Thuc. VI.17.2), а для характеристики действий толпы историк использует, как уже было

²¹⁹ В данном случае проявляется важное стилистическое отличие *homilos* от *ochlos*: даже в написанной (или реконструированной) речи Перикл у Фукидида не мог назвать своих слушателей толпой, *ochlos*.

отмечено, выражение "*hoion ochlos philei poiein*" (Thuc. VI.28.3; VI.63.2). Вряд ли можно считать удивительным то, что Фукидид употреблял *homilos* в своем сочинении: склонность историка к использованию архаизмов общеизвестна²²⁰. Замечательно то, что Фукидид фактически использует старый термин в качестве синонима *ochlos*, причем в некоторых случаях *homilos* отрицательно характеризует социальные и социально-психологические качества толпы.

Тенденции, выраженные в "Истории" Фукидида, еще более явно проявляются в сочинениях Ксенофонта. У него слово *homilos* вообще не встречается, а *ochlos* крайне редко имеет значение "неудобство, беспокойство, помеха" (Xen. Anab. III.2.27; Symp. 8.4; Hipparch. 1.18). Чаще всего у него *ochlos* – либо войско (часть войска), либо сборище (афинских) граждан, причем, естественно, в "Анабасисе" преобладает первое значение, в "Греческой истории" – второе. В "Анабасисе" *ochlos* обычно выступает как *terminus technicus* для обозначения нестроевой части войска – лагерных слуг, носильщиков и т.п. (Anab. III.2.26; III.3.6; III.4.26; IV.3.15; IV.3.26–27; V.4.34; cf. Hell. VI.2.23). Правда, пленники-рабы выделяются из этой массы, хотя и ставятся с ней в один ряд: "Через глашатаев было приказано солдатам после завтрака выступить с оружием в руках, оставив нестроевых и рабов на месте" (Anab. VI.5.3. Пер. М.И.Максимовой). Охлос – это и войско варваров (Anab. II.5.9; IV.1.20), особенно явно это значение прослеживается в "Киропедии", где этим термином обозначаются войска противников Кира – Гобрии (Cyr. V.2.35; V.4.48), Киаксара (Cyr. V.5.4). Охлос для Ксенофонта (как, впрочем, и для Фукидида) – это непостроившееся, неорганизованное или дезорганизованное войско (Cyr. IV.2.6; V.2.35; VI.1.26; Anab. II.5.9; VII.1.18; Cyneget. 12.5). Отступающее войско аргосцев (речь идет о событиях 392 г.) превращается в большую толпу (Hell. IV.4.11), но спартанское войско отступало в битве при Левктрах в 371 г. под натиском толпы (*ochlos*) фиванцев (Hell. VI.4.14). Для лаконофила Ксенофонта даже бегущие спартанцы – не толпа, а теснящие их фиванцы – *ochlos*! В данном случае мы сталкиваемся с исключением, которое еще более подтверждает правило.

Ксенофонт употребляет *ochlos* и в не-военном контексте. *Ochlos* может, конечно же, означать у Ксенофонта простое скопление людей: так, Койратиду удалось скрыться в толпе в Пирее

²²⁰ "Фукидид пишет на так называемом староаттическом разговорном языке с известной примесью архаизмов" (Стратановский Г.А. Фукидид и его "История" // Фукидид. История. Л., 1981. С. 436).

и бежать в Декелею (Xen. Hell. I.3.22), по возвращении из Спарты Ферамена и других послов, которые вели переговоры о мире, вокруг них собралась большая толпа (Hell. II.2.21)²²¹. Однако чаще *ochlos* для Ксенофонта – не нейтральный термин и используется тогда, когда автор пытается привлечь внимание к худшим качествам афинского демоса. Так, Алкивиада встречала на судах толпа жителей Пирея и самих Афин (*ho te ek tou Peiraios kai ek tou asteos ochlos*), причем полководец в ее глазах был "лучшим из граждан" (Hell. I.4.13). Во время обсуждения дела стратегов-победителей при Аргинусах толпа (*ochlos*) кричала, требуя осуждения стратегов (Hell. I.7.13), в результате пританы, за исключением Сократа, поддались влиянию толпы (Hell. I.7.14–15). Гиерон, обращаясь к Симониду, говорит о предрассудках толпы (Hier. 2.3) – *ochlos* и *plethos* в данном пассаже выступают как синонимы. Гиерон после захвата им тиранической власти стал бояться толпы (Hier. 6.4).

Но *ochlos* у Ксенофонта иногда имеет и социальное значение. Кинадон, предводитель заговора в Спарте, полагал, что те из заговорщиков, у которых есть оружие (очевидно, речь идет о неполноправных спартиатах – гипомейонах, мофаках и перизеках), могут его использовать, а что касается остальных (*to d'ochlo*), то они могут вооружиться ножами и другими подручными средствами (Hell. III.3.37). Очевидно, *ochlos* в данном случае – это илоты и вольноотпущенники, т.е. социальные низы не просто спартанского общества, а его не-гражданского населения. В отличие от Афин для лаконофила Ксенофонта спартанские граждане (даже отступающая спартанская фаланга) не могут превратиться в толпу. В аристократической утопии "Киропедии" охлос противопоставляется "кругу друзей" "идеального правителя" Кира (Суг. VII.5.39). В "Воспоминаниях о Сократе" *en tois ochlois* противопоставляется *en tais idias homiliais*: "Но разве ты не видишь, - заметил Хармид, - что стыд и страх врождены человеку и гораздо сильнее проявляются перед народом, чем среди своих?" (Xen. Mem. III.7.5. Пер. С.И.Соболевского)²²². Аристократическое, снобистское пренебрежение к толпе сближает Ксенофонта с другим учеником Сократа, Платоном, и отличается от подхода Фукидида. Охлос

²²¹ Ср. также Xen. Symp. 2.18; Mem. I.1.14; Peri Hippikes 2.5.

²²² Характерно, что Сократ, отмечая Хармиду, перечисляет всех тех, из кого состоит *ochlos*: "Неужели ты стесняешься валяльщиков, башмачников, плотников, кузнецов, земледельцев, купцов, рыночных торговцев, думающих только о том, чтоб им купить что-нибудь подешевле и продать подороже? А ведь из всех них и состоит народное собрание" (Xen. Mem. III.7.6. Пер. С.И.Соболевского).

требует равенства, а не вознаграждения по заслугам (Суг. II.2.21)²²³, а это совершенно неприемлемо для Ксенофонта.

Употребление термина *ochlos* Ксенофонтом в военном контексте во многом совпадает с написанным в середине IV в. сочинением Энея Тактика "О перенесении осады". Трактат Энея Тактика (которого некоторые исследователи отождествляют с аркадским стратегом Энеем) интересен тем, что написан жителем Северного Пелопоннеса, хотя и на аттическом диалекте²²⁴. Здесь впервые мы сталкиваемся с не-афинским автором, что позволяет судить об употреблении *ochlos* и вне Афин²²⁵. Для Энея Тактика *ochlos* – не лучшая (Аен. Такт. 1.9) либо неорганизованная (31.27) часть войска, а также обитатели города, не относящиеся ни к знати, ни к воинам (22.23). Однако *ochlos* – это и жители полисов, недовольные существующим государственным устройством и склонные к его ниспровержению: стратегу надлежит наблюдать за толпой на спортивных состязаниях (17.1), ее следует контролировать при организации религиозных процессий во избежание попытки переворота (17.6), руководителю же государственного переворота, напротив, не рекомендуется выходить с толпой (*met' ochlou*) на улицы ночью (23.6).

В своем труде Эней Тактик отразил социальную реальность середины IV в. в Северном Пелопоннесе, когда низшие слои общества стали принимать активное участие в политической борьбе и граждане, с точки зрения автора трактата, зачастую превращались в неорганизованную толпу – *ochlos*.

Ораторское искусство. Нет ничего удивительного в том, сколь редко *ochlos* употреблялся ораторами, которые выступали перед народным собранием или в судах. Конечно, часть речей Демосфена (как, например, "Против Мидия"), возможно, так и не была произнесена, а произнесенные речи (к примеру, "О преступном посольстве") сокращались и редактировались, однако выступление перед реальной аудиторией предполагало несколько иную

²²³ *Ochlos* как и синонимичный ему в данном контексте *demos*, обозначает население стран Востока, но в действительности автор имел в виду, конечно же, Грецию.

²²⁴ См. подробное введение к русскому переводу: Беляев В.Ф. Эней Тактик - первый военный теоретик античности // ВДИ. 1965. № 1. С.239–257; см. также: Маринович Л.П. Социально-политическая борьба и наемничество в Греции в IV в. до н.э. в трактате Энея Тактика // ВДИ. 1962. № 3. С. 49–77.

²²⁵ Мы не можем согласиться с В.Ф.Беляевым, который на основании употребления *ochlos* Энеем подчеркивает его демократические убеждения (Беляев. Ук. соч. С. 254; ср. Маринович. Ук. соч. С. 57).

направленность и другую стилистическую окрашенность. Тем более важно рассмотреть те немногочисленные употребления *ochlos*, которые можно найти в речах Демосфена и Эсхина²²⁶. У Демосфена *ochlos* часто обозначает помеху, беспокойство (Dem. 4.35; 18.214; 19.24)²²⁷, по одному разу – толпу, собравшуюся в театре на представление (Dem. 21.59; ср. у Эсхина – толпа людей у алтаря Матери богов – Aeschin. 1.60)²²⁸, и толпу пленников – женщин и детей из Олинфа (Dem. 19.305).

Однако наиболее интересна полемика двух "заклятых друзей" в середине 340-х годов, которая нашла отражение в речи Эсхина "Против Тимарха" (345 г.) и в знаменитой речи Демосфена "О преступном посольстве" (343 г.). Обе они трактуют результаты афинского посольства к Филиппу в 346 г., результатом которого стало заключение невыгодного для Афин мира (и Демосфен, и Эсхин были в составе афинской делегации). Обратимся сначала к более поздней речи.

В ней Демосфен обвиняет своих оппонентов в преступном ведении переговоров с Филиппом и подчеркивает, что он сам всегда разоблачал их в народном собрании: "Кого бы у нас в государстве вы могли назвать наиболее мерзким и преисполненным наибольшего бесстыдства и высокомерия? Я уверен, что никто из вас даже по ошибке не назвал бы никого другого, кроме Филократа. А кого бы назвали самым голосистым, способным громче всех сказать во весь голос всё, что пожелает? Уверен, что именно его – Эсхина. А кого они называют нерешительным и трусливым перед толпой, я же – осторожным? Это – меня. И правда, я никогда еще ни с чем не надоедал (*enochlesa*) вам и не вынуждал вас что-нибудь делать против вашего желания" (Dem. 19.206. Пер. С.И.Радцига)²²⁹.

²²⁶ В дошедших до нас сочинениях других ораторов V–IV вв. (Антифонта, Лисия, Ликурга и др.) *ochlos* не зафиксирован. Весьма симптоматично, что во всем обширном корпусе Лисия ни разу не упоминается это слово: метек, стремившийся получить афинское гражданство, волей-неволей должен был выбирать выражения.

²²⁷ Ср. употребление прилагательного *ochleros* (Dem. 19.270), глаголов *diochlein*, *parenochlein*, *enochlein* (Dem. 19.270, 329, 206).

²²⁸ Следует отметить, что речь "Против Мидия" (XXI), возможно, не была произнесена.

²²⁹ Ср. другую автохарактеристику Демосфена: "Да, правда, ни дерзостью, ни наглостью, ни бесстыдством я не отличаюсь и не хотел бы отличаться, но мужеством, мне кажется, я значительно превосхожу многих политических деятелей, так развязно говорящих перед вами" (Dem. 8.68; ср. 21.189).

Демосфен желает внушить своим слушателям, что его противники рассматривают демос, с которым с таким пиететом обращается сам оратор, как толпу (*ochlos*), а его уважение к народу – как боязнь толпы.

В свою очередь, Эсхин в речи "Против Тимарха" цитирует самого Демосфена, который говорит, что он должен откликаться и тогда, когда толпа называет его не Демосфеном, а Баталом - по прозвищу, данному ему няней (Aeschin. 1.126)²³⁰, причем Эсхин считает это прозвище позорным (Aeschin. 2.99). Здесь снова слушатели-дикасты называются толпой ("толпами"), но не самим оратором, а его политическим противником.

Вне зависимости от политической ориентации ораторы, писавшие речи для выступлений перед судом дикастов или сами выступавшие в народном собрании, не могли себе позволить неуважительного отношения к демосу. С изменением собственной социальной психологии афинский демос все более болезненно реагировал на отождествление себя самого с толпой, *ochlos*. Поэтому то, что стало возможным в обращенной к ограниченному кругу лиц публицистике, невозможно было вообразить на ораторском возвышении перед афинскими гражданами. Демосфен и Эсхин упрекали друг друга в отношении к афинскому гражданству как к толпе, но для самих оно оставалось державным афинским демосом.

Публицистика. Совсем иная ситуация складывалась в публицистике, рассчитанной на узкий круг слушателей, как правило, недоброжелательно настроенных по отношению к демократии. В псевдо-ксенофоновой "Афинской политике", написанной неизвестным нам ярким противником афинской демократии, *ochlos* встречается лишь однажды. Аноним пишет о том, что палестры, общественные бани и т.п., воздвигаемые демосом для собственных нужд, больше нужны толпе, чем богатым и знатым, которые строят для себя частные гимнасии и бани (Ps.-Xen. Ath. pol. 2.10). *Охлос* в данном случае равнозначен демосу, что неудивительно: "старый олигарх", автор трактата, ненавидел демос *per se*, для него важнее противопоставление демоса олигархам, "многих" - "немногим". "Олигархический идеал" в чистом виде скомпрометировал себя после олигархического переворота 411 г. и "тирании тридцати".

²³⁰ вероятно, можно перевести как "заика" или "маменькин сынок" (ср. Aeschin. 1.131; 2.99; Plut. Dem. 4); возможны и другие объяснения. См. Новосадский Н.И. Оратор Эсхин. *Peri tes paraprebeias*. Ч. II. Комментарии. М., 1912. С. 58-59.

Однако существовал другой путь - призвать к возвращению "старых добрых порядков", *patrios politeia* .

С этой точки зрения интересно обратиться к сочинениям Исократ. Исократ, значительное влияние на которого оказал софист Горгий, основал в 392 г. в Афинах школу красноречия; в ней обучалась афинская политическая и культурная элита. Исократ сам никогда не выступал с речами; в "Филиппе" (около 346 г.) он писал: "К государственной деятельности я оказался самым неспособным из граждан: нет у меня ни достаточно сильного голоса, ни смелости, чтобы обращаться к толпе (*ochlo*), подвергаться оскорблениям и браниться с торчащими на трибуне" (Isocr. 5.81. Пер. В.Г.Боруховича). Здесь отчетливо видно, что Исократ противопоставляет себя как толпе, так и заискивающим перед ней ораторам²³². Толпа для Исократ – это все низшие слои гражданского населения, причем он равнозначно употребляет *ochlos* *pletos, hoi polloi* (Isocr. 2.16, 48–49; ср. 6.78; 18.9). Толпу нужно, по его мнению, держать в рамках, не давать ей впадать в *hubris*. Так, в речи "К Никоклу" он писал: "Знай, что из всех форм правления - и олигархических, и всяких иных, - те дольше других сохраняются, которые лучше всего заботятся о народе (*plethos*). Ты сможешь отлично управлять народом, если не будешь позволять бесчинствовать толпе (*ochlos*) и не станешь спускать бесчинства над нею другим" (Isocr. 2.16. Пер. Э.Д.Фролова). Толпа не любит советов, ей нужно рассказывать о том, что ей приятно (Isocr. 2.48–49).

В "Никокле" Исократ противопоставляет монарха демагогам: "...Одни почитают тех, кто способен произносить речи перед толпою, другие же - людей, умеющих управляться с делами" (Isocr. 3.21. Пер. Э.Д.Фролова). В более раннем "Бусириде" Исократ пишет о необходимости "приучения" толпы (*ochlos*) к подчинению любым распоряжениям властей (Isocr. 11.26).

Исократ, конечно же, употреблял иногда *ochlos* и во вполне традиционном значении, для обозначения варваров (персов в "Панегирике" – Isocr. 4.150), не-граждан (женщин, детей), не-воинов (Isocr. 4.96; 6.73, 78). Однако и в своей последней, Панафинейской,

²³¹ См. классическую работу Рушенбуша (Ruschenbusch E.   // Historia. 1958. Bd 7. Ht 4. S. 398–424). См. также Исаева В.И. Проблема *patrios politeia* у Исократ // ВДИ. 1976. № 3. С. 33–50.

²³² В другой речи ("Об обмене имуществом") Исократ также говорит о себе как об искусном ораторе, у которого не хватает смелости предстать перед толпой – *ochlos* (Isocr. 15.192).

речи он с неодобрением отозвался о толпах, которые спят на праздничных представлениях (Isocr. 12.263).

У Исократ, как и у его современника Платона, осуждение толпы (*ochlos*) превращается в топос – общее место, воспроизводимое в различных контекстах. Это уже не эмоциональное суждение, но логическая конструкция, призванная подкрепить идеологическую систему автора²³³.

Философия. Платон часто употребляет *ochlos* в своих сочинениях, причем оно близко по значению к *plethos* и *demos* (ср. Plat. Gorg. 454b)²³⁴, но зачастую ярко, эмоционально окрашено. Конечно, Платон, подобно своим предшественникам и современникам, нередко употребляет *ochlos* просто для обозначения множества, скопления людей: толпы, сопровождающей красивых юношей (Charm. 154a), множества египетских детей (Leg. 819a–b) и т.п. Скопления людей следует избегать, как это сделал Аполлдор, который в "Пире" объясняет, что не пришел на симпозиум вчера, опасаясь толпы (*phobetheis ton ochlon*), а пришел сегодня (Symp. 174a).

Однако у Платона *ochlos* приобретает и философский смысл. В написанном в 60–50-е годы IV в. диалоге "Тимей" Родитель Вселенной следующим образом сообщает сотворенным душам цель их создания: "Точным и твердым знанием (*logos*) держать во власти беспорядочное скопище (*alogos ochlos*) четырех стихий" (Plat. Tim. 42c)²³⁵. Но *ochlos* олицетворяет беспорядок не только в мироздании; существование толпы свидетельствует об отсутствии порядка в государстве.

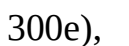
Охлос для Платона – это ненавистная и противоположная философу толпа, огромный и сильный зверь, которого ублажают лжемудрецы-софисты (Plat. Pol. 493a–c). "Жизнь всякой людской толпы (*ho pas anthropinos ochlos*) лишена рассудительности либо по невежеству, либо из-за отсутствия самообладания, либо по обоим этим причинам" (Leg. 734b. Пер. А.Н.Егунова). Особенно ненавистны Платону суды: "в судах и других толпах" (*ochlois*)

²³³ Ср. Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 49.

²³⁴ Платон обычно использует *plethos* и *demos* как синонимы – в качестве примера можно привести речь Алкивиада в "Пире" (Plat. 215a–222b): Salkever S. Finding the Mean. Theory and Practice in Aristotelian Political Philosophy. Princeton, 1990. P. 222. *Plethos* и *ochlos* ставятся в один ряд в диалоге "Политик" (Plat. Politic. 304c–d).

²³⁵ См. Григорьева Н.И. Парадоксы платоновского "Тимея": диалог и гимн // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 59.

проявляются худшие качества афинян (Gorg. 454b, 454e, 455a). Более того, к этому ряду причисляются и экклесиасты, обворование которых ораторами сопоставляется с искусством заклинателей змей, тарантулов, скорпионов и т.п. (Euthyd. 290a). Центральной проблемой для Платона является вопрос о том, насколько "повинующейся" (*peithomenos*) будет толпа, можно ли толпе давать знания, и какого рода знания следует давать. В диалоге "Филеб" Сократ вопрошает: "Ты, видно, хочешь, чтобы я, как толкаемый и теснимый толпой (*hup' ochlou*) привратник, уступил и, распахнув ворота, позволил всем знаниям вливаться в них и чистому перемешиваться с недостаточно чистым?" (Plat. Phileb. 62c. Пер. Н.В.Самсонова).

По мнению Платона, даже если толпа и воображает, что понимает гармонию и риторику, в действительности это не так (Plat. Leg. 670b). Множество не может мыслить философски (Pol. 493e; cf. Politic. 292e, 297e, 300e), , скопление людей противопоставляется мудрецам (Euthyd. 304d). Наконец, в диалоге "Горгий" Сократ, подводя итог, спрашивает своего собеседника: "Итак, у толпы (*en ochlo*) означает – у незнающих?". Горгий соглашается с ним (Gorg. 459a).

Однако для нормального функционирования государства толпе должны быть привиты некоторые представления посредством воздействия на воображение²³⁶. Платон считает, что именно риторика дает возможность убеждать толпу (*ochlos*) путем воздействия на воображение (Plat. Politic. 304c–d). Толпе невозможно привить абстрактные понятия справедливости и несправедливости, но можно заставить верить (Gorg. 454e–455a)²³⁷. Для толпы (*to pleisto ochlo*) при подобном обучении необходима дисциплина (Leg. 700c). Толпа не должна находиться под влиянием "тиранической личности" (Pol. 565e), трагических поэтов, которые толкают ее на путь тирании либо демократии (Pol. 568b–c), ораторов в судах и народных собраниях. Законодатель не должен останавливаться при применении одной только силы по отношению к толпе, но и действовать убеждением (Leg. 722b).

²³⁶ Убеждать, используя основанное на мифе воображение, удобнее и легче, чем с помощью наставления (Plat. Politic. 304c). См. Тахо-Годи А.А. Миф у Платона как действительное и воображаемое // Платон и его эпоха. К 2400-летию со дня рождения. М., 1979. С. 59.

²³⁷ Сократ говорил Горгию: "...Оратор в судах и других собраниях не поучает, что справедливо, а что нет, но лишь внушает веру, и только. Ну, конечно, ведь толпа (*ochlos*) не могла бы постигнуть столь важные вещи за такое малое время" (Plat. Gorg. 455a).

Очевидно, что частный интерес для Платона менее важен, чем общественный. Но чувства толпы должны быть подчинены просвещенному эгоизму индивида, который стремится к идеальной жизни. Философ презирает неорганизованную толпу за то, что она подчиняет себя удовлетворению прежде всего животных, низменных желаний, не думая об идеальном²³⁸, для него ненавистна власть этого "подобного толпе чудища" (Plat. Pol. 590b). Философу нужно одержать верх над софистами, которые умеют перевоспитывать людей на свой лад (Pol. 492b–c), над недобросовестными лидерами демоса, которые держат в руках "чрезвычайно повинующуюся толпу" (Pol. 565e) и сделать из толпы фундамент "идеального государства".

В дошедших до нас сочинениях Аристотеля *ochlos* встречается 14 раз (11 раз в "Политике" и трижды – в "Риторике")²³⁹. Отсутствие термина в "Афинской политике" симптоматично и неудивительно: целью трактата было описание реалий афинской политической жизни и государственного устройства, он был рассчитан на достаточно широкую аудиторию²⁴⁰; поэтому здесь автор отдает предпочтение более нейтральным терминам – *plethos*, *hoi polloi*.

Во второй книге "Риторики" Аристотель, рассматривая воздействие поэзии на аудиторию, отмечает, что необразованная толпа более восприимчива к простым типам воздействия, нежели образованная, и приводит почти дословную цитату из еврипидовского "Ипполита" (Eur. Hippol. 989): "соловьем пред сбродом разливаясь" (*par' ochlo mousikoteros legein*) (Arist. Rhet. 1395b 28).

В "Политике" философ использует *ochlos* несколько раз достаточно традиционно, обозначая им толпу женщин и слуг (Arist. Pol. 1265a 17), граждан-неаристократов в аристократическом полисе (Pol. 1305b 28,30), "худших" граждан, стремившихся поделить

²³⁸ См. Lodge R.C. Plato's Theory of Ethics. The Moral Criterion and the Highest Good. L., 1966. P. 289, 352.

²³⁹ См. также Karpyuk S. Aristotle on *ochlos* // Aristotelian Political Philosophy: 6th International Congress on Greek Philosophy. Ierissos, 1994. P. 59. В более поздних сочинениях, относящихся к аристотелевскому корпусу, *ochlos* также встречается, хотя и нечасто. В датируемой концом IV в. "Экономике" *ochlos* обозначает скопление варваров (/Arist./ Oecon. 1348a 34, 1353a 27). См. также /Arist./ Rhet. ad Alex. 1424b 8, 1441b 26.

²⁴⁰ "От теоретических трактатов (в том числе и от Политики) они /политии. - С.К./ отличаются своей обращенностью к широким читательским кругам и в связи с этим своей литературной обработкой..." (Доватур А.И. Политика и Политии Аристотеля. М.–Л., 1965. С. 328).

имущество осужденных (Pol. 1230a 10). Аристотель предостерегает от преобладания в государстве "рыночной черни" (*agoraios ochlos*) над большинством граждан (*plethos*), которые живут на значительном расстоянии от политического центра (Pol. 1319a 37). По мнению философа, "корабельную чернь" (*nautikos ochlos*) не следует наделять гражданскими правами (Pol. 1327b 37); она же после Саламинской битвы, вопреки усилиям ареопага, способствовала укреплению демократии в Афинах (Pol. 1304a 22).

Однако для Аристотеля характерно также обозначение словом *ochlos* всего народонаселения (Arist. Pol. 1278a 32), всех граждан (Pol. 1286a 31, 1311a 13), причем синонимом здесь выступает *plethos*. Подобное словоупотребление характерно и для Платона, однако, в отличие от Платона, отрицательный оттенок у Стагирита отсутствует. Напротив, Аристотель отмечает: "Государство состоит из многих и, подобно тому, как пиршество в складчину бывает лучше обеда простого, на одного человека, так точно и толпа (*ochlos*) о многих вещах судит лучше, нежели один человек, кто бы он ни был" (Pol. 1286a. Пер. С.А.Жебелева). Более того, толпой (точнее, толпами) оказываются не только современные философу афиняне, но и граждане *patrios politeia*: "В древние времена цари управляли непосредственно всеми делами, касающимися государства, руководили его внутренней и внешней политикой; впоследствии же, после того как от некоторых функций своей власти отказались сами, а другие были отняты у них народом (*ton ochlon*), в одних государствах за царями сохранилось только право жертвоприношений..." (Pol. 1285b. Пер. С.А.Жебелева).

Охлос не вызывает у Стагирита эмоций, он рассматривает толпу как социальную реальность современности и даже далекого прошлого.

Заключение. Согласно распространенному мнению, *ochlos* принадлежало к числу понятий, выработанных сторонниками аристократии (олигархии) для обозначения враждебных ей беднейших слоев населения²⁴¹. Подобное мнение представляется нам все же несколько однобоким. *Ochlos* впервые появляется в период активного словотворчества и возникновения новых понятий в первой половине V в. до н.э., причем вначале он употребляется наравне с известным с гомеровских времен словом *homilos*, также имевшим значение "толпа", "неорганизованное сборище". Но если *homilos* (как и соответствующий глагол *homilein*) имеет первоначальное значение связи с чем-либо, общения, близости, то *ochlos* (как и глагол *ochlein*) становится в совершенно иной

²⁴¹ Сахненко. Ук. соч.; Исаева. Ук. соч. С. 92, 95.

смысловой ряд ("беспокойство", "затруднение", "неудобство"). Различие проявилось не сразу: еще Эсхил и Софокл (как и "архаист" Фукидид) употребляли их вполне взаимозаменяемо, а Геродот вообще предпочитал *homilos*.

"Великий перелом" свершился в афинском театре. Еврипид и Аристофан часто использовали *ochlos*, после них *homilos* практически выходит из употребления²⁴². Это не было случайностью: за *ochlos* стояла новая реальность – реальность социально-политической жизни после-перикловых Афин, в которых толпой оказались не только не-граждане, женщины, метеки, рабы, но и оказавшиеся под влиянием демагогов граждане. Стабильность политической структуры Афин V в. ушла в прошлое, "толпа" (т.е. рядовые граждане) стала принимать активное участие в политической жизни, поддерживая своих лидеров-демагогов и причиняя постоянное беспокойство сторонникам старых порядков. Жившие проблемами современников Еврипид и Аристофан не могли не реагировать на это – они и дали новому понятию "право на жизнь". Особенно велика роль Еврипида – не случайно строку его "Ипполита" процитировал Аристотель. "Свой" для афинской аудитории Аристофан не стеснялся называть своих сограждан толпой, *ochlos*.

Противниками демократии представление о необузданной толпе (*ochlos*) афинских граждан начинает широко использоваться уже после Пелопоннесской войны, в философско-риторических "школах" Платона и Исократ. Они придают этому понятию однозначно негативный смысл и используют его в антидемократической пропаганде, причем аргументы обоих мыслителей удивительно схожи: толпа должна быть "повинующейся" и не принимать активного участия в политической жизни. Охлос – это современный Исократу и Платону демос (эти понятия для них вполне синонимичны), разительно отличающийся от коллектива граждан "доброго старого времени", *patrios politeia*. Только здесь, в риторических и философских школах IV в., *ochlos* получает четкое и недвусмысленное антидемократическое содержание, становится одним из "ключевых слов" олигархического лексикона, прямым, хотя и запоздалым, наследником которого стала впервые появившаяся в труде Полибия *ochlokratia* ("власть толпы")²⁴³. У Исократы и Платона осуждение толпы впервые

²⁴² Soziale Typenbegriffe... Bd 2. Sp. 1341–1343.

²⁴³ Polyb. VI.4.6,10; VI.57.9. См. также Ste Croix G.E.M. de. The Class Struggle in the Ancient Greek World from the Archaic Age to Arab Conquest. L., 1981. P. 611, 614.

превращается в общее место, *топос*, воспроизводимое в разных местах, причем это уже не эмоциональное суждение, а логическая конструкция, призванная подкрепить идеологическую аргументацию.

Однако, несмотря на весьма значительное воздействие идей Платона и Исократ, не следует преувеличивать их аудиторию – и тот и другой обращались к узкому кругу своих слушателей и единомышленников. Выступавшие в народном собрании (или писавшие речи для выступления в суде) ораторы, вне зависимости от их политических убеждений, не могли позволить себе высокомерного отношения к своим слушателям. И Демосфен и Эсхин в полемике обвиняли друг друга в том, что афинских граждан их политический оппонент воспринимает как охлос. Естественно, что чувствительные к настроениям экклесии и дикастов ораторы в критике действий и настроений демоса не могли преступить грань, за которой они потеряли бы поддержку своих слушателей.

В других источниках середины и конца IV в. (Эней Тактик, Аристотель) *ochlos*, как правило, не столь эмоционально окрашен и не имеет столь негативного значения, как у Платона и Исократ (промежуточную позицию занимает Ксенофонт). Для Аристотеля граждане досолоновских Афин (*patrios politeia*!) – тоже охлос. Демос и демократия были достаточно одиозны для противников демократии – может быть, этим и можно объяснить столь позднее появление представления о "власти толпы" (*ochlokratia*).

Итак, само появление и расширение употребления слова *ochlos* свидетельствовало о возникновении (во всяком случае, в афинском обществе) новой проблемы – проблемы активного участия всего коллектива граждан в политической жизни полиса. На место аристократов-простатов демоса пришли демагоги, и рядовые граждане – *idiotai* – почувствовали, что политические лидеры находятся от них теперь в большей, нежели раньше, зависимости. Уровень компетентности новых политических лидеров, возможно, и уменьшился, однако новый баланс сил обеспечил стабильность афинской политической системы еще в течение нескольких десятилетий.

ПОЛИБИЙ И ТИТ ЛИВИЙ: *OSCHLOS* И ЕГО РИМСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Складывается впечатление, что Плутарх своими "Сравнительными жизнеописаниями" навеки скомпрометировал для исследователей саму идею сравнения греческих и римских реалий политической жизни. Однако нам представляется, что социальная лексика может послужить интересным материалом для сопоставления. Выбор в качестве объектов сравнения и изучения трудов Полибия и Тита Ливия может показаться на первый взгляд тривиальным – об этом писала, если воспользоваться выражением самого Тита Ливия, *tanta scriptorum turba*²⁴⁴. Следует все же отметить, что для избранной нами темы эти труды почти ничего не дают, зато громадным подспорьем служат соответствующие лексиконы и конкордансы²⁴⁵.

В сохранившихся частях своего труда Полибий употребил слово *ochlos* 68 раз, но в современной историографии за ним прежде всего закрепилось репутация "открывателя" охлократии (власти толпы) – эллинистический историк трижды использовал данное слово, переняв его у философов-перипатетиков либо стоиков, причем этому факту зачастую придается очень большое значение²⁴⁶.

Полибий употребляет слово □ *ochlokratia* исключительно в VI, "методологической" книге своего сочинения, посвященной причинам развития и упадка государств. Следует отметить, что VI книга (наряду с XII и XXXIV) выходит из хронологической канвы "Истории" и имеет целью описание причин достижения Римом мирового господства. Важнейшая из них, по мнению историка, – это

²⁴⁴ Из последних работ можно указать: Foucart J.-A. Tite-Live traducteur de Polybe // REL. 1968. V. 46. P. 208-221; Traenkle H. Livius und Polybios // Gymnasium. 1972. Bd 79. S. 13–31.

²⁴⁵ Mauersberger A. Polybios-Lexikon. B., 1975. Bd I. Lief. 4. Sp. 1846–1848; Packard D.W. A Concordance to Livy. V. I–IV. Cambr. Mass., 1968 (последний, составленный на заре компьютерной эры, содержит много мелких неточностей).

²⁴⁶ Ste Croix G.E.M. de. The Class Struggle in the Ancient Greek World from the Archaic Age to Arab Conquest. L., 1981. P.611, 614. К сожалению, в своей предыдущей статье я также опрометчиво преувеличил значение появления этого слова в труде Полибия: Карпюк С.Г. ОХЛОС от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 48 сл.

смешанная (*mikte*) форма государственного устройства Рима, способная противостоять процессу деградации, неизбежному при других формах государственного устройства²⁴⁷. Охлократия, по его мнению, является (наряду с монархией и олигархией) одной из "дурных" (*kakoi*) форм (Polyb. VI.4.6, 8) и знаменует собой конечную стадию упадка государственного устройства; она возникает после демократии, будучи следствием вседозволенности и беззакония. В другом месте историк детализирует свою точку зрения: после того как народ выступит против властолюбия и корыстолюбия отдельных граждан "государство украсит себя благороднейшим именем свободного народного правления (*eleutheria kai demokratia*), а на деле станет наихудшим из государств, охлократией" (VI.57.9)²⁴⁸.

Охлократия оказалась для эллинистического историка конечной стадией цикла (*anakuklosis*) развития (а точнее - деградации) систем государственного устройства. До этого монархия вырождалась в тиранию, затем - аристократия в олигархию, и, наконец, настает черед демократии. Демократия функционирует нормально в течение некоторого времени, но власть развращает предводителей демоса подобно тому, как раньше она развращала царей и аристократов. Появляются недобросовестные демагоги, и демократия деградирует (VI.9.4–8). "Когда затем и аристократия выместит обиды правителей, тогда нарождается власть демоса (*demos*). Его необузданность и пренебрежение к законам порождает с течением времени охлократию" (VI.4.9–10). За этим следуют казни, изгнания и конфискация земли, народ возвращается к дикости, после которой возникает монархия и следует новый цикл.

В основе полибиевского анализа лежит трехчастная классификация форм государственного устройства, восходящая по крайней мере к V в. до н.э. (Herod. III.82.2; Pind. Pyth. II.87); Аристотель разделил каждую из форм на "прямую" или "правильную" (*orthe*) и "отклонение" (*parekbasis*) от нее (Arist. Pol. 1279a; Eth. Nic. 1160a-b). Впрочем, жестко запрограммированный

²⁴⁷ См. Walbank F.W. Polybius. Berkeley, 1990. P. 130-156.

²⁴⁸ В статье в цитатах использованы: русский перевод "Всеобщей истории" Полибия, выполненный Ф.Г.Мищенко (Т. I–III. М., 1890-1899), и последний русский перевод Тита Ливия в серии "Памятники исторической мысли" (Тит Ливий. История Рима от основания города / Отв. ред. Е.С.Голубцова. Ред. переводов М.Л.Гаспаров, Г.С.Кнабе, В.М.Смирин. Т. I–III. М., 1989–1993). В некоторых случаях автор счел своим долгом внести в них необходимые изменения и уточнения.

цикл изменений форм государственного устройства был, очевидно, "изобретением" самого Полибия²⁴⁹.

Для нас, однако, важнее другое различие между аристотелевской теорией и полибиевской схемой деградации форм государственного устройства – на первый взгляд, чисто лексикологическое. Аристотель называл "отклоняющуюся" форму государственного устройства "демократией", а противоположную ей "правильную" – "политией" либо тимократической (*timokratike*) конституцией. У Полибия же, напротив, "правильная" демократия трансформируется в охлократию (или "хейрократию" – власть силы). Подобное варьирование традиции было характерно не только для Полибия: в "эпитоме Ария Дидима" (который был, между прочим, учителем Августа) – эксцерпте перипатетической философии I в. до н.э., который дошел до нас в "Антологии" Стобея (Stob. II.7.13 sqq. = II.116 sqq. Wachsmuth-Henze)²⁵⁰ аристотелевская "полития" также называется демократией, а аристотелевская демократия – охлократией (Stob. II.7.26 = II.150 Wachsmuth-Henze)²⁵¹.

По всей видимости, Полибий был не первым, кто ввел в оборот само слово и понятие "власти толпы". Как и представление о смешанном типе государственного устройства, оно было заимствовано из перипатетической традиции (впрочем, это представление разделяли и стоики). Арий Дидим, по-видимому, независимо от Полибия употребляет в одном пассаже слова *ochlokratia* и *mikte* (Stob. II.7.26 = II.150-151 Wachsmuth-Henze)²⁵². На основании вышеперечисленных словоупотреблений обычно и делаются заключения об отношении Полибия к толпе, к народным массам. По нашему мнению, при рассмотрении отношения Полибия к толпе не следует руководствоваться этими

²⁴⁹ Cole T. The Sources and Composition of Polybius VI // *Historia*. 1964. Bd 13. Ht 4. S. 443 f., 448 ff. Аристотель, признавая неизбежность (при определенных условиях) перерождения "правильной" формы в отклонение от нее, критиковал Платона за оторванность его схемы смены форм государственного устройства от реальной жизни (Arist. Pol. 1316a против Plat. Pol. 546A sqq.). См. также: Brink C.O., Walbank F.W. The Construction of the Sixth Book of Polybius // *CQ*. 1954. V. 4. № 3–4. P. 119.

²⁵⁰ Впрочем, еще Г.Дильс справедливо указывал на свойственный Арию Дидиму эклектизм и на присутствие в его системе элементов стоической и платоновской философии (Diels H. *Doxographi graeci*. B., 1879. S. 69).

²⁵¹ Aalders G.J.D. *Political Thought in Hellenistic Times*. Amsterdam, 1975. P. 7. См. также Theiler W. Schichten im 6. Buch des Polybios // *Hermes*. 1953. Bd 81. Ht 3. S. 301 f.

²⁵² Walbank. Polybius. P. 136.

теоретическими положениями, которые почти не применяются им при описании конкретных исторических событий. Анализ употребления слов □ *ochlos*, *plethos*, *hoi polloi* может дать более точную картину взглядов историка.

В подавляющем большинстве случаев слово *ochlos* у Полибия не содержит отрицательного оттенка. Так, например, Деметрий послал своего воспитателя в Сирию для того, чтобы оценить настроения масс (*peri tous ochlous*) (Polyb. XXXI.13.1); Ганнибал узнал об антипатии альпийских народов (*ochloi*) к Риму (III.48.11). *Ochloi* - это также и народное собрание, которое созывает стратег ахейцев (XXIII.16.11; cf. XXVIII.4.12; 7.4). При описании положения в Риме □ *ochlos* соответствует *populus Romanus*: Публий Сципион заслужил расположение народа (*ochloi*) и доверие сената (XXIII.14.1); один из преторов убеждал римский народ (*ochloi*) воевать с Родосом, причем речь идет о сходке, на которой могли присутствовать и неграждане (XXX.4.4; cf. III.85.8).

Как будто бы особняком стоит пассаж из VI книги: "Поэтому-то и не стоит распространяться о государственном устройстве афинян и фивян, где всеми делами по собственному побуждению заправляет толпа, в одном месте непомерно стремительная и непостоянная, в другом обуреваемая насилием и гневом" (VI.44.9). Однако и в данном случае мы имеем дело не с отрицательной оценкой толпы как таковой, а с указанием черт, свойственных афинскому и фиванскому демосу.

Ochlos может у Полибия обозначать также и преимущественно низшие слои общества, "широкие народные массы". Характерно уподобление толпы (*ochlos* □ *plethos*) морю, а ее предводителей и советчиков (*prostatai kai sumbouloi*) – ветрам (Polyb. XI.29.9; cf. Liv. XXVIII.27.10–11). В речи ахейского посла Калликрата в сенате *ochlos* (как и *hoi polloi*) обозначает народные массы ахейцев, которые были противниками римлян (Polyb. XXIV.9.5–7)²⁵³. Только в двух случаях прослеживается явно негативное отношение к толпе: свирепая толпа (точнее, толпы – *ochloi*) александрийцев буквально растерзала ненавистных ей родственников Агафокла: впивалась в них зубами, колола, вырывала глаза (XV.33.9–10); Дизей передал обвиненных в сговоре с врагом послов в руки толпы в Коринфе (XXXVIII.17.12). Выделяется также описание кампании Филиппа в Элиде. При его появлении огромная толпа (*plethos*) местных жителей укрылась в Таламах с большим числом (*pleistos ochlos*) рабов и скота (IV.75.1–2). Характерно, что слово *ochlos* употребляется одновременно для обозначения скопления рабов и

²⁵³ Cf. XV.32.7: *ochlos* □ *plethos* □ *hoi polloi*; XXXI.10.4.

скота, а гражданское население обозначается как *plethos*. Причины скорой капитуляции элидцев заключались именно в том, что в Таламах собралась неспособная к сопротивлению перемешанная толпа (IV.75.5). Необходимо отметить, что подобная характеристика толпы в целом не свойственна Полибию.

В “Истории” Полибия *ochloi* часто равнозначно *dunameis* и обозначает войска: войска ахейцев (*ochloi*) так любили Филопемена и так были уверены в нем, что сами рвались в бой (Polyb. XI.12.2), войска (*ochloi*) воспряли духом (I.32.8), вожди карфагенян, заметив низкий боевой дух войск, решили не принимать битвы (I.15.4), собравшиеся войска с восторгом восприняли речь Ганнибала (III.34.9); *ochloi* – римское войско, в присутствии которого один консул осуждал действия другого (III.90.6). Примеры можно продолжить²⁵⁴.

Ochlos – это не только толпа воинов, но и гражданское ополчение. Тимоксен, ахейский стратег уклонился от созыва войск для войны с Клеоменом (IV.7.6); описывая осаду Сципионом Нового Карфагена Полибий называет оборонявшее стены городское ополчение *ochlos* (X.12.10). Наконец, сравнивая гражданское ополчение свободного государства с подчиненным тирану Полибий называет первое *ochloi* (XI.13.5).

Следует особо отметить, что Полибий, подобно другим авторам эллинистического времени (но в отличие от авторов V–IV вв. до н.э.)²⁵⁵, употребляет *ochlos*, *ochloi*, *plethos*, *plethe*, *hoi polloi* как синонимы либо почти как синонимы²⁵⁶. В подтверждение этого можно привести множество примеров, однако для наглядности остановимся на тех, в которых указанные выше слова находятся рядом, в одном контексте.

²⁵⁴ III.44.10 – Ганнибал напомнил войскам о прежних битвах; III.44.5; XI.10.9, 18.7; I.66.6: *ochloi* – толпа разнuzданных наемников и т.п. В своем комментарии Ф.Уолбэнк в ряде случаев отмечает, что *ochloi* обозначает именно солдат (IV.48.9; V.41.9), возражая против неточных переводов (Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. V. I. Oxf., 1957. P. 502, 572).

²⁵⁵ См. Карпюк. Ук. соч.

²⁵⁶ На это справедливо указывал еще Андре Эмар, рассмотревший слова, которые Полибий использовал для обозначения участников синклитов и синодов-собраний Ахейского союза (Aymard A. Les assembles de la confederation achaienne. Etude critique d'institutions et d'histoire. Bordeaux – Paris, 1938. P. 81, n. 1). Французский ученый подчеркивал: “Главное – то, что *to plethos*, *hoi polloi*, *ho ochlos* передают не только идею числа; эти выражения несут в себе часто, если не всегда, пренебрежительный (rejoative) оттенок. Они обозначают толпу, массу бедную и невежественную, которая противостоит элите” (Ibid. P. 81–82).

Так, при описании превращения демократии в хейрократию историк употребляет и *plethos*, и *plethe*, и *hoi polloi* (VI.9.6–8). Повествуя о возвышении и гибели Агафокла, Полибий называет александрийскую толпу то *hoi polloi* (XV.27.1), то *plethos* (XV.27.3, 32.11), то *plethe* (XV.33.5), то *ochloi* (XV.33.9). Участники собрания Ахейского союза, которых будоражил и настраивал против римлян демагог Критолай, обозначаются как *plethos* (XXXVIII.12.5), *plethe* (XXXVIII.12.2), *hoi polloi* (XXXVIII.12.4), *ochloi* (XXXVIII.12.10, 13.6).

Таким образом, для Полибия *ochlos* (точнее, *ochloi*) – нормальное состояние народа, “широких народных масс”. Полибий в данном аспекте является продолжателем “линии” Аристотеля, который, в отличие от своих предшественников и современников (Платона и Исократа) воспринимал *ochlos* как данность. Разве что аристотелевская “толпа” за два века превратилась в полибиевские “толпы”. Поэтому и не стоит придавать слишком большое значение “открытию” Полибием охлократии – в сущности, это та же самая крайняя (радикальная) демократия – историк в целом остался в русле перипатетической традиции. Его лексика лишь отражает некоторые изменения в обозначении форм государственного устройства.

В “Истории от основания города” Тита Ливия очень часто используется слово *multitudo*, несколько реже – *turba* и производные от него, и сравнительно мало употребляется слово *vulgus* (*volgus*) и родственные ему слова. Подобная констатация мало что говорит филологу, и совсем ничего – историку, однако рассмотрение всех словоупотреблений дает весьма интересный материал не только для реконструкции воззрений историка, но и для характеристики, как это принято сейчас называть, менталитета римского общества. Что касается *multitudo*, то это слово Ливий обычно использует для обозначения множества, многочисленности, не ставя его в какой-либо специальный социальный контекст (например, Liv. V.34.2; IX.23.16; X.29.15), и поэтому мы решили воздержаться от сплошного анализа этого слова²⁵⁷. Следует отметить, что иногда *multitudo* может приобретать и вполне негативный оттенок. Повествуя о драматических событиях на Сицилии в 214 г., Ливий пишет: “Падкая на такие речи толпа (*multitudo*), с каждым днем стекавшаяся в Сиракузы, подавала надежду на переворот...” (XXIV.24.1). И несколько ниже: “Такова природа толпы (*ea natura multitudinis est*): она или рабски пресмыкается, или заносчиво

²⁵⁷ Употребления слова *multitudo* столь многочисленны, что занимают около пяти страниц конкорданса: Packard. Op. cit. V. III. P. 375–380.

властвует. Она не умеет жить жизнью свободных, которые не унижаются и не кичатся" (XXIV.25.8).

Turba часто используется историком равнозначно с *multitudo*, иногда в одном и том же пассаже эти слова чередуются (наиболее характерные примеры - III.48.3; 49.2; 50.4; 54.7; IX.4.12–13; XLV.7.4)²⁵⁸. Так, например, после унижительного для римлян поражения от самнитов в Кавдинском ущелье Луций Лентул в 321 г. обращается к сенату: "Родной кров, - скажет кто-нибудь, - стены города и толпы его жителей ('*Tecta urbis*' dicat aliquis 'et moenia et eam turbam a qua urbs incolitur')" (IX.4.12). Однако в следующем же пассаже он говорит: "Кто же станет охранять Город? Очевидно, толпа (*multitudo*) мирных безоружных граждан" (IX.4.13).

Слово *turba* – не редкость в труде Тита Ливия (более полутора сотен употреблений только в сохранившихся книгах). Уже во вступлении историк пишет о "великой толпе писателей" (*tanta scriptorum turba*), причисляя себя к ней (I.pr.3). Описывая хрестоматийную историю основания Рима ("широко распространенный рассказ" – *vulgatior fama est*) Тит Ливий пишет об убийстве Рема в сумятице (в толпе) – *in turba* (I.7.2). И далее *turba* достаточно равномерно распределена по всем сохранившимся книгам. *Turba* часто характеризуется Титом Ливием как нестройная (*incondita* – XXII.45.3, XXV.1.4, 13.10, 15.13, XXXII.13.14, XXVI.33.4, XLIII.10.5 – *incondita multitudo turba*), перемешанная (*permixta*, *mixta*, *immixta* – XXIX.28.3, XXX.10.8, XXXII.13.14, XXXIX.31.11, XLIV.35.12), небоеспособная либо безоружная (*imbellis*, *inermis* – XXIV.39.6, XXV.13.10, XXXII.13.14, 24.6, XXXV.28.4, XXXVI.24.11, XXXVIII.21.14, XLI.2.3), реже – как сгрудившаяся (*congregata* – XXIV.48.7), окружающая со всех сторон (*circumfusa* – VI.15.9, X.25.2), густая (*conferta*, *confertissima* – XXVII.14.9, II.12.6), трепещущая (*trepida* – II.12.8), беспокойная (*tumultosa* – VI.14.6), скорбная (*maesta* – VI.16.4) и т.п.

При этом значение толпы вообще, или сумятицы, суматохи *turba* имеет достаточно редко: кроме вышеперечисленных случаев следует отметить выражение "зачинщики беспорядков" (*qui turbae ac tumultus concitatores fuerant* – XXV.4.10) и некоторые другие употребления (XXVI.15.11; XXIX.7.4; 26.8). Дважды Тит Ливий обозначает этим словом скопление животных: сбившихся в кучу лошадей (XXII.47.3) и сгрудившихся вместе слонов (XXVII.14.9).

²⁵⁸ Да и в приведенном несколько выше примере с *multitudo* близко соседствует причастие *turbata* (XXIV.24.1–2). Ср. также "нестройная безоружная толпа, перемешанное сборище небоеспособных (*incondita inermisque multitudo, mixta et imbellis turba*)" (XXXII.13.14).

Во всех прочих случаях употребление *turba* дает основание для социальной характеристики, не всегда осознанно привнесенной историком. По отношению к римским гражданам *turba* обозначает толпу или скопление граждан. Перечислим наиболее характерные контексты. Вокруг старика-должника на форуме собралась толпа (*circumfusa turba*) – речь идет о событиях 495 г. (II.23.5). Во время нашествия галлов "в толпе других (*inter ceteram turbam*) увозил на телеге жену с детьми и некий римский плебей Луций Альбин" (V.40.9). Толпа сторонников окружает Марка Манлия – *turba Manliana* (VI.16.8; cf. 17.6). В своей речи Манлий прямо называет ее "*mea turba*" (VI.15.10). Диктатор Марк Фабий Бутеон после того, как сложил свои полномочия, "затерялся в толпе людей занятых частными делами" (*turbaeque se inmiscuit privatas agentium res*), причем эта толпа отделяется Ливием от *populus*: *populus* – это ликторы, а *turba* – римляне не при исполнении ими гражданских обязанностей (XXIII.23.7-8). Поздравить Манлия с избранием консулом пришла толпа – 211 г. (XXVI.22.3). Свита консула в противоположность самому консулу также называется *turba* (XXXIX.12.2). При известии о победе над Персеем (168 г.) взрыв ликования раздался в собравшейся в цирке толпе (XLV.1.6).

Несколько особняком стоит описание событий 304 г.: "Так и шло, пока Квинт Фабий и Публий Деций не стали цензорами, и ради общего согласия, как, впрочем, и ради того, чтобы выборы не попали в руки черни (*simul ne humillimorum in manu comitia essent*), Фабий выделил всю рыночную толпу (*forensis turba*) и объединил ее в четыре трибы, назвав их 'городскими' " (IX.46.14). Характерно, что в предыдущем параграфе "рыночной партии" (*forensis factio*) противопоставляется "народ истинный, уважавший и чтивший знатных" (*integer populus, fautor et cultor bonorum*)" (IX.46.13). Здесь слово *turba* как бы замещает слово *factio*.

Но *turba* не обязательно состоит только из граждан: Фабиев сопровождала толпа родственников и друзей (II.49.5), а возможно, и клиентов (см. также Dion. Halic. IX.15). Ганнибала сопровождала толпа свободных и рабов (*turba tot liberorum servorumque* – XXIII.9.6). Беспорядочная толпа сельских жителей и рабов (*incondita turba agrestium servorumque*) была перебита Ганноном (XXV.1.4). *Turba* состоит и из мужчин и из женщин (*virorum mulierumque turba*): подобная толпа заполняла храмы, моля о мире (III.5.14); толпа мужчин и женщин стекалась в храмы после разгрома Газдрубала (XXVII.51.8-9) и после известия о победе над Персеем (XLV.2.7). Плач толпы женщин (*turba mulierum*) способствовал изменению решения Кориолана (II.40.9); результатом смятения умов после долгой войны с Карфагеном было то, что толпа женщин даже на

форуме и в Капитолии приносила жертвы не по отеческому обычаю (XXV.1.7).

Очень важной особенностью употребления *turba* в невоенном контексте Титом Ливием является ее противопоставление магистратам и, прежде всего, сенаторам (*patres*), которое иногда подчеркивается специально, чаще же высказывается ненамеренно. Так, случайно оказавшиеся на форуме сенаторы были застигнуты угрожавшей им толпой (II.23.9); старейшие сенаторы с опасностью для жизни бросались в гущу толпы граждан (395 г.) для того, чтобы прекратить распрю, и толпа почтительно уступала и "не смела осквернять достоинство почтенных старцев" (V.25.2–3); "многолюдная толпа, собравшаяся как на сходку, пришла на Комиций, к курии и взывала к должностным лицам" (XXII.7.7); магистраты прогнали толпу (*turba*) с форума, а сенаторы (*patres*) стали ее успокаивать (XXII.56.1); толпа простирала руки к курии (*ad curiam*) (XXII.60.1); консулов окружила взволнованная толпа, и сенат стал действовать единодушно (XXVI.35.7–9); толпа противопоставляется сенату и консулу при описании возвращения послов из Македонии (XLV.2.3).

Самое сильное обвинение сенаторам – обвинение в подражании толпе, *turba*. Так, Луций Квинкий обвиняет своих коллег: "Что же, сенаторы, подражайте безрассудной толпе (*imitamini, patres conscripti, turbam inconsultam*), повторяйте чужие проступки вместо того, чтобы быть образцом для других..." (III.21.6). Марк Манлий упрекал Авла Корнелия и остальных сенаторов в том, что они были оскорблены самим присутствием сопровождавшей Манлию толпы (VI.15.9). Толпа не должна смешиваться с сенаторами: "Послы с трудом добрались до курии, еле удалось отогнать толпу (*turba*), чтобы она не смешивалась с сенаторами (*ne patribus misceretur*)" (XXVII.51.9).

Какой же признак делает невозможным причисление сенаторов к толпе (ведь даже свита консула однажды обозначается историком как *turba*)? Это – *dignitas*, достоинство. Ливий так описывает ситуацию перед битвой при Каннах: "После этих слов Павел, как рассказывают, отбыл в сопровождении виднейших сенаторов; консула-плебея (Варрона. – С.К.) провожали его плебеи - толпа была более внушительной, но людей с достоинством в ней не было (*turba conspectior, cum dignitates deessent*)" (XXII.40.4). Греческий охлос, одумавшись, мог превратиться в демос, рядовые афинские граждане могли стать членами Совета, но пропасть между сенаторами с присущей им *dignitas* и римской толпой была непреодолимой.

В военных контекстах различия между употреблениями *turba* у Ливия и *ochlos* у Полибия значительны. Толпа бегущих, отступающих либо находящихся в смятении римских воинов – не редкость в труде Тита Ливия (I.12.3; II.10.3; IV.37.10; V.38.7; XXVI.3.2; XLI.3.2; ср. также: XXII.6.4; 15.5), причем одновременно *turba* может обозначать и своих воинов, и неприятельских (XXXIV.39.3–7). Возмущенное (414 г.) римское войско также обозначается как *turba* (IV.50.3).

Turba – это и нестроение: водоносы из римского лагеря (XXII.45.2–3), гребцы (в противоположность солдатам – XXXVII.5.6), вспомогательные войска (XXXVIII.26.8), толпы римских матросов (XLIII.7.11). Особенно характерно описание бедственного положения римской армии во время военных действий против истрийцев в 178 г. до н.э.: "Консул начинает отделять безоружных от вооруженных. В огромной толпе (*multitudo*) он едва находит тысячу двести вооруженных воинов и немногих всадников с конями, остальное было позорным скопищем (*deformis turba*) то ли торговцев, то ли обслуги – готовой добычей для врагов..." (XLI.3.4). "Безобразная толпа" (*deformis turba*), бесполезная для военных действий противопоставляется вооруженным воинам, которые могут оказать сопротивление врагу. Характерно, что "безоружный" (*inermis* или *inerma*) – один из самых распространенных эпитетов по отношению к *turba*.

Конечно, *turba* – это не только римляне, но и италийцы (VI.3.4; VIII.24.15; XXIV.19.11; XXXIII.23.6), греки-сицилийцы (XXIV.27.1, 38.7, 39.6; XXV.24.5), греки (XXXI.14.7, 24.13; XXXII.13.14; XXXIII.1.5–6, 33.2; XXXV.36.3; XXXVI.24.11; XXXVIII.33.7; XXXIX.49.8–9; XLII.44.4; XLIV.46.11; XLV.28.6, 33.5), карфагеняне (XXIX.28.3; XXXIII.48.10)²⁵⁹, македонцы (XLII.39.2), другие народы (XXVIII.23.4; XLIII.10.5). При описании не-римской гражданской толпы Тит Ливий подчеркивает ее недостойное поведение. После убийства луканцами эпирского царя Александра толпа (*turba*) лютовала в зверском иступлении и кидала в труп копья и камни (VIII.24.15). Нередко историк отмечает незащитность толпы не-римлян, ее неспособность оказать сопротивление: римские воины избивают безоружную толпу (*turba inermis*) граждан Энны (XXIV.38.7), во время штурма римлянами

²⁵⁹ Это упоминание относится к событиям 195 г. в Карфагене. Историк пишет о том, что перед домом Ганнибала собралось множество (*multitudo*) карфагенян, на форуме собралась толпа (*turba*); карфагеняне были возмущены происками римлян, и "это вызвало еще больший шум" (*idque magis vulgo fremebant*) (XXXIII.48.9–11; cf. 47.9).

г.Астапа в Испании свои же сограждане избивали безоружных и незащищенных женщин и детей (*cum turbam feminarum²⁶⁰ puerorumque inbellem inermemque cives sui caederent* – XXXVIII.23.2), женщины, дети и прочая толпа небоеспособных (*imbellis alia turba*) этолийцев легко сдается римлянам (XXXVI.24.11). Толпа греков противопоставляется римским воинам (XXXIII.1.6) и воинам вообще (XXXII.13.14). И, конечно же, пленники римлян – это тоже толпа, *turba*, хотя и среди них выделяются лица царского происхождения (XLV.35.1, 39.4).

Turba нередко обозначает и враждебное Риму войско. Как и в отношении римлян *turba* – это бегущее либо дезорганизованное войско (VII.23.10; XXXVII.43.9; XXXIX.31.11; XLII.66.7), нестроевые (XXXV.28.4; XXXVIII.21.14), матросы (XXVI.20.9), новобранцы в противоположность подготовленным солдатам (XXVIII.15.1; XXIX.1.21; XXX.28.3). Но историк стремится подчеркнуть разницу между организованными римлянами и их неорганизованными противниками. Во время атаки римлян на эквов и вольсков "удар пришелся прямо в мечущуюся толпу врагов (*fluctuantem turbam*)" (III.60.10). Узнав, что противник – беспорядочная и безоружная толпа (*incondita inermis... turba*), римский консул решил атаковать лагерь Ганнона (212 г.) (XXV.13.10–11).

Характерен пассаж, в котором царь-варвар (нумидийский царь Сифак) просит римских послов помочь превратить толпу соотечественников в граждан-воинов: "Царство его густо заселено, но он не знает, как вооружить и обучить своих людей, эту случайно собравшуюся огромную беспорядочную толпу (*omnia, velut forte congregata turba, vasta ac temeraria esse*)" (XXIV.48.7).

В то время как *turba* и *multitudo* с приблизительно одинаковой частотой распределены по всему труду Тита Ливия, большинство употреблений слова *vulgus* (и родственных ему) приходится на конец четвертой и пятую декады, в которых описываются события первой половины II в. до н.э. Как нам представляется, такое распределение невозможно объяснить только случайными факторами.

Однако прежде чем перейти собственно к анализу словоупотреблений, следует остановиться на одном существенном моменте. В некоторых словарях, лексиконах и конкордансах от *vulgus* не отделяется форма *vulgo*, которая, будучи формально *ablativus*, по существу является наречием со значением "вообще", "широко", "среди всех", причем употребляется в нейтральном

²⁶⁰ Не *mulierum*, как когда речь идет о римских женщинах.

контексте. Поэтому эту форму не стоит привлекать для анализа социальной лексики.

Повествуя о событиях 509 г., историк, имея в виду римских граждан, сетует на изменчивость духа (настроения) толпы (*sunt mutabiles vulgi animi*) (II.7.5). В двух случаях *vulgus* выступает как дополнение к более значимому в данном контексте и "окрашенному" слову. При описании событий ранней римской истории (445 и 417/6 г.) он дважды упоминает *turbatores vulgi* (IV.2.7 и IV.48.1). В обоих случаях речь идет о предводителях плебса, выступавших за кардинальное изменение традиционных институтов: допуска плебеев к консулату и принятия закона о разделе захваченных земель. Эти предводители, "будоражившие" плебс²⁶¹, с точки зрения Ливия, были демагогами, но само слово *vulgus* в данном контексте вполне нейтрально и, несомненно, обозначает римских плебеев (возможно, историк заменил им *turba*, стремясь избежать повтора). Во всех остальных случаях (которых немало в конце четвертой и в пятой декадах, *vulgo* означает "вообще", "широко", "среди всех", причем иногда это относится к низшим слоям населения или вооруженных сил (гребцам и т.п.).

Характерно, что и далее Ливий использует *vulgus* для обозначения не-римлян. Описывая прибытие в Македонию Деметрия (одного из наследников македонского престола), историк отмечает: "Простой народ (*vulgus*), не желавший воевать против римлян, восторженно встретил Деметрия, как вестника мира, и с уверенностью прочил его Филиппу в наследники" (XXXIX.53.2). Несколько далее историк еще раз подчеркивает это: "Таково было общее мнение (*haec vulgo loquebantur*)" (XXXIX.53.5). Таким образом, описывая македонские события, историк понимает под *vulgus* все население Македонии (в противоположность аристократии, стремившейся к войне с Римом), и "общее мнение", которое выражает *vulgus*, оценивается историком как вполне положительное и здоровое.

Vulgus фигурирует также и в распоряжении сената о судьбе Македонии после поражения Персея (167 г.): "И, наконец, чтобы никогда в общемакедонском собрании, будь такое, не мог негодный льстец черни (*improbis vulgi adsentator*) обратить свободу, дарованную со здоровой уверенностью, в пагубное своеволие, решено было Македонию разделить на четыре области, каждая со своим

²⁶¹ Можно сравнить их с *turbatores belli*, которые противостояли Аппию Клавдию, стороннику мира среди сабинян (II.16.4).

собранием..." (Liv. XLV.18.6-7)²⁶². Впрочем, обращаясь на сходке в Македонии к воинам, консул Л.Эмилий Павел говорит: "Не быть добру там, где воины рассуждают, а полководец позволяет увлечь себя пересудами толпы (*imperator rumoribus vulgi circumagatur*)" (Liv. XLIV.34.4). В данном случае римские воины уподобляются толпе, являющейся источником слухов.

Для Ливия *vulgus* в применении к греческому миру - поддающиеся увещаниям демагогов граждане и (что одно и то же) дающие волю своим эмоциям посетители публичных зрелищ. В Риме также и граждане, и даже солдаты могут обозначаться как *vulgus*, однако в подобном случае смысловое ударение делается, как правило, на тех, кто толпу подстрекает (т.е. демагогах). *Vulgus*, как правило, не несет у Ливия отрицательного оттенка (как и производные слова)²⁶³.

Интересно проследить, оказал ли Полибий влияние на Тита Ливия в этом аспекте. Общеизвестно, что при описании событий в Восточном Средиземноморье римский историк широко пользовался сочинением знаменитого грека: более половины материала четвертой и пятой декад (примерно 411 глав из 740) восходят к Полибию²⁶⁴. Когда жители греческих полисов стали проявлять симпатии к Македонии, историк так объясняет этот феномен: "И не было тому другой причины, кроме превратного расположения, которое толпа (*vulgus*) высказывает даже на праздничных состязаниях, сочувствуя худшей и слабейшей стороне" (Liv. XLII.63.2). В данном случае *vulgus* как будто бы ближе всего по смыслу к греческому *ochlos*, что неудивительно, поскольку эта часть труда Тита Ливия представляет собой вольный пересказ "Истории" Полибия. Полибий пишет: "Когда по Элладе разнеслась весть о победе македонской конницы над римскою, сочувствие многих Персею, до того времени большею частью скрываемое, прорвалось наружу ярким пламенем. Мне кажется, впрочем, что это сочувствие было особенное какое-то, похожее на то, которое наблюдается на состязательных играх, именно: когда в состязаниях с

²⁶² Ливий также отмечает, что слова Эмилия Павла, сказанные по поводу празднеств в Амфиполе в честь победы над Персеем ("Тот, кто умеет в войне победить, сумеет и пир задать, и устроить зрелища"), стали широко известны (*vulgo*) (Liv. XLV.32.11).

²⁶³ Характерна в этом смысле *fama vulgata* о победе римлян, которая распространилась по всей Греции (XLII.63.1). Глагол *vulgare* обозначает, как правило, распространенность, общеизвестность и часто употребляется вместе с существительными, обозначающими множество людей (*multitudo*, *turba*).

²⁶⁴ Luce T.J. Livy. The Composition of His History. Princeton, 1977. P. 181.

борцом знаменитым и слывающим за неодолимого схватывается неизвестный и гораздо более слабый противник, то вначале толпа (*plethos*) зрителей обращает свое участие на слабейшего, поощряя его восклицаниями и поддерживая восторгами..." (Polyb. XXVII.9.1–3). И здесь, и ниже в этом пассаже для обозначения массы граждан греческих городов, толпы Полибий использует *plethos* и *hoi polloi*, и только, подводя итог, отмечает: "Нечто подобное происходило и в отношении народа (*ochloi*) к Персею" (Polyb. XXVII.10.1).

Другой случай, может быть, еще более характерен, поскольку материал негреческий. Сципион у Ливия говорит мятежным солдатам в Испании: "Я не хотел бы приписывать всем этот злой замысел (*non quod ego volgari facinus per omnes velim*), если бы я поверил, что все мое войско желало моей смерти, я тут же на глазах у вас умер бы: зачем жить мне, если мои сограждане и солдаты меня ненавидят? Всякая толпа (*multitudo*), однако, похожа на море: оно неподвижно, но его могут всколыхнуть и легкий ветерок, и ураган; так и у вас: то все было спокойно на сердце, а то вдруг буря – виноваты во всем те, с кого началось это безумие, вы им заразились и потеряли разум" (Liv. XXVIII.27.10–11).

Полибий так передает речь Публия Сципиона: "Всякую толпу (*ochlos*) легко совратить и увлечь на что угодно, потому что со всякой толпой (*ochlos*) бывает то же что и с морем. По природе своей безобидное для моряков и спокойное, море всякий раз, как забушуют ветры, получает свойства ветров, на нем свирепствующих. Так и толпа (*plethos*) всегда проявляет те самые свойства, какими отличаются вожаки ее и советчики (*prostatai kai sumbouloi*)" (Polyb. XI.29.9).

Речь Сципиона - типичное общее место, топос²⁶⁵, в котором толпа уподобляется морю. Полибий дважды обозначает толпу как *ochlos*, один раз как *plethos*. Тит Ливий выбирает более нейтральное слово для обозначения множества - *multitudo*. Здесь отчетливо видно, что лексика Полибия не оказала воздействия на Тита Ливия; она, несомненно, не была "переведена" римским историком.

Этому обстоятельству в немалой степени способствовало и различие слов для обозначения толпы в греческом и латинском языках. Для обозначения толпы, множества римские авторы к I в. до н.э. наряду с наиболее нейтральным *multitudo* использовали слова *turba* и *vulgus*. *Turba*, первоначальное значение которого "смятение, замешательство", известно уже с Плавта (Plaut. *Vacch.* 1076, *Cist.* 699A; cf. *Amph.* 224). *Turba*, как и глагол *turbare*, очень близки по

²⁶⁵ Полководец сам подчеркивает, что в оправдание возмущения солдат выдвигает признанные всеми доводы

всем своим значениям к греческим *ochlos* и *ochleo*. И в этом контексте “избыточным” может показаться появление (очевидно, на рубеже III и II в. до н.э.) существительного *vulgus* (*volgus*) “народ, масса, толпа” (от глагола *vulgo* “делать всеобщим, общедоступным”). Характерно, что *vulgus* появляется вслед за изменениями в римском обществе, которые стали результатом пунических войн. У Луцилия *vulgus* обозначает хор²⁶⁶. Впрочем, все это требует отдельного и более обстоятельного рассмотрения.

Очевидно другое. Различный набор слов для обозначения людского множества в греческом и в латинском языках отражает различия и в социальной структуре, и в мышлении двух народов. Но есть и общие черты. Перипатетическая традиция, которой пользовался и Полибий, превратила *ochlos* из оценочного, эмоционально окрашенного слова в слово, фиксировавшее социальную реальность эллинистической Греции. При этом, однако, почти стерлось различие между ним и близкими по значению *plethos* и *hoi polloi*.

В Риме эти две тенденции нашли выражение в разных словах, что видно в труде Тита Ливия. *Turba*, как правило, выражает неустойчивость, изменчивость, свойственные народной массе, *vulgus* характеризует, прежде всего, социальную дистанцию между *humillimores* и людьми, причастными к власти (сенаторами и др.); при этом *vulgus* обычно не несет никакого отрицательного оттенка, поскольку обозначает достаточно незыблемую реальность. Однако само появление *vulgus* на рубеже III и II в. до н.э. свидетельствует о закреплении в римском обществе иного социального деления вместо почти утратившего значение архаического деления на патрициев и плебеев.

²⁶⁶ Praesul ut amptruet inde, ut vulgus redamptruet inde (Lucil. Sat. Fr. 323 – lib. IX; cf. Fr. 459 – lib. XIV). Использовано издание: Lucilius. Satiren / Lat. und deutsch von W.Krenkel. Teil I–II. В., 1970. Однако, строго говоря, форма *vulgo* наряду с глаголом *vulgare* встречается уже у Плавта. В комедии “Хвастливый воин” раб Палестрион, обращаясь к солдату Пиргополинику, говорит: “На меня накричи, что настолько тебя я доступным для всехставляю (*quia sic te volgo volgum*)” (Mil. 1035. Пер. А.Артюшкова).

VULGUS И TURBA: ТОЛПА В КЛАССИЧЕСКОМ РИМЕ

Проблема "толпы", влияния спонтанных массовых скоплений людей на развитие исторического процесса, привлекла внимание исследователей еще в начале XX в. Что касается истории античности, то здесь проблема "толп" обычно связывалась с проблемой социальной борьбы народных масс (можно сослаться хотя бы на классическую концепцию "кризиса III века" М.И.Ростовцева). Однако, поскольку для историков античности основным источником служат сочинения античных авторов, "спор о терминах", т.е. изучение социальной лексики, представляется по крайней мере небесполезным.

На первый взгляд, проблема римской толпы не прошла мимо внимания исследователей. Однако она обычно рассматривалась на материале авторов сравнительно позднего времени, либо исключительно в контексте социально-политической борьбы в Риме во II–I вв. до н.э.²⁶⁷ Единственный автор, который, насколько мне известно, рассматривал употребления слова *vulgus* в сочинениях авторов республиканского периода - это польский филолог-классик Бронислав Билиньский, впервые исследовавший эволюцию употребления *vulgus* во II – начале I в. до н.э.; он уделил особое внимание сохранившимся фрагментам трагедий Акция²⁶⁸. Билинский рассматривал *vulgus* как социально-политический термин, подчеркнув его важность для изучения истории римских плебеев²⁶⁹. Однако он совершенно необоснованно связал проблему родовой принадлежности слова с социально-политической

²⁶⁷ Это касается как интересной статьи П.Бранта (*Brunt P.A. The Roman Mob // Past and Present. 1966. № 35. P. 3-27*), так и последней работы Вольфганга Виля (*Will W. Der römische Mob. Soziale Konflikte in der späten Republik. Darmstadt, 1991*), подзаголовок которой в гораздо большей степени соответствует ее тематике. Что касается знаменитой работы Эллегуарка о "политическом словаре" республиканского периода (*Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des parties politiques sous la république. P., 1963*), то в ней рассматриваемым нами понятиям посвящено лишь несколько абзацев (*ibid. P. 126, 497, 514*), поскольку оба этих слова малозначимы для политической терминологии.

²⁶⁸ *Bilinski Br. Accio ed i Gracchi. Contributo alla storia della plebe e della tragedia romana // Accademia Polacca di scienze e lettere. Biblioteca di Roma. Conferenze. Fasc. 3. Roma, 1958; idem. Intorno alla semasiologia del termine "vulgus" // Synteleia Vincenzo Arangio-Ruiz. V. II. Napoli, 1964. P. 722–730.*

²⁶⁹ *Bilinski. Intorno... P. 722 sg.*

историей, используя при этом рискованные исторические аналогии²⁷⁰.

Особо следует отметить работы зарубежных историков, посвященные римской толпе раннеимператорского времени: богатый материал сочинений Тацита и Светония дает много оснований для исторических обобщений. В известном труде израильского историка Цви Явеца "Плебс и принцепс" специальному анализу подвергнуты термины, обозначающие *plebs urbana*²⁷¹, в статье австралийского ученого Р.Ньюбоулда рассматривается употребление слова *vulgus* Тацитом²⁷², статья чешской исследовательницы Б.Моуховой посвящена рассмотрению употребления *populus*, *plebs* и *vulgus* в биографиях Светония²⁷³. Впрочем, Ц.Явеца и Б.Моухову интересовал прежде всего плебс *per se* и в гораздо меньшей степени проблема толпы. В работе А.Б.Ковельмана затрагивается отношение к толпе, в ней проведено сопоставление талмудических текстов и сочинений некоторых римских авторов²⁷⁴. В целом в историографии утвердилось мнение об отрицательном отношении римских авторов к *vulgus*, однако выводы делаются на основании словоупотребления отдельных авторов, а не всей совокупности текстов²⁷⁵. Нам же представляется необходимым обратиться к истокам феномена толпы, исследовать

²⁷⁰ Ibid. P. 723 sgg. По мнению польского исследователя, переход слова "vulgus" из мужского в средний род отражал процесс дегенерации римского плебса во II—I вв. до н.э., вырождения его в люмпен-пролетариат, "пассивный элемент в политической борьбе группировок". При этом априорно предполагается, что средний род отражал уничижительное значение, подобно *der Mensch* и *das Mensch* в современном немецком языке (Ibid. P. 729). Подобное предположение нам кажется весьма сомнительным хотя бы потому, что родовую принадлежность слова *vulgus* можно установить лишь в небольшом числе его употреблений.

²⁷¹ Yavetz Z. *Plebs and Princeps*. Oxf., 1969. P. 6 ff., 141 ff. См. также *idem*. *Plebs sordida* // *Athenaeum* (Pavia). 1965. 93. P. 295–311.

²⁷² Newbold R.F. *The vulgus in Tacitus* // *RhM*. 1976. Bd119. 1. S. 85–92.

²⁷³ Mouchova B. *Die Ausdrücke populus, plebs und vulgus bei Sueton* // *Acta Universitatis Carolinae. Philologica* 2. 1991 (Graecolatina Pragensia, XIII). P. 87–101.

²⁷⁴ Ковельман А.Б. *Толпа и мудрецы Талмуда*. Москва — Иерусалим, 1996.

²⁷⁵ См., например, Крюков А.С. *Vulgus у Горация* // *Филологические записки* (Воронеж). 1995. Вып. 5. С. 154–160. Автор этой интересной статьи безосновательно обнаруживает "пейоративный социальный оттенок, изначально содержащийся в *vulgus*" (с. 156).

употребление *vulgus* и близкого ему по значению *turba*, начиная с первых известных нам случаев, и проследить эволюцию этого понятия вплоть до раннеимператорского времени, охватив, таким образом, весь классический период римской литературы – от II в. до н.э. до начала II в. н.э., от Плавта и Теренция до Тацита и Светония. При этом мы отдаем себе отчет в том, что ни *vulgus* ни *turba* нельзя рассматривать как термины в собственном смысле этого слова; римские авторы императорского времени часто использовали *vulgus* и *turba* как синонимы для усиления риторического эффекта²⁷⁶. Однако изучение всего корпуса текстов позволяет, на наш взгляд, выявить важные тенденции социальных изменений в римском обществе.

Наречная форма *vulgo* (*volgo*)²⁷⁷ наряду с глаголом *vulgare* и отглагольной формой *vulgatus* встречается уже у Плавта²⁷⁸. В комедии "Хвастливый воин" раб Палестрион, обращаясь к солдату Пиргополинику, говорит: "На меня накричи, что настолько тебя я доступным для всехставляю (*quia sic te volgo volgем*)" (Mil. 1035. Пер. А.В.Артюшкова). Эпидик в одноименной комедии, оправдывая придуманный им неологизм, говорит: "Мне не нравятся старые и общеизвестные слова (*nil moror vetera et volgata verba*)" (Epid. 351).

Зато *turba* (как и глагол *turbo* и производные от него) часто встречается в плавтовских комедиях; это слово обычно означает скопление рабов и домочадцев, суматоху, смятение, беспорядок, беспокойство (Aulul. 340, 342, 405; Curcul. 651; Amph. 476; Bacch. 357; Mil. 479, 583), неприятности (Menaechm. 846), свару, ссору (Stich. 83), бурю на море (Pseudol. 110), даже помутнение глаз (*turba oculis*) (Cist. 699A). В комедии "Ослы" Диябол советует Параситу устроить своему противнику свару, суматоху (*tu ergo fac ut illi turbas lites concias*) (Asin. 824); также и в комедии "Перс" Токсил советует Сатуриону поднять шум, суматоху (*tum turbam facito*) (Pers. 729). Плавтовский герой Филоксен, говоря о беспутной жизни своего сына, характеризует ее как "*quas meus filius turbas turbet*" (Bacch. 1076) – употребление существительного вместе с глаголом усиливает эффект (такой же прием, как и в "Хвастливом воине" с наречием *vulgo* – см. выше).

И только в двух комедиях Плавта *turba* обозначает толпу, скопление людей в общественных местах. В комедии "Амфитрион"

²⁷⁶ Например, "*turba tantum et imprudens vulgus*" (Sen. De brev. vit. 1.1). Примеры можно продолжить. См. Yavetz. Plebs and Princeps. P. 7 f.

²⁷⁷ Основа *volg-* характерна для более ранних словоупотреблений, соответственно основа *vulg-* – для более поздних.

²⁷⁸ Lodge G. Lexicon Plautinum. V. II. Lpz, 1933. P. 942.

turba обозначает войско, причем драматург противопоставляет его вождям, imperatores (Amph. 224). В комедии "Пуниец" turba дважды обозначает толпу, собравшуюся у алтаря Венеры (Roen. 265, 336); в обоих случаях речь идет о толпе продажных женщин,

...подонков, непотребных баб, подружек мельников,

Для услуг рабам готовых...

(Roen. 266 sq. Пер. А.В.Артюшкова).

Как существительное *vulgus* впервые встречается у Теренция²⁷⁹. В комедии "Девушка с Андроса" раб Симон говорит о "толпе рабов" (*volgus servorum*) (Andr. 583), в "Свекрови" упоминается, а в "Самоистязателе" подразумевается "толпа женщин" (*volgus mulierum*) (Hec. 600; cf. Heaut. 386). Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что никакого "социального подтекста" (тем более осуждающего) здесь нет и речь идет об общем мнении, типичном поведении той или иной группы населения. В этом смысле употребление существительного *vulgus* очень тесно соотносится с употреблением наречия *vulgo* (Andr. 426; Heaut. 421, 447, 957)²⁸⁰.

Достаточно часто (22 раза) встречается у Теренция и существительное *turba*²⁸¹, обычно обозначающее беспокойство, суматоху, беспорядок (Andr. 235; Hec. 43; Eun. 800 etc.). В "Братьях" *turba* обозначает скопление людей, однако при этом подразумевается суматоха, беспорядок (Adelph. 907,912). И только однажды, в "Самоистязателе", под *turba* имеется в виду толпа гостей, заполонивших дом. Раб Сир восклицает: "О боги, что за толпа!" (*Di boni, quid turbaest!*) (Heaut. 254). Для первых римских комедиографов *vulgus* – слово малознакомое и малоупотребительное, это – то, откуда исходит "общественное мнение", и никакого пейоративного оттенка данное слово не содержит. Гораздо более привычно для них *turba*, которое обозначает и суматоху, беспорядок, и скопление людей (причем иногда с пейоративным оттенком).

Между Теренцием и авторами I в. до н.э. не сохранилось крупных произведений римской художественной литературы. Нашими сведениями об употреблении *vulgus* авторами этого времени мы обязаны прежде всего позднему комментатору Нонию

²⁷⁹ McGlynn P. *Lexicon Terentianum*. V. II. London–Glasgow, 1967. P. 292.

²⁸⁰ Можно сравнить: "...quod volgus servorum solet" (Andr. 583) и "volgo quod dici solet" (Andr. 426), а также "volgus quod male audit mulierum" (Hec. 600) и "quod volgo audio dici" (Heaut. 421).

²⁸¹ McGlynn. Op. cit. V. II. P. 256.

Марцеллу, который в своем сочинении "De compendiosa doctrina"²⁸² специально рассмотрел вопрос о колебании родовой принадлежности слова *vulgus*. Значительная часть фрагментов Афрания, Пакувия, Акция, Сисенны и Луцилия дошла до нас благодаря этому автору IV в. н.э.

В сохранившихся фрагментах трагедий Афрания, акме которого приходится, как предполагают, на вторую половину II в. до н.э., *vulgus* не встречается, но в трагедии "Privignus" герой отвергает (презирает) свойственное толпе легкомыслие:

Dehinc temeritatem repudo vulgariam

(Fr. XIII, стк. 258)²⁸³.

Vulgo в значении обычного действия встречается также в одном из неидентифицированных фрагментов того же автора (Fr. II, стк. 404).

В трагедии "Dulorestes" другого римского драматурга примерно того же времени, Пакувия, *vulgus*, очевидно, синонимично плебсу, причем контекст свидетельствует об отрицательном отношении автора либо его персонажа к *vulgus*²⁸⁴.

Луций Акций был одним из самых плодовитых римских драматургов II – начала I в. до н.э., но и от его трагедий сохранились лишь незначительные фрагменты²⁸⁵. В плохо сохранившемся фрагменте трагедии "Еврисак" (Fr. XXVI) некий узурпатор будоражит народ (*turbat vulgus*) в попытке не допустить возвращения законного правителя Теламона (стк. 367 сл.). Сохранившая строка трагедии "Эпигоны" (Fr. II), сюжетом которой был второй поход против Фив, содержит замечательную аллитерацию:

Et nonne Argivos fremere bellum et velle vim vulgus videt?

(И не видно ли, что аргосцы кличут войну и толпа жаждет насилия?)

(стк. 588).

²⁸² Нами использовано издание: *Nonius Marcellus. De compendiosa doctrina* / Ed. W.M.Lindsay. V. I-II. Lpz, 1903.

²⁸³ Цитаты даются по изданию в серии "Les belles lettres": *Comoedia togata. Fragments* / Par A.Daviault. P., 1981.

²⁸⁴ *Nonne officium fungar vulgi atque aegre male factum feram* (стк. 126 Warmington). *Turba* в другом месте обозначает толпу (стк. 117). См. *Remains of Old Latin* / Ed. E.H. Warmington. V. II. Cambr. Mass. — L., 1967. О синонимичности *vulgus* плебсу у Пакувия см. *Bilinski. Intorno...* P. 726.

²⁸⁵ Мы пользовались последним изданием Акция, которое недавно появилось в серии "Les belles lettres": *Accius. Oevres (fragments)* / Par J.Dangel. P., 1995. Нумерация дается по этому изданию, однако для сопоставления было использовано издание Уормингтона.

Vulgus в данном случае обозначает народ. Если *vulgus* и имеет в трагедиях Акция слегка пейоративный оттенок, то он почти незаметен. В любом случае на основании двух дошедших до нас употреблений трудно делать решительные выводы²⁸⁶. Что же касается *turba*, то это слово совершенно определено в трагедиях Акция означает беспорядок, мятеж, которого следует остерегаться:

Ah! dubito; ah! quid agis? cave ne in turbam te implices!

(Ах, я колеблюсь. Ах, что ты делаешь? Берегись, не ввязывайся в мятеж!)

(Athamas, Fr. I, стк. 432).

Non vides quam turbam, quantos belli fluctus concites?

(Не видишь, какое смятение, сколь многочисленные волны войны ты возбуждаешь?)

(Stasiast., Fr. III, стк.403).

В сохранившихся стихах Луцилия *vulgus* упоминается дважды: один раз *vulgus* обозначает хор жрецов-салиев, которые должны были синхронно повторять замысловатые прыжки лидера-солиста (*praesul ut amptruet inde, ut vulgus redamptruet inde*)²⁸⁷; в другом месте речь идет о толпе, ожидающей хлебных раздач (*dilectum video studiose vulgus habere*)²⁸⁸. Совершенно очевидно, что *vulgus* для Луцилия означал скопление людей и никакого пейоративного оттенка не нес. Напротив, *vulgus* для Луцилия – не только ожидающие хлебных раздач беднейшие граждане, но даже коллегия жрецов-салиев.

Анналист Сисенна в книге III "Историй" пишет о том, что "неискушенный (политик?) приводит в движение толпу" (*inperitus concitat vulgum*) (Sisenna. Fr. 48 P = Non. Marc. 341 L). Часто встречается *vulgus* (*volgus*) и в сохранившихся сочинениях и фрагментах энциклопедиста Варрона. В "Менипповых сатурах" *vulgus* встречается в самых разных контекстах: это и противопоставление философов (речь идет о Демокрите и Гераклиде Понтийском) народу (Fr. 81, Fr. 359 = Non Marc. 342 L), и обозначение населения Аттики (*vulgus Atticus*) (Fr. 480); *vulgus* – также скопление рабов и служанок (Fr. 146). В трактате "О латинском языке" мнение Катона и Энния противопоставляется общераспространенному (*ut Cato et Ennius scribit, non ut dicit volgus*)

²⁸⁶ Б.Билинский явно преувеличивает, считая Акция чуть ли не идеологом сенаторской аристократии (Accio...).

²⁸⁷ *Lucil. Sat. Fr. 323 – lib. IX Krenkel (Lucilius. Satiren / Lat. und deutsch von W.Krenkel. Teil I–II. B., 1970) = Fr. 348 Warmington (Remains of Old Latin / Ed. E.H. Warmington. V. III. Cambr. Mass. – L., 1979).*

²⁸⁸ Fr. 459 – lib. XIV Krenkel = Fr. 483 Warmington (cf. Fr. 484).

(De ling. lat. 9.107). Несомненно, однако, что для Варрона *vulgus* – это просто народ, скопление людей; нет никаких признаков негативного отношения ученого-энциклопедиста к данному феномену. *Vulgus* вызывала у Варрона опасений не больше, чем римский народ в целом (De ling. lat. 5.48, 5.58, 6.42, 9.107).

Единственное упоминание *vulgus* в надписях города Рима (к остальным томам CIL нет указателя) относится примерно к тому же времени, концу II – началу I в. до н.э. В надгробной надписи, найденной на *via Nomentana* в Риме, восхваляется некая *Aurelia Philematium*, "чистая, стыдливая, толпе незнакомая, мужу верная (*casta, pudens, volgei nescia, feida viro*)" (CIL VI.9499; *ei* = *i*). Очевидно, в данном случае подчеркивалось то, что женщина редко покидала свой дом. Впрочем, другая надгробная надпись (*via Pinciana*, Рим), напротив, превозносит некую Перузину как раз за то, что все ее достоинства и она сама были известны всем (*notissima volgo*) (CIL VI.37965). Надписи мало что добавляют к письменным текстам по рассматриваемому нами вопросу.

Значительный интерес представляет рассмотрение употреблений *vulgus* и *turba* в сочинениях Корнелия Непота. Несмотря на то, что большая часть биографий подверглась сокращению в период поздней Империи, сомнительно, чтобы изменения коснулись лексики. Очевидно и то, что римский биограф использовал греческие источники, и поэтому возникает проблема передачи греческой социальной лексики. Корнелий Непот однозначно переводит *demos* в значении гражданского коллектива как *populus* (Milt. 8.4; Alcib. 6.4; Eram. 7.5 и т.п.). Естественно, что римский народ обозначается так же как *populus* (Han. 1.1). *Plebs* употребляется лишь однажды в исключительно римском контексте: речь идет об избрании Катона плебейским эдилом (Cat. 1.3). *Multitudo* обозначает скопление солдат (Milt. 2.1; Dat. 6.2, 7.3), кораблей (Them. 3.3, 4.5) и даже животных (Han. 5.2, 10.4 sq.) и не несет никакого социального смысла.

Как же римский биограф переводит *ochlos*? Для этого следует рассмотреть употребления *turba* (одно) *vulgus* (13) Корнелием Непотом. *Turba* и *vulgus* в биографии Датама встречаются в одном пассаже: "Узнав об этом, Датам сообразил, что если до простых воинов дойдет слух (*in turbam exisset*) об измене столь близкого ему человека, то найдутся и другие, которые последуют его примеру. Поэтому он во всеуслышание объявил (*in vulgus edit*)..." (Dat. 6.3 sq.). Оба слова в данном случае предполагают обнародование, распространение известий среди рядовых солдат; никакого пейоративного оттенка в данном случае нет. Подобное значение (обнародования, опубликования, известности) *vulgus* имеет и в ряде

других случаев (Pelop. 1.1; Att.16.3). Vulgus у Непота - это и толпа воинов (Alc. 8.2, 8.6), но чаще – жители как греческих полисов, так и Рима. Погребальные носилки Аттика сопровождали и добропорядочные граждане, и толпа простонародья (vulgus) (Att. 22.4). В противоположность vulgus, которая охотилась за проскрибированными во время второго триумvirата, Атик как истинный представитель boni помогал жертвам триумvиров (Att. 11.1). Непот, таким образом, проводил четкую грань между этими двумя категориями римских граждан.

В греческих биографиях картина несколько иная, хотя и здесь vulgus – это граждане полиса. Vulgus призывают к оружию (Pelop. 3.3), толпа афинских граждан (vulgus) восторженно встречает Алкивиада (Alcib. 6.1, 6.3), широкий образ жизни и независимое поведение афинского стратега Хабрия навлекли на него зависть сограждан (vulgus) (Chabr. 3.3), настроение сиракузских граждан (vulgus) меняется не в пользу Диона (Dio 7.3, 10.2). В некоторых случаях можно усмотреть осуждение автором vulgus, но в греческих биографиях Непота отсутствует противопоставление vulgus – boni, для римлянина Непота весь греческий демос – это vulgus.

Употребление vulgus и turba в речах, письмах и трактатах знаменитого римского оратора Марка Туллия Цицерона заслуживает, несомненно, отдельного рассмотрения; обширность дошедших до наших дней сочинений Цицерона дает исследователям возможность для обобщений²⁸⁹.

Речи Цицерона, как и всякого другого оратора, были рассчитаны на его аудиторию; однако аудитория эта, как указывал сам оратор, была, по крайней мере, в идеале, аудиторией добропорядочных граждан (boni)²⁹⁰. В речи в защиту Секста Росция оратор сделал специальную оговорку, что его речь ни при каких условиях не должна распространиться среди толпы (in vulgus emanare) (Sex. Rosc. 3). Если при этом мнение толпы и принималось Цицероном во внимание, то только для корреляции действий политиков (Verr. I.1; Sest. 113 etc.) по отношению к невежественной (по сравнению с римским народом – populus) толпе (imperitorum vulgus) (Muren. 38). О самой толпе оратор (подчеркивая при этом, что разделяет мнение других мудрецов – sapientes) был самого низкого мнения: "У толпы нет разумности, расчета, способности различать, основательности (non est... consilium in vulgo, non ratio,

²⁸⁹ Эллегуарк в значительной мере основывает свои выводы на материале сочинений Цицерона (Op. cit. Passim).

²⁹⁰ О boni см. подробнее: Трухина Н.Н. Политика и политики "золотого века" Римской республики. М., 1986. С. 52–55.

non discrimen, non diligentia)" (Planc. 9); "Нет ничего более ненадежного, чем толпа (*nihil est incertius vulgo*)" (Muren. 36)²⁹¹. "Такова толпа: из истины она ценит немногое, а из предрассудков – многое" (*sic est vulgus; ex veritate pauca, ex opinione multa aestimat* – Qu. Rosc. 29).

В речах Цицерона *vulgus* означает низшие слои римского гражданства, которые интересовали оратора по большей части в период предвыборной борьбы²⁹². Позиция толпы ясно отделяется оратором от позиции гражданского коллектива (*patimini me delicta vulgi a publica causa separare* – Flacc. 58).

Письма Цицерона, хотя и предназначались для опубликования, неизбежно имели менее "риторический" характер, чем речи. Поэтому *vulgus* зачастую используется для обозначения общего мнения, народной молвы (Fam. III.11.1; VII.1.3; Att. IX.5.2); на это сборище простонародья в Риме (Att. II.22.3) или в своей Формийской усадьбе (Att. II.14.2) оратор смотрит свысока и слегка иронично, не забывая при этом о дистанции между *vulgus* (*multitudo*) и *boni* (*honesti*) (Fam. II.6.3; II.21.1). Свои же настоящие чувства без ложной скромности выразил Цицерон в письме Катону в январе 50 г.: "Если когда-нибудь был кто-либо, и по своей природе и, более того, как мне, по крайней мере, кажется, по образу мыслей и образованию далекий от стремления к пустой славе и пересудам черни (*ab inani laude et sermonibus vulgi*), то это, конечно, я" (Fam. XV.4.13. Пер. В.О.Горенштейна). Но даже в этом месте нет явного пейоративного оттенка, скорее – констатация социальной и культурной дистанции. В письмах Цицерона *vulgus* – масса рядовых граждан (*vulgus ac multitudo* – Fam. II.6.3), которым нужен вождь (Fam. II.6.3 sq.).

В трактатах Цицерона *vulgus* – невежественная масса (*vulgus imperitorum* – De nat. deor. I.43, 101; III.39; cf. De off. II.35; III.84);

²⁹¹ Иногда речь Цицерона почти неотличима от стандартных высказываний значительно более поздних критиков демократии: "Часто, даже без всякой видимой причины, исход выборов не соответствует нашим ожиданиям, так что иногда народ даже удивляется тому, что совершилось, как будто не сам он это совершил. Нет ничего менее надежного, чем толпа, ничего менее темного, чем воля людей, ничего менее обманчивого, чем весь порядок выборов" (Muren. 35–36. Пер. В.О.Горенштейна).

²⁹² Что же касается *turba*, то это слово в речах Цицерона обозначает беспорядок, мятеж (например, Sex. Rosc. 91), схватку, суматоху (например, Mil. 33), сброд (Muren. 49 – имеются в виду сторонники Катилины). В письмах, наряду с указанными значениями (например, "замешательство" – Att. VI.1.14), *turba* может иметь значение толпы (к примеру, сборища клиентов и просителей – Att. VI.2.10).

учитывая *opinionēs vulgī*, необходимо поддерживать и общественные нравы, и религию (*De divin.* II.70). *Vulgus* не понимает, что относится к совершенному (*De off.* III.15) и противопоставляется "образованным" (*sapienti*) (*Lael.* 7). Вообще *vulgus* для Цицерона – это прежде всего рядовые граждане (*De off.* III.73), даже зрители, которые должны оценить произведение искусства (*De off.* I.147). Политика по отношению к *vulgus*, несомненно, важна для государства, и сам Цицерон не снисходит до осуждения этого необходимого общественного элемента – для него пропасть между *vulgus* и *boni*, а тем более между *vulgus* и *sapientes* совершенно очевидна. Однако *vulgus* сама по себе особой ненависти у знаменитого оратора не вызывает.

Употребления *vulgus* и *turba* в сочинениях Саллюстия сравнительно немногочисленны. Наиболее "знаковое" употребление *vulgus* – в речи Катилины, призывающего своих сторонников выступить против традиционной системы власти сенаторской аристократии. "Ибо с того времени, как кучка могущественных людей целиком захватила власть в государстве, цари и тетрархи – их постоянные данники, народы и племена платят им подати, мы, все остальные, деятельные, честные, знатные и незнатные, были чернью, лишенной влияния, лишенной авторитета (*strenui boni*²⁹³, *nobiles atque ignobiles, vulgus fuimus sine gratia, sine auctoritate*), зависевшей от тех, кому мы, будь государство сильным, внушали бы страх. Поэтому всякое влияние, могущество, магистратуры, богатства находятся у них в руках" (*Sall. Cat.* 20.7 sq. Пер. В.О.Горенштейна). В этой речи *vulgus*, включающая в себя даже *boni*, представляется безликой массой рядовых граждан, которая не оказывает влияния на принятие политических решений и не получает материальных выгод от господства Рима над Средиземноморьем; *vulgus* противопоставляется *potentes* – политической элите, которая и обладает реальной властью. Конечно, для честолюбца Катилины было совершенно неприемлемо оказаться в рядах этой массы.

В "Югуртинской войне" Саллюстий дает характеристику *vulgus*, и, хотя речь идет о Нумидии, эта характеристика имеет для историка всеобщее значение: "Ибо, как бывает в большинстве случаев, чернь, особенно нумидийская, отличалась непостоянством, склонностью к мятежам и раздорам, жаждала переворотов,

²⁹³ "Деятельные добрые (мужи)"; ср. ниже, "храбрейшие мужи" (*fortissimi viri*) (20.9). Здесь очевидно противопоставление "boni", деятельных, храбрых, но при этом не обязательно знатных, "*viri boni*", которые традиционно составляли римскую элиту.

спокойствию и миру была враждебна" (Nam volgus, uti plerumque solet et maxime Numidarum, ingenio mobili, seditiosum atque discordiosum erat, cupidum novarum rerum, quieti et otio advorsum) (Bel. Jug. 66.2. Пер. В.О.Горенштейна). Здесь, как и несколько ниже (69.2), речь идет о рядовых горожанах. Народные трибуны возбуждали vulgus против Метелла и превозносили Мария (Bel. Jug. 73.2), vulgus поддерживала Мария (Bel. Jug. 84.3). В "Заговоре Катилины" говорится о volgi rumoribus – "пересудах толпы" (Cat. 29.1).

Turba у Саллюстия имеет значение беспорядка, волнений (плебс под воздействием заговорщиков стремится к turba atque seditionibus – Cat. 37.3). Римский историк, несомненно, относился свысока и осуждал способы действий vulgus – низших слоев населения.

У его современника, знаменитого полководца и государственного деятеля Юлия Цезаря мы обнаруживаем несколько другой подход к vulgus. Наречие vulgo отмечает либо обыденное, постоянное действие, либо действие, совершенное толпой (Bel. Gall. 1.39.5; 2.1.4; Bel. Civil. 1.28.2; 1.74.7; 3.29.3; 3.48.2; Bel. Alex. 6.2). В "Записках о Галльской войне" in vulgus militum означает "в солдатской среде" (Bel. Gall. 1.46.2), а когда римское войско стало терпеть неудачи, солдаты стали толпой покидать строй ("отступать от значков" – ut vulgo milites ab signis discederent – Bel. Gall. 5.33.6).

Цезарь использует также vulgus для обозначения непривилегированных слоев населения галльских городов (oppides). "Купцов в городах окружает толпа" (mercatores in oppidis vulgus circumstat – Bel. Gall. 4.5.2), друиды не желают "нести в народ" свое учение (neque in vulgum disciplinam efferi velint – 6.14.4), жалость к толпе (misericordia vulgi) вынудила Верцингеторига отказаться от своего намерения сжечь Аварик (7.15.6). Наконец, Конвиктолитав доводит плебс эдуев до крайней ярости, и тот выступает против римлян (7.42.3). Тем не менее, сам Цезарь решил не наказывать все племя (civitas) эдуев "из-за невежества и легкомысленности толпы" (propter inscientiam levitatemque vulgi – 7.43.4). Только в этом месте действия vulgus (т.е. плебса эдуев), однозначно осуждаются Цезарем, который сам был непосредственным участником описываемых событий.

Лишь один раз в своих сочинениях Цезарь использует turba (вместе с multitudo) – для обозначения бегущих помпеянцев (Bel. Civ. 2.35.3).

В отличие от сочинений Саллюстия в трудах Цезаря vulgus, за исключением одного случая, имеет вполне нейтральное значение.

Это нас не должно удивлять: Цезарь заигрывал с этой самой *vulgus* и стремился заслужить ее симпатии. К тому же сам жанр "Записок" не предполагал морализаторства, а стиль был подчеркнуто антириторичен. Вероятно, всеми этими факторами и можно объяснить различия в отношении двух современников к *vulgus*.

Интересно рассмотреть употребление *vulgus* в сочинениях римских поэтов I в. до н.э. – I в. н.э.

В знаменитой поэме "О природе вещей" Лукреций шесть раз употребляет *vulgus* и девять раз – *turba*²⁹⁴. *Vulgus* поэт использует обычно для обозначения множества людей: мостовая, стертая ногами толпы (*vulgi pedibus*) (1.315), головы свергнутых на заре человеческой истории царей скатываются под ноги толпы (*sub pedibus vulgi*), после чего наступает смута (*turba*) (5.1138 sqq.). Во время процессии в честь Матери богов (*Deum Mater*) толпа (*vulgus*) приходит в священный трепет перед божественной волей (2.622). Говоря о происхождении живых существ, поэт утверждает:

Но коль и можно, то все ж из их сочетаний друг с другом

Только б одна мешанина созданий живых получилась

(*Nil facient praeter vulgum turbamque animantum*)...

(2. 921. Пер. Ф.А.Петровского).

Здесь *vulgus* и *turba* выступают как синонимы.

К учению эпикурейцев, по мнению Лукреция, "толпа испытывает отвращение" (*retroque / vulgus abhorret ad hanc*), и поэтому поэт хочет его представить в стихах (1.945=4.20). Здесь нет осуждения мнения толпы; наоборот, поэт сообщает другу, что стремится приспособиться к нему, смягчая поэтической формой сухость эпикурейской доктрины.

В поэме "О природе вещей" *turba* обычно обозначает беспорядочно движущуюся материю (1.1113; 2.127; 3.928; cf. 2.550), скопление облаков (6.465, 511), множество первоначал голосов (4.530).

В дошедших до нас стихах Катулл зарегистрировано всего два употребления *vulgus*²⁹⁵. Одно из них достаточно тривиально – поэт спрашивает своего оппонента Равида: "Иль у всех на устах (*in ora vulgi*) ты быть желаешь?" (40.5. Пер. С.В.Шервинского). В другом стихотворении поэт обращается к Лесбии:

Dilexi tum te non tantum ut vulgus amicam,

²⁹⁴ Wacht M. *Concordantia in Lucretium*. Hildesheim et al., 1991. P. 747, 808. Следует отметить, что некоторые употребления повторяются, будучи частью постоянных эпитетов.

²⁹⁵ При этом поэт ни разу не употребил ни наречия *vulgo*, ни слова *turba*. См. McCarren V.P. *A Critical Concordance to Catullus*. Leiden, 1977.

Sed pater ut gnatos diligit et generos.

И полюбил я тебя не так, как обычных подружек,

Но как родитель – сынов или дочерних мужей

(72.3-4. Пер. С.В.Шервинского).

Здесь мы видим не только характерное для Катулла противопоставление любви-страсти (*amor*) и любви деятельной, благожелательности (*benevolentia*)²⁹⁶, но и противопоставление *vulgus* – *familia*, причем именно *familia* рассматривается как неоспоримая ценность.

Vulgus у Вергилия может обозначать и стадо (*Aen.* 1.190; *Georg.* 3.149), и толпу воинов (*Aen.* 12.223; *Georg.* 4.69), и народ (*Aen.* 11.451). В некоторых случаях подчеркивается беззащитность толпы – безоружная толпа (*Aen.* 12.131), толпа, вызывающая жалость (*miserabile vulgus* – *Aen.* 2.798), но в целом сочинения Вергилия не свидетельствуют о каком-то осуждении поэтом толпы, *vulgus*.

Совсем другую картину мы наблюдаем у Горация. Употребление *vulgus* и *turba* Горацием достаточно любопытно и, на первый взгляд, выделяется из общего ряда. *Vulgus* употребляется дважды в одном и том же сочинении – третьей сатире второй книги "*Sermones*", повествующей о людском безумии. В первом случае *vulgus* соотносится с толпой зрителей в театре (*Serm.* 2.3.62), во втором – речь идет о суеверных людях из низших слоев общества (выше упомянут некий вольноотпущенник):

Nos quoque vulgus

Chrysippus ponit fecunda in gente Meneni.

Эту всю сволочь Хрисипп²⁹⁷ в собратях Менения числит
(*Serm.* 2.3.286. Пер. М.Дмитриева).

Еще более явно отношение Горация к *vulgus* проявилось в знаменитой первой оде третьей книги горациевских "*Carmina*": "*Odi profanum vulgus et arceo*" ("ненавижу и прочь гоню невежественную толпу"). Отношение Горация, сына вольноотпущенника, к невежественной толпе было крайне отрицательным. Противопоставление поэта и толпы проходит через все творчество Горация²⁹⁸.

²⁹⁶ Гаспаров М.Л. Поэзия Катулла // Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Изд. подг. С.В.Шервинский, М.Л.Гаспаров. М., 1986. С. 201 слл.

²⁹⁷ Характерно противопоставление *vulgus* Хрисиппу, известному философу-стоику III в. до н.э., чье учение было рассчитано именно на элиту.

²⁹⁸ Крюков. Ук. соч.

В отличие от прозаических текстов *turba* у Горация не несет значения беспорядка, суматохи, мятежа, а имеет вполне нейтральный оттенок и обозначает скопление гостей – толпу на аукционе (*Ars poet.* 419), толпу мальчишек (*Serm.* 1.3.135), толпу гостей (*Serm.* 2.8.26), а в знаменитой первой оде – толпу римских граждан, квиритов (*Carm.* 1.1.7). Однако в десятой сатире первой книги Гораций, возражая воображаемому стороннику Луцилия, решительно отделяет себя от "толпы старших поэтов" (*poetarum seniorum turba*) (*Serm.* 1.10.67) и призывает не ориентироваться на вкусы толпы (*turba*) (*Serm.* 1.10.73).

При анализе стихотворений Горация следует учитывать особенности поэтического языка: *multitudo*, обычно обозначающее множество людей, не подходит ни под какой поэтический размер. Поэт вместо него употреблял более нейтральное (с его точки зрения) *turba*, а не *vulgus*, которое, похоже, имело отрицательный оттенок. Таким образом, на Горация повлияла риторическая традиция осуждения *vulgus*.

Младший современник Горация Тибулл писал о том, что толпу более всего вводит в заблуждение то, к чему она относится с обожанием (*falso plurima vulgus amat* – III.4, стк. 20); в другом приписываемом Тибуллу стихотворении подчеркивается непостоянство толпы (III.7, стк. 45).

Может показаться, что в конце республиканского - в начале императорского периода в римской литературе оппозиция творца и толпы (*vulgus*) приобретает всеобщий характер. Обратимся к сочинениям авторов раннеимператорского периода. В труде Тита Ливия *turba* выражает неустойчивость, изменчивость, свойственные народной массе, *vulgus* характеризует прежде всего социальную дистанцию между *humilliores* и людьми, причастными к власти (сенаторами и др.); при этом *vulgus* обычно не несет никакого отрицательного оттенка, поскольку обозначает достаточно незыблемую реальность²⁹⁹.

"История Александра Македонского" Курция Руфа, автора I в. н.э., не считается вершиной ни римской словесности, ни римской историографии. Автор, компилируя материалы греческих источников, описал деятельность знаменитого завоевателя. В труде Курция Руфа *vulgus* и *turba* встречаются довольно часто (14 и 21 раз соответственно)³⁰⁰. *Vulgus* используется для обозначения

²⁹⁹ Карпюк С.Г. Полибий и Тит Ливий: *ochlos* и его римские соответствия // ВДИ. 1996. № 3. С. 44–53.

³⁰⁰ *Therasse J. Quintus Curtius Rufus. Index verborum. Hildesheim – New York, 1976. P. 478, 508.*

скопления воинов Александра (например, 6.2.21, 8.24; 7.2.33; 9.9.10; 10.6.4) или народа (персов или жителей индийских городов – 3.3.7; 4.10.5, 10.7; 9.1.20 и т.п.) и не несет никакого пейоративного оттенка. Что касается *turba*, то этим словом Курций Руф чаще всего обозначает толпу нестроевых, сопровождавших войско (актеров, обозных слуг, женщин и т.п.) (3.3.22, 3.27, 11.25; 6.2.5, 8.23), побежденных врагов (жителей Тира – 4.4.14); иногда *turba* прилагается и к македонцам (толпа друзей царя – 10.6.17). И только дважды *turba* приобретает отчетливо отрицательный оттенок, обозначая большое по численности, но неорганизованное войско варваров - индийцев, бактрийцев, согдийцев, скифов (9.2.22, 9.2.25). Курций Руф не стремился противопоставить себя толпе. *Vulgus* для него – это толпа рядовых солдат, незнатных граждан, даже друзей царя, которые занимают вполне определенное место в обществе³⁰¹.

Поэтические тексты этого времени также не содержат сентенций, осуждающих *vulgus*. Так, в поэме Лукана "Фарсалия" *vulgus*, как правило, – народ (1.352, 486, 509; 3.58; 10.11, 178 etc.), иногда – войско (7.47, 249), толпа женщин (7.39)³⁰². Единственный (и не бесспорный) пример пейоративного оттенка можно усмотреть в стихе, в котором Цезарь обвиняется в увеселении толпы, добиваясь народной любви (*multa dare in vulgus, totus popularibus auris* – 1.132).

Такое же отношение к *vulgus* и в "Сатириконе" Петрония. *Arbiter elegantiarum* использовал *vulgus* сравнительно редко, в основном в цитатах. *Vulgus* для него – народ (незнатные, простонародье), *turba* – толпа, скопление людей. Однако невозможно уловить различимый пейоративный оттенок ни в том, ни в другом слове.

Примерно такое же отношение к *vulgus* можно наблюдать и в трагедиях Сенеки³⁰³. Для Сенеки *vulgus* – это народ как вообще, так и собравшийся по какому-либо поводу, причем без всякого

³⁰¹ Можно также с большой долей вероятности предположить, что Курций Руф словом *vulgus* передавал *plethos* своих греческих источников, а словом *turba* – *ochlos*. Во всяком случае, характерно, что Ксенофонт последовательно употребляет для обозначения обозных слуг, женщин, сопровождавших войско, и т.п. См. Карпюк С.Г. ОХЛОС от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 31–50.

³⁰² Впрочем, для обозначения толпы Лукан обычно использует слово *turba* (например, 1.512; 5.333; 6.593). См. также Deferrari R.J., Fanning M.W., Sullivan A.S. A Concordance of Lucan. Washington, 1940. P. 555 f., 592.

³⁰³ Следует отметить, что Сенека гораздо чаще употреблял *turba*, нежели *vulgus*. См. Oldfather W.A. et al. Index verborum quae in Senecae fabulis necnon in Octavia Praetexta reperiuntur. Illinois, 1918. P. 246, 262.

пейоративного оттенка (см., например, *Herc. Oet.* 605, 608, 1745; *Troad.* 67, 80, 1098). Напротив, *turba* – активное собрание; это слово очень часто встречается в негативном контексте (см., например, *Herc. Oet.* 560, 962 sq., 1902). Подобное словоупотребление – не просто индивидуальная черта творчества Сенеки; подобную картину мы можем наблюдать в исторической драме (*fabula praetexta*) "Октавия"³⁰⁴. В уста Нерона ее автор вкладывает такие слова:

Male imperatur, cum regit vulgus duces

("Плохо осуществляется верховная власть, если народ повелевает властителями")

(*Oet.* 579).

Vulgus – в данном контексте обозначает римский народ (cf. *Oet.* 455, 796) и противопоставляется правителям, *duces* (как и в *Troad.* 1098). Напротив, *turba* немилосердна (*Oet.* 835), пытается напасть на императорский дворец и диктовать императору свою волю (*Oet.* 851 sq.). В устах Нерона *turba* – это возмущенная и активная толпа граждан (*cives* – *Oet.* 856), и, очевидно, что именно ее и следует опасаться императору. При этом было явным преувеличением говорить о противопоставлении *vulgus* и *turba* в трагедиях Сенеки: иногда они используются почти как синонимы (*Troad.* 1098 sq.). Сенековская патетика не предполагает "терминологичности", скорее наоборот. Однако характерно, что даже в рамках этой патетики не нашлось места для обличения *vulgus*.

На первый взгляд, в "Нравственных письмах к Луцилию" мы наблюдаем другую картину. Сенека пишет о том, что счастливый человек – совсем не тот, кого толпа таковым именует (*quem vulgus appellat*) (*Sen. Ad Lucil.* 45.9), что лишь мудрец может обладать, честностью, а толпа (*vulgus*) – лишь ее призраками и подобиями (*Ad Lucil.* 81.13) и вообще все, что жаждет толпа, скоротечно (*Ad Lucil.* 72.7). Примеры противопоставления философа (мудреца, правителя) толпе (*vulgus*) можно и продолжить (*Ad Lucil.* 55.4, 66.31), однако важно, что они никакого специального социального подтекста не содержат – лишь обычное у стоиков (и не только у них) противопоставление мудрого человека профанам. *Vulgus* для Сенеки – воплощение всеобщности (*Ad Lucil.* 67.12, 98.13); толпа – не только низшие слои общества, но все немудрецы, и философам не стоит идти наперекор людским обычаям (*Ad Lucil.* 5.3; cf. *De brev. vit.* 1.1)

И только размышляя о поведении толпы во время цирковых зрелищ, философ не мог скрыть своих чувств: жестокость зрителей

³⁰⁴ Ее авторство традиция ошибочно приписывает Сенеке. Однако очевидно, что она была написана вскоре после гибели Нерона.

вызывала в нем резкое неприятие и отвращение, но здесь толпа - не столько *vulgus*, сколько *populus*, *homines* (Ad Lucil. 7.1 ff.), целью философа в данном случае было осуждение свойственных всему человечеству низменных страстей.

Зато исторические сочинения Корнелия Тацита дают множество примеров неприязненного отношения автора к черни (*plebs*, *turba*, *vulgus*). Идеальному народу былых времен (*populus*) Тацит противопоставил современную ему безликую чернь³⁰⁵. Тацит, как и другие римские авторы императорского времени, использует *turba*, *vulgus*, *plebs*, *multitudo* как синонимы, обозначая этими словами всех тех, кто не относился к сенаторскому либо всадническому сословию³⁰⁶. Однако *vulgus* все же имеет более выраженный пейоративный оттенок: так, германских общинников Тацит обычно называет *plebs* (Hist. 2.61; Germ. 10, 11, 12 etc.), а горячо им нелюбимое население восставшей Иудеи, как и другие народы, выступившие против владычества Рима, – *vulgus* (Hist. 4.62, 5.3, 5.8; Ann. 1.55, 2.19). Как справедливо отметил Ц.Явец, *vulgus* вообще встречается чаще в сохранившихся книгах “Истории”, наполненной описаниями социальных потрясений, нежели в “Анналах”³⁰⁷. Тацит не жалеет самых сильных эпитетов для характеристики *vulgus*: *vulgus pronum ad suspitiones* (Hist. 2.21), *vulgus stolidum* (Hist. 2.61), *vulgus credulum* (Hist. 2.72), *vulgus improvidum* (Hist. 3.20), *vulgus ignavum et nihil ultra verba ausurum* (Hist. 3.58)³⁰⁸. *Vulgus* – это и социальная среда для распространения самых вздорных и вредных, с точки зрения историка, слухов³⁰⁹. Конечно, в некоторых контекстах *vulgus* может иметь вполне нейтральное значение. Однако, весьма характерно, что в тех случаях, когда Тацит обобщает, высказывает свое отношение к данному феномену, резко отрицательное отношение

³⁰⁵ По этому поводу можно привести авторитетное мнение Г.С.Кнабе: “История империи для Тацита есть процесс углубляющегося разложения былой целостности народного бытия... Понятие римского народа у Тацита двоятся: рядом с “народом” как носителем идеального величия и мощи Рима появляется “чернь” – беспринципная, продажная, подверженная случайным настроениям и разрушительная в своей слепой ярости масса – *plebs*. Бушующая толпа солдат или горожан – неперемное действующее лицо почти всех книг “Истории”” (Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 2. Л., 1969. С. 257. Прим. 115).

³⁰⁶ Yavetz. *Plebs and Princeps*. P. 7 f., 154 f.

³⁰⁷ Ibid. P. 147. Cf. Newbold. Op. cit. P. 85 ff.

³⁰⁸ Yavetz. *Plebs and Princeps*. P. 142.

³⁰⁹ Крюков А.С. Устная традиция в “Анналах” Тацита // ВДИ. 1997. № 1. С. 139.

преобладает³¹⁰. Тацит, вероятно, пытался подчеркнуть социальную дистанцию между сенаторами и всадниками и *plebs sordida, vulgus, multitudo*; возможно, это хоть в какой-то мере служило компенсацией за все увеличивавшийся отрыв социальных верхов от политической власти.

Плиний Младший был современником и другом Тацита, можно ожидать найти соответствия в отношении обоих авторов к римской толпе. Рассмотрим употребление *vulgus* и *turba* в письмах и в "Панегирике" Плиния Младшего³¹¹. Важно то, что до нас дошли как письма этого автора (в том числе и вполне официальная переписка с императором Траяном во время исполнения Плинием обязанностей наместника провинции), так и его риторическое сочинение – "Панегирик", что дает возможность для сопоставления.

Turba обычно имеет негативный оттенок, обозначая, как правило, возбужденную, руководствующуюся эмоциями, а не разумом, толпу, собравшуюся в определенном месте. Такая толпа противопоставляется не "сенаторам", "немногим", но одиночеству, уединению. Плиний советует своему корреспонденту: "Приветствуй других некоторое время сам, чтобы стало приятнее слушать приветствия, потолкайся в этой толпе, чтобы насладиться уединением (*terere in hac turba, ut te solitudo delectet*)" (Epist. VII.3.3). Более того, сами сенаторы в момент раздоров в их среде обозначаются как *turba*: "Вот и выходит, что мысль, поддержанную беспорядочными криками многих, никто не выскажет вслух среди окружающего молчания: сущность дела, невидная в толпе (*turba*), раскрывается, когда из толпы (*turba*) выйдешь" (Epist. II.11.7).

Особенно опасно относится к *turba* сам император Траян. Даже вполне мирные толпы (*turba*) путешественников, перемещающиеся через Византий, вызывают в нем стремление усилить гарнизон города, "поставив для охраны легионного центуриона" (Epist. X.78.1); что же касается кассы взаимопомощи (*eranum*) в Амисе, то она ни в коем случае, пишет Траян Плинию, не должна использоваться "для смут и недозволенных союзов" (*ad turbas et ad illicitos coetus*) (Epist. X.93). Поэтому совсем

³¹⁰ Из 36 случаев у Тацита нет ни одного положительного контекста, а резко негативное отношение отмечается в 17 случаях. См. Newbold. Op. cit. P. 89.

³¹¹ Цитаты даются в переводах М.Е.Сергеенко и А.И.Доватура (с некоторыми незначительными изменениями) по изданию из серии "Литературные памятники": Письма Плиния Младшего / Изд. 2-е, подг. М.Е.Сергеенко, А.И.Доватур. М., 1982.

неудивительно, что в письме к Траяну Плиний называет примкнувших к христианам *turba hominum* (Epist. X.96.10).

Однако в "Панегирике" *turba*, как будто бы, приобретает совсем другой оттенок. Восторженная толпа (*turba*) приветствовала Траяна перед входом в храм (Paneg. 5.4), толпа зрителей обступила его около курии (Paneg. 23.2), задерживала движение императора, не использовавшего ликторов (Paneg. 76.8), толпа на комициях пришла в движение (Paneg. 64.1), даже толпа младенцев должна появиться на свет благодаря щедрой социальной помощи (Paneg. 28.6), во время правления Траяна "двери государя не осаждаются толпою отвергнутых посетителей" (Paneg. 79.6), толпа сенаторов на островах, служивших местом ссылки, сменяется толпой доносчиков (Paneg. 35.2).

В чем причина такого различия? Прежде всего речь должна идти о разном характере текстов: "Панегирик" – риторическое сочинение, письма носят личный либо деловой (переписка с императором) характер. *Turba* писем – это "незаконное собрание"; аналогично употребляется *turba* в современных Плинию юридических текстах (см. ниже). *Turba* "Панегирика" – это вполне доброжелательно настроенный к императору народ. Соответственно и отношение к *turba* письмах и в "Панегирике" прямо противоположно: решительное пресечение в первом случае и благожелательство и осыпание всевозможными благодеяниями – во втором.

Насколько же отличается употребление *vulgus*?

Vulgus для Плиния – не просто столпившаяся масса людей, но олицетворение простонародья, низкого, но необходимого элемента общества. Плиний может свысока относиться к *vulgus*, но для достижения известности и славы должен заискивать перед этой полуграмотной массой³¹².

Плиний в одном из писем описывает свое выступление перед земляками в Комо: "Я говорил эту речь не перед народом (*populus*), а перед декурионами, и не на площади, а в курии. Боюсь оказаться непоследовательным: при моем выступлении я хотел избежать громкого одобрения и согласия толпы (*vulgus*); теперь, издавая свою речь, я ищу его. А я ведь не пустил этот самый народ (*plebs*), о котором заботился, на порог курии, чтобы не показалось, будто я перед ним как-то заискиваю..." (Epist. I.10.16 sq.). Здесь *vulgus* синонимичен и плебсу и коллективу граждан (*populus*),

³¹² Как и у других авторов, *vulgo dicitur*, *vulgo loquebantur* и т.п. обозначают у Плиния общее мнение, общераспространенное выражение (Epist. II.3.9; IV.2.2; VIII.15.1; VIII.18.1).

противопоставлен декурионам и обозначает народные массы, читающую публику; отрицательного оттенка в данном случае это слово не имеет, подчеркивая лишь вполне объективную социальную и интеллектуальную дистанцию между элитой и массой. Еще нагляднее эта дистанция проявляется в отношении Плиния к приверженцам цирковых партий ("белых", "красных", "голубых", "зеленых"): "Если бы их еще привлекала быстрота коней или искусство людей, то в этом был бы некоторый смысл, но они благоволят к тряпке, тряпку любят... Такой симпатией, таким значением пользуется какая-то ничтожнейшая туника, не говорю уже о толпе (*vulgus*), которая ничтожней туники, но и у некоторых серьезных людей (*graves homines*)" (Epist. IX.6.2 sq.).

Описывая извержение Везувия и землетрясение в Кампании, Плиний подчеркивает свое хладнокровие, даже после гибели дяди (Epist. VI.20.2 sqq.). Однако его родные решили покинуть Мизен, и "за нами идет толпа людей, потерявших голову (*sequitur vulgus attonitum*) и предпочитающих чужое решение своему" (Epist. VI.20.7).

В "Панегирике" *vulgus* имеет то же значение, что и *turba* - это толпа восторженных почитателей императора (Paneg. 46.5; 75.3). Отношение Плиния к толпе достаточно "практично" и непредвзято. Ни *vulgus*, ни даже *turba* не стали для него объектом риторического осуждения, что отличается от точки зрения Тацита. Впрочем, сам жанр сочинений Плиния, возможно, и не требовал такого осуждения.

Жизнь и деятельность римских императоров была описана еще одним человеком из круга Тацита и Плиния Младшего – их младшим современником Светонием. Написанная им в начале II в. н.э. "Жизнь двенадцати цезарей", по мнению некоторых современных исследователей, не является ни образцом биографического жанра, ни вершиной политического анализа, хотя здравый смысл автора и компенсирует в какой-то степени вышеназванные недостатки³¹³. Большинство ученых, среди которых наиболее авторитетные³¹⁴, высоко оценивает сочинение Светония. Для нас важнее рассмотреть отношение Светония к народной массе, к толпе, выявить специфику взгляда Светония в сопоставлении с сочинениями Тацита.

³¹³ См., например, Baldwin B. Suetonius. Amsterdam, 1983. P. 339.

³¹⁴ Wallace-Hadrill A. Suetonius. The Scholar and his Caesars. L., 1983.

В труде Светония *turba*, в отличие от Тацита, употребляется более часто, нежели *vulgus*³¹⁵. *Turba* обычно обозначает достаточно активно действующее собрание людей (например, *Jul.* 84.3; *Aug.* 14; *Cal.* 14.1; *Claud.* 10.1, 12.2, 18.2, 27.2; *Galb.* 18.1, 19.2; *Vit.* 7.2). Подобное собрание могло даже представить угрозу для жизни императора (впрочем, случай, произошедший с императором Клавдием, скорее уникален для ранней Империи): "Однажды его самого среди форума толпа осыпала бранью и объедками хлеба, так что ему едва удалось черным ходом спастись во дворец" (*Claud.* 18.2. Пер. М.Л.Гаспарова). Иногда у Светония *turba* просто означает толпу, скопление людей (*Jul.* 79.1; *Aug.* 40.5, 53.3, 98.4; *Cal.* 4, 26.4, 42, 58.2; *Ner.* 2.1; *Galb.* 17), редко *turba* (точнее, *turbae*) обозначает смуту, беспорядки (*Jul.* 20.1; *Tib.* 4.1).

Атрибутом *turba* (а не *vulgus*!) является толчея, давка (*Jul.* 39.4); *turba* в данном значении обычно синонимична *multitudo*. Перечисляя знаменитых женщин из рода Клавдиев, Светоний отмечает одну из них, "которая была обвинена в оскорблении величия за то, что она, с трудом пробираясь на повозке сквозь густую толпу (*multitudo*), громко пожелала, чтобы ее брат Пульхр воскрес и снова погубил флот, и этим бы уменьшил в Риме сутолоку (*turba*)" (*Tib.* 2.3)³¹⁶.

Светоний не использует *turba* для социальной характеристики низших слоев римского общества. К концу гражданских войн численность сената перевалила за тысячу, причем в него вошли люди, по мнению Светония, недостойные, в результате чего сенат "превратился в безобразную и беспорядочную толпу (*deformi et incondita turba*)" (*Aug.* 35.1); совершенно естественно, что Август стремился покончить с таким положением. Те два места из биографии Калигулы, которые можно привести в подтверждение "социального значения" *turba*, при более внимательном рассмотрении не свидетельствуют в пользу подобного прочтения. Когда биограф сообщает о том, что Калигуле "была поручена высшая и полная власть по единогласному приговору сената и ворвавшейся в курию толпы (*turba*)" (*Cal.* 14.1), то речь идет именно о собрании людей разного социального происхождения, которые оказались в курии. Описывая отношение Калигулы к разным сословиям (выше речь шла о сенаторах и всадниках), Светоний пишет: "Когда чернь (*turba*) в обиду ему рукоплескала другим

³¹⁵ Howard A.A., Jackson C.N. *Index verborum C. Suetoni Tranquilli*. Cambr. Mass. – L., 1922. P. 253, 269.

³¹⁶ О феномене тесноты см. Кнабе Г.С. Метафизика тесноты. Римская империя и проблема отчуждения // ВДИ. 1997. № 3. С. 73–76.

возницам, он воскликнул: "О, если бы у римского народа (*populus*) была одна шея!" " (Cal. 30.2). В данном случае под *turba* понимается именно собрание простонародья в цирке, но для обозначения рядовых римских граждан Светоний использует *populus*. Таким образом, *turba* не использовалась Светонием для социальной характеристики.

Рассмотрим немногочисленные употребления Светонием слова *vulgus*. О Цезаре Светоний говорит, что тот был причислен к богам "не только словами указов, но и убеждением толпы (*non ore modo decernentium, sed et persuasione vulgi*)" (Jul. 88), имея в виду низшие слои населения Рима. В биографии Нерона толпа (*vulgus*) специально отделяется от солдат (Ner. 21.1); *vulgus* – это толпа, простонародье, и Нерон "ревновал ко всем, кто в чем бы то ни было возбуждал внимание толпы (*qui quoquo modo animum vulgi moverent*)" (Ner. 53). а в биографии Вителлия *vulgus* – это римские низы, которые хулили Вителлия (Vitel. 17.2).

Таким образом, *vulgus*, в отличие от *turba*, имеет определенный социальный оттенок, однако никаких следов осуждения *vulgus* сочинение Светония не содержит. *Vulgus* у Светония также имеет значение общего мнения, обнародования, источника слухов и т.п. (например, Aug. 35.1, 51.1; Claud. 21.5; Ner. 6.4; Galb. 20.2); Калигула в детстве был так мил народу (*sic vulgo favorabilis*) (Cal. 4).

Глагол *vulgo* и производные от него у Светония обычно обозначают распространение информации (официальным порядком либо посредством слухов – Aug. 70.2, 94.5, 94.12; Tib. 66; Claud. 1.1; Ner. 39.2; cf. Gram. 8) и не имеют пейоративного оттенка. Биограф охарактеризовал как *vulgatissimus* (т.е. получившую широчайшую известность) шуточную песню, которую пели воины Цезаря на его триумфе (Jul. 49.4)³¹⁷.

Итак, отношение Светония к *vulgus* решительно отличалось от тацитовского. Как было отмечено одним из исследователей творчества Светония, слово *vulgus* "обычно использовалось биографом во фразах, описывающих общераспространенные обычаи или общеизвестный факт"³¹⁸. Но этот феномен нельзя рассматривать изолированно: Светонию было совершенно несвойственно тацитовское презрительное отношение к низам общества, и он не использует совсем столь любимые Тацитом выражения как *promisca multitudo*, *fanatica multitudo*, *vernacula*

³¹⁷ Причастие *vulgatissimus* использовалось также для обозначения проституток самого низкого пошиба (Domit. 22).

³¹⁸ Baldwin. Op. cit. P. 341.

multitudo и т.п.³¹⁹. Поэтому семантический анализ, который столь тщательно провел Цви Явец,³²⁰ приложим именно к Тациту, но никак не к Светонию. Хронологическая близость обоих авторов не должна вводить в заблуждение: в своем презрении к *vulgus* Тацит очень схож с Цицероном, Саллюстием, Горацием, отношение же к *vulgus* Светония очень напоминает отношение Курция Руфа и Плиния Младшего. Необходимо отметить и отличие тацитовской аудитории от светониевской³²¹. Мы вновь видим противостояние двух традиций – риторически оформленной традиции презрения к черни образованной сенатской элиты и традиции спокойного (можно сказать, делового) отношения к проблеме взаимоотношения власти и низов (прежде всего – *plebs urbana*).

Но, чтобы расставить все необходимые акценты, следует обратиться к римскому праву, к Дигестам. Право консервативно, и может отражать реалии как современной, так и предшествующей эпохи. К тому же правовые тексты почти не подвержены влиянию риторики, и слова в них “имеют свою собственную цену”. Как справедливо отмечал В.М.Смирин, римские юристы пользовались вполне обычным языком³²², но словоупотребление у них в силу специфики жанра более терминологично, и не случайно титул 16-й 50-й книги Дигест так и называется – “*De verborum significatione*”. В этом титуле приводится краткое определение плебса, восходящее к Гаю: ‘*Plebs*’ est ceteri cives sine ‘*senatoribus*’ (D. 50.16.238).

Достаточно определенное значение имеет в Дигестах и *turba*. Иногда *turba* обозначает множество людей, но как бы “излишнее множество”. Помпоний, обзревая причины изменений в римском государственном строе, писал: “Затем, поскольку было трудно плебсу, а еще сложнее всем гражданам собираться в такую людскую толпу, именно необходимость привела к передаче власти в государстве сенату” (*Deinde quia difficile plebs convenire coepit, populus certe multo difficilius in tanta turba hominum, necessitas ipsa*

³¹⁹ Ibid. P. 342.

³²⁰ Yavetz. Plebs and Princeps. P. 141 ff.

³²¹ “Идеальный читатель Тацита – это, несомненно, сенатор. Читатель Светония – не таков, но это и не человек с улицы” (*Wallace-Hadrill*. Op. cit. P. 24). Светониевские биографии – не альтернативный (по отношению к Тациту) тип исторического сочинения, но ученый труд, имевший целью информировать читателя безо всяких претензий на морализаторство (ibid. P. 25).

³²² “Ни специальные технические выражения, ни устойчивые формулы не были необходимы римским юристам для адекватного описания правовых ситуаций или изложения каких-нибудь правил древнего права” (*Смирин В.М.* Сравнение со смертью в языке римских юристов // ВДИ. 1996. № 1. С. 137).

curam rei publicae ad senatum deduxit) (D. 1.2.2.9). В другом месте он писал о большой толпе peregrinorum (multa turba peregrinorum) в Риме, что вызвало необходимость создания специального претора по делам peregrinorum (D. 1.2.2.28). Гораздо чаще, однако, turba используется как terminus technicus, обозначающий и беспорядки, и преступное сообщество (шайку), состоящее не менее чем из 10-15 человек. Наиболее показателен в этом смысле титул 8-й 47-й книги Дигест "Vi bonorum raptorum et de turba". В нем дается и качественное (противозаконное сбирще, причем turba согласно, очевидно, народной этимологии, возводится к греческому *thorubein*)³²³, и количественное определение понятию turba³²⁴.

Определения vulgus мы в Дигестах не находим, и это неудивительно: что может быть более неопределенно и менее подходяще для правового сознания, чем понятие толпы, множества. Наречие vulgo обозначает нечто общепризнанное, всеобщее³²⁵; соответственно прилагательное vulgaris обозначает обычное, общераспространенное действие³²⁶, а vulgaris mulier – проститутку³²⁷.

На весь корпус Дигест приходится всего несколько употреблений существительного vulgus³²⁸. Vulgus рассматривается и Гаем (D. 41.1.9.7), и Ульпианом (D. 9.3.1.2) как безликая толпа прохожих, которой можно нанести вред, швыряя в нее сверху разнообразные предметы (Ульпиан), либо облагодетельствовать какой-то собственностью, очевидно, во время раздач (Гай). Vulgus выражает общее мнение: "Почти все называют родственников четвертой степени родства кузенами" (sed fere vulgus omnes istos communi apellatione consobrinos vocant) (Гай, D. 38.10.1.6). И, наконец, мнение этого большинства воспринималось римскими

³²³ Turbam autem appellatam Labeo ait ex genere tumultus idque verbo ex Graeco tractum *apo tou thorubein* (Ульпиан, D. 47.8.4.2).

³²⁴ Двое, трое, четверо – не turba, 10–15 человек – это уже turba (Ульпиан, D. 47.8.4.3). Таким образом, на уровне правовой литературы решается извечная философская проблема "кучи".

³²⁵ Quod vulgo dicitur – D. 43.16.1.25; vulgo receptum est – D. 22.1.2.

³²⁶ Например, vulgaris modo – "обычным образом" (Африкан, D. 30.109).

³²⁷ *Gai.* 1.64; 1.69; 1.91: речь идет о незаконорожденных детях, quos mater vulgo concepit. См. также *Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law // Transactions of the American Philosophical Society. 1953. 43. 2. P. 771.*

³²⁸ *Vocabularium iurisprudentiae Romanae. T. V. B., 1939. Sp. 1463.* В "Институциях" Гая vulgus не встречается; несколько раз употребляется это слово также в более позднем "Кодексе Юстиниана". См. *Mayr R. Vocabularium Codicis Iustiniani. V. I. Prag, 1923. Sp. 2571 f.*

юристами как некий эталон обыденности, обычности: на *vulgi sermone* ссылается Помпоний (D. 50.16.162.1), свое мнение профессионала-юриста противопоставляет *vulgus opinatur* Павел (D. 21.2.56).

Таким образом, в языке римских юристов *vulgus* не несет отрицательных коннотаций; это добропорядочное, хоть и обнищавшее собрание можно облагодетельствовать мелкими подачками, решительно противостоять же нужно разбойничающей и устраивающей беспорядки *turba*. Удавалось это не всегда. Жертвой такой агрессивной толпы своих подчиненных и стал в 223 г. Ульпиан.

Итак, подведем некоторые итоги. Слово *vulgus* появляется у латинских авторов II в. до н.э. (Теренция, Акция, Луцилия и др.); как обозначение престолярства оно частично заменяет *plebs*. Пока социальная структура Рима не испытывала потрясений, отношение к *vulgus* пренебрежительно нейтрально. Ситуация меняется с наступлением эпохи гражданских войн, когда низшие слои римского гражданства начинают принимать активное участие в политической борьбе. Опасность потери власти была причиной того, что на *vulgus* обрушивают свою ненависть *boni* – защитники римской олигархии. В сочинениях Корнелия Непота, Саллюстия, Катуллы и Горация (а в меньшей степени у Акция и Цицерона) противопоставление *vulgus* и *boni* (*potentes*) становится риторическим штампом. Такое противопоставление было характерно только для этих авторов, и в сочинениях других авторов I в. до н.э. (Лукреций, Цезарь, Вергилий, Тит Ливий) *vulgus* рассматривается вполне спокойно.

С установлением императорской власти *vulgus* в лице римского *plebs urbana* приобретает стабильное место в обществе, и раздражение вызывают лишь некоторые эксцессы, при описании которых обычно употребляется слово *turba*. Совершенно нейтральное отношение к *vulgus* мы можем наблюдать в сочинениях Курция Руфа, Лукана, Сенеки и даже Петрония.

Только Тацит в стремлении восстановить утраченную идиллию сенатской республики обрушивается на *vulgus*, которой потакали императоры. Но это лишь заключительный аккорд сенатской традиции, своеобразная "риторическая ностальгия". Его современники Плиний Младший и Светоний были в этом вопросе значительно более беспристрастными. Отношение к *vulgus* в Дигестах также нейтрально, при этом решительное неприятие вызывает *turba*, которая приобретает даже значение шайки разбойников.

Vulgus – не "социальный термин", не *terminus technicus*. В I в. до н.э. *vulgus* стало бранным словом у части римской элиты, пытавшейся поставить риторический барьер между "нами,

образованными, которые у власти" и основной массой населения (мы – другие, мы – не *vulgus*). Новая власть, однако, числила *vulgus* в числе своих опор, и не случайно не только Цезарь и вполне лояльные новой власти Плиний Младший, Курций Руф и Светоний, но и сенатский оппозиционер Лукан не стремились осуждать "невежественную толпу". Знаменитая *Vulgata* (латинский перевод Библии) перекликается с луцилиевским хором, но не с саллюстиевско-горациевской чернью.

Такое отношение к толпе, *ochlos*, совершенно невозможно представить в Греции. Но *охлос* – это деградировавший полновластный демос, в Риме же *vulgus* изначально не обладала реальной властью. Существование *vulgus* – специфика Рима, и это нашло отражение в сочинениях римских авторов.

РОЛЬ ТОЛПЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Значение действий масс в политической жизни древней Греции неоднократно обсуждалось историками. Однако внимание уделялось прежде всего эллинистическому периоду, либо речь шла об организованных действиях. В этой работе мною будет сделана попытка проанализировать значение толпы в политической жизни архаической и классической Греции.

Для начала следует определиться с вопросом о том, что такое «толпа». Для социологов толпа – это случайное скопление людей (*aggregation*), сплоченная на основании сравнительно посторонних и временных связей; для психологов – группа, кооперация внутри которой носит сравнительно случайный и временный характер³²⁹.

Точка зрения на это явление историков вообще и историков античности в частности имеет некоторые отличия. Историки обычно смешивают понятия «толпа» и «(народные) массы»³³⁰. Для исторических исследований, по нашему мнению, больше подходит определение немецкого ученого Д. Хердера, который определяет толпы как «группы людей с общими традициями, намеренно действующими совместно вне существующих рамок для того, чтобы достичь одну или несколько специально определенных целей»³³¹.

Оговорюсь сразу же, что меня интересует, прежде всего, «политическая толпа», т.е. людские сборища, которые оказали влияние на политическую жизнь древнегреческих полисов. К примеру, Платон в диалоге «Хармид» (154a) описывает прекрасных юношей и толпу почитателей, следующих за ними. Однако этот

³²⁹ Dictionary of Philosophy and Psychology / Ed. J. M. Baldwin. V. I. Gloucester, Mass., 1960. P. 246–247. Ср. Encyclopedia of Sociology / Ed. E. F. Borgatta, M. L. Borgatta. V. 1. N.Y., 1992. P. 395–402.

³³⁰ Два примера из самых разных областей: и Г. Дж. Перкинз (*Perkins H. J. The Structured Crowd. Essays in English Social History. Sussex, 1981*), и Фергюс Миллар (*Millar F. The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor, 1998*), рассматривают «толпу» в качестве синонима к «(народным) массам». Ф. Миллар специально подчеркивает, что ставит в центр своей картины римской социальной системы «*populus Romanus* или толпу, которая его представляет» (*ibid.* P. 1).

³³¹ Herder D. Crowd Action in Revolutionary Massachusetts, 1765–1780. N.Y., 1977. P. 4.

случай может заинтересовать меня только в том случае, если он вызвал какие-либо политические последствия. То же самое относится и к религиозным процессиям.

Роль толпы в социально-политической жизни древней Греции архаического и классического периодов практически не изучена. Только немногие ученые обратили внимание на этот феномен³³². Так, Вирджиния Хантер пыталась продемонстрировать «психологический» взгляд Фукидида на проблему толпы³³³, а Джош Обер, подчеркивая роль масс в исторических событиях, рассматривал революцию Клизфена как результат спонтанного восстания афинского демоса³³⁴. Но это – уникальные примеры интереса ученых к толпе в древней Греции.

Как же можно объяснить подобное отсутствие интереса к этой сфере? На мой взгляд, на то есть две причины. Во-первых, этот феномен имеет гораздо меньшее значение в сравнении с хорошо организованными и эффективно функционировавшими полисными институтами. Следует сразу же, впрочем, отметить, что изучение *неорганизованных* массовых выступлений может выявить степень политической *организованности* древнегреческого общества. Во-вторых, изучению роли неорганизованных массовых соборий в древней Греции препятствует сам характер наших источников. Исследования о роли толпы в истории начали проводиться на материалах европейской истории XVIII–XIX вв. (Гюстав Ле Бон, Жорж Рюде и др.)³³⁵, причем в качестве источников использовались полицейские архивы, газетные публикации и т.п., т. е. «источники изнутри». Но исследователи истории древней Греции имеют в своем распоряжении только «источники извне» – сочинения древних авторов, по большей части крайне враждебные любым

³³² Я сознательно не включаю в этот ряд бездоказательное предположение Р.Сили относительно возможности «всеобщей забастовки» (general strike) или «повстанческих действий» (acts of rebellion), которые якобы организовал Солон (Sealey R. Regionalism in Archaic Athens // *Historia*. 1960. Bd 9. S. 159).

³³³ Hunter V. Thucydides and the Sociology of the Crowd // *CJ*. 1988/9. 84. P. 17–30; см. также eadem. Thucydides, Gorgias, and Mass Psychology // *Hermes*. 1986. Bd 114. S. 428.

³³⁴ Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1996. P. 43 ff.

³³⁵ LeBon G. Psychologie des foules. P., 1895; Rude G. The Crowd in History. A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730 – 1848. L., 1981.

проявлениям массовой активности. Надписи и папирусы ничего не дают в данном случае, поскольку отражают более поздний период (например, первое упоминание слова *ochlos* в надписях относится лишь к концу II в. до н.э.)³³⁶.

Есть две возможности для изучения роли толпы в древнегреческом обществе. Первая, лексический анализ, предполагает отбор соответствующей лексики и изучение ее употребления в текстах. Вторая, ситуационный анализ, требует выявления в текстах ситуаций, связанных с действиями толпы.

Ранее мною была предпринята попытка реализовать первую возможность, и мои предыдущие работы были посвящены терминологии (если быть более точным – лексике) толпы, прежде всего слову *ochlos* – возможно, ключевому слову в этой сфере³³⁷. Конечно, само появление слова *ochlos* отражало социальные реалии классических Афин. Но древнегреческие авторы использовали его не только в значении «толпа», но и для обозначения низших слоев населения, «черни», т. е., в зависимости от контекста, оно приобретало социальную либо ситуационную характеристику. То же самое можно отнести к *plethos*, *hoi polloi* и даже к *demos*³³⁸.

Анализ лексики древних авторов помогает прояснить только одну сторону проблемы, а именно: отношение самих авторов к толпе. Поэтому необходимо рассмотреть всевозможные свидетельства древних авторов, которые имеют хотя бы косвенное отношение к действиям толпы в политической жизни. Предлагаемая мной выборка, возможно, и не является исчерпывающей, однако немногочисленность случаев упоминания толпы сама по себе характерна.

В архаическое время и тем более в гомеровский период неорганизованные массовые собрания были крайне редким явлением, но поэтому стоит присмотреться к народным собраниям

³³⁶ Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Lpz, 1921–1924. V. II. 700, 20; 709, 5; 730, 10.

³³⁷ Карпюк С.Г. ОХЛОС от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 31–50; он же. Полибий и Тит Ливий: *ochlos* и его римские соответствия // ВДИ. 1996. № 3. С. 44–53; он же. *Vulgus* и *turba*: толпа в классическом Риме // ВДИ. 1997. № 4. С. 121–137.

³³⁸ Впрочем, нужно отметить, что в древнегреческом языке есть слово, которое может обозначать деятельность толпы. Это – *athroizo* (аттическое *hathroizo*), соответствующее прилагательное, *athroos* (аттическое *hathroos*) и другие дериваты.

(сходкам)³³⁹. Народные собрания были вполне обычным социальным феноменом уже в гомеровское время; они созывались басилеем или знатью и не собирались без их согласия (как на Итаке – Od. 2. 26-27). Уже в то время существовала агора как место для сбора народных собраний – открытое пространство, обозначаемое специальными мраморными маркерами³⁴⁰. Агора была обычным местом сходов народного собрания, но с конца архаического – начала классического периода для проведения народного собрания выделяются уже специальные места: можно упомянуть *ekklesiasterion* в Метапонте вместимостью 8 тысяч человек, датированный серединой VI в.³⁴¹

Народное собрание состояло из граждан-воинов и первоначально не было чрезмерно организованным. Его участники выступали за или против предложений, выдвинутых царем либо знатью посредством криков одобрения или неодобрения³⁴². Как показывает случай с Терситом из «Илиады» (2. 211–277), знать доминировала на таких сходках и могла предотвращать спонтанные выступления рядовых воинов. Терсит рассматривается Гомером именно как представитель этой массы рядовых воинов (*plethus* – 2. 143, 278, *demos* – 2. 198), и его «значимое» имя как будто бы подтверждает это³⁴³. Но даже здесь нет никаких следов действий толпы, и протест Терсита остался только словесной акцией.

Если перейти к архаическому периоду, то в нашем распоряжении почти исключительно афинский материал. Наиболее ранний – о заговоре Килона, в подавлении которого принял участие афинский демос. Действительно, согласно сообщению Фукидида, афиняне «всем миром» (*pandemei*) осадили Килона и его сторонников на Акрополе. Но употребление данного слова совсем

³³⁹ Starr Ch. The Birth of Athenian Democracy. The Assembly in the Fifth Century B.C. N.Y. – Oxf., 1990. P. 6.

³⁴⁰ Wees H. van. State Warriors: War, Violence and Society in Homer and History. Amsterdam, 1992. P. 29, где указаны все упоминания агоры в «Илиаде». Агора иногда использовалась для обозначения и самого народного собрания. Правда, сведения об этом относятся к более позднему времени. См. Aymard A. Les assemblees de la confederation achainne. Etude critique d'institutions et d'histoire. Bordeaux – Paris, 1938. P. 77.

³⁴¹ Robinson E.W. The First Democracies. Early Popular Government outside Athens (Historia-Einzelschriften, Ht 107). Stuttgart, 1997. P. 71.

³⁴² Luce J.V. The Polis in Homer and Hesiod // Proceedings of the Royal Irish Academy. 1978. 78C. № 1. P. 10.

³⁴³ Даже само его имя (от *thersos* ‘необузданность’) – говорящее. См. Kirk G.S. The Iliad: A Commentary. V. I. Cambr., 1985. P. 138.

не обязательно должно предполагать спонтанное, неорганизованное действие народных масс. Например, тот же Фукидид использует *pandemei*, сообщая о выступлении в поход всего спартанского войска (5. 33. 1), которое никоим образом не может быть охарактеризовано как неорганизованное, или о поголовном участии афинян в строительстве «Длинных стен» по указанию Фемистокла (1. 90. 3) и т.п. Таким образом, когда Килон захватил Акрополь в 636 или 632 г., не было всеобщего восстания, и демос поддержал действия архонта Мегакла (Herod. 5. 71; Thuc. 1. 126–127)³⁴⁴. И не случайно до нас дошла столь мощная традиция об алкмеонидовской скверне. Алкмеониды были предводителями, но не восстания, а выступления афинян против попытки захвата тиранической власти. Речь в данном случае скорее может идти о мобилизации афинян – противников тирании, но не о спонтанном действии народных масс. Толпа как таковая еще не появляется³⁴⁵.

Афинская демократия берет начало с сопротивления афинян Клеомену и Исагору в 508/7 г. Восстание афинян против спартанцев и их союзников уже с большим основанием можно представить как спонтанное действие масс. Это событие много раз рассматривалось историками,³⁴⁶ но наш интерес лежит исключительно в степени организованности этой акции, т.е. можно ли в данном случае говорить о неорганизованных массовых действиях демоса. Поэтому посмотрим на источники именно с этой точки зрения.

Согласно Геродоту, после того как Клеомен изгнал семьсот семейств – сторонников Клизфена, Совет восстал и отказался подчиняться Клеомену и Исагору (*antistatheises de tes boules kai ou boulomenes peithesthai*). Клеомен вместе с Исагором и его

³⁴⁴ Andrewes A. The Greek Tyrants. L., 1956. P. 84; cf. Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd I. Munchen, 1967. S. 41–43; Bd II. S. 539; Lang M. Kylonian Conspiracy // CPH. 1967. 62. P. 243–249; Welwei K.-W. Athen. Vom neolitischen Siedlungsplatz zum archaischen Grosspolis. Darmstadt, 1992. S. 133–137.

³⁴⁵ Также ничем не подтверждается возможность организации Солоном «всеобщей забастовки» или «повстанческих действий», как утверждает Р. Сили (Sealey. Op. cit. S. 159).

³⁴⁶ См. недавнюю дискуссию об этом К.Раафлауба и Дж.Обера: Raaflaub K. Power in the Hands of the People: Foundations of Athenian Democracy // Democracy 2500? Questions and Challenges / Ed. I.Morris, K.Raaflaub. Dubuque, Iowa, 1997 (Archaeological Institute of America. Colloquia and Conference Papers. № 2, 1997). P. 31–66; Ober J. Revolution Matters: Democracy as Demotic Action (A Response to Kurt A. Raaflaub) // Ibid. P. 67–85; Raaflaub K. The Thetes and Democracy (A Response to Josiah Ober) // Ibid. P. 87–103.

сторонниками захватил Акрополь; в ответ на это остальные афиняне объединились (*Athenaion hoi loipoi ta auta phronesantes*) стали их осаждать (Herod. 5. 72). В аристофановской «Лисистрате» хор афинских стариков ностальгически вспоминает прежние дни, когда Клеомен «бежал, сдав мне оружие» (Lys. 277). Сообщение Аристотеля в целом базируется на геродотовом, однако автор «Афинской политики» добавляет некоторые детали. Согласно Аристотелю, «Совет оказал сопротивление, и демос собрался вместе» (*tes de boules antistases kai sunathroisthentos tou plethous*), и затем народ (*demos*) осаждал запершихся на Акрополе Клеомена и Исагора в течение двух дней (Ath. pol. 20. 3).

Проблема заключается в том, чтобы выяснить, насколько организованным было выступление афинян против Клеомена и Исагора. Джош Обер описывает «клизфеновскую революцию» следующим образом: «Осада афинянами Акрополя в 508/7 г. лучше всего может быть интерпретирована как беспорядки, т. е. яростное и более или менее спонтанное восстание значительной части афинских граждан»³⁴⁷. И далее: «Конституция Клисфена направила энергию восстания демоса в интересах собственной самозащиты в стабильную и работоспособную форму государственного устройства»³⁴⁸. При этом Обер делает очевидное для него сопоставление между осадой Акрополя и штурмом Бастилии во время Великой французской революции³⁴⁹. Он указывает на употребление в «Афинской политике» пассивного причастия от глагола *sunathroizo* (20. 3) и дает свою версию перевода: «...Совет оказал сопротивление, и толпа собралась сама собой (*the mob gathered itself together – sunathroisthentos tou plethous*)»³⁵⁰. Такой перевод действительно предполагает активные действия толпы, даже беспорядки.

Дж. Обер совершенно прав, указывая на то, что пассивное причастие *sunathroistheis* имеет скорее рефлексивное, нежели пассивное значение, но в его переводе события в Афинах явно «революционируются» по сравнению с тем смыслом, который в

³⁴⁷ Ober. The Athenian Revolution... P. 43. Однако см. возражения Питера Родса о возможности спонтанных действий масс в Афинах в конце VI в. (*Rhodes P.J. Review Article – How to Study Athenian Democracy // Polis. 1998. 15. P. 76*).

³⁴⁸ Ober. The Athenian Revolution... P. 51-52.

³⁴⁹ Ibid. P. 48.

³⁵⁰ Ibid. P. 45.

них вкладывал Аристотель³⁵¹. Следует отметить, что в «Афинской политии» это причастие было использовано еще дважды: при описании собрания Совета в ходе реформ Эфиальта (25. 4) и при описании сбора афинских сил на агоре в период борьбы против тирании тридцати (38. 1). Во всех трех случаях мы имеем дела с общественными собраниями (сборищами) в экстраординарных ситуациях, но никак не с беспорядками. Кроме того, К.Раафлауб указал на крайне незначительный уровень урбанизации Афин в то время, что не дает возможности говорить о массах городского населения³⁵². Речь может скорее идти о мобилизации граждан-воинов на защиту автономии полиса³⁵³. Роль демоса несомненно была велика³⁵⁴, но демосом мог руководить Совет, а, кроме того, в городе оставались сторонники Клизфена.

Еще одно возражение гипотезе Обера: был ли готов афинский демос выступить спонтанно без какого-либо лидерства? Всего за шесть лет до описываемых событий было совершено убийство Гиппарха. Фукидид пишет: «Аристоклону, правда, удалось, затерявшись в нахлынувшей толпе, пока спастись, но затем он был схвачен и мучительно погиб» (Thuc. 6. 57. 4, пер. Г.А.Стратановского). Эта толпа (*ochlos*) состояла из граждан, принимавших участие в Панафинейской процессии (6. 57. 2) на Панафинейской дороге в северной части афинской агоры. Данное сборище определено было организованным (религиозная процессия), и, очевидно, поэтому Гиппий сравнительно легко смог взять ситуацию под контроль (6. 58. 1-2). Таким образом, процессия не превратилась в поле действия толпы даже в такой критической ситуации. Очень трудно предположить, что социальная психология афинского демоса изменилась столь стремительно за столь короткое время. Поэтому восстание против Клеомена и Исагора должно было иметь лидеров, и умолчание о них наших (весьма скудных) источников – еще не аргумент.

Действительно, в «Афинской политии» не говорится о каких-либо лидерах афинского демоса после изгнания Клизфена и его сторонников. Но Совет (и для нас не имеет значения, был ли это Совет четырехсот, Совет пятисот или даже Совет Ареопага) был в состоянии организовать демос; в любом случае, кто-то же должен

³⁵¹ В переводе Ракхэма (H. Ruckham) в серии «Loeb» ситуация еще более драматизируется: «But the Council resisted and the multitude banded together». *Sunathroizo* в этих переводах имеет очень сильный, «окрашенный» оттенок.

³⁵² *Raaflaub. Power in the Hands of the People...* P. 42.

³⁵³ *Ibid.* P. 43.

³⁵⁴ Этого не отрицает и Раафлауб (*The Thetes and Democracy...* P. 91).

был вести переговоры с Клеоменом? Таким образом, можно скорее говорить о мобилизации афинского демоса, гражданского ополчения, а не о спонтанных массовых беспорядках (действиях толпы).

Дошедшие до нас источники, сообщающие о событиях первых двух третей V в. до н. э., не содержат никаких намеков о действиях толп. Период Пелопоннесской войны более «благоприятен» для нашего исследования. Пелопоннесская война стала суровым испытанием на прочность для полисных институтов. Но даже в таких экстраординарных условиях в наших источниках немного явных свидетельств активности толпы, массовых беспорядков, влияния массовых неорганизованных соборий на политическую жизнь.

Казалось бы, описанная Фукидидом борьба группировок демократов и олигархов на Керкире должна предоставить подобный пример. Но в данном случае можно наблюдать действия вполне организованных политических групп олигархов и демократов, которые с переменным успехом, но совсем не спонтанно уничтожали друг друга (3. 70–81; 4. 46–48). Это означает, что Фукидид не мог даже представить себе участие толпы в гражданской вражде. Стасис, гражданская вражда, не предполагала участие в ней неорганизованных массовых соборий. Напротив, стасис был нежелательным, но вполне логичным результатом обострения политической борьбы в городе³⁵⁵. Толпа как политический феномен не существовала для Фукидида, и действия толпы, по его разумению, не могли оказать какого-либо влияния на политическую жизнь.

Тем не менее, необходимо проанализировать все случаи упоминания Фукидидом неорганизованных соборий и действий толпы в невоенном контексте³⁵⁶. Нам будет необходимо ответить на несколько определенных вопросов, таких как: 1) из кого состояла толпа? 2) какова была цель данного собория? 3) в каком месте собиралась толпа? 4) какова была степень ее организованности?

Случаи упоминания действий толпы у Фукидида не очень многочисленны. Первый, в экскурсе о тираноубийцах, был рассмотрен нами выше. Другой интересный случай – речь Перикла,

³⁵⁵ См. о стасисе: *Orwin C. The Humanity of Thucydides*. Princeton, 1994. P. 175–182.

³⁵⁶ Необходимо отметить, что это понятие лежит, как правило, вне поля научного интереса. См., например, *Allison J.W. Word and Concept in Thucydides*. Atlanta, 1997. Анализируя «слова о словах» (p. 186–206), автор не упоминает ни *ochlos*, ни *homilos*.

который «выступил перед гробницей на высоко поднятом помосте, для того чтобы слова его были слышны как можно дальше в толпе» (2. 34. 8, пер. Г.А.Стратановского). Эта толпа (*homilos*) состояла не только из граждан. Перикл адресовался ко всему сборищу горожан и чужеземцев (*panta homilon aston kai xenon xumphoron*) (2. 36. 4). Целью сборища была организованная государством похоронная церемония, и местом ее проведения был Керамик³⁵⁷. Несомненно, это было организованное сборище (помост свидетельствует о специальных приготовлениях), но не слишком: не только граждане и их семьи, но также метеки и иностранцы могли присутствовать там.

Почти теми же словами можно охарактеризовать церемонию отплытия Сицилийской экспедиции (6. 30–32), когда все население города (*ho allos homilos hapas* – 6. 30. 2) пришло в Пирей попрощаться с моряками и воинами. Толпа состояла из афинян, иностранцев и «доброжелателей» (*eupoî*) афинян (6. 32. 2). Берега гавани Пирея стали местом этого сборища. Церемония носила религиозный характер и была с очевидностью организована государством (6. 32. 1), но толпа была скорее самоорганизующейся, поскольку люди пришли по собственной инициативе.

События периода олигархического переворота 411 г. также представляют интерес с точки зрения политической активности толпы. После того как Фриних был убит и власть олигархов пошатнулась, толпы гоплитов собрались в Пирее с целью организовать действия против олигархов (8. 92. 5–6). Спонтанные неорганизованные сборища начались также и в самих Афинах (8. 92. 7–8). Но, что очень характерно, эти неорганизованные сборища весьма быстро (на следующий день) преобразуются во вполне организованное заседание народного собрания в театре Диониса в Пирее (8. 93. 1 и 3).

В поставленных в 411 г. комедиях Аристофана «Лисистрата» и «Женщины в народном собрании» нет никаких свидетельств о самостоятельных сходках. Однако характерен сам факт привлечения внимания к спонтанным действиям женщин в народном собрании.

«Греческая история» Ксенофонта дает нам несколько весьма интересных случаев. Фиванский военнопленный Койратад после того как корабль причалил в Пирее, затерялся в толпе (*ochlos*), а затем бежал в Декелею (Hell. 1. 3. 22). Это – крайне редкое, если не уникальное, упоминание о частых, если не ежедневных толпах в

³⁵⁷ «Публичные похороны имели более религиозное значение, чем можно догадаться из текста Фукидида: в действительности погибших почитали как героев» (*Hornblower S. A Commentary on Thucydides. V. I. Oxf., 1991. P. 292*). См. также: *Hyperid. Epitaph., col. 7, l. 31 sq.*

Пирее. Пирей был крупнейшим портом, и, конечно же, там постоянно толпились портовые рабочие, экипажи судов и т.п. В том же 408/7 г. толпа (чернь, *ochlos*) из Пирея и Афин собралась, чтобы встретить Алкивиада (Hell. 1. 4. 13). Последний случай достаточно трудно интерпретировать. Вполне возможно, что *ochlos* означает здесь афинскую чернь (низшие слои населения или демоса), как и во время суда над стратегами – победителями при Аргинусах, когда чернь (*ochlos*, т.е. большинство народного собрания) требовала немедленного осуждения стратегов (Hell. 1. 7. 13). Но в случае со встречей Алкивиада мы имеем дело с реальным массовым сборищем. Вопрос заключается в том, было ли оно специально организованным. По моему мнению, Алкивиад через своих сторонников смог подготовить общественное мнение и прибыл в Пирей в день празднования Плинтерий (Hell. 1. 4. 12)³⁵⁸. Таким образом, это был редкий пример организованного массового сборища, использованного в политических целях; сборище это было официальной религиозной церемонией.

Для Ксенофонта и Платона осуждение стратегов – победителей при Аргинусах – стало наиболее явным примером превращения афинской экклесии в неконтролируемую толпу. Как же в действительности можно оценить процесс над стратегами?

Обратимся, прежде всего, к источникам, главными из которых являются Ксенофонт и Диодор. Оба они в описании процесса преследовали в первую очередь моральные цели³⁵⁹. Ксенофонт стремился продемонстрировать отсутствие филантропии среди афинского демоса³⁶⁰. Уже в «Греческой истории» он пытался по возможности ярче показать недостатки демократического правления. По мнению самого Ксенофонта, толпа может действовать как в благоприятном, так и в неблагоприятном направлении. Главный враг – чернь, «незнающие».

Согласно Ксенофону, во время суда над стратегами-победителями афинское народное собрание под влиянием демагогов приобретает все более и более неприятные черты. Не случайно он обозначает экклесию как *plethos* в «Греческой истории» 1. 7. 12, но

³⁵⁸ Однако американский исследователь Б. Надь считает, что Алкивиад не знал о точной дате празднования Плинтерий, которые были в действительности незначительным праздником (Nagy B. Alcibiades' Second 'Profanation' // Historia. 1994. Bd 43. S. 283–285).

³⁵⁹ Buck R. J. Thrasybulus and the Athenian Democracy. The Life of an Athenian Statesman. Stuttgart, 1998 (Historia-Einzelschriften. Ht 120). P. 54.

³⁶⁰ Gray V. The Character of Xenophon's Hellenica. L., 1989. P. 85–86.

как *ochlos* уже в следующем параграфе (1. 7. 13). В данном случае речь идет не о толпе как сборище, а об афинской черни.

Что касается возвеличения Сократа, то такой задачи Ксенофонт в начале работы над «Греческой историей» еще себе не ставил³⁶¹. Первая часть «Греческой истории» (1 – 2. 3. 9) была написана Ксенофонтом еще в молодости, до того, как его восхищение Сократом стало очень сильным. В этом труде Ксенофонт не упоминает о том, что Сократ был эпистатом³⁶². Ксенофонт пишет лишь о том, что некоторые из пританов отказались ставить вопрос об осуждении стратегов на голосование, поскольку это было бы нарушением закона (Xen. Hell. 1. 7. 4). Версия о председательствовании Сократа на суде над стратегами появилась позже и у Ксенофонта (Memorab. 1. 1. 18; 4. 4. 2) и у Платона (Plat. Apol. 32b) как иллюстрация точки зрения о противодействии одного большинству (*plethos* – Plat. Apol. 31)³⁶³.

Для нас важно «очистить» текст Ксенофонта от эмоций и постараться выяснить, имеем ли мы дело с реальным неорганизованным сборищем. Враги стратегов (прежде всего Ферамен) использовали религиозный праздник Апатурии для своей пропаганды (здесь можно провести параллель с прибытием Алкивиада в Афины). Апатурии были исключительно семейным праздником, и никаких общих собраний не предполагали. В силу специфики праздника (поминание умерших родственников) речь могла идти только о небольших сходках родичей, и информация передавалась «от дома к дому». Конечно же, Ферамен при этом мог использовать этот праздник для агитации среди родственников погибших³⁶⁴. Таким образом, было оказано воздействие на настроение народного собрания, но для этого не потребовалось никаких многолюдных сборищ.

Неверно представлять и само народное собрание просто как экзальтированную толпу. У народного собрания были причины негодовать: потери среди афинских граждан в результате этого сражения были слишком значительны, даже в сопоставлении с потерями в результате сицилийской катастрофы. Конечно, нет точных данных о потерях, хотя и Ксенофонт и Диодор

³⁶¹ По мнению Дж. Андерсона, Ксенофонт, возможно, в 403-401 гг. делал некоторые заметки, но не принял еще окончательного решения посвятить себя литературной деятельности (Anderson J. Xenophon. L., 1974. P. 72).

³⁶² Henry W. P. Greek Historical Writing. A Historiography Essays Based on Xenophon's Hellenica. Chicago, 1967. P. 194.

³⁶³ См. Kraut R. Socrates and the State. Princeton, 1984. P. 196.

³⁶⁴ Gray. Op. cit. P. 84–85.

свидетельствуют о 25 потерянных афинских кораблях (Xen. Hell. 1. 6. 34; Diod. 13. 100. 3–4). По мнению Б.Страусса, общие афинские потери составили около 3300 человек,³⁶⁵ а, по мнению Р.Бака – до 5000³⁶⁶. В любом случае у народного собрания были серьезные основания для осуждения стратегов; нельзя говорить только об экзальтации.

О толпе граждан вновь говорится в «Греческой истории», когда Ксенофонт описывает возвращение посольства Ферамена в Афины в 405 г.: «И как только они вступили в город, большая толпа собралась вокруг них (*ochlos periecheito polus*)» (2. 2. 21). Положение осажденных Афин было критическим: свирепствовал голод. Очевидно, именно это стало причиной того, что толпа людей ожидала послов у ворот либо на агоре. Но нет никаких свидетельств об активных действиях толпы. Напротив, только на следующий день послы сообщили народному собранию об условиях мира (2. 2. 22). Народное собрание и в теории, и на практике доминировало (даже в этот тяжелый для полиса период) над любыми возможными неорганизованными сборищами.

Интересно провести сравнение с точкой зрения Андокида, современника Фукидида и Ксенофонта. Оратор ни разу не употребил слово *ochlos*, не описывал он и действий толпы. Во всем корпусе Андокида можно найти только одно место, которое имеет отношение к рассматриваемой проблеме, однако весьма показательное. Процесс над Андокидом по обвинению в нечестии происходил в 400 г., но в своей успешной речи «О мистериях» он описывает события 415 г., когда он был заключен в тюрьму по обвинению в осквернении герм и профанации мистерий. Естественно, что Андокид не был объективен и стремился представить события в выгодном для него самом свете³⁶⁷. Но его аудитория хорошо представляла реалии общественной жизни Афин; поэтому описываемая оратором картина должна была быть реалистичной хотя бы в этой специфической части.

³⁶⁵ В сравнении с около 7000 в Сицилии. См. *Strauss B. Athens after the Peloponnesian War. Class, Faction and Policy 403 – 386 BC. London – Sydney, 1986. P. 181.*

³⁶⁶ *Buck. Op. cit. P. 58.* «Число афинских потерь в Сицилии было немногим больше» (*ibid. P. 60*).

³⁶⁷ *Ober J., Strauss B. Drama, Political Rhetoric, and the Discourse of Athenian Democracy // Nothing to Do with Dionysos? Athenian Drama in Its Social Context / Ed. J. Winkler and F. Zeitlin. Princeton, 1990. P. 255 ff.; Missiou A. The Subversive Oratory of Andokides. Politics, Ideology and Decision-Making in Democratic Athens. Cambr., 1992. P. 20–25.*

Андокид сообщает, что некий Диоклид видел заговорщиков, идущих вниз от Одеона к оркестре рядом с входом в театр Диониса. «Он затем увидел людей числом около трехсот, стоящих группами по пять или десять, а иногда – по двадцать человек» (Andoc. 1. 38). Можно ли это сборище считать толпой? Нет, поскольку люди стоят группами и не совершают единых действий. Перед нами картина (реальная или вымышленная – в данном случае не имеет значения) подготовки к заговору. Но, что очень важно, и оратор, и его слушатели могли вообразить театр Диониса в качестве возможного места массовых сборищ. И действительно, в Афинах не было других мест для организации массовых сборищ, кроме площадей внутри или рядом с полисными учреждениями. Их можно было использовать нелегально лишь ночью, как и случилось на этот раз.

Все это показывает отсутствие признаков политического значения толпы в Афинах даже в самом конце Пелопоннесской войны – в самый тяжелый период для институтов афинского полиса. Организующие силы оказывались сильнее дезорганизующих тенденций. Отсутствие реальных действий толпы в Афинах в период Пелопоннесской войны – очень важный показатель. Это означает, что толпа и ее действия не являлась средством политической борьбы. Тем не менее, можно говорить и о некоторых переменах. На рубеже V и IV вв. полис стал платить гражданам за посещение народного собрания, потому что граждане стали предпочитать неформальные сборища официальным (Aristoph. Eccl. 183 sq., cf. 290 sq., 380 sq.). Увеличение платы за посещение экклесии до трех оболов стало ответом, поначалу достаточно успешным (Aristoph. Eccl. 299-310; Plut. 171, 329 sq.)³⁶⁸. Причина снижения интереса к политическим собраниям – не в инфляции и не в пауперизации значительной части афинского населения. Причина в том, что произошли важные изменения в социальной психологии.

Наиболее проницательные и умные афинские политические лидеры не могли не понимать этого. По крайней мере один из них – Алкивиад – действительно почувствовал перемену. Алкивиад первым использовал для своей агитации не только народное собрание или похоронную церемонию, но сделал попытку превратить религиозную церемонию в массовое сборище в честь его собственного возвращения в Афины. Эта попытка оказалась довольно успешной, но осталась исключением.

Поведение Гипербола, другого (хотя и менее известного) демагога, было гораздо более типичным. Несмотря на радикализм

³⁶⁸ Ehrenberg V. The People of Aristophanes. A Sociology of Old Attic Comedy. Cambr. Mass., 1951. P. 227.

Гипербола, его отношение к афинскому демосу и к правилам политической борьбы мало отличалось от отношения политических деятелей более раннего периода. Он действовал традиционно – через суд и народное собрание. Но в конце его карьеры и жизни обстоятельства требовали от него обратиться непосредственно к массам. Афинская *pautilkos ochlos*, столь страшившая олигархов (Thuc. 8. 72), сконцентрировалась на Самосе, где Гипербол находился в ссылке. У нас нет никаких сведений о том, что он пытался напрямую воздействовать на настроения массы (как это позже сделал Алкивиад). Гипербол остался в прежних рамках политической борьбы; в результате он оказался без защиты и был убит (Thuc. 8. 73. 3)³⁶⁹.

События, произошедшие в Аргосе в 370 г., предоставляют нам возможность рассмотреть действия толпы вне Афин. Действительно, *skutalismus* («скитализм», закон дубины) в Аргосе является наиболее ярким примером обострения внутривполитической борьбы в Греции после падения спартанского господства на Пелопоннесе.

Историки часто описывают это выступление как пример неорганизованных революционных действий масс³⁷⁰. Каждый в состоянии вообразить толпы простонародья, которые забивают аристократов до смерти дубинами: картина, похожая на крестьянские восстания в Восточной Европе или Китае. Однако наши источники рисуют совсем другую картину. Так, Диодор³⁷¹ пишет: «Среди греков это движение (*neoterismos*) было названо «законом дубины» (*skutalismus*), получив это название по способу казни» (15. 57. 3). После этого идет описание внутренней борьбы в Аргосе, но ни слова о действиях толп! Согласно его сообщению, демагоги возбудили массы (*plethos*) против знатных и имущих сограждан, и демос без тщательного разбирательства приговорил к смерти всех обвиненных и конфисковал их собственность (Diod. 15. 58. 1). Ни Дионисий Галикарнасский (Ant. Rom. 7. 66. 5), ни Плутарх (Praecepta gerendae reipublicae. – Moral. 814 B) не противоречат этому сообщению. Единственный из сохранившихся источников,

³⁶⁹ Более подробно см. Карпюк С.Г. Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. 1998. № 4.

³⁷⁰ Hammond N.G.L. A History of Greece to 322 B. C. Oxf., 1986. P. 496. См. также Fuks A. Patterns and Types of Social-Economic Revolution in Greece from the 4th to the 2nd century B.C. // Ancient Society (Leuven). 1974. 5. P. 71, где события 370 г. в Аргосе названы «выдающимся образцом массовых движений».

³⁷¹ Aen. Tact. 11. 7–10 не может рассматриваться как описание данного события. См. David E. Aeneas Tacticus 11. 7–10 and the Argive Revolution of 370 B.C. // AJPh. 1986. 107. P. 343–349.

современник событий, Исократ пишет, что «аргосцы умертвили (*apolluouisi*) наиболее знатных и богатых из своих сограждан» (Isocr. Philip. 5. 52). Из утверждения Исократа не следует, что погибшие обязательно были убиты во время массовых беспорядков.

Таким образом, и в Аргосе в 370 г. не было ни массовых беспорядков, ни агрессивных действий толпы. Казни богатых граждан стали результатом правосудия, как аргосский демос представлял его себе в тот момент. Скитала в руках аргосских демократов была не «дубиной народной войны», а лишь орудием казни, чем-то вроде гильотины.

Итак, можно ли считать, что толпа как социальный феномен и действия толпы оказали значительное влияние на политическую жизнь доэллинистической Греции? Ответ ясен: нет. Но каковы были причины этого?

Можно указать на демографические причины и на типы поселений в архаический и классический периоды греческой истории. Греческие города были весьма невелики. Общее население Аттики не превышало 300 тысяч³⁷². Конечно, в греческих городах были отдельные места, где могла собраться толпа: агора, театр и, пожалуй, все (улицы жилых кварталов были крайне узкими)³⁷³. Но и агора, и театр, и акрополь были местами для организованных гражданских событий, церемоний и т.п. Все эти места контролировались должностными лицами полиса, и могли быть использованы для неофициальных собраний разве что ночью (как это наблюдал или воображал Андокид). Нет никаких свидетельств о массовых беспорядках во время Олимпийских, Немейских, Истмийских либо Панафинейских игр (во всяком случае, в архаический и классический периоды).

На мой взгляд, все эти причины вторичны и не настолько важны. Главная причина заключается в том, что греческая демократия управлялась слабо организованной толпой граждан, и ее критики в некотором отношении были правы (в их глазах и заседания народного собрания могли превратиться в толпу). Действительно, для граждан психологическая необходимость в массовых собраниях могла выражаться в сходках народного

³⁷² Дж. Обер предполагает, что гражданское население Афин IV в. составляло около 20–30 тысяч человек, а все население Аттики — около 150–250 тысяч человек (*Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989. P. 128*).

³⁷³ Очень жаль, что нет книги об общественном и частном пространстве классической Греции.

собрания. Античная демократия, демократия прямого действия, предотвращала возможную активность толпы.

Некоторые изменения происходят в конце V – начале IV в. Знаменем перемен становится появление общественных соборщ, которые – хотя бы частично – выходят за рамки официальных. Наиболее яркий пример – попытка Алкивиада и его сторонников организовать толпу встречающих его в Пирее. Но эти перемены были слишком незначительны, чтобы оказать сколько-нибудь существенное влияние на политическую борьбу в греческих полисах. И даже столь могущественная афинская «морская чернь» была не более чем частью афинского населения, и нет никаких сведений о попытках организовать с ее участием какие-либо массовые действия. Демагоги оставались лидерами демоса не только по названию: они продолжали использовать полисные институты. И эти институты должны были быть полностью или частично разрушены, чтобы дать возможность для действий толпы.

Подобные условия создаются уже в эпоху эллинизма. К сожалению, наши источники по политической жизни эллинистического времени крайне фрагментарны, но один эпизод действий толпы в Александрии Египетской в самом конце III в. до н. э. достаточно подробно описан в XV книге труда Полибия. Речь идет о мятеже, направленном против Агафокла, приближенного Птолемея IV Филопатора, который нам представляется достойным подробного рассмотрения.

Рассказ о падении Агафокла обычно рассматривается исследователями как образец «трагической истории»,³⁷⁴ как литературный источник³⁷⁵ и т. п. Такой подход совершенно справедлив, но недостаточен. Конечно, Полибий на примере Агафокла стремился продемонстрировать, какое влияние могут оказывать советники на царей³⁷⁶. Однако цели историка в данном случае отнюдь не ограничивались лишь «драматизацией» повествования. Историк описывал события, делая сопоставления с личными впечатлениями (сравнивал поведение толпы в Александрии и Карфагене – 15. 30. 10). Даже если рассказ о расправе над Агафоклом и был «драматизирован», все же он

³⁷⁴ *Sacks K.* Polybius on the Writing of History. Berkeley and Los Angeles, 1981 (University of California Publications in Classical Studies. V. 24). P. 167.

³⁷⁵ *Pedech M.* Discussion // Polybe. Neuf exposes suivis de discussions. Geneve, 1973. (Fondation Hardt. Entretiens. T. 20). P. 202.

³⁷⁶ *Walbank F.W.* Polybius. Berkeley and Los Angeles, 1972 (Sather Classical Lectures. V. 42). P. 157.

основывался на исторических фактах. Для нас важнее всего то, что Полибий рассматривал толпу как реальную политическую силу.

Выступление александрийцев было организовано (или спровоцировано) противниками Агафокла, прежде всего Тлептолемом, который контролировал доставку продовольствия в Александрию (15. 26. 11). Оно произошло непосредственно после смерти Филопатора, в 204/3 г., когда Агафокл, пользуясь малолетством нового царя (Птолемея V Эпифана), фактически захватил власть в свои руки. Поводом для недовольства массы населения стали преследования родственников Тлептолема (15. 27. 1–2). В результате «толпа (*plethos*) вознегодовала; тайные совещания с глазу на глаз кончились, и недовольные то выходили ночью и писали повсюду угрозы, то собирались толпами днем и давали волю ненависти своей против правителей» (15. 27. 1–2, пер. Ф. Мищенко). Речь случайно спасшегося противника Агафокла Мойрагена воспламенила солдат и недовольство усилилось (15. 29. 1–3). «И не прошло и четырех часов, как люди всех национальностей, как солдаты, так и граждане, стали призывать к совместному нападению...» (15. 29. 4).

Несмотря на ночное время, шум и возмущение нарастали (15. 30. 2). «Одни с криками собирались на стадионе, другие произносили зажигательные речи, третьи металась по городу... Уже площади кругом дворца, стадион и улицы были переполнены народом (*ochlos*) всех состояний, равно как и площадь перед театром Диониса» (15. 30. 3–4, пер. Ф. Мищенко, с изменениями).

«К этому времени собрался народ из целого города, что не только гладкие места, но даже лестницы и крыши домов были заняты народом, причем слышались беспорядочные крики и гул, ибо вместе с мужчинами были женщины и дети. В самом деле, в Александрии, как и в Карфагене, дети (*paidaria*) не меньше мужчин принимали участие в подобных смутах» (15. 30. 9–10, пер. Ф. Мищенко). Толпа стала звать юного царя (15. 31. 1).

После этого активную деятельность разворачивают «македоняне» – плохо известный нам тип воинского контингента, которые получают в свои руки юного царя и требуют наказания виновных (15. 31. 2–5). «День клонился к вечеру, а толпе (*plethos*) было не на ком сорвать злобу» (15. 32. 6). Используя подобное психологическое состояние толпы, Сосибий добивается у юного царя выдачи на расправу Агафокла и его близких» (15. 32. 6 и сл.).

Далее Полибий описывает расправу над Агафоклом и его родней, которая происходила на стадионе. «Все родственники разом отданы были в жертву толпе, и мятежники кусали их, кололи копьями, вырывали глаза; чуть кто падал, его терзали на куски, и так

замучили всех до последнего. Вообще египтяне в ярости страшно свирепы» (15. 33. 9–10, пер. Ф. Мищенко). Еще более спонтанно происходила расправа над руководителем умерщвления царицы Арсиной (сестры и жены Птолемея IV Филопатора) Филаммоном. Оно произошло в его собственном доме, и важную роль в этой акции играли девушки, воспитывавшиеся вместе с Арсиной (15. 33. 11–12).

Разнородная городская толпа (как бы ее ни называл Полибий – *plethos*, *ochlos pantodapos* или как-нибудь иначе) становится в Александрии активным участником политической борьбы. Толпа заполняет улицы города, собирается на стадионе. Каковы же отличительные признаки александрийской толпы? Полибий специально и на лексическом, и на описательном уровнях подчеркивает ее разнородность. Она состояла как из воинов, так и из гражданских лиц, как из египтян, так и из греков, как из мужчин, так и из женщин и детей. Последнее обстоятельство историк особо подчеркивает, говоря об участии детей (подростков) в городских беспорядках как о специфике Александрии и Карфагена. Специально оговаривается и многонациональный (*panta ta gene*) состав толпы. П.М. Фрейзер не без основания настаивает на участии именно этнических египтян в расправе над Агафоклом³⁷⁷, полагая, что Полибий, говоря о египтянах, именно их и имел в виду. Целью сборища была расправа с ненавистным царедворцем. Движение масс людей отмечалось по всему городу, но центром стал стадион. Действия толпы первоначально были спонтанными, но враги Агафокла постепенно направили их в нужное русло.

Действия толпы в птолемеевской Александрии принципиально отличаются от действий масс в более ранние периоды греческой истории. В Александрии в массовых беспорядках принимают участие и граждане, и неграждане, и греки, и египтяне, и мужчины, и женщины. Активность масс не прекращается ни днем, ни ночью, охватывая при этом весь город. Центром ее становится стадион. Характерно, что нет никаких сведений о каком-либо участии в этих событиях полисных институтов, хотя Александрия формально и была полисом³⁷⁸.

Все происходит совершенно иначе, чем в греческих полисах, и это еще раз подтверждает глубокое различие в сфере социальной

³⁷⁷ Fraser P. M. *Ptolemaic Alexandria*. V. I. Oxf., 1972. P. 81 f. Более того, автор полагает, что расправой над Агафоклом коренные египтяне выразили свою ненависть по отношению к власти греков (*ibid.*).

³⁷⁸ Существовали граждане (*politai*), филы и фратрии (правда, искусственные) и т. п. См. Fraser. *Op. cit.* P. 38 ff.

жизни между классическим и эллинистическим периодами греческой истории.

Как ни странно, толпа (точнее: опасность толпы) в V-IV вв. имела большее значение в идеологической сфере. Противники демократии из окружения Платона и Исократы стали широко использовать понятие *ochlos* в значении необузданной толпы афинских граждан. Ксенофонт при описании процесса над стратегами – победителями при Аргинусах – пытался описать поведение демоса как свойственное толпе. Для платоновского Сократа и толпа, и чернь – одно и то же. Для Платона, Исократы и их последователей *ochlos* – прежде всего чернь, и в своих сочинениях они не использовали примеры деятельности толпы, массовых беспорядков, но лишь неодобрительно отзывались о вполне официальных собраниях – народном собрании, суде. Платоновский Сократ избегал ежедневной городской толпы, Платон ненавидел чернь («незнающих»), но, как показала практика, им следовало опасаться прежде всего афинского демоса как главного противника любых антидемократических конструкций. Поэтому и была столь ограниченной аудитория, которая могла откликнуться на идеи Платона и Исократы. Толпа была для Платона и Исократы и их последователей идеологическим образом, «страшилкой» и смыкалась с чернью³⁷⁹. Конечно, концепция Платона значительно отличалась не только от современной, но и от концепции римских авторов³⁸⁰. Последние подчеркивали непостоянство толпы; для греческих авторов толпа – это, прежде всего, чернь. И не массовых действий толпы в городе боялись греческие противники демократии, а «черни», т.е. настроенного против них демоса³⁸¹.

В отличие от своих предшественников и современников (Платона и Исократы) Аристотель и здесь применил свой «научный» подход, восприняв *ochlos* как данность и относясь к толпе

³⁷⁹ Современные социологи почему-то пребывают в уверенности, что «идея безумной (бесноватой) толпы появилась как ответ на социальные, экономические и политические вызовы status quo в Европе в течение XVIII–XIX вв.». См., например, *McPhail Cl. The Myth of the Madding Crowd. N.Y., 1991. P. 1*. Но именно Платон был первым, кто выдвинул эту идею, и его *ochlodes therion* был вполне адекватным образом безумной толпы. Только один политолог справедливо указал на то, что из всех древних авторов «только Платон смог разработать нечто, предваряющее (approaching) теорию толп» (*McClelland J.S. The Crowd and the Mob: From Plato to Canetti. L., 1989. P. 34*).

³⁸⁰ См. Карпюк. *Vulgus* и *turba*...

³⁸¹ «Проблема, с которой Платон не должен был сталкиваться – из кого состоит толпа и откуда она взялась. Толпа афинской демократии была официальной – народное собрание, Совет и суд...» (*McClelland. Op cit. P. 35*).

нейтрально. Толпой (точнее, толпами) оказываются не только современные философу афиняне, но и граждане *patrios politeia* (Pol. 1285b). Перипатетическая традиция восприняла это отношение, разве что аристотелевская «толпа» за два века превратилась в полибиевские «толпы». Для Полибия *ochlos* (точнее, *ochloi*) – нормальное состояние народа, «широких народных масс». Полибий в данном аспекте является продолжателем «линии» Аристотеля. Поэтому и не стоит придавать слишком большое значение «открытию» Полибием охлократии – в сущности, это та же самая крайняя (радикальная) демократия – историк в целом остался в русле перипатетической традиции. Его лексика лишь отражает некоторые изменения в обозначении форм государственного устройства³⁸².

Таким образом, у греков не было понятия толпы как неорганизованного массового собрания отдельно от черни, т.е. низших слоев населения. В классической греческой литературе *ochlos* и *demos* почти неразличимы. Греческая демократия поистине была демократией толпы. Демократия по многим понятиям была охлократией (поэтому охлократия как отдельное понятие появилась только в эллинистический период), и Платон не был совсем неправ, рассматривая все многолюдные собрания как одинаковые по своей природе.

Полисные институты были предназначены для толп, слегка организованных толп граждан. Только опасность для независимости полиса могла подвигнуть граждан на некое подобие массовых спонтанных действий. Это в какой-то мере подтверждает и восстание афинян против Клеомена и Исагора, и оборона Спарты от фиванского вторжения³⁸³.

Должны были произойти перемены в социальной психологии, чтобы позволить грекам действовать как толпа (например, как в Александрии). Эти процессы имели место в эллинистическое время и были связаны с ослаблением влияния полисных институтов.

Таким образом, действия толпы не оказали непосредственного влияния на политическую жизнь греческих городов в классический

³⁸² Очень странно, но этапы развития современной социальной теории толп во многом повторяют древнегреческие образцы. Если для Ле Бона (как и для Платона) толпа – это дикое животное, то для Рюде (как и для Аристотеля) – социологический феномен. Многие философы и ученые, начиная с Платона, стали рассматривать народ (*demos, populus*) и толпу (*ochlos*) как тождественные социальные феномены.

³⁸³ Массовые действия толпы были не свойственны и для неграждан. Примером тому может быть даже восстание илотов (см. начало Третьей Мессенской войны).

период (во всяком случае, у нас нет свидетельств о подобном влиянии). Влияние было, но оно осуществлялось через идеологическую сферу. «Угроза превращения в толпу» использовалась противниками демократии в антидемократической пропаганде.

III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА КЛАССИЧЕСКИХ АФИН

В плутарховой биографии Демосфена есть замечательное описание поведения македонского царя Филиппа после разгрома греков при Херонее в 338 г. до н.э.: «После победы Филипп, вне себя от радости и гордыни, буйно пьянствовал прямо среди трупов и распевал первые слова Демосфенова законопроекта, деля их на стопы и отбивая ногою такт:

Демосфен, сын Демосфена, пэаниец, предложил афинянам... Однако протрезвев и осмыслив всю великую опасность завершившейся борьбы, он ужаснулся пред искусством и силою оратора, который вынудил его в какую-то краткую долю дня поставить под угрозу не только свое владычество, но и самое жизнь» (Plut. Dem. 20. 3, пер. С.П. Маркиша, с изменениями).

Конечно, трудно описать всю гамму чувств, которая охватила македонского царя, напевавшего *Demosthenes Demosthenous Paianeus tad' eipen* (20. 3). Однако рискну высказать предположение, что и сама семантика составного имени афинского оратора вызывала у македонского царя, разгромившего мощь, войско (*sthenos*) афинского народа (*demos*), приятные ассоциации.

Вот об ассоциациях, а именно – политических ассоциациях, которые вызывали те или иные афинские собственные имена, и пойдет речь в этой статье. Необходимость исследования собственных имен жителей классических Афин именно с этой точки зрения диктуется тем, что подобный анализ может способствовать реконструкции демократических политических идей.

Изучению политических идей афинской демократии посвятили свои работы многие известные ученые. Последние работы Л.Б. Картера, Джоша Обера, Курта Раафлауба, Могенса Хансена и многих других исследователей способствовали прояснению различных аспектов как общественной, так и частной жизни афинян³⁸⁴. Но до сих пор мы знаем гораздо больше о политической теории, нежели об ежедневной политической практике демократических Афин. Главная причина подобной диспропорции –

³⁸⁴ Carter L.B. *The Quiet Athenian*. Oxf. – N.Y., 1986; Ober J. *Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People*. Princeton, 1989; *idem*. *Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory*. Princeton, 1996; *Democracy 2500? Questions and Challenges* / Ed. I. Morris, K. Raaflaub. Dubuque, Iowa, 1998; Hansen M.H. *The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes: Structure, Principles, and Ideology*. Oxf. – Cambr. Mass., 1991 и др.

недостаток источников, которые могли бы показать жизнь афинских граждан «изнутри».

И действительно, в отличие от своих оппонентов (противников демократии) сторонники демократии не смогли (или не хотели?) создать стройной теории, а попытки ее реконструкции скорее всего так и не смогут увенчаться успехом. К тому же в последнее время стали высказываться обоснованные сомнения в том, что многие стороны жизни Афин V–IV вв., нашедшие отражение в литературных произведениях, можно связывать именно с демократическими институтами³⁸⁵. В последние годы преобладает мнение и, как я полагаю, весьма справедливое, что демократическая теория не существовала в текстах, авторами которых были представители антидемократической элиты, а была частью «демократического дискурса», чье отражение нужно искать в «политической риторике» и «публичных речах»³⁸⁶.

Различные проявления демократической идеологии и практики функционирования афинской демократии изучены достаточно полно, и, конечно, очень трудно предложить какую-либо принципиально новую интерпретацию надгробной речи Перикла у Фукидида. Неудивительно поэтому, что предпринимались попытки привлечь «нетрадиционные» источники: так, например, Дж. Бордмэн и его последователи интерпретировали вазопись как источник для анализа идеологии тирании³⁸⁷.

В настоящей статье будет сделана попытка привлечь данные исторической ономастики (антропонимики), чтобы выявить значение и роль демократической идеологии в обществе классических Афин.

Являлись ли одной из частей этого дискурса «демократические» (т.е. идеологически/политически мотивированные) собственные имена? Для этого сделаем экскурс в историю изучения собственных имен, которые являются источником для двух смежных, хотя и различных вспомогательных дисциплин –

³⁸⁵ См., например: *Rhodes P.J.* Nothing To Do with Democracy: Athenian Drama and the Polis // *JHS*. 2003. 123. П.Дж. Родс в этой статье указывает на то, что афинскую драму V в. до н.э. не обязательно связывать именно с демократическим полисом.

³⁸⁶ См., например: *Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998. P. 32–33.

³⁸⁷ *Boardman J.* Image and Politics in Sixth Century Athens // *Ancient Greek and Related Pottery. Proceedings of the International Vase Symposium in Amsterdam 12–15 April 1984* / Ed. H.A.G. Brijder. L., 1984. P. 239 ff.; *idem.* Herakles, Peisistratos and Unconvinced // *JHS*. 1989. 109. P. 158.

просопографии и ономастики. Напомню, что если ономастика изучает собственные имена сами по себе, то для просопографии важны личности носителей этих имен³⁸⁸. Собственные имена жителей классических Афин обычно анализировались в качестве источника по просопографии и – реже – по социальной истории³⁸⁹. В данном исследовании нас прежде всего интересует именно ономастика, хотя некоторые экскурсы в просопографию также вполне возможны. Моя цель – отобрать исключительно «идеологически окрашенные» имена и использовать их как своеобразный «маркер» идеологических изменений. Зададимся вопросом: действительно ли имянаречение в классических Афинах в эпоху, которая последовала за «революцией Клизфена», могло быть политически мотивированным?

Известно, что ономастикон, т.е. круг собственных имен, употребляемых каким-либо народом, отличается значительной устойчивостью и традиционностью, причем ономастиконы различных эпох отличаются друг от друга различной социальной оценкой определенных типов имен³⁹⁰. «Моды на имена объясняются сложным воздействием языковых и внеязыковых факторов, влияющих на выбор имени»³⁹¹. Известно также, что в периоды революционных перемен в обществе антропонимы могут быть мотивированы резкими изменениями в социально-политической жизни общества³⁹².

Я отдаю себе отчет в том, что для большинства исторических периодов собственные имена не могут использоваться как источник по идеологии. Только периоды революционных изменений в сфере общественного сознания, когда принятая в обществе система

³⁸⁸ См. *Fossey J.M. The Study of Ancient Greek Prosopography*. Chicago, 1990. P. 4.

³⁸⁹ Классическим примером исследования в этом направлении является книга Дж.К. Дейвиса «Афинские состоятельные семьи»: *Davies J.K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C.* Oxf., 1971 (далее – *Davies. APF*).

³⁹⁰ *Суперанская А.В. Имя и эпоха // Историческая ономастика / Отв. ред. А.В. Суперанская. М., 1977. С. 7.* В СССР в 1930 г., в самый разгар «движения за новые имена», «новые» (не христианские) имена получали 11–12% младенцев в городах (в Костроме – 23%), 1– 2% в сельской местности (*Никонов В.А. Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики / Отв. ред. В.А. Никонов. М., 1970. С. 34–35*).

³⁹¹ *Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 42.*

³⁹² *Теория и практика ономастических исследований / Отв. ред. А.П. Непокупный. М., 1986. С. 20.*

ценностей оказывает влияние на семейную сферу, дают возможность для исторических исследований в этой области. В качестве примера можно привести переход от языческих к христианским именам в поздней античности. Эпохи революционных перемен дают нам другие образцы. Для периодов после Французской революции XVIII в. и Русской революции XX в. было характерно «революционное имянаречение». Привела ли «революция Клизфена», т.е. демократические преобразования в Афинах, к подобным же результатам? Можно ли говорить о высокой степени идеологического давления общества на семью в этот исторический период?

Совершенно очевидно, что практика имянаречения в древнегреческом (как и в подавляющем большинстве других обществ) традиционна и относилась исключительно (или почти исключительно) к сфере компетенции семьи. О том, как давалось имя ребенку в классических Афинах, можно узнать из реплики Стрепсиада из аристофановой комедии «Облака»:

Позднее сын вот этот родился у нас,
Ох, у меня и у любезной женушки.
Тут начались раздоры из-за имени.
Жене хотелось конно-ипподромное
Придумать имя: Каллиппид, Харипп, Ксантипп.
Я ж Фидонидом звать хотел, в честь дедушки.
Так спорили мы долго; согласясь потом,
Совместно Фидиппидом сына назвали
(сткк. 60–67, пер. А. Пиотровского).

Имя Фидиппид можно перевести как «Щадиконев» (от глагола *phaidomai* – быть бережливым, щадить). Конечно, автор здесь имел в виду комический эффект (бережливость плохо сочетается с аристократизмом), и целью комедиографа было довести обыденное до степени комичности. Однако сам процесс имянаречения вполне реалистичен. Все три главных компонента имянаречения здесь присутствуют. Во-первых, традиция требовала называть в честь предков, а в данном случае мальчика-первенца в честь деда по отцовской линии. Во-вторых, имя могло иметь социальную (политическую, культурную и т.п. коннотацию). Для Стрепсиада имена с корнем *hipp-* явно коннотировали с аристократическим образом жизни (к тому же жена Стрепсиада была аристократкой)³⁹³. Не следует забывать, что одного из своих

³⁹³ «Как составной элемент собственных имен *hippos* может рассматриваться как имеющий аристократический привкус» (Davies. APF. P. 163).

собственных сыновей Аристофан назвал Филиппом³⁹⁴. В-третьих, в результате дискуссии супруги выбрали составное имя – наиболее распространенный тип древнегреческого имени.

Знаменитый оратор Демосфен дополняет наши сведения об имянарекении. Его речи относятся к середине IV в.; они отражают основные принципы имянаречения, принятые в афинском гражданском коллективе.

В речи «Против Макартата о наследстве Гагния» истец сообщает судьям: «У меня родились четыре сына и одна дочь, я дал им, граждане судьи, следующие имена: старшему сыну имя моего отца – Сосий, как и полагается давать старшему сыну. Второму, которого вы здесь видите, я дал имя Евбулид по имени деда ребенка с материнской стороны; следующего мальчика я назвал Менесфей (это имя близкого родственника моей жены); самому младшему я дал имя Каллистрат, по отцу моей матери... И вот, может ли кто-нибудь более способствовать запустению дома Гагния, чем эти люди? Принадлежа к другому дому, а именно – Стратия, они пытаются изгнать из дома Гагния его ближайших родственников; а тот из них, кто претендует в качестве правоспособного родственника на наследство Гагния, носит имя, которое не встречается не только в доме Гагния, но также в доме своего предка Стратия; а среди потомков Бусела, хотя их так много, нет ни одного носителя подобного имени. Но откуда же взялось имя Макартата? От родных по матери. Ведь он был введен как приемный сын в дом брата своей матери, Макартата из дема Проспалты, и унаследовал его имущество» (Dem. XLIII. 74, 76, 77; пер. Л.М. Глускиной). Демосфен в этой речи подтверждает, что детей предпочитали называть по именам родственников, причем старший сын обычно получал имя деда по отцовской линии³⁹⁵. В результате имена часто повторялись, и у каждой семьи формировался достаточно узкий круг употребляемых имен.

В другой речи («Против Беота по поводу имени») истец жалуется на ответчика: «Когда дело разбиралось у арбитра, он осмелился сделать бесстыднейшее заявление, будто отец справил ему десятый день рождения, как и мне, и дал ему это имя...

³⁹⁴ *Aristophanes. Clouds. Abridged edition / Ed. K.J. Dover. Oxf., 1970. P. 163. Ср. стк. 1070 – Кронипп.*

³⁹⁵ Этот обычай сохраняется и у современных греков (как и у многих других народов). См. *Tavuchis N. Naming Patterns and Kinship among Greeks // Ethnos. Stockholm, 1971. P. 152–162; Bialor P.A. What's in a Name? Aspects of the Social Organization of a Greek Farming Community Related to Naming Customs // Kroeber Anthropological Papers. 1967. Special Publication. № 1. P. 95–108.*

Поистине возмутительно: благодаря этому имени ты получил и гражданские права, и часть оставленного отцом наследства, а теперь стремишься, отказавшись от этого имени, заменить его другим. Представим себе, что отец, воскреснув, предложил бы тебе или сохранить то имя, под которым он тебя усыновил, или объявить своим отцом кого-нибудь другого (Dem. XXXIX. 22, 31; пер. Л.М. Глускиной). И далее: «Ты, клянусь Зевсом, можешь сказать, что это имя было дано тебе с намерением нанести обиду или оскорбить. Однако же закон, который вы все знаете не хуже меня, дает родителям право не только сначала дать имя детям, но, при желании, и отменить его позднее и отказаться от них. Я же показал, что отец, который по закону имел на это право, дал моему противнику имя Беота, а мне Мантифея. Как же вы можете проголосовать иначе, чем в мою пользу?» (Dem. XXXIX. 32, 39; пер. Л.М. Глускиной).

Итак, согласно свидетельству Демосфена, отец имел право не только дать имя своему ребенку, но и впоследствии – в силу каких-либо причин – изменять это имя. Намерение оскорбить либо обидеть при имянаречении было законным основанием для изменения имени. Таким образом, на выбор (или изменение) имени ребенка могли в принципе повлиять политические либо идеологические предпочтения родителей (прежде всего, отца), хотя семейные традиции играли в данной процедуре весьма важную роль.

Какие же имена предпочитали древние греки? Древнегреческое собственное имя состояло из двух основных частей: имени (*onoma*) и отчества, патронима (*patronymon*). Кроме этого могло добавляться название полиса, а в Афинах после реформ Клисфена – дема. Речь в моем исследовании пойдет об имени, которое давалось при рождении и в которое могли вкладывать политическую (идеологическую) мотивацию.

Я не буду касаться вопроса о происхождении греческих имен, о переходе от микенских к собственно древнегреческим именам и т.п. *Namenforschung* – это вполне солидная и фундаментальная область знаний; можно назвать имена Фр. Бехтеля, П.М. Фрэзера, Э. Мэтьюз, О. Масона и многих других ученых, которые внесли большой вклад в изучение собственных имен³⁹⁶.

³⁹⁶ *Bechtel F.* Die historischen Personennamen des Griechischen bis zum Kaiserzeit. Halle, 1917; *Mason O.* Les noms propres d'homme en grec ancien // *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft* / Hrsg. von H. Steger, H.E. Wiegand. Bd 11. 1. *Namenforschung. Name Studies. Les noms propres. Ein internationales Handbuch zur Onomastik* / Hrsg. von E. Eichler et al. 1. Teilband. B. – N. Y., 1995. S. 706–710 (с библиографией).

Греки, подобно многим другим индоевропейским народам, предпочитали составные имена³⁹⁷. Конечно, встречались и теофорные имена (такие, как Деметрий, Дионисий), и имена, происходившие от кличек (к примеру, Платон – «широкий, широкоплечий»), однако большинство древнегреческих имен состояло из двух корней с очевидно положительными значениями – такими, как *arche* – начало, господство, власть, *demos* – народ, *kleos* – молва, слава, *sthenos* – сила, мощь, войско, *stratos* – войско, флот, *philos* – любимый, друг, *chairon* – радость (от *chairō* – радоваться, быть счастливым) и многих других. Использовался тот же принцип, что в древнеиндийских (санскритских), а также в старославянских и древнерусских именах (Святослав, Богумил, Владимир и т. п.). При этом греческие имена обычно не поддаются прямому переводу: положительные значения корней связывались часто по принципу ассоциации. Мне могут возразить, что комедиографы, в частности Аристофан, вообще вводили в свои пьесы тех или иных персонажей (часто реальных людей) только исходя из их имени³⁹⁸: например, Колбасник в аристофановских «Всадниках» дает очень любопытную трактовку имени Агоракрит, объясняя его как «тот, кто привык судить на агоре» (сткк. 1257–1258). Однако такие примеры как раз и свидетельствуют о необычности подобного «перевода» имени, поскольку именно за счет этого и достигался комический эффект.

Известно, что аристократические семьи в древней Греции часто использовали имена с корнями *arist-*, *hipp-* и *kall-*, чтобы подчеркнуть благородство своего происхождения. Именно в аристократических семьях идеология стала влиять на выбор имени; формируются комплексы имен, характерные для той или иной семьи³⁹⁹. Впрочем, как известно, аристократическая мода и стиль жизни спустя некоторое время охотно воспринимались и другими слоями населения, так что использование подобных имен само по себе не может свидетельствовать о статусе того или иного человека.

В Аттике сравнительно рано проявляется тенденция «политически значимого» имяназвания. Иначе трудно объяснить появление имени Исагор (от глагола *isagoreuo* – «равноправно говорить публично»), которое ассоциировалось с политическим

³⁹⁷ Fraenkel E. Namenwese // RE. Bd 16. 2 (Hlbd 33). Stuttgart, 1935. Sp. 1611–1670.

³⁹⁸ Barton A. Names of Comedy. Oxf., 1990. P. 21.

³⁹⁹ Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen. Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001 (Tyche. Supplementband 3). S. 49–72.

равноправием (правда, непонятно, для какой части граждан) уже в первой половине VI в. до н.э.

Плутарх в биографиях Фемистокла и Кимона сообщает о «значимых» именах детей афинских политических деятелей начала V в. до н.э.⁴⁰⁰ Прежде всего, это географические имена. То, что Кимон назвал своих сыновей Лакедемонием и Элейцем, можно еще хоть как-то объяснить происхождением их матери из Аркадии (Plut. Cim. 16. 1; сравни Фессала – сына Писистрата), но то, что Фемистокл своих дочерей от Архиппы, дочери Лисандра из Алопеки, назвал Италией, Сибаридой и Асией (Plut. Them. 32. 1), может быть объяснено исключительно его геополитическими взглядами и особенностями его биографии. Таким образом, процесс имянаречения в некоторых случаях должен был продемонстрировать политические взгляды отца. Этот обычай восходит к гомеровскому времени.

Я предлагаю проанализировать употребление имен с корнем *dem-* в классических Афинах. Почему? Во-первых, они не уникальны и были достаточно широко распространены (согласно последней просопографии, имена с корнем *dem-* составляли 2–3% афинских собственных имен в течение всей античности)⁴⁰¹. Имена с корнем *dem-/dam-* являются одними из самых распространенных в самых разных греческих полисах: например, только в Аркадии зарегистрировано 39 типов составных имен, которые начинаются на *dem-*⁴⁰². В некоторых греческих полисах, насколько мне известно, можно проследить подобную тенденцию (имена с корнем *dem-* были широко распространены в Этолийском союзе в эпоху его расцвета и меньше распространены в Беотии, в некоторых сицилийских полисах и т.п.)⁴⁰³. На Хиосе, например, встречается очень мало

⁴⁰⁰ Davies. APF. P. 360.

⁴⁰¹ Traill J.S. Persons of Ancient Athens. V. 1–. Toronto, 1994–. К 2002 г. опубликовано 11 томов. Ср. также: Develin R. Athenian Officials 684–321 B.C. Cambr., 1989. Из 3018 полностью или почти полностью сохранившихся имен афинских должностных лиц архаического и классического (в основном) периода 155 (5,13%) имеют корень *dem-*.

⁴⁰² Morpugo Davies A. Greek Personal Names and Linguistic Continuity // Greek Personal Names: Their Value as Evidence / Ed. S. Hornblower, E. Matthews (Proceedings of the British Academy, 104). Oxf., 2000. P. 28–29.

⁴⁰³ В Этолии в период Этолийского союза примерно 5% имен граждан имели корень *dem-*, 3,7% – корень *arist-* (Grainger J.D. Aitolian Prosopographical Studies. Leiden, 2000; в просопографии учтено около 3300 имен). В Гiette (Беотия) примерно 4% имен граждан имели корень *dem-*, 6,7% – корень *arist-* (Etienne R., Knoepfler D. Hyettos de Béotie et la chronologie des archontes fédéraux

имен с корнем *dem-* (около 1%), хотя начиная с архаического периода существовала стойкая традиция называния новорожденных именами с корнем *dem-* среди элиты⁴⁰⁴. В связи с этим важность представляет как количественный аспект исследования, так и качественный анализ конкретных случаев появления самих имен.

Во-вторых, само понятие *demos* являлось политически знаковым и могло соотноситься (и соотносилось в реальности!) с политическими пристрастиями афинских граждан. В других греческих полисах подобные примеры были. Имя единственного известного нам хиосского демагога – Демос – определенно свидетельствует о политической окрашенности имен с корнем *dem-* (Plut. Mor. 813A; Ael. Var. hist. XIV. 25).

Следует сразу же оговориться, что имена с корнем *dem-/dam-* появились и в Афинах, и в Греции вообще задолго до классической эпохи: они засвидетельствованы и среди мифологических – Демодика, Демофонт⁴⁰⁵ сын Тесея, Демократейя⁴⁰⁶ дочь Зевса и Эгины, и среди гомеровских имен – Демодок, Демоптолем, Демолеонт⁴⁰⁵. Имя Аристодем было достаточно популярным в архаическую эпоху, да и вообще *dem-* тогда обозначало скорее «общность», а не обязательно «народ, демос».

Наша цель – проследить, не стали ли в Афинах классической эпохи имена с корнем *dem-* неким противовесом традиционному аристократическому имянаречению, и показать их возможную связь с распространением демократических идей в афинском обществе⁴⁰⁶.

Можно предложить три уровня изучения собственных имен: анализ статистики употребления собственных имен; изучение конкретных случаев политически/идеологически мотивированного имянаречения; анализ закрытых (конечных) ономастических комплексов, т.е. изучение списков имен, сохранившихся в надписях, либо хронологически ограниченных совокупностей имен (по моему мнению, метод наиболее перспективный).

entre 250 et 171 avant J.-C. // Bulletin correspondance hellénique. Suppl. III. P., 1976; в просопографии учтено примерно 650 имен).

⁴⁰⁴ См. Sariaakis Th. Chiake Prosopographia. Athenai, 1989.

⁴⁰⁵ Kamptz H. von. Homerische Personennamen. Sprachwissenschaftliche und historische Klassifikation. Göttingen, 1982. S. 189. «Die Komponierten Namen»: Demodokos, Demokoon, Demoleon, Demoptolemos, Demouchos.

⁴⁰⁶ Имена с «дорийским» корнем *dam-* имели в Афинах скорее лаконофильский либо патриархальный оттенок, и я обычно не учитываю их в своих перечнях.

Попытка статистического анализа употребления «политически значимых» собственных имен в древней Греции

Для анализа берутся собственные имена с основами *demokrat-* и *aristokrat-* в первую очередь, и *dem-* и *arist-* во вторую. Понятно, что если первая пара основ позволяет с большой долей вероятности предположить политическую ориентацию родителей, то по поводу второй пары возможны некоторые сомнения (естественно, не принимаются в расчет имена, производные от имен богов – например, Деметрий), хотя вероятность определенного идеологического выбора и в данном случае достаточно высока. Имена с корнями, соответствующими терминам «олигархия» и «охлократия», не встречаются по причине негативного оттенка этих слов.

Итак, наша цель – количественный анализ употребления «значимых» собственных имен. Что касается архаического периода истории древней Греции (VIII–VI века до н. э.), то число сохранившихся имен не настолько многочисленно, чтобы иметь достаточную выборку. Но от классического (V–IV века до н. э.) и эллинистического (III–I века до н. э.) периодов до нас дошли тысячи древнегреческих собственных имен. Источниками является и традиция (тексты сочинений древних авторов), и, в первую очередь, дошедшие до нас надписи. Большинство надписей (и, тем более, текстов), датируется с достаточной точностью. Это позволяет проследить динамику процесса. Необходимо также отметить, что подавляющее большинство надписей и текстов имеет четкую географическую привязку к тому или иному древнегреческому полису. Данное обстоятельство позволяет проводить сравнительный анализ употребления тех или иных имен в разных регионах древнегреческого мира. У статистического анализа есть заметный недостаток: за минимальную единицу отсчета приходится брать достаточно длительный период (например, век).

Материал для анализа предоставляют хорошо известные оксфордские словари древнегреческих собственных имен⁴⁰⁷, а

⁴⁰⁷ На первом этапе работы были проработаны следующие издания: A Lexicon of the Greek Personal Names. Ed. by P.M.Fraser and E.Matthews. Vol. I. The Aegean Islands. Cyprus. Cyrenaica. Oxford, 1987; A Lexicon of the Greek Personal Names. Ed. by P.M.Fraser and E.Matthews. Vol. II. Attica. Ed. by P.M.Fraser and E.Matthews. Oxford, 1994; A Lexicon of the Greek Personal Names. Ed. by P.M.Fraser and E.Matthews. Vol. III. The Peloponnese. Western Greece. Sicily and Magna Graecia. Oxford, 1997; Osborne M.J. and Byrne S.G. The Foreign Residents of Athens. An Annex to the Lexicon of the Greek Personal Names: Attica. Leuven, 1996.

также существующие компьютерные базы данных (прежде всего *Thesaurus linguae Graecae*).

Издаваемый под эгидой Британской Академии «Словарь греческих собственных имен» (LGPN) П.М. Фрэзера и Э. Мэтьюз (второй том, посвященный Аттике, подготовил Робин Осборн)⁴⁰⁸ является самым полным на сегодняшний день каталогом древнегреческих собственных имен⁴⁰⁹.

Согласно рабочей гипотезе, господствующий политический строй влияет на выбор родителями имен детей. Например, в западной части греческого мира (Великая Греция) преобладают собственные имена с основой *aristokr-* (1679 имен). Значительно меньше имен с основой на *demokr-* (151 имен) либо *damokr-* (970 имен). В этом регионе существовало много полисов с различным государственным строем, однако демократические полисы были в явном меньшинстве. Случайно ли, что имя Аристократ (50 упоминаний) и Демократ (73 упоминания) – одни из самых распространенных на Родосе и в то же время только по одному разу встречаются на Самосе⁴¹⁰.

Еще большую возможность для «формализации» предоставляют аттические надписи, поскольку на основании письменных источников можно достаточно точно датировать периоды господства того или иного политического строя в Афинах.

Результаты показывают, что в течение V–IV вв. до н.э. в Афинах происходит возрастание числа имен с корнем *dem-* (исследование велось по нескольким именам). Имя Демократ (*Demokrates*) широко распространяется в Афинах начиная с IV в. до н.э. В «Словаре древнегреческих собственных имен» перечисляются 79 упоминаний этого имени и 2 упоминания близкого ему имени *Demokratides*. Невозможно определить датировку 3 упоминаний, остальные 78 распределяются следующим образом: к V в. до н.э. относится 5 упоминаний (6,41%), к IV в. до н.э. – 30 (38,46%), к III–I вв. до н.э. – 36 упоминаний (46,15%), к I–III вв. н.э. – 7 упоминаний

⁴⁰⁸ A Lexicon of the Greek Personal Names / Ed. P.M. Fraser, E. Matthews. V. II. Attica / Ed. R. Osborn. Oxf., 1994.

⁴⁰⁹ Впрочем, как предупреждают сами составители, «Словарь» – лишь сборник ссылок и предполагает обращение исследователя к первоисточникам. См. Matthews E., Hornblower S. Introduction // Greek Personal Names: Their Value as Evidence. P. 8.

⁴¹⁰ На Самосе однажды встречается и имя Демократ (ионийская или аттическая огласовка). A Lexicon of the Greek Personal Names. Ed. by P.M. Fraser and E. Matthews. Vol. I. The Aegean Islands. Cyprus. Cyrenaica. Oxford, 1987. P. 70, 116, 127.

(8,98%)⁴¹¹. Именно с IV в. до н.э. в Аттике распространяется женское имя Демократия (*Demokrateia*)⁴¹², которое явно отражает стремление афинских граждан продемонстрировать свои политико-идеологические предпочтения в именах своих детей.

Для сопоставления попробуем проанализировать частоту употребления других имен с корнем *dem-*. Например, имя *Demo* в V в. до н.э. – не встречается, к IV в. до н.э. относится 20% упоминаний, к III–I вв. до н.э. – 65%, I–III вв. н.э. – 5 % (с неопределенной датой – 10%). Имя *Demon* (всего 18 упоминаний): V в. до н.э. – 3, IV в. до н.э. – 10, III–I вв. до н.э. – 5, I–III вв. н.э. – нет (и с неопределенной датой – нет).

Впрочем, похожая тенденция отмечается для имен с корнем *arist-*. Мужское имя Аристократ (*Aristokrates*) встречается в Афинах и Аттике 116 раз (в основном в надписях), из которых 6 – с неопределенной датой: на V в. до н.э. приходится 10 упоминаний (9,09%), на IV в. до н.э. – 42 (38,18%), на III–I вв. до н.э. – 51 (46,36%), на I–III вв. н.э. – 7 (6,37%)⁴¹³. Распространяется также женское имя Аристократия (*Aristokrateia*)⁴¹⁴. Да и «идеологически нейтральные» имена (например, Диагор) свидетельствуют об увеличении упоминания данного имени именно в IV в. до н.э.⁴¹⁵ Таким образом, статистический анализ дает слишком общие и достаточно тривиальные выводы⁴¹⁶, хотя, конечно, факт увеличения количества имен с корнем *dem-* показателен сам по себе. Заметно большие перспективы имеют исследование практики имянаречения в отдельных семьях, а также анализ эпиграфических источников, характеризующих отдельные слои афинского населения.

⁴¹¹ A Lexicon of the Greek Personal Names. V. II. Attica. P. 109–110.

⁴¹² Всего в аттических надписях встречается 8 упоминаний этого имени. Одно относится к I–II вв. н.э., датировка другого неопределенна, а шесть остальных датируются IV в. до н.э. (Ibid. P. 109).

⁴¹³ Ibid. P. 56–57.

⁴¹⁴ Оно встречается 5 раз: 3 раза – в IV в. до н.э., по разу – во II в. до н.э. и в I в. н.э. (Ibid. P. 56).

⁴¹⁵ Упоминания имени Диагор (не слишком популярного в Афинах) распределяются следующим образом: V в. до н.э. – 12,5%, IV в. до н.э. – 50%, III–I вв. до н.э. – 25%, I–III вв. н.э. – 12,5%.

⁴¹⁶ Карпюк С.Г. «Политическая» ономастика древнегреческого мира: попытка количественного анализа // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных). М., 2000. С. 43–47 (в статье были использованы математические разработки А.Г. Рапуто).

Однако некоторые закономерности можно увидеть даже невооруженным взглядом, не прибегая к математическим методам. Во-первых, количество употреблений «политически значимых» имен в Аттике изменялось по периодам. Во-вторых, кривые частоты упоминаний собственных имен с основами *demokrat*- и *aristokrat*- по большей части совпадают.

Таким образом, предварительно можно предположить, что в периоды наибольшего «идеологического давления» возростала частота «политически мотивированного» имянаречения.

Статистический анализ, как мне представляется, может внести в эти предварительные выводы определенные коррективы и зафиксировать флуктуации употребления собственных имен, характерные для того или иного периода истории Афин.

Что касается процесса внедрения в афинскую практику имен с основой *dem*-, то можно выделить три периода использования подобных имен: 1) имена с основой на *dem*-, которые употреблялись еще до V в. до н. э. («гоплитские»); 2) Новые, «идеологические» имена с основой *dem*-, выразившие приверженность новому политическому устройству (с середины V в. до н. э.); 3) «Имена победившей демократии» (с IV в.): распространение основы на *dem*- на значительное число имен, в том числе и женских. Конечно, мы понимаем условность подобного деления, носящего скорее статистический характер. Но, по нашему мнению, оно имеет под собой основания и отражает динамику процесса. Для подтверждения наших предположений приведем данные количественного анализа.

Если материал надписей можно рассмотреть как случайную выборку, то при анализе древних авторов необходимо, прежде всего, выяснить, насколько «нейтрально» употребление античным автором того или иного «значимого» имени.

Конкретные случаи «политически мотивированного» имянаречения

Перейдем теперь к собственно просопографическому материалу. Выше уже говорилось о том, что Фемистокл и Кимон давали детям «значимые» имена⁴¹⁷. Появляются и имена с корнем *dem*-. В 460 г. либо несколько ранее родился Дамострат из Мелиты (РА 3126)⁴¹⁸, предки которого принадлежали к разряду

⁴¹⁷ Davies. APF. P. 360.

⁴¹⁸ Kirchner J. Prosopographia Attica. Bd I–II. B., 1901–1903 (далее – РА).

пентакосиомедимнов (хотя, возможно, к V в. они уже обеднели)⁴¹⁹. Впрочем, дорийская огласовка корня *dam-* в Афинах, как уже было отмечено выше, могла иметь скорее аристократический «привкус». Известный афинский стратег Демосфен, сын Алкистена из Афидны (РА 3585), родившийся в 457 г. до н.э., принадлежал к аристократической семье, связанной родством с Фукидидом⁴²⁰. Одна часть его составного имени была одинаковой с именем его отца, другая же, с корнем *dem-*, ясно демонстрировала новые предпочтения в имянаречении. Таким образом, в имянаречении поддерживался баланс между традицией и инновацией.

Впрочем, если появление этих имен можно трактовать по-разному, то мотивация некоторых других – вполне очевидна. И здесь мы обращаемся к творчеству Платона, большого ненавистника демократических порядков. Героем платоновского диалога «Лисид» является юноша из очень древнего и богатого рода, его предки как истые аристократы держали конюшни и прославились победами (в состязаниях колесниц и верхом) на Пифийских, Истмийских и Немейских играх; они гордились тем, что в незапамятные имена принимали у себя Геракла (Plat. Lys. 205e). При этом имя отца Лисида, собеседника Сократа, – Демократ из дема Эксоны (РА 3512), который в 30-е годы V в. был известен как любовник Алкивиада (Plut. Alc. 3)⁴²¹. Этот самый Демократ соответственно родился несколько ранее 450 г. до н.э., и это первый случай употребления данного имени в Афинах.

В литургическом списке начала IV в. (около 380 г.) (IG II². 1929, стк. 9) упоминается Демократ, сын Демократа (РА 3516)⁴²², – возможно, сын предыдущего Демократа. Во всяком случае, можно уже говорить о традиции демократического имянаречения (возможно, что это другой Демократ, но тогда это еще один аргумент в пользу распространения «демократических» имен уже в середине V в. до н.э.).

Еще более показательны имя и происхождение гражданского брата Платона. Знаменитый философ Платон, сын Аристона, принадлежал к древнему роду, членами которого были Солон и Критий (РА 8792, X)⁴²³. После смерти Аристона мать Платона Периктиона вторично вышла замуж за своего дальнего родича

⁴¹⁹ Davies. APF. P. 93.

⁴²⁰ Ibid. P. 112–113.

⁴²¹ Ibid. P. 359–360.

⁴²² Ibid. P. 111.

⁴²³ Ibid. P. 322.

Пирилампа (Plat. Charm. 158a; Plut. De gen. Socr. 518d). Пирилампа был достаточно известной фигурой. Он принимал участие в мирных переговорах с Персией (Plat. Charm. 158a; возможно, он был спутником знаменитого Каллия во время заключения мирного договора 449 г.). Из Персии он привез павлинов, которых успешно разводил и о которых говорили в Афинах (Antiph. F 57 Blass). Плутарх, впрочем, рассматривал его как «друга» (*hetairos*) Перикла в 430-е годы (Plut. Per. 13. 15). Возможно, что карьера Пирилампа не развивалась столь гладко: сохранилось свидетельство анонимной биографии Фукидида, что Пирилампа успешно защищал лидера аристократической группировки Фукидида, сына Мелесия, на судилище Ареопага от обвинений со стороны Перикла (Anon. Vita Thuc. 6 Westermann).

Свидетельство поздней биографии Фукидида, конечно же, достаточно сомнительно; несомненно то, что Пирилампа неоднократно ездил в Азию в составе афинских посольств (Plat. Charm. 158a) и, очевидно, очень опасался потерять свое высокое положение. Опасался настолько, что посылал павлинов в подарок близким Периклу женщинам (Plut. Per. 13. 15) и назвал Демосом своего сына от первого брака, который родился около 440 г. (PA 3573; Plat. Gorg. 481d, 513b; Aristoph. Vesp. 98; Lys. 19. 25). Это проявление политической корректности, если не лояльности, не было напрасным: Пирилампа продолжал свои карьеру и смог передать свое «теплое место» Демосу, который, как известно, продолжал разводить павлинов и получил, очевидно, во время дипломатической миссии, золотую чашу в подарок от персидского царя (Lys. XIX. 25; Aristoph. Acharn. 61–63). Демос был еще молод (*kalos*) в 423 г. (Aristoph. Vesp. 98; его также упоминает и Евполид F 213). И, конечно же, Платон не мог не упомянуть в своих сочинениях своего родственника (Gorg. 481d sqq., 513a–c). Калликл (вполне аристократическое имя!), по словам Сократа, был влюблен как в юношу Демоса, так и в сам афинский демос. Сократ иронически смешивает два вида любви и сравнивает их со своей собственной любовью к Алкивиаду, с одной стороны, и к философии – с другой (Gorg. 481d, 482a–c). В 390 г. в качестве триерарха Демос принял участие в неудачной экспедиции на остров Кипр и, возможно, там погиб (Xen. Hell. IV. 8. 24; Lys. XIX. 25)⁴²⁴.

Итак, Демос, чье имя явно несет следы политической мотивации, был сводным братом Платона. Впрочем, как первоначально был назван сам знаменитый философ, не совсем ясно. Платон (*platon*) – это прозвище, означающее «широкий,

⁴²⁴ Ibid. P. 330.

широкоплечий». В биографической традиции мы находим упоминания о том, что его настоящим именем было Аристокл, а Платон – лишь прозвищем, которое закрепилось в качестве основного имени (Diog. Laert. III. 4)⁴²⁵. И действительно, было бы вполне естественным, если бы Платон был назван в честь деда по отцовской линии, тем более что в таком случае в его имени сохранялся типичный для этого рода корень *arist-*. И то, что мы знаем знаменитого философа под именем Платон, отражает очевидную тенденцию в аристократической среде Афин – по возможности избегать «знаковых» аристократических имен. Годом рождения Платона был 428/7 г. до н.э. – не самое лучшее время даже для интегрированной в политическую жизнь аристократии демократических Афин. Именно на начальный период Пелопоннесской войны падает успешное появление «новых политиков» – демагогов, отодвинувших политиков аристократического происхождения на второй план. Примерно в то же время была написана псевдо-ксенофонтова «Афинская полития», которую пронизывает ощущение безнадежности – ее аристократический автор искренне верил, что власть афинского демоса, которую он столь же искренне не любил, будет вечной.

Случайно ли, что в перечне афинских всадников (*hippees*) явно аристократического происхождения, павших в битве в 394 г. до н.э., из 12 имен нет ни одного явно «аристократического», с корнями *arist-*, *hipp-*, *kall-*, зато есть одно с корнем *dem-* (*Demoklees*) (IG II². 5222 = Tod II. 104)? А ведь эти всадники были, в сущности, сверстниками великого философа.

Случайным ли был интерес Платона к теории имени (пусть в ней не ставится вопрос об именах людей) и случайно ли в диалоге «Кратил» искусство установления имен ставится под контроль философа (390d)? В этом же диалоге Платон развивает мысль о том, что имена являются лишь подражаниями сущности вещей, что знание имени еще не есть знание свойств самой вещи⁴²⁶. Случаен ли набор собственных имен в платоновских диалогах? Ведь в платоновских диалогах, кроме сомнительных и самых ранних, крайне мало имен с корнем *dem-*. Можно упомянуть разве что Парала, сына Демодока, который упоминается в «Апологии» как

⁴²⁵ Szlezak Th.A. Platon // Der Neue Pauly. Enzyklopaedie der Antike. Bd 9. Stuttgart, 2000. Sp. 1095.

⁴²⁶ См. Султанов А.Х. Еще раз о диалоге «Кратил» // Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П. Непокупный. М., 1986. С. 101; Супранская. Общая теория имени собственного. С. 47.

родственник одного из учеников Сократа (33e), да мифического царя Аристодема – но это имя носил царь из династии Гераклидов (Leg. II. 692b), так что оно не имеет никаких «демократических» коннотаций.

Что же касается «аристократических» имен в диалогах Платона, то их великое множество: можно упомянуть хотя бы Аристократа в «Горгии» (Gorg. 472a), Гиппоника в «Теэтете» (Thaet. 165a), Аристиппа в «Менексене» (Men. 70b) и «Федоне» (Phaed. 59c), Аристофонта в «Горгии» (Gorg. 448e), Филиппида в «Протагоре» (Prot. 315a). Примеры можно было бы продолжить. Статистика имен в сочинениях Платона заметно отличается от статистики имен современных ему афинских граждан. Это, в сущности, два мира. Антидемократические взгляды Платона общеизвестны, и, как нам представляется, свое собственное имя могло подсыпать соль на раны платоновского элитаризма и аристократизма.

Практика «демократического» имянаречения детей несколько позже становится популярной и в среде демоса. К примеру, в IV в. было весьма распространено имя Филодем⁴²⁷. А одними из потомков Аристокрита в это время были (последовательно) Демокл и Демократ⁴²⁸. Конечно, играла роль и «местная» мода. Так, уже было отмечено, что в IV в. в деде Пэания имена с основой на *dem-* преобладали⁴²⁹. Среди носителей этих имен следует отметить широко известных политических противников: Демосфена, сына Демосфена (РА 3597) и Демада, сына Демеи (РА 3263). Однако из того же дема происходил и малоизвестный Демайнет, сын Демеи (РА 3276), а среди представителей его семьи (тесно связанной, впрочем, с семьями Демосфена и Демада) встречаются такие имена, как Демей, Демосфен, Демострат⁴³⁰.

Характерно также, что среди получивших афинское гражданство в 357/6 г. был некий Харидем (РА 15380)⁴³¹. Нетрудно связать столь «благодарственное» по отношению к демосу имя либо с самим фактом получения гражданства, либо с политическими пристрастиями его отца.

Итак, некоторые представители афинской аристократии в середине V в. стали давать своим детям «демократически

⁴²⁷ Davies. APF. P. 538-540.

⁴²⁸ Ibid. P. 475.

⁴²⁹ Ibid. P. 99.

⁴³⁰ Ibid. P. 103 ff.

⁴³¹ Ibid. P. 570 ff.

окрашенные», политически мотивированные имена. Благодаря греческой традиции имяназачения он стали попадать в «копилку имен» той или иной семьи и воспроизводиться (их получали внуки и другие родственники). Как это получалось на практике, можно продемонстрировать на примере нескольких литургических семей из Пэании.

У Филокида, афинянина из Пэанийского дема⁴³², который жил в V в. до н.э., были сыновья Демокид (*Demokides*), Филократ (РА 14625) и Филохар (в имени каждого из сыновей содержится один из корней отцовского имени и появляются новые корни, в том числе *dem-*). Сыновьями Демокида были Филодем (снова появляется корень *dem-*!) и Филокид, чья дочь вышла замуж за оратора Эсхина. Приблизительная дата смерти Филодема и Филокида – середина IV в. Сыновьями Филокида были Филодем (снова корень *dem-*) и Филохар. Таким образом, корень *dem-* становится одним из «чередующихся» корней в «копилке имен» этой семьи.

Другой пример – литургическая семья из Пэании, которая была активна в середине IV в.⁴³³ Ее родоначальник нам неизвестен, но в одной ее линии зафиксирован Демосфен и его сын Демайнет, а в другой – Демея (*Demeas*, брат Демосфена), его сын Демайнет и внуки Демея и Демосфен. В имяназачении этой семьи корень *dem-* преобладал.

Таким образом, есть все основания утверждать, что корень *dem-* в IV в. широко распространился среди имен политически активных и достаточно богатых семей из Пэании⁴³⁴. Поэтому имена знаменитых пэанийцев – Демосфена, сына Демосфена (РА 3597)⁴³⁵, и Демада, сына Демеи (РА 3263), были вполне обычны для этого дема. Конечно, столь высокая доля имен с корнем *dem-* (доходящая в IV в. до 30%), может быть объяснена своеобразной местной модой. Но эта мода на имена, несомненно, отражала распространение демократической идеологии, свидетельствовала об эффективности последней.

Итак, есть все основания предположить, что в первой половине или в середине V в. до н.э. афинский отец-аристократ имяназачением своего ребенка часто не только демонстрировал свои демократические пристрастия, но и стремился «компенсировать»

⁴³² Ibid. P. 546.

⁴³³ Ibid. P. 103–106.

⁴³⁴ Это, несомненно, усложняет задачу просопографов (Ibid. P. 99, 114).

⁴³⁵ Его родственниками были Демотел, Демон, Демофонт (Ibid. P. 113 ff.).

свое аристократическое происхождение. Эта практика распространяется и на представителей демоса, и в IV в. в некоторых районах Аттики, например в Пзании, имена с корнем *dem-* были широко распространены. Но насколько «демократические» имена были популярны среди всего афинского демоса в V и IV вв. до н.э.?

Исследование «закрытых ономастических комплексов» (списков имен)

Для получения доказательных выводов по всему гражданскому коллективу Афин нам необходимо исследовать достаточно большие «закрытые ономастические комплексы», которые охватывали бы как весь афинский гражданский коллектив, так и отдельные слои афинского гражданства. Для получения доказательных выводов необходимы сотни имен, и в наибольшей степени для подобного анализа подходят надписи классических Афин (прежде всего общественные)⁴³⁶. Надписи – «непреднамеренный» источник, в многих из них сохранилось большое количество имен, что позволяет делать обоснованные выводы. Рассмотрим основные типы надписей классических Афин с этой точки зрения.

Посвящения с афинского Акрополя

Собранные еще в середине прошлого века Энтони Раубичеком посвященные надписи с афинского Акрополя⁴³⁷ дают массив имен посвященных, относящихся в основном к концу VI – началу V в. до н.э. (хотя некоторые посвященные надписи относятся к середине и третьей четверти V в. до н.э.). Из 350 мужских и женских имен 7 (2%) имеют корень *dem-* в сравнении с 13 (3,71%) с корнем *arist-*. Характерно, что имена с корнем *dem-*, как правило, не самые ранние в данном списке. Сравнительно небольшой процент

⁴³⁶ Частные надписи, в том числе погребальные, в большей степени зависят от богатства усопшего или его семьи. Неизвестно, все ли граждане могли себе позволить богатые надгробия с надписями (см. *Oliver G. Athenian Funerary Monuments: Style, Grandeur, and Cost // The Epigraphy of Death: Studies in the History and Society of Greece and Rome / Ed. G. Oliver. Liverpool, 2000. P. 65–68*).

⁴³⁷ *Raubitschek A.E. (with the collaboration of L.H. Jeffery). Dedications from the Athenian Acropolis. A Catalogue of the Inscriptions of the Fifth and Sixth Centuries B.C. Cambr. Mass., 1949.*

«демократических» имен можно объяснить как датировкой надписей (значительная часть посвятителей получила свои имена еще до реформ Клизфена), так и социальным происхождением посвятителей (хотя среди них встречаются и ремесленники, но большинство, несомненно, относилось к верхушке афинского гражданства). Тем не менее, и в этом массиве встречаются такие имена, как Архедем (№ 165; возможно восстановление Менедем либо Эхедем), Демострат (№ 159), Демостратид (№ 118), Демофил (№ 113 и 286), Хайредем (№ 176 и 191).

Острака

Другим важным (и хронологически очерченным) источником имен афинских граждан являются острака, датировка которых ограничивается V в. до н.э., за вычетом первого и последнего десятилетия. Впрочем, многие из обозначенных на острака лиц получили свои имена еще до клизфеновских реформ. Наиболее полный на настоящий момент список лиц, подвергнутых остракизму, кандидатов на изгнание и их отцов содержится в работе Ш. Бренне и содержит всего 272 имени⁴³⁸. Имен с корнем *dem-* всего два: Аристодемид, сын Каллиада, кандидат на остракизм 471 г. (№ 34) и Никодем, отец Клейбула (№ 203). Что касается указанных в списке Дамона и его отца Дамонида (№ 52 и 53), то традиция об изгнании этого известного афинского интеллектуала V в. до н.э. и советника Перикла, очевидно, ошибочна⁴³⁹. Если имя Аристодемид является вполне традиционным, то имя Никодем зарегистрировано в Афинах с V в., причем самый ранний известный до этого носитель этого имени – архонт 433/2 г. (РА 10853a/10973)⁴⁴⁰. Ш. Бренне считает, что Никодем должен был получить свое имя в VI в.⁴⁴¹, однако датировки автора публикации часто не выдерживают критики⁴⁴². Интересно, что сына Никодема звали Клейбул, а это свидетельствует о некоей «семейной» демократической традиции в имянаречении.

Таким образом, из всего массива лиц, затронутых остракизмом, только двое из них (0,74%) носили имя с корнем *dem-*.

⁴³⁸ Brenne. Op. cit.

⁴³⁹ См. Raaflaub K. The Alleged Ostracism of Damon (в печати).

⁴⁴⁰ Brenne. Op. cit. S. 253.

⁴⁴¹ Ibid. S. 196.

⁴⁴² См. Суриков И.Е. Рец.: Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen. Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001 (Tyche. Supplementband 3) // ВДИ. 2003. № 3.

Для сопоставления можно отметить, что в этом же списке имен с корнем *arist-* – 9 (3,31%), с корнем *kall-* – 12, с корнем *hipp-* – 10 (всего 31 аристократическое имя – 11,40% от всего массива имен). Очевидно, среди афинской аристократической элиты (во всяком случае, среди той ее части, которая была менее заинтересована и удачлива в приспособлении к новым политическим институтам и чаще подвергалась остракизму) имена на *dem-* не пользовались популярностью.

Общественные надгробные надписи

Что касается данных по всему гражданскому коллективу Афин, то встает проблема выборки. Надписи часто фрагментарны и нерепрезентативны: возможно, что дорогие надгробия с надписями могли себе позволить только богатые граждане. Однако для V в. до н.э. мы имеем бесценный источник – афинские общественные надгробные надписи.

Со времени Греко-персидских войн (с конца 470-х годов) в Афинах складывается так называемый *patrios nomos* – «отеческий закон», процедура публичного погребения павших воинов⁴⁴³. Она включала в себя как восхваление *andres genomenoi agathoi* (наиболее известный пример – знаменитая надгробная речь Перикла у Фукидида – II. 35 sqq.), так и сооружение надгробных памятников с обязательным перечислением имен павших граждан по филам. Подобные памятники располагались на афинском Керамике; Фукидид (II. 34. 5) называет их *demosion sema*, а Павсаний (I. 29. 4) – *pasí mnema Athenaios*. Имена воинов перечислялись по филам: например, на сравнительно неплохо сохранившейся надписи 409 г. с 224 именами павших афинских воинов (IG I³. 1191 = Bradeen 23) перечисление фил дается в следующем порядке: Эрехтеида, Эгеида, Пандионида, Леонтида (стела I), Акамантида, Энеида, Кекропида, Гиппотонтида (стела II), Эантида, Антиохида, иностранцы, дополнительный список павших из всех фил (стела III)⁴⁴⁴. Иногда надпись может содержать список потерь одной лишь только филы (Эрехтеиды – IG I³. 1147). Поскольку эти надгробия использовались впоследствии для сооружения других строений, они сохранились

⁴⁴³ Clairmont C.W. *Patrios Nomos. Public Burial in Athens during Fifth and Fourth Centuries B.C. The Archaeological, Epigraphic-Literary and Historical Evidence. Pt I–II.* Oxf., 1983 (British Archaeological Reports. International Series. Suppl. V. 161). Pt I. P. 13. Автор приписывает Кимону инициативу в установлении процедуры публичных захоронений.

⁴⁴⁴ Bradeen D.W. *Athenian Casualty Lists* // *Hesperia*. 1964. 33. № 1. P. 47.

фрагментарно. Однако в них перечислялись имена всех павших воинов, т. е. мы можем рассматривать эти списки как достоверную выборку членов афинского гражданского коллектива.

Наиболее полное издание списков погибших афинских граждан V в. до н.э. содержит третье издание первого тома «Греческих надписей» под редакцией Д. Льюиса (IG I³)⁴⁴⁵, причем издание именно общественных надгробных надписей осуществил Доналд Брэдин на основе изданных им же надгробных надписей с афинской агоры⁴⁴⁶. Более поздние надписи включены в соответствующие тома «Inscriptiones Graecae», выпуски «Supplementum Epigraphicum Graecum», а также публикации в журнале «Hesperia». Сделаем попытку рассмотреть с точки зрения «политической ономастики» в хронологическом порядке все надписи, которые содержат интересующую нас информацию.

Самый ранний из дошедших до нас фрагментов подобных надписей относится к 464 г. и отмечает потери афинян и их союзников (византийцев) на Геллеспонте и островах: на Фасосе, у Сигея и т.п. (IG I³. 1144). Всего можно восстановить 69 имен, из них 5 имен – жителей Византия (сткк. 118–126). Остальные 64 имени (или по крайней мере их подавляющее большинство) принадлежит афинянам. Из них 2 имени с корнем *dem-* (*Chairedemos* – стк. 23 и *[Ari]stodemos* – стк. 73), 3 – с корнем *arist-*. Следующая по времени надпись сохранилась лишь в виде апографа 1675 г. (теперь в Британской библиотеке – IG I³. 1146). В ней из 57 полностью либо частично восстанавливаемых имен сохранилось 3 имени с корнем *dem-* (Демострат – стк. 22, Демокл – стк. 34 и Демотим – стк. 41) и 2 – с корнем *arist-*.

Наконец, одна из самых больших сохранившихся надписей содержит список потерь одной лишь только филы Эрехтеиды в афинских операциях на Востоке (на Кипре, в Египте, Финикии) и в Греции (на Эгине и в Мегариде) и относится примерно к 460 г. (IG I³. 1147). Мы не будем рассматривать вопрос о точной датировке этой надписи, о том, возможно ли, что эти потери не ограничивались только одним годом и т.п., а также, почему здесь заметно отступление от общей традиции и потери одной филы выделяются в отдельную надпись. Для нас существенно важно то, что это, вне

⁴⁴⁵ *Inscriptiones Atticae Euclidis anno anteriores* / Ed. D. Lewis. Fasc. 1–3. В., 1981–1998. Надгробные надписи содержатся во втором выпуске, изданном под общей редакцией Дэвида Льюиса и Лилиан Джеффри в 1994 г.

⁴⁴⁶ *Bradeen D.W. Inscriptions. The Funerary Monuments*. Princeton, 1974 (The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies. V. XVII) (далее – Bradeen).

поддающихся прочтению либо реконструкции (IG I³. 1157). Из них 1 имя с корнем *dem*- и 1 имя с корнем *arist*-.

Исключительный интерес представляет список афинских воинов, павших на Херсонесе Фракийском, в Византии и в других кампаниях, относящийся, возможно, к 447 г. (IG I³. 1162 = Meiggs–Lewis 48). Надпись сохранилась полностью, и павшие воины в ней перечисляются по филам, что является неоспоримым свидетельством их гражданского статуса. Всего перечислено 60 афинских воинов (включая стратега); в этом списке 3 имени с корнем *dem*- (*Demoteles* – стк. 67, *Nikodemos* – стк. 71 и *Eudemos* – стк. 82) и 3 имени с корнем *arist*-.

После этого наступает четвертьвековой перерыв, легко объясняемый как сравнительно спокойным периодом афинской истории после окончания первой Пелопоннесской войны, так и лагунами в аттической эпиграфике; следующий по времени обнаруженный значительный фрагмент общественной погребальной надписи датируется 423 г. (IG I³. 1184). В этой надписи читаются имена 53 афинских воинов, погибших в Амфиполе, Потидее, Пилосе и других местах, а кроме этого имена 9 лучников (*tochsotai* – стк. 79 слл.) и 6 иноземцев (*chsenoi* – стк. 89 слл.). Среди имен афинских граждан 3 имени с корнем *dem*- (Харидем – стк. 37, Демострат – стк. 62 и Тимодем – стк. 65) и 1 имя с корнем *arist*-. В данной надписи ratio имен на *dem*- такое же, как и раньше – несколько более 5%. Такую же приблизительно пропорцию дает и другой фрагмент надписи примерно того же времени (IG I³. 1185 = Bradeen 19): из 19 читаемых или восстанавливаемых имен афинян 1 имя с корнем *dem*- (*Chairedemos* – стк. 10) и 1 имя (предположительно восстанавливаемое) с корнем *arist*- (стк. 48).

Наконец, сохранился обширный фрагмент надписи, относящейся приблизительно к 411 г. и перечисляющей имена афинян, павших на Эвбее, Хиосе, в Малой Азии и на Сицилии (IG I³. 1186). В списке – 148 имен павших афинских воинов из фил Акамантиды, Гиппотонтиды, Эантиды и Антиокиды. Из них с корнем *dem*- – 9 имен, с корнем *dam*- – 2⁴⁴⁸, с корнем *arist*- – 3. И здесь имена на *dem*- составляют значительную долю собственных имен (свыше 6%) и втрое превосходят по численности имена на *arist*-. Распределение по филам имен на *dem*- также неравномерно: в Акамантиде из 25 имен не встречается ни одного, в Гиппотонтиде из 32-х – только одно (*Demophanes* – стк. 64), в Эантиде из 58 имен – 4 (*Demochares* – стк. 86, *Demoteles* – стк. 109, *Demotes* – стк. 118,

⁴⁴⁸ Имена с корнем *dam*-, носившие «дорический» оттенок, в Афинах скорее выражали аристократический этос, нежели демократические симпатии.

Chairedemos – стк. 128), в Антиохиде из 33 имен – 4 (*Philodemos* – стк. 142, *Demagetos* – стк. 165, *Demosthenes* – стк. 171, *Demodokos* – стк. 172).

На небольшом фрагменте, относящемся к концу Пелопоннесской войны (IG I³. 1187 = Bradeen 21), можно прочитывать и восстановить 16 имен павших афинских воинов и среди них 2 имени с корнем *dem-* (12,5%) и ни одного с корнем *arist-*. Интересны и сами имена: *Timodemos* (стк. 31), конечно, достаточно распространенное имя, но вот *hubridemos* (стк. 27) – уникально и свидетельствует об определенной идеологической парадигме. Сочетание понятия «гордыня» (*hubris*) с корнем *dem-* весьма значимо. Другой небольшой фрагмент, найденный на агоре и относящийся к концу V в. до н.э. (IG I³. 1189 = Bradeen 20), содержит список из 8 имен с одним именем с корнем *dem-* (*Demokleides* – стк. 16) и при отсутствии имен с корнем *arist-*.

Более крупный фрагмент, состоящий из трех столбцов и датируемый временем около 411 г., содержит 155 сохранившихся имен либо тех, основы которых можно восстановить (IG I³. 1190). 4 из них совершенно определенно принадлежат иноземцам (стк. 65 слл.) либо лучникам-варварам (стк. 79 слл.). Остальные имена (151) принадлежат афинским гражданам и, возможно, отчасти метекам (сохранность надписи не позволяет сделать окончательные выводы). Фрагмент содержит 5 имен с корнем *dem-*, 2 имени с корнем *dam-*, 9 – с корнем *arist-*. В этой надписи имен с корнем *dem-* меньше, чем в других (3,3%), хотя вместе с именами на *dam-* они почти дотягивают до обычной пятипроцентной доли от всех имен. Имена с корнем *arist-* здесь очевидно преобладают. Конечно, это может быть и обычной статистической флуктуацией, но, возможно, что в данной надписи в большей степени отражены потери всадников-аристократов, либо процент имен метеков был большим, чем мы предполагаем (об именах афинских метеков см. ниже).

Надпись 409 г. сохранилась сравнительно неплохо: в ней можно прочесть либо реконструировать 224 имени павших афинских воинов, перечисленных по филам, хотя во многих случаях можно восстановить только часть имени (IG I³. 1191 = Bradeen 23). Из них 11 имен с корнем *dem-* и 5 с корнем *arist-*. Еще одна большая надпись из 5 фрагментов относится к концу века; в ней перечисляются погибшие воины без названий фил (или они не сохранились), причем выделяются лучники-варвары – сткк. 152 слл. (IG I³. 1192 = Bradeen 22). Исключая последних, всего читается 116 имен, однако нет уверенности в том, что все они были афинскими гражданами. С корнем *dem-* 5 имен (*Timodemos* – стк. 33, *Chairedemos* – стк. 38, *Nikodemos* – стк. 39, *Demokles* – стк. 46,

Demokedes – стк. 121), с корнем *arist-* – 9. В обеих надписях доля имен на *dem-* почти достигает 5%. В последней имена на *dem-* концентрируются вокруг упоминания триерархов (IG I³. 1192, стк. 34): во всяком случае, Харидем, Никодем и Демокл относятся именно к этой категории⁴⁴⁹.

И, наконец, ко второй половине V в. предположительно относится надпись, которая сохранилась лишь в виде апографа 1675 г. (теперь в Британской библиотеке – IG I³. 1193). В ней из 100 полностью либо частично восстанавливаемых имен сохранилось 2 имени с корнем *dem-* (Диеострат – явно Демострат – стк. 128, Никодем – стк. 157) и 2 – с корнем *arist-*. Здесь, конечно, небольшая доля имен на *dem-*, но и сохранность, и датировка надписи вызывают разногласия⁴⁵⁰.

Количественные итоги можно представить в следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1. Доля имен с корнями *dem-* и *arist-* в афинских общественных надгробных надписях V в. до н.э.

Номер надписи по IG I ³	Имена афинских граждан	Имена с корнем <i>dem-</i>	Доля имен с корнем <i>dem-</i> , %	Имена с корнем <i>arist-</i>	Доля имен с корнем <i>arist-</i> , %
1144	64	2	3,13	3	4,69
1146	57	3	5,26	2	3,51
1147	177	8	4,52	3	1,69
1147 bis	42	2	4,76	0	0
1150	61	1	1,64	2	3,28
1151	14	2	14,29	0	0
1152	10	0	0	0	0
1153	30	1	3,33	2	6,67
1157	19	1	5,26	1	5,26
1162	60	3	5	3	5
1184	53	3	5,66	1	1,89
1186	148	9	6,08	3	2,03
1187	16	2	12,5	0	0
1189	8	1	12,5	0	0
1190	151	5	3,31	9	5,96
1191	224	11	4,91	5	2,23

⁴⁴⁹ Триерархи погибли в Эфесе в числе других трех сотен афинян (*Bradeen. Athenian Casualty Lists. P. 53–54*). Характерно, что именно среди триерархов, которые являлись новой «демократической» элитой, так много имен с корнем *dem-*.

⁴⁵⁰ См. *Thompson W.E. The Casualty List IG I³. 1193 // ZPE. 1980. Bd 40. S. 209–210.*

1192	116	5	4,31	9	7,76
1193	100	2	2	2	2
Итого	1350	61	4,52	45	3,33

Нужно сразу отметить, что имена с корнем *arist-* даются для сопоставления, они не охватывают всего массива имен с «аристократическим» оттенком. Как правило, добавление к ним имен с корнями *hipp-* и *kall-* удваивает или почти удваивает долю подобных имен.

К сожалению, для IV в. до н.э. мы не располагаем комплексом источников, аналогичным общественным надгробным надписям V в. до н.э. Общественные надгробные надписи продолжали высекаться, во всяком случае, до 322 г., но, очевидно, в значительно меньшем количестве. Можно предложить разные объяснения этому; прежде всего, приходит на ум увеличение числа наемников – граждане участвовали в наиболее важных военных кампаниях, когда враг угрожал жизненным интересам или самому существованию Афин. Могла измениться и погребальная практика: сами афиняне предпочитали частные захоронения своих родственников, погибших в бою. Все же обратимся к сохранившимся надписям.

В надписи самого конца V в. (IG II². 5220) упоминается лишь одно имя: Силен, сын Фоки. В крайне плохо сохранившейся надгробной надписи афинян, павших под Коринфом и в Беотии (IG II². 5221, 394/3 г.), можно с трудом восстановить лишь 4 имени, причем одно из них содержит корень *hipp-*. В более обширной надписи того же года перечисляются имена 12 всадников (*hippees*, вместе с филархом), павших под Коринфом и при Коронее (IG II². 5222 = Tod II. 104). В этой надписи отсутствуют имена с корнями *arist-*, *hipp-* и *kall-* и содержится только одно «значимое» имя, причем с корнем *dem-*: *Demoklees* (8,33% от общего числа имен). Это тем более важно, поскольку павшие воины принадлежали, очевидно, к аристократическим афинским семьям. В надписи 375 г. (IG II². 5224) сохранилось два имени павших афинян, причем ни одно из них не содержит ни «аристократических», ни «демократических» корней. В надписи рубежа IV и III вв. (IG II². 5227) содержится одно имя, но оно принадлежит чужеземцу. Остальные фрагменты афинских общественных надгробных надписей IV в. до н.э. (IG II². 5223, 5225, 5226) вообще не содержат собственных имен.

Таблица 2. Доля имен с корнями *dem-* и *arist-* в афинских общественных надгробных надписях IV в. до н.э.

Номер надписи по IG II ²	Имена афинских граждан	Имена с корнем <i>dem-</i>	Доля имен с корнем <i>dem-</i> , %	Имена с корнем <i>arist-</i>	Доля имен с корнем <i>arist-</i> , %
-------------------------------------	------------------------	----------------------------	------------------------------------	------------------------------	--------------------------------------

5220	1	0	0	0	0
5221	4	0	0	0	0
5222	12	1	8,33	0	0
5224	2	0	0	0	0
Итого	19	1	5,26	0	0

Таким образом, все эти общественные надгробные надписи IV в. до н.э. дают всего 19 имен афинских граждан (табл. 2). Этот небольшой ономастический массив не позволяет, конечно, делать бесспорные выводы, но все же следует отметить, что одно имя с корнем *dem-* в нем присутствует. Таким образом, доля имен с корнем *dem-* (5,26%) даже несколько превышает соответствующую долю в общественных надгробных надписях V в. до н.э. Отсутствие имен с корнем *arist-* в столь небольшом массиве мало о чем говорит, но все же их уменьшение показательно.

В целом из 1369 имен, которые содержат афинские общественные надгробные надписи V–IV вв., 62 (4,53%) содержат корень *dem-*, а 45 (3,29%) – корень *arist-*. Этот показатель можно считать средним для имен всех афинских граждан. Посмотрим, насколько он отличается по отдельным группам граждан. Надписи IV в. до н.э. в этом смысле даже более показательны, поскольку более разнообразны. В целом общественных надписей высекалось в Афинах в IV в. до н.э., пожалуй, даже больше, чем в предыдущем столетии.

Списки булевтов и пританов

Прежде всего, следует обратить внимание на надписи, которые адекватно представляют весь гражданский коллектив, перечисляя граждан из всех фил. Наиболее подходящим является перечень членов Совета пятисот. Члены Совета пятисот сменялись ежегодно, в него могли избираться граждане старше 30 лет. Члены Совета должны были проходить докимасию. Эти все сведения общепризнаны и не вызывают возражений в научной литературе⁴⁵¹. Проблема заключается в другом: насколько репрезентативны списки булевтов для характеристики всего гражданского коллектива? Можно ли Совет рассматривать *mikra polis*, как его называл один из схолиастов (Schol. Aeschin. Contra Ctesiph. 4), или в его составе

⁴⁵¹ См., например, Rhodes P.J. The Athenian Boule. Oxf., 1972. P. 1 ff.

заметно преобладали богатые граждане, как полагают некоторые исследователи⁴⁵²?

У нас нет точных сведений о том, как именно выбирались булевты (ср. Arist. Ath. pol. 43. 2 sqq.). Очевидно, что по жребию, но скорее всего выдвижение не было «автоматическим», и свидетельства античных авторов косвенно говорят в пользу самовыдвижения⁴⁵³. Кроме того, членство в Совете даже в IV в. до н.э. было формально открыто лишь для представителей трех высших «классов» (Arist. Ath. pol. 7. 4). Оплата за исполнение обязанностей булевта была невысока (5 оболов во второй половине IV в. до н.э.), уступала оплате за участие в народном собрании и была явно ниже дневного прожиточного минимума⁴⁵⁴.

Кроме того, члены Совета должны были участвовать в заседаниях Совета во все дни, кроме nepřисутственных, а пританы вообще и обедали в толосе (Arist. Ath. pol. 43. 3). Все эти факторы способствовали преобладанию городских жителей среди булевтов и пританов – сельским жителям было труднее отрываться от повседневных домашних дел⁴⁵⁵. Вообще, начиная с IV в. политический абсентеизм возрастает и среди афинских граждан (Dem. XXII. 36–38; Plat. Leg. VI. 758b). П. Родс отмечает, что увеличение числа членов Совета до 600, а затем до 650 не привело к перестройке Нового Булевтерия⁴⁵⁶. Обязанности булевта можно было исполнять не более чем дважды (Arist. Ath. pol. 62. 3). Очевидно, в некоторых демах (а булевты избирались по демам пропорционально их населенности) не было достаточно желающих исполнять эту обязанность.

Все эти факторы как будто бы подтверждают мнение сторонников «элитарности» Совета. Очевидно, что среди членов Совета, во всяком случае, в IV в. до н.э., преобладали политически активные городские жители, причем не самые бедные. Посмотрим, как это сказалось (и повлияло ли вообще) на доле «демократических» имен во всей выборке.

⁴⁵² См., например: Larsen J.A.O. Representative Government in Greek and Roman History. Berkeley, 1966. P. 11; рассмотрение различных точек зрения в кн.: Rhodes. The Athenian Boule. P. 4 ff.

⁴⁵³ Ibid. P. 2.

⁴⁵⁴ Ibid. P. 5.

⁴⁵⁵ См. Jones N.F. The Associations of Classical Athens: The Response to Democracy. N.Y. – Oxf., 1999. P. 98–99.

⁴⁵⁶ Rhodes. The Athenian Boule. P. 39 ff.; ср. Jones. Op. cit. P. 99.

Два из наиболее ранних фрагментов списков булевтов датируются первой половиной IV в. до н.э. В одном из них содержится 31 имя (IG II². 1697). Имен с корнем *dem-* в нем нет, есть несколько «аристократических» имен (с корнем *arist-* – 3, с корнем *hipp-* – 1). Другой содержит 39 имен и 16 патронимов (IG II². 1698). В нем также много «аристократических» имен (с корнем *arist-* – 4 имени и 2 патронима, с корнем *hipp-* – 2 имени) и лишь 1 имя с корнем *dem-* (Каллидем – стк. 53). Почти все значимые имена принадлежали гражданам из филы Гиппотонтиды. Более поздний фрагмент списка булевтов содержит имена с демонимами, но без патронимов; всего читается 24 имени (IG II². 1699, 343/2 г.). Здесь «аристократических» имен мало (только с корнем *hipp-* – 1 имя, причем оно принадлежит к той же филе Гиппотонтиде), зато сохранилось 2 имени (8,33%) с корнем *dem-*: *Euthudemos Paio[nides]* (стк. 21) и – *demos Cholargeus* (стк. 36).

Достаточно большой перечень булевтов относится к 335/4 г. до н.э. (IG II². 1700). В нем булевты перечислены по филам в традиционном порядке: Эрехтеида (стб. 1), Эгеида (стб. 2), Пандионида (стб. 3), Леонтида (стб. 4), Акамантида (стб. 5), Энеида (стб. 6), Кекропида (стб. 7), Гиппотонтида (стб. 8), Эантида (стб. 9), Антиохида (стб. 10). Сохранилось 81 имя и 78 патронимов (всего 159 собственных имен), а, кроме того, 8 имен и 8 патронимов должностных лиц (сткк. 213–220). Обратимся к именам и патронимам собственно булевтов, которые, учитывая принципы формирования Совета пятисот, можно рассматривать как репрезентативную выборку афинского гражданского коллектива. В перечне 10 собственных имен (5 имен и 5 патронимов) с корнем *dem-* (6,29%) и 8 собственных имен (2 имени и 6 патронимов) с корнем *arist-* (5,03%). Имена и патронимы с корнем *dem-*: *Demulos Demokleos* (сткк. 21–22), *Chairedemos Chairestratou* (сткк. 38–39), *Aristophon Aristodemo* (сткк. 67–68), *Androstenes Demokratous* (сткк. 117–118), *Demokrates Aristokratous* (сткк. 142–143), *Euainetos Demainetou* (сткк. 159–160), *Euthustratos Euthudemou* (сткк. 170–171), *Aristodemos Aristophontos* (сткк. 191–192), *Lusidemos Lusitheou* (сткк. 206–207). Во всех случаях, кроме одного (Андростен, сын Демократа – сткк. 117–118), мы имеем дело с чередованием корней составного имени, когда имя сына обязательно содержит один из корней имени отца и один «новый». Как уже было отмечено выше, подобная практика, несомненно, способствовала большему внедрению «демократических» имен. Обращает на себя внимание значительное снижение популярности имен с корнем *arist-* в поколении «сыновей» (годы рождения – приблизительно начало IV в. либо несколько ранее или несколько

позже) по сравнению с поколением «отцов», дату рождения которых можно отнести к концу или даже середине V в. Это соответствует общей тенденции падения популярности «аристократических» имен (табл. 3).

Таблица 3. Доля имен и патронимов с корнями *dem-* и *arist-* среди афинских булевтов, согласно надписям IV в. до н.э. из IG II².

Номер надписи по IG II ²	Имена афинских граждан	Имена с корнем <i>dem-</i>	Доля имен с корнем <i>dem-</i> , %	Имена с корнем <i>arist-</i>	Доля имен с корнем <i>arist-</i> , %
1697, имена	31	0	0	3	9,68
1698, имена	39	1	2,56	4	10,27
1698, патронимы	16	0	0	2	12,5
1698, имена и патронимы	55	1	1,82	6	10,91
1699, имена	24	2	8,33	0	0
1700, имена	81	5	6,17	2	2,47
1700, патронимы	78	5	6,41	6	7,69
1700, имена и патронимы	159	10	6,29	8	5,03
Итого, имена	175	8	4,57	9	5,14
Итого, патронимы	94	5	5,32	8	8,51
Итого, имена и патронимы	269	13	4,83	17	6,32

Наиболее полный список булевтов относится к 336/5 г. и содержит 235 читаемых имен без патронимов, но распределенных по филам и демам (SEG XIX. 149). Всего в данном перечне содержится 14 имен с корнем *dem-* и 9 имен с корнем *arist-*; интерес представляет распределение этих имен по филам (табл. 4).

Таблица 4. Доля имен с корнями *dem-* и *arist-* в надписи SEG XIX. 149.

Название афинской филы	Имена афинских граждан	Имена с корнем <i>dem-</i>	Доля имен с корнем <i>dem-</i> , %	Имена с корнем <i>arist-</i>	Доля имен с корнем <i>arist-</i> , %
------------------------	------------------------	----------------------------	------------------------------------	------------------------------	--------------------------------------

Эрехтеида	49	3	6,12	2	4,08
Эгеида	39	1	2,56	1	2,56
Пандионида	49	5	10,20	3	6,12
Леонтида	48	3	6,25	2	4,17
Акамантида	50	2	4	1	2
Итого	235	14	5,96	9	3,83

В списках булевтов в целом не наблюдается большей «политизации» поколения «сыновей» по сравнению с поколением «отцов». В списках булевтов очень много зависит от филы, к которой принадлежали те или иные граждане (к примеру, такая фила, как Пандионида, содержит много «демократических» имен).

К спискам булевтов естественным образом примыкают перечни пританов IV в. до н.э., хотя и они отражают ситуацию лишь в части гражданского коллектива (перечни пританов даются по филам; впрочем, до нас дошли подобные перечни из разных фил). Мы сознательно не учитываем имена архонтов-эпонимов и секретарей Совета, которые фигурируют в списках пританов, поскольку они могут внести некоторые искажения в выборку. Посмотрим, какая тенденция прослеживается среди имен пританов IV в. до н.э.⁴⁵⁷ (табл. 5, 6).

Наиболее древние – два перечня пританов филы Пандиониды. Один из них датируется первой четвертью IV в. до н.э. и содержит 26 имен и 29 патронимов пританов (SEG XXIII. 87), причем 4 имени (15,38%) и 2 патронима (6,90%) имеют корень *dem-*. «Аристократические» имена в этом перечне почти не встречаются (есть только 1 имя с корнем *kall-*). Имена и патронимы с корнем *dem-*: Демократ, сын Демодока (стк. 18), Демоник, сын Асмета (стк. 43), Демострат, сын Лисания (стк. 50), Эндем, сын Эндема (стк. 57).

Другая надпись (IG II². 1740, до 388/7 г.) содержит список пританов по демам, но без патронимов. Из 18 восстанавливаемых полностью и частично имен 2 содержат корень *dem-* (11,11%), 1 – корень *arist-* и 2 – корень *hipp-*. Имена с корнем *dem-*:   *okrates* (наиболее возможное восстановление – Демократ, стк. 3) и Демокед (стк. 33). К несколько более позднему времени относится небольшой фрагмент списка пританов филы Акамантиды (IG II². 1741, 378/7 г.). В нем как и в большинстве последующих списков, имена пританов перечисляются уже вместе с патронимами. Можно прочитать 4 имени и 3 патронима. Имен и патронимов с корнем *dem-* в нем нет, с корнем *arist-* – 1 имя и 1 патроним.

⁴⁵⁷ Возможно, в конце IV в. прекращается традиция высекать списки пританов; следующие по времени списки относятся уже к I в. до н.э. – см. IG II². 1753, 1754.

Значительно большее число имен (48 имен и 42 патронима, т.е. почти полный перечень) содержит список пританов филы Леонтиды, относящийся к первой половине IV в. до н.э. (IG II². 1742). 2 имени содержат корень *dem-* (4,17%), 2 имени и 2 патронима – корень *arist-* и 2 имени – корень *hipp-*. Имена с корнем *dem-*: Фанодем (стк. 57) и Эндем (стк. 91).

Относящийся также к первой половине IV в. до н.э. небольшой фрагмент списка пританов филы Кекропиды содержит всего 4 имени и 4 патронима (IG II². 1743). Имен и патронимов с корнем *arist-* в нем нет, имен с корнем *dem-* он также не содержит, зато сохранился 1 патроним (восстанавливаемый предположительно) как сын Демохара (стк. 9). Датированный тем же временем фрагмент списка пританов филы Леонтиды содержит 6 имен и 7 патронимов, причем некоторые из них восстанавливаются лишь предположительно (IG II². 1744). Имен и патронимов с корнем *arist-* в нем нет, 1 имя с корнем *dem-* восстанавливается предположительно: [...]*krates* (стк. 1).

К первой половине IV в. до н.э. относится также список пританов филы Пандиониды, который содержит 10 имен и 11 патронимов (IG II². 2370)⁴⁵⁸. В нем необычайно высокий процент «значимых» имен: 2 имени и 3 патронима (23,81%) с корнем *dem-*, а также 2 патронима (9,52%) с корнем *arist-*. Имена с корнем *dem-*: Демофил (стк. 4), Демократ (стк. 5), патронимы с корнем *dem-*: сын Демострата (сткк. 7 и 8), сын Демократа (стк. 16).

В полностью сохранившемся перечне пританов филы Энеиды, насчитывающем 50 имен с демонимами, но без патронимов (IG II². 1745, 360/359 г.), содержатся 3 имени (6%) с корнем *dem-* и лишь 1 (2%) с корнем *arist-*. Имена с корнем *dem-*: Демоник (стк. 14), Демократ (стк. 54), Демосфен (стк. 55).

От середины IV в. до н.э. дошли три неполных списка пританов. В сохранившемся фрагменте перечня пританов филы Энеиды (IG II². 1746, около 350 г.) содержится 13 имен и 5 патронимов, причем имен и патронимов с корнем *dem-* нет вовсе, зато есть 1 имя с корнем *arist-*. Во фрагменте списка пританов филы Эгеиды (IG II². 1747, около 350 г.) перечисляются 32 имени и 30 патронимов пританов. Сохранились 1 имя (3,13%) с корнем *dem-* (Демохар – стк. 38) и 1 с корнем *arist-*. Фрагмент списка пританов филы Пандиониды (IG II². 1748, 348/7 г.) содержит 2 имени и 4 патронима. Корень *arist-* в данном перечне не зафиксирован, но сохранились 1 имя и 2 патронима с корнем *dem-* (стк. 19–20). Столь

⁴⁵⁸ Об атрибуции этой надписи см. *Rhodes. The Athenian Boule*. P. 9.

высокую долю имен с корнем *dem-* (50%) можно объяснить тем, что сохранившиеся имена и патронимы принадлежат жителям Пэании.

Сохранился почти полный перечень пританов филы Эгеиды, относящийся к 341/0 г. (IG II². 1749, 341/0 г.). До нас дошло 48 имен и 44 патронима. С корнем *dem-* 3 имени (6,25%) и 4 (9,09%) патронима. Имена и паронимы с корнем *dem-*: *Demostratos Demostratou* (стк. 22), *Demosthenes Demophontos* (стк. 55), *Demophilos Demokleious* (стк. 56), *Akeratos Archedemou* (стк. 60). В подавляющем большинстве «демократических» имен *dem-* – главная основа, которая остается неизменной. С корнем *arist-* – 1 имя, причем патронимов с этим корнем нет. Однако характерно, что этот перечень содержит достаточно много имен и патронимов с другими типично «аристократическими» корнями: *kall-* – 3 имени и 2 патронима, *hipp-* – 2 имени.

Полностью сохранился список пританов филы Антиокиды, который содержит 50 имен и 47 патронимов (IG II². 1750, 334/3 г.); с корнем *dem-* 2 имени (4%) и 1 патроним (2,13%). Имена и патронимы с корнем *dem-*: *Aristodemos Epikratou* (стк. 33), *Archedemos Pheidiadou* (стк. 36), *Kephisios Kephisodemou* (стк. 48). С корнем *arist-* – 2 имени, причем патронимов с этим корнем нет. Данный перечень содержит 3 имени и 1 патроним с корнем *hipp-*.

Также почти полностью сохранился датированный второй половиной IV в. до н.э. перечень пританов филы Пандиониды, в котором можно прочесть 43 имени и 42 патронима (IG II². 1751). В нем содержится 4 имени (9,30%) и 5 патронимов (11,90%) с корнем *dem-*. Корень *arist-* встречается заметно реже (в 1 имени и 3 патронимах). Перечень содержит следующие имена и патронимы с корнем *dem-*: ...*Demeiou* (стк. 6), *Demophilos Demonikou* (стк. 22), *Eudemos* (стк. 38), *Isodemos Isodemou* (стк. 51), *Stepanos Demulou* (стк. 57), *Endemos Eudemidou* (стк. 59). Характерно для Пандиониды, что основы с корнем *dem-* очень часто повторяются в именах отца и сына⁴⁵⁹.

Фрагмент списка пританов филы Леонтиды второй половины IV в. до н.э. содержит 13 имен и 16 патронимов (IG II². 1752). В нем мало «значимых» имен: 1 имя с корнем *arist-* и по 1 патрониму (6,25%) с корнями *kall-* и *dem-* (Левкон, сын Демеи – стк. 18). Наконец, к концу IV в. относится фрагмент списка пританов филы Пандиониды, в котором можно прочесть 28 имен и 29 патронимов (SEG XXIII. 89; менее полное издание – IG II². 1753). В нем

⁴⁵⁹ Впрочем, достаточно часто встречается и корень *arist-*: Антифан, сын Аристофана (стк. 17), Аристокл, сын Гиерокла (стк. 52), однако в указанных примерах корень *arist-* – не повторяющийся.

содержится 1 имя (3,57%) и 1 патроним (3,45%) с корнем *dem-*, а также 1 имя и 5 патронимов с корнем *arist-*. Достаточно большое число имен и патронимов с корнем *arist-* 460 может быть объяснено изменением состава пританов в конце IV в., когда демократические институты подверглись значительным изменениям. Имена и патронимы с корнем *dem-* в данном перечне: Хионий, сын Демострата (стк. 12), – – *odemos* (стк. 18).

От последних десятилетий IV в. до н.э. дошел список пританов филы Пандиониды, в котором можно прочесть 28 имен и 29 патронимов (SEG XXIII. 89), среди которых 2 имени и 1 патроним с корнем *dem-* (в целом 5,26%), а также 1 имя и 4 патронима с корнем *arist-*.

К самому концу IV в. до н.э. относится также список пританов филы Акамантиды, в котором читаются 19 имен и 14 патронимов⁴⁶¹. Интересующих нас имен здесь немного: 1 имя с корнем *dem-* (Демократ) и 1 патроним с корнем *arist-*.

Таблица 5. Доля имен и патронимов с корнями *dem-* и *arist-* среди афинских пританов согласно надписям IV в. до н.э.

Надписи IG II ² . 1740–1752, 2370; SEG XXIII. 87, 89; Dow. Prytaneis. 1	Имена афинских граждан	Имена с корнем <i>dem-</i>	Доля имен с корнем <i>dem-</i> , %	Имена с корнем <i>arist-</i>	Доля имен с корнем <i>arist-</i> , %
Итого, имена	442	29	6,56	14	3,17
Итого, патронимы	356	21	5,90	18	5,06
Итого, имена и патронимы	798	50	6,27	32	4,01

Таблица 6. Доля имен с корнями *dem-* и *arist-* в списках афинских булевтов и пританов IV в. до н.э.

	Имена афинских граждан	Имена с корнем <i>dem-</i>	Доля имен с корнем <i>dem-</i> , %	Имена с корнем <i>arist-</i>	Доля имен с корнем <i>arist-</i> , %
Итого, имена	852	51	5,99	32	3,76

⁴⁶⁰ К этому еще можно добавить 2 имени с корнем *dam-* (Архидам – стк. 10 и Полидам – стк. 42).

⁴⁶¹ Dow. Prytaneis. 1 = Hesperia Suppl. I. 1937. О датировке см. Rhodes. The Athenian Boule. P. 10, n. 3: после 307/6 г..

на					
Итого, патронимы	450	26	5,78	26	5,78
Итого, имена и патронимы	1302	77	5,91	58	4,45

Итак, имена с корнями *dem-* и *arist-* среди афинских пританов (табл. 5) и в целом среди булевтов и пританов (табл. 6) встречаются несколько чаще, чем среди всех граждан, насколько мы можем судить по общественным надгробным надписям. Вероятно, учитывая принцип «самовыдвижения» кандидатов в члены Совета пятисот, подобные имена были более характерны для политически активной части гражданства. Совет пятисот в IV в. по своему социальному составу не был «полисом в миниатюре», в нем, несомненно, преобладали политически активные граждане. Однако отклонение от среднего показателя не столь велико, чтобы делать вывод о том, что афинские булевты скорее представляли элиту, нежели весь демос.

Списки архонтов

Следует разделять два типа списков афинских архонтов: «искусственные» (реконструированные современными учеными перечни архонтов-эпонимов) и «аутентичные» (фрагменты надписей с именами архонтов, включающие и «второстепенных» архонтов).

Сохранились отрывочные фрагменты списка архонтов VI – начала V в. с афинской агоры, высеченные около 425 г. (Meiggs–Lewis 6). Из 12 восстанавливаемых имен в списке содержится по одному – с корнями *arist-* и *hipp-*, 2 – с корнем *kall-* (третья часть «аристократических» имен!). Имен с корнем *dem-* в списке нет. Из 11 известных архонтов начала V в. 3 имели имя с корнем *hipp-*, 1 – с корнем *arist-* (36,36% «аристократических» имен)⁴⁶². И снова имена с корнем *dem-* отсутствуют. «Аристократизм» ранних афинских архонтов легко объясним: они избирались, и избирались из аристократической среды. Причем реформы Клисфена и последовавшее за ними резкое уменьшение роли архонтов в политической жизни не повлияли на социальный состав афинских архонтов.

Положение меняется, начиная с архонства Телесина (487/6 г.), когда архонты стали избираться жеребьевкой по филам из

⁴⁶² A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. / Ed. R. Meiggs, D. Lewis. Oxf., 1969. P. 291.

предварительно намеченных демами пятисот кандидатов (Arist. Ath. pol. 22. 5), причем во времена Аристотеля от каждой филы поочередно (ibid. 55. 1). Поэтому неудивительно, что восстановленный исследователями перечень афинских архонтов-эпонимов V в. до н.э. дает другую пропорцию имен с корнем *dem-* и их соотношение с традиционными «аристократическими» именами. Из 84 известных нам афинских архонтов-эпонимов в период с 487 по 403 г. включительно 4 имели имена с корнем *dem-* (Никодем, 483 г., Демотион, 470 г., Архедемид, 464 г., Евтидем, 431 г.), 2 – с корнем *arist-*, 2 – с корнем *hipp-* и 4 – с корнем *kall-* (всего 8, т.е. меньше 1/10 «аристократических» имен)⁴⁶³. Доля традиционных «аристократических» имен среди архонтов резко сократилась, а имена с корнем *dem-* составляли уже 4,21% от общего количества. Пропорция несколько изменяется в IV в. до н.э.⁴⁶⁴ Из 80 архонтов (402–323 гг. до н.э.) 5 носили имя с корнем *dem-* (6,25%): Демострат (393 г.), Демострат (390 г.), Демофил (381 г.), Фудем (353 г.), Аристодем (352 г.), а 4 с корнем *arist-* (5%).

Таким образом, из 164 избранных жребием архонтов-эпонимов классических Афин 9 носили имя с корнем *dem-* (5,49%) и 6 – с корнем *arist-* (3,66%). Общую картину распределения «значимых» имен афинских архонтов-эпонимов классического периода можно представить в следующей таблице (табл. 7).

Таблица 7. Сопоставление долей «демократических» и «аристократических» имен среди афинских архонтов-эпонимов конца VI–IV вв. до н.э.

	Имена афинских граждан	Имена с корнем <i>dem-</i>	Имена с корнем <i>arist-</i>	Имена с корнем <i>hipp-</i>	Имена с корнем <i>kall-</i>	Всего «аристократических» имен
Выборные архонты-эпонимы VI–V вв.	12	0	1 (8,33%)	1 (8,33%)	2 (16,67%)	4 (33,33%)
Выборные архонты-эпонимы начала V в.	11	0	1 (9,09%)	3 (27,27%)	0	4 (36,36%)
Архонты-эпонимы 487–403 гг.	84	4 (4,76%)	2 (2,38%)	2 (2,38%)	4 (4,21%)	8 (9,52%)

⁴⁶³ Ibid.

⁴⁶⁴ A Selection of Greek Historical Inscriptions. V. II. From 403 to 323 B.C. / Ed. M.N. Tod. Oxf., 1948. P. 316.

Архонты-эпонимы 402–323 гг.	80	5 (6,25%)	4 (5%)	1 (1,25%)	2 (2,5%)	7 (8,75%)
--------------------------------	----	-----------	--------	-----------	----------	-----------

Значительный интерес представляют и сохранившиеся надписи со списками «младших» архонтов, которые можно сравнить с реконструированными перечнями архонтов-эпонимов. Поскольку архонты-эпонимы рассматриваются отдельно, здесь мы не будем «приплюсовывать» их имена к именам второстепенных архонтов.

Самый ранний из дошедших до нас подобных списков относится к середине IV в. до н.э. В первом фрагменте перечисляются имена и патронимы архонтов с 359/8 по 350/349 г. включительно (IG II². 1696). Можно восстановить 7 имен и 17 патронимов второстепенных архонтов. Из них 1 имя (14,29%) и 1 патроним (5,88%) с корнем *dem-* при полном отсутствии имен и патронимов с корнем *arist-*⁴⁶⁵. Корень *dem-* восстанавливается в имени ...6...*mos Lusippo* (стк. 17), а также, возможно, в имени ...*ostratos Archestrato* (Демострат либо Филострат, стк. 23). Патроним 5..*achos Charidemou* (стк. 10) очевиден. В этой надписи прослеживается высокая доля имен с корнем *dem-*. Но сохраняется ли подобная тенденция и в дальнейшем?

Обратимся к надписи конца III в. до н.э., в которой содержатся имена афинских архонтов без патронимов (причем всех архонтов, а не только архонтов-эпонимов) с 229/8 по 213/2 г. включительно (IG II². 1706). Список сохранился не полностью, но общее число восстанавливаемых имен значительно (94 имени), что позволяет рассматривать его как вполне адекватную выборку для всего гражданского коллектива. Среди архонтов – 7 носителей имен с корнем *dem-*: Демокл (стк. 5), Евдем (стк. 27), Демострат (стк. 29), Энесидем (стк. 72), Демокл (стк. 94), Демокрит (стк. 107), Клеodem (стк. 113), что составляет 7,45% от общего числа⁴⁶⁶. При этом имен с корнем *arist-* нет вовсе; происходит замещение явных «аристократических» имен на менее заметные (например, на имена с корнем *hipp-*, их 4 в этом списке). Появляются, впрочем, собственные имена, свидетельствующие о «новой лояльности» эллинистическим монархам (Антипатр – стк. 56, Деметрий – стк. 115).

⁴⁶⁵ Среди патронимов встречается 1 корень *hipp-*, а среди архонтов-эпонимов, упомянутых в данном списке (и не учтенных нами), 2 имени с корнем *dem-* (Фудем – стк. 18 и Аристодем – стк. 21).

⁴⁶⁶ В стк. 35 можно с большой долей вероятности также восстановить имя с корнем *dem-* (...*mos*), так что доля имен с корнем *dem-*, возможно, даже еще больше.

Таким образом, если сравнить этот список как с общественными погребальными надписями V в., так и со списками архонтов V и IV вв., то динамика очевидна: популярность «демократических» имен среди афинских граждан возрастает, а популярность «аристократических» падает.

Однако этот процесс был не бесконечен. «Политическая составляющая» афинских собственных имен меркла и затухала по мере ослабления демократии. Об этом свидетельствует обширный список архонтов, высеченный во времена империи, но от которого сохранились фрагменты перечня архонтов более раннего времени – всего 31 имя архонтов от 129/8 по 123/2 г. до н.э., от 91/0 по 86/5, от 55/4 по 48/7, от 16/5 по 11/0 г. до н.э. и от 24/5 по 29/30 г. н.э. (IG II². 1713). В этом списке всего 1 имя с корнем *dem-* (3,23%) и 1 имя с корнем *arist-*. Имя с корнем *dem-*: Демохар (стк. 23, 49/8 г.). В списке много «религиозных» (Дионисий, Деметрий, Гиерофант) и «антикварных» (Лисандр, Леонид, Фемистокл, Пифагор, Зенон и др.), что свидетельствует о коренном изменении «номенклатуры» собственных имен афинян.

Эта тенденция сохраняется и в дальнейшем: из более чем сотни имен, как архонтов-эпонимов, так и других афинских архонтов I в. до н.э. (IG II². 1714–1727) только 2 имени с корнем *dem-*: Евдем (IG II². 1717, стк. 20) и Демократ (IG II². 1723, стк. 2). «Демократические» имена становятся «антикварными» и сохраняются в числе других «антикварных» имен.

Таким образом, списки архонтов свидетельствуют о возрастании доли «демократических» имен от V к IV в. до н.э., а затем, после III в. до н.э., начинается постепенное снижение их доли.

Списки судей

Анализ списков судей может дать представление если не обо всем афинском гражданском коллективе, то во всяком случае о его наиболее политически активной части. Сохранилось несколько десятков тессер с именами и патронимами афинских судей IV в. до н.э. (IG II². 1835–1923). На них читаются либо восстанавливаются 60 имен и 25 патронимов афинских граждан. В этом массиве сохранилось 5 имен (8,33%) и 2 патронима (8%) с корнем *dem-*, 2 имени (3,33%) и 2 патронима (8%) с корнем *arist-*⁴⁶⁷. Из общего количества 85 собственных имен 7 имен (8,24%) с корнем *dem-*, 4 имени (4,71%) с корнем *arist-* (табл. 8).

⁴⁶⁷ Кроме того, сохранилось 4 имени и патронима с корнем *kall-* и 3 имени и патронима с корнем *hipp-*.

Имена с корнем *dem-*: *Dem-* – (IG II². 1836), *Nikodemos* (IG II². 1861), *Demarchos* (IG II². 1867), *Demostratos* (IG II². 1874)⁴⁶⁸, *–mos ho Achar* (IG II². 1913)⁴⁶⁹, патронимы с корнем *dem-*: *Aristophon Aristodemou* (IG II². 1849), *Paramonos Phanodemou* (IG II². 1851).

Таблица 8. Доля имен с корнями *dem-* и *arist-* среди афинских судей, согласно надписям на тессерах IV в. до н.э.

Номер надписи по IG II ²	Имена афинских граждан	Имена с корнем <i>dem-</i>	Доля имен с корнем <i>dem-</i> , %	Имена с корнем <i>arist-</i>	Доля имен с корнем <i>arist-</i> , %
1835–1923, имена	60	5	8,33	2	3,33
1835–1923, патронимы	25	2	8	2	8
Итого	85	7	8,24	4	4,71

Сохранилось несколько датированных фрагментов списков афинских третейских судей (*diaitetai*), относящихся к концу 30-х – началу 20-х годов IV в. до н.э. В списках судьи перечислялись по филам. Мы неточно представляем сферу деятельности подобных судей; больше сведений о них сохранилось от IV в., хотя они, возможно, существовали уже в V в. Очевидно, они вели гражданские дела (см. *Arist. Rhet. I. 13*; *Dem. XXI. 83*; *XXIII. 14*; *XXVII. 1*; *XXXIV. 18*; *XL. 41*).

Первый перечень относится к правлению архонта Аристофонта, 330/329 г. (IG II². 1924). В нем содержится 8 имен судей с демонимами без патронимов. Из них 2 с именем, Харидем, содержащим корень *dem-* (сткк. 13–14 и 16–17) и 1 – с корнем *arist-*. Сохранился также фрагмент перечня следующего, 329/8 г. (IG II². 1925); в нем можно восстановить 8 имен из фил Леонтиды и Акамантиды. «Аристократических» имен в этом списке нет, зато восстанавливается 1 имя с корнем *dem-* (12,5%): Евтидем (стк. 25).

Гораздо больший ономастический массив сохранился в надписи, датированной временем правления архонта Антикла, 325/324 г. (IG II². 1926): 105 имен. Из них 5 имен (4,76%) с корнем

⁴⁶⁸ Его отцом, очевидно, был *Lusitheos*, булвт 328/7 г. Можно обратить внимание на очередное чередование корней *dem-* и *theo-* в именах отца и сына.

⁴⁶⁹ Восстановлению этого имени как оканчивавшегося на *demos* способствует и демоним (в Ахарнах имена с корнем *dem-* были весьма распространены).

dem-⁴⁷⁰: Демокл (стк. 9), Демарат (стк. 18), Демокрит (стк. 111), Архедем (сткк. 139 и 168) и 3 имени с корнем *arist*-.

Примерно такой же по размеру ономастический массив сохранился и в перечне диаитетов, который можно датировать лишь приблизительно второй половиной IV в. (IG II². 1927). Очевидно, это не двадцатые годы, поскольку здесь третейские судьи перечисляются не с демонимами, а с патронимами. Сохранилось либо восстанавливаются 87 имен и 85 патронимов. Из них 5 имен (5,75%) и 2 патронима (2,35%) с корнем *dem*- и 4 имени и 2 патронима с корнем *arist*-. Имена с корнем *dem*- следующие: *Euthudemos Euthudemou* (сткк. 4–5), *Eudemos* (стк. 9), *Demostratos Androsthénous* (сткк. 13–14), *Demokrates Euphiletou* (сткк. 52–53), *Theodemos Theomnestou* (сткк. 155–156), патронимы с корнем *dem*-: *Apollodoros Demokratous* (сткк. 168–169) и *θεοδωρος δημοκρατους* *neus Demonikou* (сткк. 200–201). Следует обратить внимание на резкое увеличение имен с корнем *dem*- в поколении «сыновей» по сравнению с поколением «отцов», а также на сочетание корней *demos* и *theos* в одном имени (стк. 155).

Таким образом, из 208 известных нам имен афинских диаитетов второй половины IV в. до н.э. 13 имен содержат корень *dem*- (6,25%) и 8 имен – корень *arist*- (3,85%). Списки диаитетов (очевидно, что они выбирались по жребию) свидетельствуют о росте популярности «демократических» имен среди гражданского населения Афин к концу IV в. до н.э. (табл. 9). Разная доля имен с корнем *dem*- в различных списках объясняется тем, что в более коротких списках могли сохраниться имена диаитетов из демонов с высоким процентом «демократических» имен (Пэания, например).

Таблица 9. Доля имен с корнями *dem*- и *arist*- в списках афинских третейских судей (*diaitetai*) второй половины IV в. до н.э.

Номер надписи по IG II ²	Имена афинских граждан	Имена с корнем <i>dem</i> -	Доля имен с корнем <i>dem</i> -, %	Имена с корнем <i>arist</i> -	Доля имен с корнем <i>arist</i> -, %
1924	8	2	25	1	12,5
1925	8	1	12,5	0	0
1926	105	5	4,76	3	2,86
1927	87	5	5,75	4	4,6
Итого	208	13	6,25	8	3,85

⁴⁷⁰ В этом списке есть и 2 имени с корнем *dam*- (Архидам – сткк. 16 и 74), однако имена с этим корнем в условиях Афин носили скорее аристократический либо лаконофильский оттенок.

Судьи – политически активные граждане, причем, согласно всем источникам (вспомним хотя бы отношение к ним Платона), среди них преобладали рьяные сторонники демократии. Этим можно объяснить высокий процент «демократических» имен в их среде. В меньшей степени подобная пропорция была характерна и для третейских судей.

Списки членов тиасов

Тиасы, религиозные союзы (хотя иногда они могли быть какими-то религиозными подразделениями фратрий – см. IG II². 1237), сначала включали, по мнению исследователей, только граждан и лишь впоследствии, с конца IV в. до н.э. к ним стали примыкать и неграждане⁴⁷¹. Однако рассмотрение имен тиасотов в афинских надписях IV в. до н.э. позволяет внести в подобное утверждение некоторые коррективы (табл. 10).

Таблица 10. Доля имен с корнями *dem-* и *arist-* в афинских надписях со списками членов тиасов IV в. до н.э.

Номер надписи по IG II ²	Имена афинских граждан	Имена с корнем <i>dem-</i>	Доля имен с корнем <i>dem-</i> , %	Имена с корнем <i>arist-</i>	Доля имен с корнем <i>arist-</i> , %
2343, имена	13	0	0	0	0
2344, имена	20	1	5	0	0
2344, патронимы	20	1	5	0	0
2344, имена и патронимы	40	2	5	0	0
2345, имена	79	2	2,53	2	2,53
2345, патронимы	36	0	0	1	2,78
2345, имена и патронимы	115	2	1,74	3	2,61
2346, имена	44	0	0	1	2,27
2346, патронимы	33	2	6,06	1	3,03
2346, имена и	77	2	2,60	2	2,60

⁴⁷¹ Jones. Op. cit. P. 217–219.

патронимы					
2347, имена	27	0	0	1	3,70
2348, имена	5	0	0	0	0
2349, имена	6	0	0	0	0
2350, патронимы	1	0	0	1	100
Итого, имена	194	3	1,54	4	2,06
Итого, патронимы	90	3	3,33	3	3,33
Итого, имена и патронимы	284	6	2,11	7	2,46

Доля имен с корнем *dem-* среди членов тиасов как минимум вдвое, а то и втрое меньше, чем среди афинских граждан (да и имен с корнем *arist-* также значительно меньше среди тиасотов). Это может служить подтверждением того общеизвестного факта, что значительную часть (если не большинство) членов тиасов составляли неграждане. Причем это характерно для всего IV в. до н.э., а не только для конца IV в.

Списки воинов, моряков и клерухов

Относящиеся к IV в. до н.э. общественные афинские списки воинов и моряков разнохарактерны (это не только погребальные списки, как в V в. до н.э.), что затрудняет достоверные сопоставления. В них невозможно отделить афинских граждан от метеков и иностранцев.

Самый ранний из них – перечень моряков, относящийся к началу IV в. до н.э. (IG II². 1951). В списке иногда встречаются патронимы, иногда – демонимы. Из 280 сохранившихся имен (без патронимов) 9 (3,21%) содержат корень *dem-*, 8 (2,86%) – корень *arist-*. Также 3 патронима в этом перечне содержат корень *dem-*. Возможно, в списке могли быть и неграждане. Однако из 4 перечисленных триерархов (сткк. 79–81, 312–314) один носит имя Харидем (сткк. 81), а два других «боевые» имена Протомах и Навсистрат (сткк. 313–314). Напротив, если мы обратимся к именам эпибатов (сткк. 82–93, 315–320, всего 16 имен), то там обнаруживаются 1 имя с корнем *dem-* (Архедем – сткк. 89), 2 имени с корнем *arist-* (Аристомен – сткк. 87, Аристотель – сткк. 91), по одному – с корнями *hipp-* (Гипподам – сткк. 320) и *kall-* (Каллистрат – сткк.

92), а также такие «известные» имена, как Клеон (стк. 86), Платон (стк. 91) и др. Список награжденных венками триерархов за действия вместе со стратегом Харетом в Геллеспонте (IG II². 1953) относится к году правления архонта Агафокла (357/6 г.). Из 8 сохранившихся имен 1 содержит корень *arist-*, 1 – корень *hipp-*; с корнем *dem-* нет ни одного. Сохранилось также 4 патронима, но без «политически значимых» корней. Надпись с именами воинов 306/5 г. (IG II². 1954) из 12 читаемых имен и 8 патронимов содержит одно имя (8,33%) с корнем *dem-* (Демарх, сын Анфия – стк. 12) и ни одного «аристократического» имени. В списке всадников с о-ва Саламин (IG II². 1955), который относится ко времени около 320 г., сохранилось 21 имя и 20 патронимов, причем нет ни одного с корнем *dem-*; с корнем *arist-* – 1 имя (восстанавливаемое предположительно) и с корнем *kall-* – 2 имени и 1 патроним.

Отдельного рассмотрения требуют надписи клерухов. В надписи первой половины IV в. до н.э. перечисляются афинские клерухи из разных фил (IG II². 1952). Из 16 имен 1 (6,25%) содержит корень *dem-* (стк. 21), 2 – корень *arist-*; из 20 патронимов 1 (5%) содержит корень *dem-* (Демарх – стк. 25), 1 – корень *arist-* (Аристомед, сын Аристонавта, из дема Ахарны – стк. 28). Подобная пропорция неудивительна, если сопоставить это с ономастическим материалом из афинских колоний.

В афинских поселениях и клерухиях IV в. до н.э. (Саламин, Делос, Лемнос, Имброс, Самос и др.) встречается около 1% имен с корнем *dem-* и несколько менее 5% с корнем *arist-*. Даже в афинском Саламине, который был очень тесно связан с Аттикой, зафиксировано менее 2% имен с корнем *dem-*⁴⁷². Доля имен с корнем *dem-* и с корнем *arist-* в поселениях находится в обратной пропорции по отношению к самой Аттике. Это могло быть связано как с влиянием местного населения, так и с особым социальным составом клерухов (можно напомнить, что философ Платон родился на Эгине, заселенной тогда афинскими клерухами).

Надписи наемных воинов из Афин можно привлекать для сопоставления с ономастическими пристрастиями афинских граждан. Наиболее известна большая (204 строки) надпись из Эрехтейона, датируемая приблизительно 300 г. до н.э. (IG II². 1956). В ней читается 145 имен. Из них только 2 имени с корнем *dem-/dam-* (*Eudemos* – стк. 8, *Damon* – стк. 144), 4 имени с корнем *arist-* и 2 имени с корнем *hipp-*. При этом вполне возможно, что первые 46 имен (их этникон не сохранился) – имена афинян и среди них имя

⁴⁷² Cargill J. Athenian Settlements of the Fourth Century B.C. New York–Köln, 1995.

Евдем. Таким образом, из определенно неафинских имен всего лишь 1,01% имеет корень *dem-/dam-*.

Список наемных воинов начала III в. содержит имена воинов вместе с их этнонимами (IG II². 1957). В этом перечне неожиданно большое количество «значимых» имен: Дамон (стк. 10), Дамотел (стк. 14), ...*amokrates Ach[aios]* (стк. 23), Аристон (стк. 9), Аристократ (стк. 19). К более позднему времени относится список воинов, которые находились в крепости Элевсин несколько позже середины III в. (IG II². 1958). Очевидно, здесь перемешаны имена как афинских воинов, так и неафинян-наемников. Из 60 имен только 2 имени (3,33%) содержат корень *dem-/dam-* (Демокл – стк. 33, Дамея – стк. 34); также 2 имени содержат корень *hipp-* (имен с корнем *arist-* нет вовсе). Кроме всего прочего, это еще раз свидетельствует о падении популярности имен с корнем *arist-*.

Имена ремесленников

Возьмем для сравнения список ремесленников Эрехтейона⁴⁷³, который относится к последним двум десятилетиям V в. до н.э.⁴⁷⁴ и поэтому наиболее хронологически близок общественным надгробным надписям. В нем содержатся 92 полных либо частично (до корня) читаемых имен ремесленников. Из них 21 гражданин, 39 метеков, 17 рабов и 15 лиц с неустановленным статусом. При этом ни одного имени с корнем *dem-* в списке нет! Более того, из 18 известных патронимов тоже нет ни одного с корнем *dem-*. О чем это может свидетельствовать? Прежде всего, о том, что имена с корнем *dem-* ассоциировались с правом гражданства. Очевидно, они были более популярны в среде политически активных семей, нежели среди ремесленников⁴⁷⁵. Характерно, что имена с корнем *arist-* встречаются в этом списке исключительно среди граждан⁴⁷⁶.

⁴⁷³ Кузнецов В.Д. Организация общественного строительства в Древней Греции. М., 2000. С. 448–452. Этот список является наиболее полным перечнем ремесленников, участвовавших в строительстве Эрехтейона.

⁴⁷⁴ Там же. С. 40. Строительные работы велись в 421–415 и 409–404 годах.

⁴⁷⁵ Именно ремесленников, но не владельцев мастерских: например, Демосфен отец оратора Демосфена по прозвищу Ножовщик принадлежал (по сведениям Феоппомпа) к лучшим людям государства и владел мастреской с рабами по производству ножей и мечей (*Plut. Dem.* 4. 1).

⁴⁷⁶ Аристипп и Арист... Последний с неустановленным статусом, но скорее всего гражданин. Среди граждан встречается также Лисий, сын Алкиппа (Кузнецов. Ук. соч. С. 448, 450).

Посмотрим, насколько изменилась ситуация почти через столетие, и для этого воспользуемся перечнем имен ремесленников, занятых на строительстве Элевсинского святилища (IG II². 1671–1673). Здесь уже больше имен с корнем *arist-* и появляется патроним с корнем *dem-* (...тель, сын Демофана, – гражданин-камнетес, около 330 г.)⁴⁷⁷. Таким образом, как «демократические», так и «аристократические» имена были характерны исключительно для граждан-ремесленников и не встречаются среди метеков и рабов. При этом имена с корнем *dem-* малоупотребительны в этой среде, хотя к середине IV в. можно говорить о некотором их распространении.

Списки иноземцев

Для сопоставления с гражданами можно привлечь списки иноземцев из Аттики (табл. 11). Хотя они дают достаточно высокий процент имен с корнями *dem-/dam-* (3,13%), тем не менее, он ниже доли соответствующих имен среди афинских граждан, не говоря уже о том, что имена с корнем *arist-* встречаются среди иноземцев в Аттике вдвое чаще (6,25%).

Таблица 11. Доля имен с корнями *dem-/dam-* и *arist-* в афинских надписях со списками иноземцев IV в. до н.э.⁴⁷⁸

Номер надписи по IG II ²	Имена иноземцев	Имена с корнями <i>dem-/dam-</i>	Доля имен с корнями <i>dem-/dam-</i> , %	Имена с корнем <i>arist-</i>	Доля имен с корнем <i>arist-</i> , %
2390	36	1	2,78	3	8,33
2391	28	1	3,57	1	3,57
2392	15	0	0	0	0
2404	14	0	0	0	0
2406, имена и патронимы	13	1	7,69	2	15,38
2415/6	7	0	0	0	0
2420	9	1	11,11	1	11,11
2421	6	0	0	1	16,67
Итого	128	4	3,13	8	6,25

«Неопределенные» списки афинских граждан IV в.

⁴⁷⁷ Там же. С. 74, 453–457.

⁴⁷⁸ Поскольку в данном перечне патронимы указаны только в одной надписи, я не счел необходимым выделять их в итоге.

Основываясь на доле «значимых» имен, можно сделать попытку дать социальную характеристику персонажам «неопределенных» списков граждан (*catalogi generis incerti* – IG II². 2364–2426)⁴⁷⁹, назначение которых не установлено (табл. 12).

Таблица 12. Доля имен с корнями *dem-* и *arist-* в «неопределенных» афинских надписях IV в. до н.э.

Catalogi generis incerti IV в.	Имена афинских граждан	Имена с корнем <i>dem-</i>	Доля имен с корнем <i>dem-</i> , %	Имена с корнем <i>arist-</i>	Доля имен с корнем <i>arist-</i> , %
Итого, имена	521	19	3,65	25	4,80
Итого, патронимы	272	12	4,41	16	5,88
Итого, имена и патронимы	793	31	3,91	41	5,17

«Неопределенные» надписи содержат долю имен с корнем *dem-* ниже средней, а с корнем *arist-* - значительно выше средней. Поэтому можно с некоторой осторожностью предположить, что эти списки в большей степени отражают «литургическую» либо «религиозную», нежели «политическую» сферу жизни полиса.

Заключение

Интересно посмотреть, насколько популярными были имена с корнем *dem-*, *arist-*, *kall-*, *hipp-* в среде афинской элиты V–IV вв. до н.э.

Если мы обратимся к перечням афинских политиков IV в. до н.э., то обнаружим еще большую долю имен с корнем *dem-*. Могенс Хансен перечисляет 20 афинских политических деятелей 403–322 гг. до н.э., которые в каком-либо тексте назывались «ораторами» (*rhetoires*)⁴⁸⁰. Из них 2 (10%) – Демосфен и Демад – носили имена с этим корнем. Вообще в этом списке удивительно много имен с

⁴⁷⁹ Из них исключаются те надписи, в которых перечисляются иностранцы (IG II². 2390, 2391, 2392, 2404, 2406, 2415/6, 2420, 2421), а также перечень пританов от филы Пандиониды (IG II². 2370) – о его атрибуции см. выше.

⁴⁸⁰ Hansen M.H. The Athenian 'Politicians', 403–322 B.C. // GRBS. 1983. 24. N 1. P. 47–48.

«политически значимыми» корнями: 2 с корнем *arist-*, 1 с корнем *kall-*, 2 с корнем *tim-*, еще один оратор носил имя Стефанос. Риторов можно противопоставить *idiotai* и по набору имен. Очевидно, что в политически активных семьях наименование детей как-то отражало политические симпатии.

Не менее выразительные результаты дает анализ списка выступавших в народном собрании афинян за период 355-322 гг. до н.э., которые, однако, так и не внесли своего предложения. Из 20 имен и 10 патронимов 2 имени и 2 патронима (соответственно 10 и 20%!) содержат корень *dem-*, 1 имя – корень *arist-*⁴⁸¹. Очевидно, что это были политически активные представители демоса.

Можно, конечно, возразить, что выборка из 20 имен недостаточно репрезентативна, и по ней трудно делать общие заключения. Поэтому обратимся к более обширным перечням. Известны имена 82 афинских граждан, которые внесли проекты 181 постановления народного собрания за период 355–322 гг. до н.э., что составляет чуть менее 1,5% всех постановлений за этот период⁴⁸². У нас нет каких-либо оснований сомневаться в случайности этой выборки политически активных граждан позднеклассических Афин. Доля «политически значимых» имен и здесь удивительно высока: из 82 имен 11 имеют корень *dem-*, 8 – корень *arist-*, 5 – корень *hipp-*, 2 – корень *kall-*. Из 59 известных патронимов 7 содержат корень *dem-*, 3 – корень *arist-*, 1 – корень *hipp-*, 1 – корень *kall-*. Результаты можно выразить в таблице (табл. 13):

Табл. 13. Доля «политически значимых» имен и патронимов среди авторов проектов постановлений афинского народного собрания в середине IV в.

	Имена граждан	Имена с корнем <i>dem-</i>	Имена с корнем <i>arist-</i>	Имена с корнем <i>hipp-</i>	Имена с корнем <i>kall-</i>	Всего «аристократических» имен
Имена авторов проектов постановлений народного собрания, 355–322 гг.	82	11 (13,41%)	8 (9,76%)	5 (6,10%)	2 (2,44%)	15 (18,29%)
Патронимы	59	7	3	1	1	5

⁴⁸¹ Hansen M.H. The Number of *Rhetores* in the Athenian *Ecclesia*, 355–322 B.C. // GRBS. 1984. 25. N 2. P. 145–146.

⁴⁸² Ibid. P. 132–134.

авторов проектов постановлений народного собрания, 355-322 гг.		(11,86%)	(5,08%)	(1,69%)	(1,69%)	(8,47%)
Итого	141	18 (12,77%)	11 (7,80%)	6 (4,26%)	3 (2,13%)	20 (14,18%)

Еще более обширен перечень всех афинских *rhetores kai strategoi* за период с 403 по 322 г., который приводит, опираясь как на литературные, так и на эпиграфические источники, Могенс Хансен⁴⁸³ (табл. 14). Список содержит имена 368 афинских граждан, которые вносили предложение постановления или закона как в народном собрании, так и в Совете пятисот, исполняли обязанности посланников, были избраны стртегами либо казначеями и т.п. К именам этих политически активных граждан добавляются имена еще 11 граждан, которые наши источники называют *politeuomenoi* либо *symbiloi*, но которые не исполняли перечисленные выше обязанности и не вносили законопроекты⁴⁸⁴.

Табл. 14. Сопоставление долей «демократических» и «аристократических» имен среди афинской политической элиты IV в. до н.э.

	Имена граждан	Имена с корнем <i>dem-</i>	Имена с корнем <i>arist-</i>	Имена с корнем <i>hipp-</i>	Имена с корнем <i>kall-</i>	Всего «аристократических» имен
Афинские граждане, исполнявшие должности и вносившие законопроекты	368	25 (6,79%)	17 (4,62%)	15 (4,08%)	15 (4,08%)	47 (12,77%)
Из них стратеги	44	2 (4,54%)	0	0	0	0
Другие политически активные	11	0	1 (9,09%)	2 (18,18%)	1 (9,09%)	4 (36,36%)

⁴⁸³ Hansen M.H. *Rhetores and Strategoi in Fourth-Century Athens* // GRBS. 1983. 24. N 2. P. 158–180.

⁴⁸⁴ Ibid. P. 179.

афинские граждане IV в.						
-------------------------------	--	--	--	--	--	--

Характерно, что оба стратега, носившие имена с корнем *dem-*, исполняли свои должности в начале IV в. (*Demainetos* в 388/7 г. и ранее, а также *Demophon* в 379/8 г.). Затем имена с этим корнем не встречаются вовсе (как не встречаются имена с традиционными «аристократическими» корнями). О чем это может говорить? Несомненно, о неафинском происхождении стратегов, что вполне подтверждается другими источниками. Можно сравить с именами триерархов середины IV в. и почувствовать ощутимое различие.

Это еще раз подтверждает тот факт, что ономастикон имен афинских граждан имел значительную специфику, и присутствие ощутимой (1/20) доли имен с корнем *dem-* было его признаком, причем доля имен с корнем *dem-* повышалась по мере близости к политическому Олимпу афинской гражданской общины⁴⁸⁵.

Не менее впечатляющие результаты можно получить, если рассмотреть с точки зрения наличия «политически значимых» имен списки сторон, участвовавших в процессах по поводу «графэ параномон» (табл. 15). Могенс Хансен исследовал все 39 известных случаев применения «графэ параномон» за период с 415 по 322 г. до н.э.⁴⁸⁶ Известно 27 имен истцов и 29 имен ответчиков⁴⁸⁷.

Табл. 15. «Политически значимые» имена участников процессов по поводу «графэ параномон».

	Имена граждан	Имена с корнем <i>dem-</i>	Имена с корнем <i>arist-</i>	Имена с корнем <i>hipp-</i>	Имена с корнем <i>kall-</i>	Всего «аристократических» имен
Истцы в процессах по поводу «графэ параномон»	27	0	1 (3,70%)	1 (3,70%)	1 (3,70%)	3 (11,11%)
Ответчики в процес-	29	4 (13,79%)	3 (10,34%)	3 (10,34%)	2 (6,90%)	8 (27,59%)

⁴⁸⁵ Очевидно, к числу «политически значимых» имен можно отнести имена с корнями *tim-*, *boul-* и некоторые другие.

⁴⁸⁶ Hansen M.H. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and The Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense, 1974 (Odense University Classical Studies. Vol. 4). P. 28–43. Indices: P. 76–77.

⁴⁸⁷ Следует отметить, что имена истцов и ответчиков повторяются в нескольких случаях.

сах по поводу «графэ па- раномон»						
Лица, в честь кото- рых были изданы по- становле- ния, осуж- денные по «графэ па- раномон»	13	4 (30,77%)	0	0	0	0

Среди истцов имен с корнем *dem-* нет вовсе, а среди ответчиков их доля весьма значительна (13,79%). Если среди истцов 11,11% всех «политически значимых» имен, то среди ответчиков – 41,38%. Только исходя из этого, можно сделать вывод, что истцы – «люди из народа», а ответчики – представители новой демократической элиты. Создается впечатление, что для афинской политической элиты середины IV в. до н.э. не было противопоставления «демократических» и «аристократических» имен. Но само стремление той или иной семьи к политической карьере предполагало «политически значимое» имяназачение.

Списки известных нам представителей верхнего класса афинского гражданства (исполнителей литургий, триерархов и вообще богатых людей) собраны Дж. Дейвисом, причем им проведена классификация этих лиц по поколениям⁴⁸⁸.

Для сопоставления мы берем список богатых афинян поколений D, E, F (по классификации Дж. Дейвиса), которые охватывают весь V век (упоминания с 500/499 по 401/0 г. включительно; всего 112 имен), а также список триерархов середины IV в. (поколение Ha, по классификации Дж. Дейвиса 357–340 гг., всего 149 имен). В качестве «точки отсчета» можно взять перечень афинян, подвергнутых остракизму, кандидатов на остракизм и их отцов, согласно Ш. Бренне (табл. 16)⁴⁸⁹.

Таблица 16. Сопоставление долей «демократических» и «аристократических» имен среди афинской политической элиты V–IV вв. до н.э.

	Имена	Имена с	Имена с	Имена с	Имена с	Всего
--	-------	---------	---------	---------	---------	-------

⁴⁸⁸ Davies. APF. P. XXVII, XXIX, 602–624 (Index I. Check-List, Arranged by Deme).

⁴⁸⁹ Brenne. Op. cit.

	граждан	корнем <i>dem-</i>	корнем <i>arist-</i>	корнем <i>hipp-</i>	корнем <i>kall-</i>	«аристократи- ческих» имен
Афинские граждане, подвергнутые остракизму, кандидаты на остракизм и их отцы (V в. до н.э.)	272	2 (0,74%)	9 (3,31%)	10 (3,68%)	12 (4,41%)	31 (11,40%)
Богатые афиняне V в. до н.э.	112	5 (4,46%)	5 (4,46%)	5 (4,46%)	2 (1,79%)	12 (10,71%)
Триерархи 357–340 гг.	149	14 (9,40%)	3 (2,01%)	6 (4,03%)	3 (2,01%)	12 (8,05%)

Таким образом, если в V в. средняя доля имен с корнем *dem-* среди богатых афинских граждан практически равна средней по коллективу граждан, а «аристократические» имена встречаются гораздо чаще, то в IV в. ситуация несколько меняется. Среди триерархов середины IV в. почти каждый десятый имеет имя с корнем *dem-*, а среди «аристократических» имен имена с корнем *arist-* теряют популярность, хотя имена с корнями *hipp-* и *kall-* по-прежнему широко распространены.

Рассмотрим также соотношение имен с корнями *dem-* и *arist-* среди различных категорий жителей Афин V–IV вв. до н.э. (табл. 17).

Таблица 17. Доля имен с корнями *dem-* и *arist-* в афинских надписях V и IV веков до н.э. (по возрастанию доли имен с корнем *dem-*).

	Доля имен с корнем <i>dem-</i> , %	Доля имен с корнем <i>arist-</i> , %
Афинские ремесленники, занятые на строительстве Эрехтейона (конец V в.)	0	0
Афинские граждане, подвергнутые остракизму, кандидаты на остракизм и их отцы (V в. до н.э.)	0,74	3,31
Посвятительные надписи с афинского акрополя конца VI–V вв.	2	3,71
Надписи из IG II ² со списками членов тиасов IV в. до н.э.	2,11	2,46
Надписи из IG II ² со списками иноземцев IV в. до н.э.	3,13	6,25
Надписи со списками граждан из IG II ² ,	3,91	5,17

назначение которых не установлено		
Афинские архонты-эпонимы V в. до н.э. (с 500 по 403 г. включительно)	4,21	3,16
Богатые афиняне V в. до н.э. (по Дж. Дейвису)	4,46	4,46
Общественные надгробные надписи граждан V в. до н.э.	4,52	3,33
Общественные надгробные надписи граждан V–IV вв. до н.э.	4,53	3,29
Афинские магистраты архаического и классического периодов (согласно Develin R. <i>Athenian Officials</i> 684–321 B.C. Camb., 1989)	5,13	?
Общественные надгробные надписи граждан IV в. до н.э.	5,26	0 (?)
Избранные жребием архонты-эпонимы классических Афин (487–323 гг.)	5,49	3,66
Списки афинских булевтов и пританов IV в. до н.э.	5,91	4,45
Афинские архонты-эпонимы IV в. до н.э. (402–323 гг.)	6,25	5
Списки афинских третейских судей (<i>diaitetai</i>) второй половины IV в. до н.э.	6,25	3,85
Афинские граждане, исполнявшие должности и вносившие законопроекты в 403–322 гг. (по М. Хансену)	6,79	4,62
Тессеры с именами афинских судей IV в. до н.э.	8,24	4,71
Афинские триерархи 357–340 гг. (по Дж. Дейвису)	9,40	2,01
Авторы проектов постановлений народного собрания, 355–322 гг. (по М. Хансену)	13,41	9,76
Ответчики в процессах по поводу «графэ параномон» (по М. Хансену), 415–322 гг.	13,79	10,34

Выборка по материалам афинских общественных надгробных надписей дает долю 4,53% имен с корнем *dem*- среди гражданского коллектива Афин в V–IV вв. до н.э. По моему мнению, такая или примерно такая доля имен с корнем *dem*- характерна для афинского гражданства, и отклонение от нее в достаточно обширном ономастическом комплексе должно свидетельствовать либо о неполной выборке (представлена какая-то часть гражданского коллектива), либо о негражданском статусе носителей данных имен.

Очевидно, что пятипроцентная (приблизительно, конечно) доля имен с корнем *dem*- является средней для афинских граждан V–

IV вв. до н.э. (средние показатели 4,5–5,5% выделены в табл. 14 курсивом). Наиболее близки к ней общественные надгробные надписи, которые в наибольшей степени характеризуют весь гражданский коллектив. При этом очевидно, что для IV в. характерно небольшое возрастание имен с корнем *dem-* по сравнению с предыдущим периодом.

Превышение (или понижение) этой доли, особенно значительное, может свидетельствовать об изменении социальной выборки. И здесь совершенно очевидно, что, с одной стороны, имена с корнем *dem-* в меньшей степени использовались иноземцами и почти не использовались негражданами. С другой стороны, антидемократически настроенные аристократы в V в. до н.э., о чем свидетельствуют острака, также крайне редко носили подобные имена.

Имена с корнем *dem-* были популярны как среди демократически ориентированных аристократов, так и среди политически активной части демоса. Об этом свидетельствует и статистика подобных имен среди афинских магистратов (булевтов, архонтов, судей), которые хотя и избирались по жребию, но должны были выдвигать себя сами, и исключительно высокая доля афинян с именами с корнем *dem-* среди исполнявших триерархию в середине IV в. до н.э.

Таким образом, «демократические» имена (в частности имена с корнем *dem-*) превращаются в «политически мотивированные» имена афинской демократической элиты, состоящей из демократически ориентированной части аристократии и политически активной верхушки демоса. Вообще доля имен с корнем *dem-* может служить одним из показателей социального статуса перечисленных в том либо ином списке афинян.

Имена с корнем *dem-* становятся популярными именно в среде политической элиты демократических Афин: лояльной демократическому режиму аристократии и устремившихся к власти представителей зажиточной верхушки демоса. Их было мало как среди аристократов, враждебных демократии, так и среди низов демоса, не озабоченных политической карьерой. Таким образом, в Афинах имена с корнем *dem-* становятся своеобразным маркером изменений, своеобразным признаком появления «демократического нобилитета», который стал и носителем, и потребителем демократической идеологии.

Конечно, имена с корнем *dem-* не всегда указывают на демократию, они могут указывать и на полисную солидарность, «патриархальную демократию» (в пример можно привести Беотию), однако в Афинах и в некоторых других обществах классической и

раннеэллинистической Греции (Этолия, некоторые полисы Сицилии) они указывали именно на степень демократизации общества. Хотя афинская демократия не смогла выработать выраженной в текстах идеологической системы, которая смогла бы противостоять антидемократической риторике философских школ IV в. Однако, как показывает изучение собственных имен демократических Афин, на уровне «народной идеологии» демократические идеи успешно боролись с аристократическими, часто взаимодополняя друг друга⁴⁹⁰, вторгаясь даже в сферу имянаречения, традиционно контролируемую семьей. Распространению «демократических» имен могли способствовать и частая персонификация Демоса в произведениях литературы и искусства и установление культа Демоса – покровителя полиса. И, наоборот, установление культа Демоса свидетельствовало об идеологических изменениях, которые составляли благоприятную почву для распространения «демократических» собственных имен.

Еще в 422 г. до н.э. Аристофан во «Всадниках» выводит персонифицированного Демоса. Рельефы с изображением персонифицированного Демоса нередко сопровождают надписи с записями постановлений афинского народного собрания в IV в.⁴⁹¹ Персонификация Демоса была широко распространена в Афинах IV в. и усиливалась в кризисные для демократии периоды (например, после битвы при Херонее). В качестве примера можно привести закон Евкрата 336 г. о безнаказанности для убийцы заговорщика, покушавшегося на демократический строй⁴⁹². В 332 г. члены Совета приняли решение о воздвижении бронзовой статуи, персонифицирующей демократию⁴⁹³.

В упомянутом выше перечне булевтов 335/4 г. до н.э. (IG II². 1700) упоминается некий *Lusidemos Lusitheou* (сткк. 206–207). Следует отметить интересное и очень «идеологичное» чередование корней: *demos* – *theos* в имени и патрониме этого члена Совета пятисот. Оно свидетельствует о том, что обожествление Демоса

⁴⁹⁰ Конечно же, политическая борьба в Афинах V–IV вв. до н.э. не сводилась к простому противопоставлению «демократия – аристократия (олигархия)». См., например, *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 56 слл.

⁴⁹¹ *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху / Пер. с нем. Ю.Г. Виноградова. М., 1999. С. 179. См. также *Meyer M.* Die griechischen Urkundenreliefs. В., 1989.

⁴⁹² *Хабихт.* Афины... С. 21.

⁴⁹³ Там же. С. 36. См. также *Raubitschek A.E.* Demokratia // *Hesperia*. 1962. 31. Р. 238–243.

было вполне подготовлено общественным сознанием; в свою очередь сам культ Демоса и Демократии не мог не способствовать увеличению доли «демократических» имен, которые отныне можно уже рассматривать так же как и теофорные.

Наконец, в III в. до н.э. был установлен полисный культ Демоса: по предложению Евриклида вскоре после 229 г., когда наступил конец македонскому владычеству над Афинами, было издано постановление народного собрания о сооружении нового святилища на северо-западе агоры, в котором должен был почитаться персонифицированный Демос вместе с Харитами, дочерьми Зевса⁴⁹⁴. Это, пожалуй, было самым значительным изменением в религиозной сфере эллинистических Афин. Культ Демоса процветал, и жрец этого культа играл весьма важную роль при посвящении в эфебы⁴⁹⁵. Характерно, что на подчиненном Афинам Делосе в середине II в. до н.э. также почитался Демос (афинский) наряду с местной Гестией и римской Ромой (ID. 2605)⁴⁹⁶.

Утверждение и распространение культа Демоса (причем Демократия воспринималась как вполне синонимическая фигура) в эллинистических Афинах показывает уровень распространения и восприятия демократической идеологии, причем основы подобного восприятия закладывались еще в классическую эпоху, и распространение имен с корнем *dem-* в среде афинского гражданства может служить индикатором такого распространения.

Таким образом, приведенные выше данные позволяют утверждать о некотором увеличении доли имен с корнем *dem-* среди всех афинских имен как к началу IV в., так и в течение самого IV в. Причем в политически активных кругах, среди «политического класса» эта доля заметно выше. Имена с корнем «демонстративно аристократическим» *arist-* становятся менее популярными, но *hipp-*, *kall-* и другие «более нейтральные корни» широко используются. Широкий средний класс, прослойка «демократической аристократии», питал склонность к использованию «демократически значимых» имен. В Афинах V–IV вв. до н.э. аристократия сначала мимикрировала под демос, а потом слилась с

⁴⁹⁴ Хабихт. Афины... С. 179. См. также Micalson J.D. *Religion in Hellenistic Athens*. Berkeley – Los Angeles, 1998. P. 172 ff. (автор полагает, что   могли просто означать «благодарности» тем гражданам и иностранцам, которые приняли активное участие в освобождении Афин от македонского владычества в 229 г.).

⁴⁹⁵ Micalson. Op. cit. P. 173.

⁴⁹⁶ Ibid. P. 217.

его верхушкой. Анализ собственных имен дает возможность «почувствовать» этот процесс. Кроме того, статистика имен позволяет судить о статусе и идеологических предпочтениях той или иной социальной группы афинян классического времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, какие новые черты афинского общества и – шире – общества древности открылись в результате вышеперечисленных исследований?

Тот факт, что в Афинах классического периода неорганизованные массовые собрания (толпы) не играли практически никакой роли в политической жизни, кажется самоочевидным, и его можно объяснить как сравнительно небольшой численностью населения Афин по сравнению, скажем, с эллинистической Александрией и позднереспубликанским и императорским Римом. Но это не совсем так. Анализ слов, которыми греки и римляне обозначали толпу – *ochlos*, *plethos*, *vulgus*, *turba* – демонстрирует существенную разницу греческих и римских представлений о толпе.

Само появление и распространение слова *ochlos* свидетельствовало о возникновении (во всяком случае, в афинском обществе) новой проблемы – проблемы активного участия всего коллектива граждан в политической жизни полиса. На место аристократов – простатов демоса приходят демагоги, и рядовые граждане начинают осознавать, что политические лидеры находятся от них теперь в большей, нежели раньше, зависимости. Уровень компетентности новых политических лидеров, возможно, и уменьшился, однако новый баланс сил обеспечил стабильность афинской политической системы еще в течение нескольких десятилетий.

Перипатетическая традиция, которой пользовался и Полибий, превратила *ochlos* из оценочного, эмоционально окрашенного слова в почти «научный» термин, фиксирующий социальную реальность эллинистической Греции. При этом, однако, почти стерлось различие между ним и близкими по значению *plethos* и *hoi polloi*.

В Риме эти две тенденции нашли выражение в разных словах, что можно наблюдать уже у Тита Ливия. *Turba*, как правило, выражает неустойчивость, изменчивость, свойственные народной массе, *vulgus* характеризует прежде всего социальную дистанцию между низшими сословиями и людьми, причастными к власти (сенаторами и др.); при этом *vulgus* обычно не несет никакого отрицательного оттенка, поскольку обозначает незыблемую социальную реальность.

Vulgus – не "социальный термин", не *terminus technicus*. В I в. до н.э. *vulgus* стало бранным словом у части римской элиты, пытавшейся поставить риторический барьер между "нами,

образованными, которые у власти" и основной массой населения (мы – другие, мы – не *vulgus*). Новая власть, однако, числила *vulgus* в числе своих опор: и Цезарь, и Плиний Младший, и Светоний, не стремились осуждать "невежественную толпу".

Такое отношение к толпе, *ochlos*, невозможно представить в Греции. Но *охлос* – это деградировавший полновластный демос, в Риме же *vulgus* изначально не обладала реальной властью. Существование *vulgus* – специфика Рима, и это нашло отражение в сочинениях римских авторов.

Таким образом, у греков не было понятия толпы как неорганизованного массового собрания отдельно от черни, т.е. низших слоев населения. В классической греческой литературе *ochlos* и *demos* почти неразличимы. Существовали факторы, которые коренились в самой природе греческого полиса и – как следствие – в социально-политической структуре демократического полиса. Демократия – слегка организованная толпа. Греческая демократия была в какой-то мере демократией толпы. Демократия по многим понятиям была *охлократией* (поэтому *охлократия* как отдельное понятие появилась только в эллинистический период), и Платон не был совсем не прав, рассматривая все многочисленные собрания как одинаковые по своей природе.

В силу самого характера афинской «демократии прямого действия» «человек из толпы» быстро и неизбежно превращался в «гражданина в народном собрании». Что касается негражданского населения, то оно было слишком подавлено и разобщено, чтобы принимать участие в политической борьбе в любой форме – организованной либо неорганизованной. Полисные институты были предназначены для толп, слегка организованных толп граждан. Только опасность для независимости полиса могла подвигнуть граждан на некое подобие массовых спонтанных действий. Это в какой-то мере подтверждает и восстание афинян против Клеомена и Исагора, и оборона Спарты от фиванского вторжения. Спонтанные толпы не оказывали заметного влияния на принятие политических решений в Афинах классической эпохи. Другое дело, что происходит некое перераспределение власти внутри полисных институтов: в IV в. большее значение приобретают суды. Конечно, в самом народном собрании появляются признаки спонтанности, неорганизованности (процесс стратегов-победителей), исчезает *остракизм* – формализованное и даже ритуализованное устранение политических противников, но влияние толп проявляется только в отдельные критические моменты (переворот 411 г.) и весьма незначительно.

Должны были произойти перемены в социальной психологии,

чтобы позволить грекам действовать как толпа (например, как в Александрии). Эти процессы имели место в эллинистическое время и были связаны с ослаблением влияния полисных институтов.

Таким образом, действия толпы не оказали непосредственного влияния на политическую жизнь греческих городов в классический период (во всяком случае, у нас нет свидетельств о подобном влиянии). Влияние было, но оно осуществлялось через идеологическую сферу. «Угроза превращения в толпу» использовалась противниками демократии в антидемократической пропаганде.

Политические лидеры в своем отношении к толпе не очень выделялись из рядовых граждан. Лидеры столь противоположной направленности (и «традиционные» политики, – такие, как Никий, и демагоги – такие, как Гипербол), не могли действовать вне традиционных рамок политической борьбы и не думали о том, что можно как-то использовать неорганизованные массовые собрания. Никий попросту боялся толпы, черни, Гипербол же пытался втиснуть новые приемы и новую этику политической борьбы в старые рамки. Для него лично итог оказался плачевным, но опыт был учтен; остракизм исчез из политической практики, и афинские демагоги IV в. до н.э. действовали уже по-другому. Только политически гений Алкивиада на исходе V в. оценил феномен толпы и сделал первую попытку ее использовать.

Не зафиксировано заметного влияния неорганизованных массовых собраний на афинскую политическую жизнь в IV в. до н.э. Однако «угроза толпы» стала важной фигурой идеологической полемики. Чем иначе можно объяснить всплеск осуждения толпы в риторических и философских школах Афин (Платон, Исократ), которые как будто бы основывались на реалиях афинской политической практики? Дело в том, что антидемократически настроенные мыслители подменяли противопоставление «политик – толпа» на оппозицию «мудрец – несведущие» (т.е. «философ – толпа, чернь»). Первая не могла существовать в демократических Афинах, зато вторая служила лозунгом антидемократической философской утопии. Для этого и производилась подмена понятий: легальный полисный институт отождествлялся с неорганизованным собранием (толпой), которое присуще негражданам и варварам. Для Платона охлос (обозначавшее как толпу, так и демос) стало бранным словом, таковым оно было и для обращавшихся к массовой аудитории ораторов (только, естественно, применяли его не к своей аудитории, а к аудитории своего политического противника). Аристотель (а вслед за ним перипатетики) стал его использовать как нейтральный научный термин для низших слоев либо всей массы демоса, но все

это, собственно говоря, уже не имело отношения к толпе как феномену политической жизни. Не более того. Охлос-толпа и охлос-чернь разделились окончательно.

Таким образом, противники демократии запугивали своих слушателей угрозой превращения державного афинского демоса в буйный охлос, сравнивали действия народного собрания и суда с поведением толпы. Однако это были, в сущности, арьергардные бои, которые вели остатки антидемократической элиты. Насколько глубоко проникло влияние демократической идеологии в афинский гражданский коллектив, можно судить по собственным именам граждан классических Афин.

Сама система древнегреческого имяназвания давала возможность «идеологической/политической маркировки» имен: составные имена предполагали наличие двух корней с позитивным значением. И в Афинах V–IV вв. до н.э. эта возможность была востребована обществом. Имена с корнем *dem-* и с некоторыми другими корнями подчеркивали сначала лояльность части афинской аристократии новому режиму, а потом и распространились и среди политически активной части демоса. Они стали своеобразным маркером новой политической элиты Афин, характеризовали «правлящий класс» победившей демократии.

Многу были сделаны три попытки «подступиться» к антропонимическому материалу классических Афин. Первая, «глобальная», с использованием методов математической статистики, которые применялась для анализа всего массива аттических имен, была новаторской, но по сути малоудачной. Она привела к вполне ожидаемым выводам об увеличении популярности как новых «демократических» имен, так и вполне традиционных – с «аристократическими» корнями – от V к IV в. до н.э.

Значительно более успешным был анализ индивидуального имяназвания в некоторых афинских семьях, который стоял на твердой почве хорошо разработанной научной традиции просопографических исследований. Он показал, каким образом «политически мотивированные» имена сначала распространились в среде лояльной демократическому режиму аристократии, а затем – и среди части демоса. Однако всё это были лишь отдельные случаи, и непонятно, насколько они были типичны для всего гражданского коллектива. Поэтому возник вопрос о достоверной выборке.

Подобную выборку дают закрытые (конечные) ономастические комплексы – общественные надгробные надписи, списки архонтов, судей, членов Совета пятисот и некоторые другие. Они как ограничены хронологически (т.е. позволяют проследить динамику процесса), так и зачастую дают определенный социальный

срез. Для их анализа вполне достаточно простых методов описательной статистики. Оказывается, что доля имен с корнем *dem-* (как и, в меньшей степени, с корнем *arist-*) может служить показателем близости той или иной группы людей к политической элите демократических Афин. На основании данных антропонимики классических Афин можно сделать вывод о возникновении «демократического нобилитета» – слиянии части аристократии и политически активной верхушки демоса в единую социальную прослойку. Таким образом, изучение «политической ономастики» классических Афин позволяет существенно расширить возможности источниковедческого анализа, а также извлечь дополнительную информацию из хорошо известных и многократно исследованных источников.

Итак, в Афинах классической эпохи происходит постепенная социально-политическая эволюция двух слоев гражданского населения – аристократии и демоса. Значительная часть аристократии все больше и больше приспосабливается к демократическому режиму, стремится отождествить (вплоть до практики имянаречения детей) себя с демосом. Только небольшая (хотя и наиболее публицистически активная – Критий, Платон, Исократ) часть аристократии стремится вступить в политическую борьбу (в конце V в.) или идеологически противостоять (в IV в.) победившей демократии. Причем в одних и тех же аристократических семьях встречались представители разной политической ориентации.

Эволюционировал и демос. Демократические институты позволяли демосу оказывать эффективное влияние на политическую жизнь, и это влияние осуществлялось именно в институциональных рамках. Спонтанные выступления демоса были крайне редкими и оставались на периферии политической жизни.

Все эти факторы способствовали стабильности афинской демократической системы. «Демократические» собственные имена можно рассматривать и как показатель подобной стабильности, и как свидетельство успеха демократической идеологии, если не на уровне теоретических трактатов, то на уровне влияния на повседневную жизнь жителей Афин.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

S.G. KARPYUK SOCIETY, POLITICS, AND IDEOLOGY OF CLASSICAL ATHENS

SUMMARY

INTRODUCTION

All contemporary students of classical Athens have one and the same problem – to find a new field for their studies. There are a lot of books and articles on any aspect of society of classical Athens, so it is very difficult to discover something new considering rather stabile *corpus* of our sources. In my rather fragmentary book I shall make an attempt to consider those aspects of society of classical Athens, which were not popular among the historians before. I mean, first, role of the crowds (unorganized mass gatherings) in the political life, and how the political leaders (Nicias, Hyperbolus) tried (or did not try) to use this phenomenon, and, second, influence of political ideas onto name giving, i.e. to analyze ‘politically tinted’ personal names of the Athenian citizens. Do personal names of the Athenian citizens give any ground for political or ideological connotations? If so, is it possible, based on the analysis of personal names, to add a new page to the study of political ideas of the Athenian democracy?

There is no traditional ‘historiographic’ chapter in this book, but two historiographic essays at the beginning are homage to my teachers and predecessors.

The Case of the Appointment of a Professor of Greek Philology to the Staff of Moscow University

This chapter is devoted to a curious episode in the history of Russian antiquity studies, a long (1900–1902) search for a successor of professor Schwarz who taught ancient Greek language and literature at Moscow University. Professors Scheffer, Mishchenko and von Stern were among the candidates, but failed to get the post for different reasons, whether personal, academic or political (The Ministry of Public Education came out against the appointment of Mishchenko). Finally, the authorities chose the candidature of Professor Alexander Nikitsky, a well-known specialist in Greek epigraphy. On the basis of archival documents the article throws light on the relationship existing among Russian professors, important for study of the history of science.

Between uniqueness and ordinariness: Greek polis in Russian and Soviet historiography

The interest in ancient Greece appeared in Russia as a result of the European or European-like modernization of the Russian society and culture in the 18th century. Greek polis has never been the point of ideological discussions in Russia. The authors of medieval ideological constructions regarded Moscow as “the third Rome”, so they proclaimed the line of succession “Rome – Constantinople – Moscow”, and their

interest to empire and to Christianity always prevailed over that of to classical antiquity. Russian intellectuals of the 19th and 20th centuries have never been interested in the Greek polis, because they couldn't imagine any connection between ancient Greek and contemporary Russian social reality. So only the works of Russian historians will be our field of studies.

It's a very difficult task to analyze the development of any national historiography as a whole, so I'll try to reconstruct only the most important (from my point of view) trends. Surely I am not the first student of the reception of the polis in Soviet and Russian historiography. Almost all the authors of books on this subject tried to analyze the achievements and mistakes of their predecessors. The fullest description of the concepts of Greek polis by Russian and Soviet historians can be found in Eduard Frolov's book "The birth of Greek polis" (Leningrad University Press, 1988). This chapter will be only a sketch of a changing attitude to the Greek polis by Russian and Soviet historians, and I'm going to analyze some specific reasons for these changes. My specific interest lies in the comparison of Greek poleis and Russian medieval cities in Russian and Soviet historiography. Another point of interest is the usage of the word "polis" in the works of Russian and Soviet historians.

Mid-19th century was the starting point for Russian scientific historiography of antiquity. It was much influenced by German scholarship, meanwhile some national characters became clear from this early period. For the Russian liberal intellectuals of the second half of the 19th century the main ideological discussion was the one between "slavyanofils" and "westerners". But it didn't influence much on historiography of ancient Greece, because Russian "slavyanofils" were interested mostly in Byzantine and Russian history, and almost all the Russian scholars of ancient Greek history of that period sympathized with "westerners".

The point of view of Michail Kutorga, the leading Russian scholar of ancient Greece in the third quarter of the 19th century, is a very characteristic one. Kutorga, whose principal works were devoted to the history of Athenian democracy, underlined that the most valuable contribution to the world progress made by ancient Greek city republics were the ideas of personal liberty and freedom of thought. These ideas "transformed the Western Europe and gave it world leadership". But, on the other hand, Kutorga argued that Europe had been divided into two principal cultural regions, German-Roman and Slavonic-Greek, and that Hellenism in both ancient Greek and Christian-Byzantine parts was a source of Russian intellectual ideas.

Nikolai Kareev, a prominent Russian historian and a liberal politician (he was a member of the first Russian parliament), wrote a book "The state-city of antiquity", which even became a manual for Russian high schools. Kareev wrote about continuity between medieval European and modern parliamentary institutions, but he was rather cautious about the possibility of any influence of Greek state-cities onto medieval and modern cities. Michail Rostovtzeff argued for the continuity between Greco-Roman and Byzantine world and early Russian cities. But he admitted the difference between the cities of Kiev Russia, which were commercial cities and had nothing to do with the later development of Russia and with those of Moscow Russia. In his opinion, Moscow in 14–17th centuries was the centre of political life, administrative and military organization. It had the same functions as Babylon, Thebes and other cities of ancient Orient.

Neither Kutorga, nor Kareev, Rostovtzeff or other Russian historians of antiquity made any serious attempt to compare Greek polis with Russian cities. At the end of the 19th – beginning of the 20th centuries the absolute majority of Russian scholars of ancient Greece were interested in specific problems of political and

economic history, epigraphic studies and so on. In any case the scholars of antiquity of pre-revolutionary Russia were very cautious about any connection or proclaiming any continuity between ancient and medieval or modern cities.

Only some scholars of Russian history in the late 19th – early 20th centuries made clear parallels between ancient Greek cities and those of medieval Russia. First of all they took into account so-called medieval feudal-merchant republics of north-west Russia (Novgorod, Pskov). In the polemics of the 1870es about the origins and essence of ancient Russian states many scholars (e.g. Kostomarov and Zatyrevich) argued for similarity of ancient Greek and ancient Russian city states on the basis of alleged similarity of their political life. Another Russian historian of that period, Nikitskii, underlined that both in ancient Russia and in ancient Greece the notions of "the city" and that of "the state" were interchangeable.

So, for the scholars of Russian history continuity between Greek polis and Russian medieval cities was more obvious than for those of ancient Greek history. It was not accidental. Of course, this phenomenon can be explained by the differences of methods used in these particular fields of historical studies. But, to my mind, it was really a result of difference in the historians' methodological and ideological presuppositions. Russian scholars of antiquity were mostly liberal and "westerners" by their sympathies, while the ideas about some specific way of the historic development of Russia were widespread among the scholars of native history. And even the opponents of these ideas tried to prove their conceptions using the idea about the similarities between the polis and medieval Russian city republics.

Soviet historiography was a very interesting phenomenon and Soviet scholars made much for the studies of ancient Greek polis. What is meant by "Soviet historiography"? There is a widespread misconception in the West that Soviet historiography is a Russian Marxist historiography. However, superficial penetration of Marxism into antiquity studies began only in the late 1920es, and its creative development has continued since the late 1950es till the 1970es or early 1980es. For a considerable number of Soviet historians, specialists in antiquity, Marxism has remained «a dead letter», a source of footnotes and nothing else. Therefore, "Soviet historiography" is a territorial and time concept rather than a methodological one.

Soviet scholars of the 1920–1950es were not interested much in polis problems, because their primary interest laid in studies of slavery, class struggle in ancient society and so on. Of course, it was the result of an ideological pressure (slave-owning mode of production was the official historic concept for all ancient societies). Only in the late 50es, after the collapse of Stalinist strict ideological pressure it became possible to diverse historical studies of antiquity.

Soviet scholars had very rarely used the term "polis" before the late 50es – early 60es, but after that the usage of "polis" was quite frequent. "Slavery" was a key-word of the studies of Soviet scholars in the 1930-1950es, and "polis" became such a word from the late 60es onward. Why?

The usage of the word "polis" in Russian and Soviet historiography is an interesting problem *per se*, which can help to explain the evolution of the entire conception. As a rule, Russian and early Soviet historians did not use this term at all. The scholars of the mid-19th century usually translated it as "the state", or "the republic". The Russian historians of antiquity of the late 19th and early 20th centuries (after Fustel de Coulanges, Busolt and others) preferred the translation "state cities", or "city-states".

Soviet students of antiquity until mid-1950es did not use the term polis at all. Only in mid-1950es Kseniya Kolobova began to use the term "slave-owning polis"

and some years later Aristid Dovatur, Sergei Utchenko and others began to use "polis" as a definition for Greek city-states and for all city-states of antiquity. This definition became very popular among Soviet scholars of the 1960es – 1980es. A definition of the polis can be found in "The Soviet Encyclopaedia of History": "Polis is a city-state, a special form of socio-economic and political organization of society, typical of ancient Greece and ancient Italy (Latin *civitas*)". Polis is one of the forms of the state based on the slave-owning system.

It is very characteristic that such a prominent Soviet scholar as Elena Shtaerman used this definition very rarely, because of its clear positivist colouring. But her point of view was peripheral if not exotic for the late Soviet scholarship.

The polis and polis theory didn't become a kind of a "new orthodoxy". It was a construction which often used to hide the absence of any theory, including the Marxist one. So the term "polis" had a function of "a shield" against any ideological pressure. This simple weapon really helped many Soviet scholars to do their job quietly and secured the victory of positivism in the field of methodology. Only for some scholars (among them, Jurii Andreev, Gennadii Koshelenko) polis studies were of real interest in methodology.

It is necessary to mention the discussion about the Asiatic mode of production which was very important for Soviet scholars in the 1960es – early 1970es. The point of this discussion was the problem of difference between Asiatic and antique modes of production (as it was formulated by Marx), and the problem of specific characters of the Oriental economy. The Soviet students of antiquity didn't take an active part in this discussion. But for them it became a reason to think about specific characteristics of the polis, the interest in Near Eastern communities led to the interest in Greek and Roman civic communities. Elena Shtaerman argued for the theory of the uniqueness of polis institutions and their principal influence on the development of European civilization. Greek polis was considered as a unique deviation from the usual "oriental" way of development of human society. The discussion about the crisis of the polis, unlike that of Asiatic mode of production had a purely scholar audience, but didn't arise any public interest. Greek polis could not be regarded as an important or actual topic for the Russian intellectual opinion in Soviet times either. Meanwhile the idea of the crisis of the polis in the 4th century B.C. and later became rather popular among Soviet scholars (Liya Gluskina, Lyudmila Marinovich). Now this conception is important only for historiography, but it played an important role in the evolution of our views on polis.

What were the reasons for Soviet scholars to support this conception?

Of course, it was not because of ideological pressure, as in the case with "the revolution of slaves" in the 1930 – 1950es. For Soviet historian of antiquity to be a Marxist was very profitable, but rather dangerous in the 1930 – 1950es, and rather profitable, but not very prestigious since mid-1950es. Surely, there were specific scientific reasons for attention to this aspect. But maybe the interest to the crisis problems was not accidental and reflected some public or intellectual necessity? Can we speak of some historic feeling of the Soviet historians in this case? I think we can. Only one example: in the opinion of Liya Gluskina, the main reason for the polis crisis was the rising contradiction between the interests of individuals and those of the state (polis) in the 4th century B.C. and later, and the polis crisis was the result of crisis of the polis ideology, first of all, and not that of the polis economy. Ideology prevailed over economy; it was a conclusion, very untypical of the Soviet scholars. The conception of polis/city dichotomy, supported by Gennadii Koshelenko, was

another example of a creative development of Marxism by Soviet scholars in the late 1970es – early 1980es.

So the polis remained for Soviet scholars of antiquity an instrument for a purely scholar analysis. But for the scholars of native history it remained a sign of the European (western) way of development, and they tried and still tries to connect (at least to compare) Greek polis with Russian medieval cities. This comparison should "prove", to their mind, the similarity between Kiev Russia and Western Europe. This idea was not a new one; it was supported by Michail Rostovtzeff in the beginning of our century. The scholars of Russian history in the 1970 – 1980es reanimated the concept of similarity between ancient Greek and medieval Russian cities and made clear parallels between ancient Greek cities and those of medieval Russia again. This point of view was supported mostly by St.-Petersburg scholars (I. Froyanov and others). But it was only a remake of an old conception.

In the late 80es during the discussion in "Vestnik drevnei istorii" Elena Shtaerman tried to proclaim her (Marxist) views on ancient communities; but for her opponents they were the *plusquamperfectum* of historical studies. The discussion in "Vestnik drevnei istorii" on the problem of the rise of ancient states showed clearly the complete victory of the positivist theory in the Russian historiography of antiquity. Both the young and the middle generation of modern Russian scholars of antiquity escape any methodological problems and prefer studies of concrete fields. It is a very natural and understandable response after a long period of strict ideological pressure. It takes years to return interest to methodology of history in Russia.

So the polis problem has disappeared from the works of modern Russian scholars of antiquity. As a rule the terms "polis" and "state" are used interchangeably by the scholars of antiquity in Russia now.

To sum up, the polis has never been in the centre of wide-scale intellectual discussions in Russian and Soviet society. It was too far from the main points of interest for intellectual discussions in Russia: the problem of interaction between the power and the individual and that of the place of Russia between the West and the East. Greek polis couldn't help to explain the alleged Russian uniqueness; it had remained a sign of European ordinariness, and the students of Russian history tried to compare it (maybe in vain) with medieval Russian cities. But for the Soviet scholars of antiquity since the late 1950es the "polis" has had a very important role as a professional term. So the uniqueness of Greek polis became very useful in rather unique conditions of Soviet historiography.

I. ATHENIAN POLITICAL LEADERS

Nicias: The Last Politician of "the Old School"

Nicias is not the brightest star among Athenian politicians. He was not lucky, a major Athenian defeat in Sicily is associated with his name. Modern scholars, for the most part, are interested in Thucydides' attitude to Nicias. However, Nicias is a critical figure in the history of the political life of Athens. He is, probably, the last politician who tried under new conditions to act on the pattern of "the age of Pericles". His personal failure is connected with a changed mentality of the Athenian citizenry which Nicias did not take into account. It is significant that warning the Athenians against Sicilian expedition, he pointed out to the remoteness of Sicily and magnitude of the whole undertaking. His arguments were similar to those of Themistocles who before Cyrus' invasion called for building a fleet to fight against

Aegina, the adversary quite tangible and understandable. But the mode of behaviour of the citizenry had drastically changed; the Athenian *demos* of the time of Nicias was absolutely sure of its strength and invincibility of Athens. It was a manifestation of the imperial psychology – the times of *arche* had left their mark.

Words used by Herodotus, Thucydides and orators testify to the fact that the Athenian *demos* was gradually acquiring features of the mob (*ochlos*) and that the politicians of the old school were being replaced by politicians of a new type – demagogues Cleon, Hyperbolus and others.

Nicias' political career began under Pericles, at the start of the Peloponnesian war he conducted a few successful operations as a *strategos*. In the course of his famous political debate with Cleon (425 BC) he cedes his initiative to his adversary. The top of Nicias' activity falls on the end of the 420ies when he initiated a peace agreement between Athens and Sparta.

During the Sicilian expedition Nicias acted indecisively, which was one of the main reasons for the crushing defeat of the Athenians. Despite this fact, Thucydides stresses his valour, the valour of a politician of the old school who had to deal with *ochlos*, rather than with *demos*. With Nicias' death and the Sicilian defeat a new era dawned for Athens – the imperial grandeur became the thing of the past, the *arche* ceased to exist, and a new type of a politician, politician-demagogue appeared in the foreground of the political life.

Hyperbolos, "A Wretched Man"

Fate of the well-known Athenian popular leader, whose pick of political activity fell on the height of the Peloponnesian war, attracted attention of ancient and modern historians primarily in connection with the end of ostracism. Was political activity of Hyperbolos something really new or did he only continue political course of Cleon? What were the relations between Hyperbolos and the Athenian *demos*?

Tradition depicts Hyperbolos as a follower of Cleon's methods, but not as a follower of his successes. According to the contemporaries, Hyperbolos was distinguished for his "meanness". He was blamed for sneaking (*sukophantia*), Aristophanes and Thucydides called him *mochtheros* ("wretched", "worthless").

All that could not help to afflict the attitude of the Athenian *demos* towards Hyperbolos. Hyperbolos was the "eternal second", he was always in the shadow: Cleon shaded him in the beginning of his political career, Alcibiades did the same towards the end. During the short period (since 422 till 420 or 419 B.C.), when Hyperbolos was the head of the radical wing of the Athenian politicians, his aggressive foreign policy did not receive support of majority of the Athenian citizens.

Hyperbolos held various posts and liturgies, but he never was a *strategos*. The Athenians gave less credence to him than to Cleon. His exile was a great surprise for Hyperbolos himself first of all. He fell a victim of a political collusion. This ostracism was condemned by the Athenian public opinion for two reasons: one of them was the "meanness" of Hyperbolos, the other was uselessness of that ostracism for the solution of the main political question of the time – to organize the Sicilian expedition or not.

The attitude of Hyperbolos to the Athenian *demos* and the rules of political struggle did not differ too much from the attitude of the politicians of the earlier period. Hyperbolos was a person noted for his non-aristocratic origin, rhetoric tricks and propaganda of the policy of expansion. Hyperbolos acted in a rather traditional way – through the court and the Assembly. But at the end of his life he had possibility

(and even necessity) for direct appeal to the masses. The Athenian *nautikos ochlos*, so fearful for the oligarchs (Thuc. VIII.72), concentrated on Samos, where Hyperbolos lived in exile. We have no indications that he tried to affect public mood of the masses (that was later done by Alcibiades). Hyperbolos remained in the old limits of political struggle; he turned out to be defenseless and was killed. Hyperbolos, the last Athenian, who was exiled through the procedure of ostracism, happened to be the only person banished through ostracism and killed by an Athenian during his exile.

Still Hyperbolos did not receive sympathy from later tradition; for the later generations his history was only an instructive example of "wrong" application of ostracism, upward flight and collapse of a "mean" person in politics. And a real "new politician" he was: he appealed to all *demos*, to the Assembly, trying to introduce new methods and new morals of political struggle into old limits. The result was deplorable for him personally, but the experience was taken into consideration: ostracism disappeared from the political life and the Athenian demagogues of the 4th century B.C. began to act differently.

II. ROLE OF THE CROWD IN SOCIETY OF CLASSICAL ATHENS AND AFTERWORDS

Ochlos from Aeschylus to Aristotle: History of the Word in the Context of History of Athenian Democracy

The changed character of Athenian democracy in the last third of the fifth century BC has become a universally accepted statement in scientific literature the roots of which could be found in the pronouncements of ancient authors. As a rule, this assertion is accounted for by the rise of new leaders of non-aristocratic origin who played the leading role in the political life of Athens beginning with the Peloponnesian war. The advancement of the new politicians to the foreground became possible as a result of changes in the social psychology of the *demos*. In general this point of view should be considered right, but in our view it needs some corrections and corroboration not only by certain "selected" quotations from works of ancient authors. To get a complete and reliable picture we have made up our mind to analyze all the uses of the word *ochlos* in all the texts of the fifth–fourth centuries BC up to and including Aristotle. Studying this evolution is interesting not only as an end in itself, it makes it possible to clarify the views of ancient authors who used the word in different contexts, sometimes in different meanings.

I begin with **Pindar**. In his Fourth Pythian Ode he glorifies king Arcesilaus of Cyrene who "went anon and stood where all the crowd was thronging in the market-place (*en agora plethontos ochlou*)" (Pyth. 4. 83 sqq.). And the crowd problem stood more seriously in this period of wider and wider citizen participation in public affairs.

Theater. The Athenian theater was not only a place of regular public gatherings, it was a place where people gatherings were spoken about. Aeschylus had some interest in politically important gatherings. For him "crowd" is usually a crowd of warriors (*Suppl.* 182; *Pers.* 42, 53, etc.), enemies (*Sept.* 35), Scythians (*Prometh.* 417). Sophocles mentions "the wild crowd" (*agrostes ochlos*) in a fragment of *Alexander* (fr. 91 Nauck = fr. 94 Pearson) and in *The Trachinians* a great crowd (*polus... ochlos*) of the Trachinians gathered *en mese Trachinion agora* (*Trachin.* 423 sq.), which, of course, alludes to the Assembly.

The theater of **Euripides** was, to paraphrase the famous Gettysburg Address of President Lincoln, for the people and of the people, and, naturally, “the people” here means “the Athenian citizens”. It is not surprising that his plays contain many mentions of people gatherings. Euripides often uses *ochlos*, *athroizo* and its derivatives, sometimes *homilos*, *plethos*, and other words for their designation. Surely, these words do not primarily and necessarily designate non-organized crowds. *Ochlos* sometimes describes a throng of servants (*Hippol.* 842; *Heracl.* 976), warriors (*Hecub.* 521; *Rhes.* 312 sq.), *homilos* one of sailors (*nautan... homilon* - *Hec.* 921), *athroizo* one of suppliants near Zeus’ altar (*Heraclid.* 122).

A crowd means danger, even it consists not of strangers. Any crowd, any gathering is a specific place of danger for women. Iolaus warns: “...for we think shame to let young girls Stand, a crowd’s gazing-stock, on altar-steps” (*Heraclid.* 43 sq.). Helen is sure that “to pass mid throngs baseemeth maidens not (*eis ochlon herpein parthenoisin ou kalon*)” (*Orest.* 108). Antigone is even more decisive: “I shrink from throngs! (*aidoumeth’ ochlon*)” (*Phoin.* 1276). And, of course, we should remember the role which the throng of Argives played in Iphigenia’s fate.

But it is not a specific women’s problem. Even Agamemnon is afraid of a crowd, and Hippolytus is very proud that he cannot *par’ ochlo mousikoterai legein* (*Hippol.* 988 sq.). This crowd is, of course, quite organized. Tyndareus is in a hurry *eis ekkleton Argeion ochlon* to learn about Orestes’ fate (*Orest.* 612; cp. 119, 1280, etc.). The Argives gathered on the hill are expected to make a decision about Orestes’ fate (*Orest.* 871 sqq.; 884 sqq.). It is a clear allusion to the Ecclesia.

So for Euripides “a crowd” means first of all the *demos*, the citizen body; only occasionally, when dealing with a non-polis context, it means unorganized gathering which can be dangerous for a concrete person, but absolutely not important in the political life.

Can **Aristophanes**, a real “insider” in everyday life of rank-and-file Athenian citizens, help us? His complaints about noisy urban life are well-known: that of Dicaeopolis comments in *The Acharnians* on the crowding around at the Pnyx and the noise in the market place, typical signs of the city – *astu* (*Ach.* 33 sqq.). The crowd (the throng of warriors) to the poet is comparable to locusts (*Ach.* 150). But everyone who expects to see descriptions of crowds in Aristophanes’ plays will be greatly surprised. Where are they? Let us take a closer look.

First of all, official gatherings: in *The Frogs* Aristophanes uses twice the expression “crowded people” (*laon ochlos*) to designate people celebrating a religious festival (676 sq., 219). And even more: when Dicaeopolis arranges his private Dionysia, where only he and his family participate, he is afraid of this *ochlos* (*Ach.* 257 sq.). Of course, this is a comic exaggeration, but obviously the Dionysia were very crowded. In *The Ecclesiazusae* Chremes describes the crowd of Athenian women gathered in the Pnyx, which he regards as a crowd of shoemakers (*Eccl.* 383 sq.). Later Blepyrus again mentions the gathered in the Ecclesia (*Eccl.* 393). In *The Knights* the Sausage-seller describes to Demos the gathering of sellers in the Athenian agora (*Eq.* 850 sqq.). But this concerns everyday market activity and has no political importance.

There are two mentions of crowd activities out of public places. In *The Wasps* (1334) The Guest (Sympotes) threatens Phylocleon to come with all the throng of those aggrieved by him. The Guest means, that Philocleon’s private house would become the place of probable crowd gathering, but, of course, his threats were virtual enough. In the latest Aristophanes’ comedy, *Plutus*, we in fact can see crowd in an

“unofficial” place. Cario describes Plutus coming to Chremylus’ house with a great crowd (*ochlos*), consisting of just men (*hoi dikaioi*), but poor before (*Plut.* 749 sq.).

In Aristophanes’ comedies the description of people’s gatherings occurs very rarely. It is not occasionally that in *The Birds* the characters wonder at birds’ gathering as something unusual (*Av.* 291 sqq.; 305 sqq.). Only for the first sight it could seem strange that there are no pictures of any gathering in some of his plays, including *Lysistrata*. Aristophanes (and his characters) could have imagined a crowd, but only in Pnyx, or agora, i.e. in the “official” places.

But in his latest play the poet was able to imagine mass gatherings in a non-official area. It is difficult to decide, whether it was reaction to some social or ideological changes, or something else. Aristophanes’ crowd is primarily an official gathering of citizens.

Historiography. *Herodotus’ Histories* are full of mass actions: his purpose was to describe “the great and the wonderful actions of the Greeks and the barbarians” (1. intr.), and these *erga* definitely demanded the masses to participate. But this does not really mean that the Herodotus was in any way interested in spontaneous gatherings of inhabitants of the Greek cities. He describes a great throng (*pollos homilos*) of the Persian warriors plundering Sardis (1. 88. 3); during the siege of Babylon Cyrus managed to divide the Gindes river into many trenches because he had a great throng of warriors at his disposal (1. 189. 4). However, it is very difficult to find any mention concerning crowd in the Greek cities. Only extraordinary situation, such as Xerxes’ invasion, results in appearing of such a crowd (e.g. *homilos* of the Phocians ascending the heights of Parnassus in order to escape the Persians – 8. 32. 1). But usually crowding is more usual for barbarians: e.g. the crowd of men surrounding the maidens during the ritual of “selling the bribes” in Illiria (1. 196. 1).

Herodotus’ lexica differs from those of posterior authors. He used *ochlos* only once, but in the meaning of “a trouble” (1. 86. 5), he used *athroizo* and its derivatives only four times, and his favorite word to designate any multitude was *homilos* (21 times), e.g. all the multitude (*homilos*) of Persian allies fleeing away after the battle of Plataeae (9. 67; cf. 9. 70. 1). But *homilos* for Herodotus was primarily a mob, not a crowd, and it becomes clear from his famous “dispute of the three Persians” where Megabyzus condemns the multitude (*plethos*): (3. 81. 1).

So, for Herodotus crowd, unlike mob, was neither a political problem, nor a sphere of his particular interest.

What was crowd for *Thucydides*? Thucydides was the historian of a war, and most part of the cases of mass gatherings in his work are those of military men, soldiers, or military ships. *Ochlos* for the historian usually means disordered military men (as *homilos* was); wherever he uses the verb *athroizo* and its derivatives he deals with the military events.

The historian used *ochlos* and *homilos* interchangeably to designate the crowd at religious processions (6. 57. 2) and ceremonies (2. 36. 4; 6. 30. 2 and 32. 2). He used the same words (*ochlos*, *homilos*) to designate the mob. Both words could denote the whole demos, but only when it manifested the worst features specific for a mob or when reference was made to an excited mass of people or the worst part of the Athenian demos (*nautikos ochlos*) (6. 20. 4; 7. 62. 2; 8. 72. 2). Thucydides often used both *ochlos* and *homilos* as derogatory synonyms for *demos*. The real situation may be distorted to please *ochlos* (= *demos*). This is what Nicias feared (7. 8. 2). *Ochlos* (= *demos*) headed by demagogues may do wicked things. This is what Alcibiades said to the Spartans (6. 89. 5).

Demos may turn into *ochlos* by falling into disarray in the course of hostilities

or by losing common sense in the time of peace and acting like a mob. *Demos* is a regular population of a polis, and if “the cities in Sicily are peopled by motley rabbles (*ochlois te gar xummektois poluandrousin*)” (6. 17. 2), and this mob has no political culture (6. 17. 4), it is the sign of their weakness, which makes them somewhat similar to the barbarians. For Thucydides *demos* and *ochlos* were two sides of the activity of a civic community – normative and not specific for citizens. That’s why *ochlos* for the historian was mostly the mob. His expression “as the mob (*ochlos, homilos*) likes to do (*philei poiein*)” (2. 65. 4; 6. 28. 3; 63. 2) shows his attitude to the lower strata of Athenian citizenry and does not characterize, either positively or negatively, his attitude to mass gatherings.

All mass civil gatherings described by Thucydides were the organized ones: the religious festivals, the audiences of political speeches (e.g. 4, 106, 1). They have their appropriate place in the city (agora, Kerameikos, Panathenaic way, etc.); maybe only farewell ceremony to the Sicilian expedition took place not in appropriate place, but simply near Pireaus’ harbor (6. 30. 1 – 31. 1; 32. 1–2).

To compare with that of Thucydides, there are some differences in **Xenophon**’s attitude to crowd. Thucydides’ related *lexica* differs from Xenophon’s one, but that is not very important. Like Thucydides before him, Xenophon often uses *hathroizo* and *hathroos* to designate a compact mass or mass formation of infantry warriors (*Hell.* 5. 1. 7; 1. 12; 2. 23; 2. 24; 2. 38, etc.), chariots (*Hell.* 4. 1. 19), or combat ships (*Hell.* 1. 1. 13; 3. 17; 6. 3; 6. 33; 2. 1. 28; 1. 31; 4. 8. 6; 7. 1. 4). Unlike Thucydides, Xenophon did not use the word *homilos* at all. In *Anabasis* he uses *ochlos* mostly to designate an army or part of it. For Xenophon *ochlos* often is no more than *terminus technicus* which designates the non-combatants, the camp-followers (*Anab.* 3. 3. 6; 3. 4. 26; 4. 3. 15, 26 sq.; 5. 4. 34; cf. *Hell.* 6. 2. 23; *Peri Hippikes* 2. 5). But he clearly distinguishes captive slaves from this mass (*Anab.* 6. 5. 3). *Ochlos* means the entire barbaric (not Greek!) army too (*Anab.* 2. 5. 9; 4. 1. 20); in the *Cyropaedia* Xenophon uses this word to designate the armies of Cyrus’ enemies (*Cyr.* 5. 2. 35; 4. 48; 5. 4). Like for Thucydides, for Xenophon *ochlos* means an unorganized or disorganized army (*Cyr.* 4. 2. 6; 5. 2. 35; 6. 1. 26; *Anab.* 2. 5. 9; 7. 1. 18; *Kyneget.* 17. 5).

There is only one exception, but a very specific one. The retreating Argive army was transformed into *ochlos* (*Hell.* 4. 4. 11: 392 B. C.), but the Spartan army retreated in the battle of Leuctra, as Xenophon notes, under the pressure of the *ochlos* of the Thebans (*Hell.* 6. 4. 14)! And this is the only place in Xenophon’s works when *ochlos* in a military context loses its technical meaning and becomes a very emotionally colored word. Surely, for Xenophon, who was a Laconophile, the Spartan army could not be an *ochlos* in any case.

Throng in the battle-field, “crowd-in-arms” was quite a usual thing. But what’s about non-military contexts, more interesting for us? And *Hellenica* gives us some interesting examples.

Callicratidas, a Spartan commander, gathered the assembly of the Milesians (*Hell.* 1. 6. 8): it is an example of an organized gathering in special, not ordinary, circumstances. Xenophon also mentions everyday people gatherings (*ochlos*) in Pireaus (*Hell.* 1. 3. 22), and some special public events. The crowd (mob?) (*ochlos*) gathered to meet Alcibiades (*Hell.* 1. 4. 13), or Theramenes and his embassy (*Hell.* 2. 2. 21). During the discussion on the case of generals, victors at Arginusae, the mob (*ochlos*, i.e. the majority of the Assembly) demanded to convict the generals immediately (*Hell.* 1. 7. 13).

Is it really possible to speak about any special social importance of crowds in Xenophon's works? Maybe not, because for Xenophon the mob, not the crowd, was the important participant of the Athenian political life. Of course, there is a clear opposition in *Memorabilia* of being in crowds (*en tois ochlois*) and being in private companies (*en tais idiais homiliais*) (3. 7. 5). But Socrates' *ochloi* are surely regular ones, and Socrates calls their representatives: "It is the fullers among them or the shoemakers or the carpenters or the smiths or the farmers or the merchants or those who barter in the agora and worry about what they can buy for less and sell for more whom you feel shame before? For it is from all of these that the assembly is composed" (3. 7. 6, transl. by Amy L. Bonnette). The mob (*ochlos*, *demos*) demanded equality, not meritocracy (*Cyr.* 2. 2. 21), and Xenophon surely opposed such a demand. For the historian *ochlos* in non-military contexts was usually not more than a synonym for *demos*, sometimes with a negative coloring.

For Xenophon's *ochlos* there was only one "prohibited field": the citizens of Sparta, the *homoioi* could not be named "the crowd" or "the mob" in any sense and in any case. The Spartan state for Xenophon, as the ideal state for Plato did not and should not have any social and political disorder. But the role of these "disorder-making elements" (and they may be designated as *ochlos*, or *plethos*, or *demos*) was obvious for Athens, in any case, from Xenophon's point of view. But he did not distinguish the crowd activities from that of the mob and had the same attitude to both of them.

In any case Xenophon was the first Greek historian who paid attention to the civil unorganized mass gatherings. Of course, they were not very important for him, it was just a new detail of the Athenian political landscape. It is interesting that Piraeus was a place for such a type of gatherings. But Piraeus was not the center of the Athenian political life, and that's why it attracted ancient author's attention very rarely, only in the extraordinary cases.

Let us check the usage of the word *ochlos*, on the one hand, and the notion crowd, on the other, in the treatise *How to survive under siege* of **Aeneas the Tactician**, an author from Arcadia (a rare example of a non-Athenian author!) of the mid-fourth century B. C. For Aeneas *ochlos* is an unorganized (31. 27) or not the best part of the army (1. 9). In non-military contexts *ochlos* in Aeneas' work usually means population in general (22. 23), *plethos* designates the mass of citizens (14. 1).

Aeneas Tacticus uses *ochlos* to designate people's gatherings too, and it is important that he mentions organized gatherings: sport contests (torch-races, horse-races, etc.), mass religious ceremonies (17. 1, 6). One may expect that Aeneas would be afraid of crowd activities. But being a general he was not afraid of any disturbances in the city. The only occasion when he describes spontaneous crowd activities is the defense of Sparta against the Thebans by self-organized groups of the Spartans (2. 2).

Orators. *Isocrates* who founded in 392 B. C. his school of rhetoric in Athens was not a public orator himself. The reason for that he gives in the *Philippus*: "I was not given a strong enough voice nor sufficient assurance to deal with the mob (*ochlos* ①)" (*Isocr.* 5. 81, transl. by G. Norlin). And in another speech Isocrates claims to be a very artificial orator who has no courage to speak to the crowd (*ochlos*) (*Isocr.* 15. 192). For Isocrates the lowest strata of the city population is the crowd (mob), and he uses *ochlos*, *plethos*, *hoi polloi* interchangeably (2. 16, 48-49; cf. 6. 78; 18. 9). He advises Nicocles "not to allow the multitude (*ochlos*) either to do or to suffer outrage" (*Isocr.* 2. 16, transl. by G. Norlin). Isocrates contrasts the monarch to the demagogue in the terms of their audience, and *ochlos* is the audience of the latter (3. 21). In his

early speech *Busiris* he writes about the necessity of taming of crowd (*ochlos*) to obey to any direction of the authorities (11. 26).

So for Isocrates' condemnation of *ochlos* became an important ideological *topos*. In his vocabulary this word meant usually the mob, but Isocrates never spoke at the Assembly. Speaking at the Assembly (or composing speeches for appearances in court) orators, regardless of their political convictions, could not freely display their arrogant attitude towards their audiences. Both Demosthenes (19. 206) and Aeschines (1. 126 and 2. 99) accused each other that their political opponent perceived the Athenian citizens as *ochlos* (i.e. 'mob' in this context). It is natural that speakers, sensitive to the mood of the Ecclesia and dicasts, while criticizing actions and moods of the demos, could not overstep the line and lose the support of their audience. But what did they speak about gatherings? Usual gathering for the orators is a theater performance (Dem. 21. 59). Isocrates even condemns masses, sleeping during the performances (Isocr. 12. 263). But there are no unofficial *political gatherings* in their works. So, there should be no mob, and there was really no crowd in the Attic orators' speeches. But what was instead? And there are some traces of this imperceptible feature.

Demosthenes accuses Meidias that "he could affront a whole tribe or the Council or some class of citizens (*ethnos*) and harass vast multitudes of you (the audience – *pollous hathroous humin*) at once" (*In Meid.* 131, transl. by J.H. Vince). In another speech Demosthenes enumerates the actions of Philip, and let his audience realize the result: "But, little by little... the foundation is sapped and the integrity of public life collapses (...*huporreousa hathroos te polei blabe gignetai*)" (*De fals. legat.* 228). Maybe this integrity, this polis collectivism made crowd activities difficult, if not impossible.

Philosophy (ideology). It is interesting that there is no mention of crowd(s) and crowd activities in Pseudo-Xenophon's *Athenaion politeia*, and only one mention of *ochlos* there (2. 10). But here *ochlos* obviously means demos. Even the author of this anti-democratic pamphlet could not find any sign of crowd activities in the Athenian political life. But the situation changed after the Peloponnesian war.

Since the beginning of the fourth century BC. *ochlos* became an important word in the *lexica* of the philosophers. **Plato** often uses *ochlos* in his works, moreover, its meaning is often very close to that of *plethos* and *demos*; but *ochlos* is usually more emotionally colored. Surely, Plato uses *ochlos* simply to designate people gatherings, e.g. a crowd of people, following beautiful boys (*Charm.* 154 a), the multitude of Egyptian children (*Leg.* 819 a–b), etc. It is necessary to avoid people's gatherings as Apollodorus explains that he had not visited a symposium the day before, *phobetheis ton ochlon*, and came this day (*Symp.* 174 a). And that was the typical position.

But in Plato's works *ochlos* acquired philosophical meaning too. In the *Timaeus* *ochlos* (opposite to ●◻❖⌘◻⌘◻) designates disorder, and the World-Artificer (Demiurge) speaks about the purpose of creation of the souls as "dominating by force of reason (*logos*) that burdensome mass (*alogos ochlos*) which afterwards adhered to him of fire and water and earth and air, a mass tumultuous and irrational, returns again to the semblance of his first and best state" (*Tim.* 42 c–d). *Ochlos* means not only the absence of order in the world, but also disorder in the state.

For Plato *ochlos* is not only the crowd or even the mob, hated by and hostile to the philosopher, but the great strong beast, whose desires the sophists try to please (*Resp.* 493 a–c). Plato hated the power of "the mob-like beast" (*ochlodes therion*) (*Resp.* 590 b). But most of all Plato hated the jury courts: the worst features of the

Athenians become clear “in the law-courts and in any public gatherings” (*en tois dikasteriois kai en tois allois ochlois*) (*Gorg.* 454 b, e, 455 a). The philosopher feels no more respect to the members of the Assembly; they are charmed by the orators just like a sorcerer charms snakes, tarantulas and scorpions (*Euthyd.* 290 a). And again Plato uses the word *ochlos* to designate the courts and the Assembly meetings. For Plato there is no difference between organized and unorganized gatherings. Every crowd – both legitimated or not – is plain evil for him.

Plato is interested in such problems as to what extent should the crowd (mob) be obedient, is it possible to give it any knowledge, and what kind of knowledge should it receive. In *Philebus* Socrates asks: “Shall I, like a doorkeeper who is pushed and hustled by a mob (*hup’ ochlou*), give up, open the door, and let all the kinds of knowledge stream in, the impure mingling with the pure?” (62 c, transl. by H.N. Fowler). For Plato, even if the crowd (mob) imagines that it understands harmony and rhetoric, it is not really so (*Leg.* 670 b). The multitude (*plethos*) in any case cannot think in a philosophical manner (*Resp.* 493 e; cf. *Politic.* 292 e, 297 e, 300 e), *ochlos* is something opposed to the philosophers (*Euthyd.* 304 d). And in *Gorgias* Socrates asks Gorgias to agree that ‘to the crowd’ (*ochlos*) means ‘to the ignorant’ (*Gorg.* 459 a).

But to make the state function properly, the crowd (more precisely, the mob) should be taught, and imagination is the only way to do it. Plato was sure that it was rhetoric which gave the opportunity to convince the crowd (mob) through imagination. It is important, because the crowd cannot understand abstract ideas of justice and injustice, one can force the crowd to believe (*Gorg.* 454 e – 455 a) with the help of discipline (*Leg.* 700 c).

The crowd shouldn’t be influenced by “a tyrannical person”, tragic poets, orators in courts and assemblies. The law-giver should use both force and persuasion for the crowd. To sum up everything, for Plato any crowd was the mob.

Aristotle uses the word *ochlos* rather often (eleven times – in the *Politics*, three – in the *Rhetoric*). Absence of this word in the *Athenaion politeia* is quite reasonable: the purpose of the *Athenaion politeia* was to describe the realities of Athenian political history and state order, and its audience should be wide enough. That’s why Aristotle prefers to use more neutral words – *plethos*, *hoi polloi*.

In the *Rhetoric* the philosopher uses the word *ochlos* quite in Platonic sense: Aristotle notes that an illiterate *ochlos* can comprehend rather simple methods of influence better than educated one does, using the citation of Euripides (*par’ ochlo mousikoteros legein*: *Hippol.* 989): “It is this that makes the ignorant more persuasive than the educated in the presence of crowds; as the poets say, “the ignorant are more skilled in speaking before a mob” (*Rhet.* 1395 b 28).

In the *Politics* Aristotle often uses *ochlos* as a social term, e.g. to designate a crowd of women and servants (1265 a 17), citizens of non-aristocratic origin in the aristocratic state (1303 b 28 sqq.), the “worst” citizens who intended to take a share in the property of convicts (1230 a 10). Aristotle warns against predomination of the “market crowd” (*agoraios ochlos*) over the majority of citizens (*plethos*) who live far from the political center of the community (1319 a 37). According to his opinion, the *nautikos ochlos* should not get the right of citizenship (1327 b 37).

But sometimes Aristotle uses both *ochlos* and *plethos* to designate the entire population (*Pol.* 1278 a 32), or the entire citizen body (*Pol.* 1286 a 31, 1311 a 13). Such usage is typical for Plato too, but, unlike Plato, Aristotle’s expressions have no negative connotations. On the contrary, Aristotle noted that “for this reason (to give judgments) in many cases a crowd (*ochlos*) judges better than any single person”

(*Pol.* 1286 a 31 sq., transl. by H. Rackham). And even more, he designates not only his contemporaries, but also the citizens of the *patrios politeia* as *ochlos* (*Pol.* 1286 a).

Aristotle regards *ochlos* (crowd) as a social reality of both contemporary epoch and even of the past. In the works of Aristotle *ochlos* is not so emotionally coloured and does not have such a negative connotation as it does in Plato and Isocrates. For Aristotle the citizens of pre-Solonic Athens (*patrios politeia*) are also *ochlos*. So *ochlos* became a neutral 'scientific' term denoting mostly the mob: *agoraios ochlos* (*Pol.* 1319 a 37), *nautikos ochlos* (*Pol.* 1327 b 37). Aristotle and after him all the Peripatetics used the word *ochlos* as a neutral term designating the lower strata of the citizens as well as whole civic community. So, in their writings *ochlos* lost ideological coloring and acquired social characteristics. But Aristotle regarded it as the term for the part of city population. Unorganized gatherings were of no interest for Aristotle, were not discussed in his sociology, and we can imagine the only reason for it: crowd activities were very rare and had no importance for the Greek political life in that period and before it.

To dum up, according to the popular belief *ochlos* belonged to the concepts created by the supporters of aristocracy (oligarchy) to denote the poorest strata of the population hostile to it. However, this opinion seems to us somewhat one-sided. *Ochlos* surfaces for the first time during the period of active word coining and appearance of new concepts in the first half of the fifth century BC. At first it was used on a pair with *homilos* well-known since Homeric times which also had the meaning of "mob", "unorganized gathering". But *homilos* (as well as the verb *homilein*) had the primary meaning of "connection with something, contact, affinity", whereas *ochlos* (as well as the verb *ochlein*) belongs to a completely different semantic group ("anxiety, difficulty, inconvenience"). The difference came to light gradually: both Aeschylus and Sophocles (and the archaist Thucydides) used them interchangeably, and Herodotus preferred the word *homilos*.

The great change occurred in the Athenian theatre. Euripides and Aristophanes often used *ochlos*, after them *homilos* practically went out of use. It was not accidental: *ochlos* denoted new reality, the reality of the socio-political life of Athens of the late 5th century B.C., where the mob consisted not only of non-citizens – women, metics, slaves, but also of citizens influenced by demagogues. The stability of the political structure of Athens of the 5th century was a thing of the past, "the mob" (i.e. ordinary citizens) began to take an active part in political life supporting their leaders – demagogues and causing concern among the supporters of the old order.

Euripides and Aristophanes who shared the problems of their contemporaries and gave the green light to the new concept could not but react to this. Particularly prominent is the role of Euripides. It is not accidental that Aristotle quoted a line from his "Hippolytos". Aristophanes, an "insider" for the Athenian audience did not mince words and called his fellow-citizens a mob.

Opponents of democracy began to widely use the notion of unrestrained mob (*ochlos*) of Athenian citizens after the Peloponnesian war, in philosophical and rhetorical schools of Plato and Isocrates. To them the word often had an unequivocally negative connotation and they resorted to it in anti-democratic propaganda. The arguments of both thinkers are surprisingly similar: the mob should be obedient, it should not take an active part in political life. Isocrates and Plato equated *ochlos* with the *demos* of their time (these notions are synonymous for them), strikingly different from the body of the citizens of the good old times, *patrios*

politeia. It is only here, in the rhetorical and philosophical schools of the fourth century that the word *ochlos* acquires a clear and unambiguous negative anti-democratic connotation, becomes one of the key words of the vocabulary of the oligarchy, the direct, though belated, heir of which became *ochlokratia* (ochlocracy) first appearing in Polybius. In works by Isocrates and Plato condemnation of the mob turns into a platitude, *topos* reproduced in different places. It is not an emotional statement, but a logical construction designed to buttress ideological arguments.

However, despite a considerable impact of the ideas of Plato and Isocrates, their audience should not be exaggerated. Both thinkers addressed the narrow circle of their like-minded listeners. Speaking at the Assembly (or composing speeches for appearances in court) orators regardless of their political convictions could not take the liberty of demonstrating arrogant attitude towards their audiences. Both Demosthenes and Aeschines accused each other that their political opponent perceived the Athenian citizens as *ochlos*. It is natural that speakers, sensitive to the mood of the Ecclesia and dicasts, while criticizing actions and moods of the demos, could not overstep the line and lose the support of their audience.

In other sources of the middle and the end of the fourth century (Aeneas Tacticus, Aristotle) *ochlos* is not so emotionally colored and does not have such a negative connotation as in Plato and Isocrates. (Xenophon's position is intermediate). For Aristotle the citizens of pre-Solonic Athens were also *ochlos*. Demos and democracy were rather odious for the opponents of democracy. Probably that is why the idea of ochlocracy appeared so late.

Thus, the mere appearance and extended use of the word *ochlos* testified to the emergence (in Athenian society, at any rate) of a new problem, the problem of the active participation of the body of the citizens in the political life of the *polis*. Aristocrats – were replaced by demagogues, and the ordinary citizens felt that the political leaders depended on them to a greater extent than before. The meek *demos* of Periclean and pre-Periclean Athens turned into the unruly *ochlos* of the period of the decline of Athenian greatness. The competence of its new balance of forces secured the stability of the Athenian political system for several more decades.

Polybius and Titus Livius: *ochlos* and its Roman parallels

The aim of the chapter is to compare the use of the words denoting the mob, multitude of people (*ochlos*, *vulgus*, etc.) in the works by Polybius and Titus Livius. Polybius is usually considered the "discoverer" of the concept of ochlocracy which occurs for the first time in his work. However the Greek historian used the term *ochlokratia* only three times in the sixth "methodological" book of his work devoted to the exposition of the theory of the development and decline of a state. He regarded ochlocracy as the final stage of the degradation cycle of a state system. He borrowed the concept from the philosophic (primarily, peripathetic) tradition. Similar views were expressed in the so-called "epitome of Areius Didimus" (Stob. II.7.26). In our judgment when considering the attitude of Polybius to the mob we should not be guided by these theoretical tenets, which he seldom used to describe specific historical events.

In the overwhelming majority of cases Polybius uses *ochlos* without a derogatory connotation. *Ochlos* means the people's assembly of the Achaean league

(e.g. Polyb. XXIII.16.11; cf. XXVIII.4.12; 7.4) and the troops (I.15.4; 32.8; III.34.9; 90.6; XI.12.2 etc.), including the citizens' militia (IV.7.6; X.12.10; XI.13.5).

It is worthy of note that Polybius as well as other authors of the Hellenistic period (but contrary to authors of the 5th – 4th centuries B.C.) uses *ochlos*, *ochloi*, *plethos*, *plethe*, *hoi polloi* as synonyms or almost as synonyms. Thus describing the transition of democracy to *cheirotekrateia* the historian uses *plethos*, *plethe*, and *hoi polloi* (VI. 9. 6–8). Narrating the story of Agathocle's rise and death, Polybius calls the Alexandria mob *hoi polloi* (XV.27.1), *plethos* (XV.27.3; 32.11), *plethe* (XV.33.5), *ochloi* (XV.33.9). Participants in the assembly of the Achaean league incited against Rome by demagogue Critolaos are described as *plethos* (XXXVIII.12.5), *plethe* (XXXVIII.12.2), *hoi polloi* (XXXVIII.12.4), *ochloi* (XXXVIII.12.10; 13.6).

Thus *ochlos* (or to be more exact, *ochloi*) for Polybius is the normal state of the people, "broad masses". In this respect Polybius continues the tradition of Aristotle who unlike his predecessors (Plato and Isocrates) perceived *ochlos* as a given fact. The only difference is that in the course of 200 years Aristotle's *ochlos* became Polybius's *ochloi*. Thus one should not attach too much importance to the "discovery" of ochlocracy by Polybius, for essentially it is the same extreme (radical) democracy. The historian remained in the mainstream of the peripatetic tradition.

Titus Livius who borrowed quite a few things from Polybius did not adopt his social lexis. His *turba*, as a rule, denotes instability, changeability, turbulence inherent in the masses of the people, *vulgus* characterizes first of all the social distance between *humilliores* and the people vested with power (senators, etc.); *vulgus* usually has no derogatory connotation, since it denotes unshakable reality which subsequently could have been reflected in legal texts. However the appearance of the word *vulgus* in the 2nd century B.C. testifies to a new social division taking shape in Roman society instead of the almost meaningless archaic division into patricians and plebeians.

Vulgus and Turba: Mob in Classical Rome

The aim of the chapter is to consider the attitude of the Roman authors of the classical period towards the mob, their use of the words *vulgus* and *turba*. There is a common opinion about the pejorative attitude of the Roman authors towards *vulgus*, but this conclusion is based on the analysis of individual authors, rather than on the corpus of texts.

The word *vulgus* first appears in the works of the authors of the 2nd c. B.C. as the definition of common people and partly replaces *plebs*. For the first Roman comedy writers *vulgus* is an unfamiliar and seldom used word, denoting something where in public opinion originates without a pejorative connotation. *Turba* is more familiar to them, it denotes commotion, disorder, concentration of people (with sometimes a pejorative connotation). As long as the social structure of Rome did not experience upheavals, the attitude towards *vulgus* was disdainfully neutral. The situation changed with the advent of the epoch of civil wars when the lower strata of Roman citizens began to take an active part in the political struggle. The danger of losing power was the reason for the hatred of the "old" *boni*, defenders of the Roman oligarchy, to *vulgus*. For Sallustius and Catullus (and to a lesser extent for Accius and Cicero) the opposition of *vulgus* and *boni* (*potentes*) became a rhetorical cliché. Such an opposition was typical only of that social milieu, and in the works of the other authors of the 1st c. B.C. *vulgus* is treated quite neutrally. Unlike Sallustius, Caesar used

vulgus, with one exception, neutrally. It is not surprising: Caesar appealed to this *vulgus* and sought to win its sympathies.

With the establishment of the emperor's power, *vulgus* represented by the Roman *plebs urbana* acquired a stable place in society and only some excesses, which aroused indignation on the part of some authors, made them use the word *turba*. We can find a completely neutral attitude towards *vulgus* in the works of Seneca and even of Petronius. Only Tacitus attempting to restore the lost idyll of the senate republic denounces *vulgus* catered to by the emperors. But it was the final accord of the senate tradition, a peculiar "rhetorical nostalgia". His contemporaries, Pliny the Younger and Suetonius, were far more impartial. We can see again the opposition of two traditions – a rhetorically expressed contempt for the mob on the part of the educated senate elite and a bureaucratically calm (one can say businesslike) attitude towards the relationship between those who had power and the low strata (first of all, *plebs urbana*).

In Digestae *vulgus* has no pejorative connotation; this well-behaved, if impoverished, group can be made happy with insignificant hand-outs; it is the riotous and looting *turba* that should be resolutely rebuffed.

Vulgus is not a social term. Nor is it terminus technicus. In the 1st c. B.C. *vulgus* became a swearword of the part of the Roman elite trying to put up a rhetorical barrier between "us, well-educated, holding power" and the main population (we are different, we are not *vulgus*). The new power, however, considered *vulgus* among its supporters, and it is not accidental that not only Caesar, and loyal to the new power Pliny the Younger and Suetonius, but also Lucan, a senate oppositionist, did not seek to denounce "the ignorant mob". Name of the famous Vulgata (the Latin translation of the Bible) has a lot in common with the Lucilius' choir, but not with the Sallustius-Horace riff-raff.

It is impossible to imagine this kind of attitude to *ochlos* in Greece. *Ochlos* is degenerating but full-powered *demos*, whereas *vulgus* in Rome initially has no real power. The existence of *vulgus* is a specific feature of Rome, and this fact is reflected in the works of Roman authors.

The Role of Crowd Activities in the Political Life of Ancient Greece

The author makes an attempt to find any traces of crowd activities in the political life of pre-Hellenistic Greece analysing some cases of alleged unorganised mass activities (Athenian revolt against Cleomenes and Isagoras in 508/7 B. C., Alcibiades' return to Piraeus and the trial over the Arginusae victors during the Peloponnesian war, *skytalismos* in Argos in 370 B. C., and some others). The author compares crowd actions in classical Greece with that in Hellenistic Egypt (the uprising of masses in Alexandria against Agathocles in 204/3 B. C.) to show the difference in people's conduct.

First, it is necessary to define my field clearly. What does the word "crowd" mean? However, for sociologists it is "an incidental aggregation, held together by a relatively extrinsic and temporary bond," for psychologists it is "a group whose cooperation is relatively occasional and temporary, as opposed to that which is either instinctively or reflectively determined." Even more, "a crowd whose performances are particularly capricious and violent is called a mob" (Dictionary of Philosophy and Psychology). As for social historians and classicists, the picture is quite different. They usually substitute the notion "crowd" for the notion "masses". For historical

study, "crowd" may be defined as "group of persons with common traditions intentionally acting together outside existing channels to achieve one or more specifically defined goals" (D. Herder).

It is very difficult to form a realistic view of the notion "crowd" concerning the reality of classical Greece, but I'll try to show its place in Greek social and political history, with two important limitations. First, my analysis will cover primarily the classical period, i.e. the fifth and fourth centuries BC. Second, I will deal mostly with so-called "political crowds", i.e., people gatherings which influenced the political life of the ancient Greek cities. So, when Plato describes beautiful boys and a crowd of people following behind them, this case will interest me only if it has political consequences.

When we turn to the study of ancient Greek history of the archaic and classical periods we find that the crowd (not the masses!) has been a neglected phenomenon. Only a few scholars paid any attention to crowd actions in that historical period (Virginia Hunter, Josiah Ober).

How is it possible to explain such a lack of scholarly interest? In my view, there are two reasons. First, this phenomenon was considered less important in comparison with well organized and very effectively functioning city institutions. However, the study of the role of crowds in the political life of ancient Greece may help to emphasize a high level of organization in the political sphere in ancient Greece.

There is, however, another reason for the lack of such studies, namely the nature of our sources. The pioneers in studying crowd behavior in historical contexts were the students of 18–19th century Europe, such as Gustave Le Bon or George Rude. They used as their sources police archives, newspapers etc., i.e., materials which can be called "inside sources". But the classicists have at their disposal mostly the texts of ancient authors. Inscriptions and papyri cannot help us, because they deal with a relatively late period (e.g., the first mention of *ochlos* in inscriptions dates to the end of the second century BC). So it is mostly "outside sources" the scholars have to rely upon, and these were not very friendly to the crowd.

There are two obvious ways to look for appearances of crowds in ancient texts: first, to pick out all the words that are connected with crowds, and to study their usage. Second, to pull out of the context all the situations which indicate any trace of crowd activity or at least crowd existence.

My earlier studies were devoted to the terminology of the crowd, first of all to *ochlos*, which is perhaps the 'key-word' for 'crowd studies'. Participation of the citizen masses in political life was obviously connected with the development of democracy, and the process left its clear mark in the appearance of the word *ochlos*, to replace *homilos*. This was not accident. Greek society and Greek authors did need a new word to indicate a new reality.

According to common belief, *ochlos* belonged to the concepts created by the supporters of aristocracy (oligarchy) to denote the poorest strata of the population hostile to aristocracy. However, this opinion seems to me somewhat one-sided. *Ochlos* surfaces for the first time during a period of the first half of the fifth century BC which was active in word coining and appearance of new concepts. At first it was used on a par with *homilos*, well-known since Homeric times, which also had the meaning of "crowd", "unorganized gathering". But *homilos* had the primary meaning of "connection with something, contact, affinity", whereas *ochlos* belongs to a completely different semantic group ("anxiety, difficulty, inconvenience"). The difference came to light gradually: Aeschylus, Sophocles, and Thucydides used the

two words interchangeably, and Herodotus preferred the word *homilos*.

Of course, the appearance of the word *ochlos* reflects (in some way) realities of social life in fifth century Athens. But used frequently by the Greek authors in the meaning of "crowd", it can also mean (and did in fact very often mean) the mob, the low strata of citizens, or non-citizens (women, *metoikoi*, slaves), i.e., it assumed social or situational characteristics. And *plethos*, *hoi polloi* and even *demos* may acquire the same meanings.

If there is no word in ancient Greek to designate the crowd *separately* from the mob, maybe there is a word for describe crowd action? Indeed, there is such a word, the verb *athroizo* (Attic *hathroizo*) and the corresponding adjective, *athroos* (Attic *hathroos*) and other derivatives. So, first of all I'll examine the usage of these words (not terms!), and then discuss some situations in which unorganized mass gatherings were involved.

Crowd cases. So, we cannot regard *ochlos* as a clear sign of crowd. In most cases *ochlos* designates either the mob, or even the people.

I'll try to analyze the alleged cases of crowd activities in pre-Hellenistic Greece. My selection may not be comprehensive, but nevertheless the small number of the cases in which the crowd is mentioned in our sources already speaks for itself.

It is necessary to note that an unorganized mass gathering was an extremely rare phenomenon for archaic Greece, and thus it would be reasonable to turn to the examination of assemblies. The assemblies were quite usual social phenomenon in Homeric time. They could have been summoned by the king or by the nobles and did not meet regularly (as in Ithaca – Od. 2. 26–27). Agora (town-square or meeting place) already existed in that period.

The assemblies consisted of citizens-warriors, but were not over-organized. The nobility dominated there as we can see in the case of Thersites. Homeric Thersites insults Agamemnon at the assembly of warriors. An episode with Thersites in the "Iliad" (2, 211–277) is known enough. Thersites is a representative of the mass of warriors (*plethos* – 2. 143, 278, *demos* – 2. 198). But there is no trace of any type of crowd action in this case as well. Nobody supports Thersites, and his protest is only a verbal act, nothing more.

As for the archaic period, it's a pity that we have (as usual!) only Athenian material at our disposal. The earliest case available is about the Cylon's plot, in suppression of which the Athenian *demos* took its part. Indeed, as Thucydides reports (1. 126. 7), "all together" (*pandemei*) they besieged Cylon and his accomplices on the Acropolis. But the usage of this term doesn't necessarily mean spontaneous and non-arranged activity of the *demos*. For example, Thucydides uses the same very term *pandemei* while reporting about departing of all the Spartan troops, which can hardly be described as badly arranged, or about mass participation of the Athenians in the construction of "The Long Walls" (1. 90. 3), etc. When Cylon occupied the Acropolis in 636 or 632 B. C., there was nothing like general rising, and the *demos* supported Megacles, the archon (Hdt 5. 71; Thuc. 1. 126–127). It is not by chance that we have such a strong tradition about Alcmaeonids' filth. The Alcmaeonids were the leaders, but not the leaders of a revolt, the leaders of a protest of the Athenians against an attempt to seize the tyrannical power. Here we can see the mobilization of those Athenians who don't support the tyranny rather than spontaneous activity of the people. The crowd as it was has not yet emerged.

Athenian revolt in 508/7 B. C. The Athenian democracy began with resistance of the Athenians to Cleomenes and Isagoras in 508/7 B. C. Revolt of the Athenians against Cleomenes and Isagoras in 508/7 B. C. could be regarded as a

crowd action with more reasons. This event has brought to life a lot of interpretations and comments, but our interest lies in a very narrow field, i.e. in the level of organization of this action. Let us check our sources from this particular point of view, starting from Herodotus.

“...Having come he (Cleomenes) banished seven hundred Athenian households named for him by Isagoras, to take away the curse. Having so done he next essayed to dissolve the Council, entrusting the offices of governance to Isagoras’ faction. But the Council resisted him and would not consent; whereupon Cleomenes and Isagoras and his partisans seized the acropolis. The rest of the Athenians united (*Athenaion hoi loipoi ta auta phronesantes*) and besieged them for two days; and on the third they departed out of the country on the treaty, as many of them as were Lacedaemonians” (Hdt. 5. 72, transl. by A.D. Godley).

Aristophanes’ *Lysistrata* is not of great interest for our case. Chorus of the Athenian men remembers “the old golden days”, when Cleomenes “departed surrendering his arms to me” (*Lys.* 277, transl. by H. Sommerstein).

Aristotle’s account is based on that of Herodotus, but the author of the *Athenaion politeia* adds some more details. “Cleisthenes secretly withdrew, and Cleomenes with a few troops proceeded to expel as accursed seven hundred Athenian households; and having accomplished this he tried to put down the Council and set up Isagoras and three hundred of his friends with him in sovereign power over the state. But the Council resisted and the multitude banded together (*tes de boules antistases kai sunathroisthentos tou plethos*), so the forces of Cleomenes and Isagoras took refuge in the Acropolis, and the people (*demos*) invested it and laid siege to it for two days. On the third day they let Cleomenes and his comrades go away under a truce, and sent for Cleisthenes and the other exiles to go back” (*Ath. pol.* 20. 3, transl. by H. Ruckham).

The problem is who organized Athenian citizen masses to upraise against Cleomenes’ and Isagoras’ rule?

Josiah Ober (“The Athenian Revolution”) describes ‘the Cleisthenic revolution’ as follows: “The Athenian siege of the Acropolis in 508/7 is best understood as a riot – a violent and more or less spontaneous uprising by a large number of Athenian citizens”. And further: “The ‘constitution of Cleisthenes’ channeled the energy of the *demos*’ self-defining riot into a stable and workable form of government”. Ober makes a comparison, obvious for him, with the mass acting during the French revolution, “in this case, by rioting and besieging the Bastille”.

Ober points to usage of the passive participle of the verb *sunathroizo* in *Athenaion politeia* 20. 3. Analyzing Athenians’ struggle against Cleomenes and Isagoras in 508/7, he translates “the boule resisted and the mob gathered itself together (*sunathroisthentos tou plethous*)”. This translation presupposes real crowd activities, even riots. Ober is obviously right asserting that passive participle *sunathroistheis* has a reflexive rather than a passive meaning, but in his translation the situation seems to be more “revolution-like” than Aristotle would like to tell us about. In H. Ruckham’s translation in the *Loeb* series the situation is even more dramatized: “But the Council resisted and the multitude banded together”. But Aristotle uses the participle *sunathroistheis* in *Athenaion politeia* twice more, describing assembling of the Council in the course of Ephialtes’ reforms (25. 4), and gathering the force from the city in agora during the struggle against “The Thirty” (38. 1). In all three cases we can see public gatherings in extraordinary situations, but not riots.

One should also take into account an extremely low urbanization level in Athens of that period, which doesn't suppose large masses of citizens. It would be more justified to speak about a kind of mobilization of citizens-warriors in order to protect the polis' autonomy.

But, on the other hand, was the Athenian demos ready enough to act independently and simultaneously? Only six years before this revolt Hipparchus was killed. Thucydides in the tyrannicide-excursus describes that after killing Hipparchus "Aristogiton escaped the guards at the moment, through the crowd running up, but was afterwards taken and executed" (*Thuc.* 6. 57. 4, transl. by R. Crowley, ed. by R. Strassler). This crowd (*ochlos*) consisted of the citizens, taking part in Panathenaic procession (6. 57. 2) on the Panathenaic way in the northern part of the Athenian agora. This gathering was obviously an organized one (the religious procession); that's why it was rather easy for Hippias to take control over the situation after killing of Hipparchus (6. 58. 1–2). This case is really a unique one: the organized gathering did not become disorganized even in this extraordinary situation. So it is very difficult to believe that social psychology of the Athenian demos changed so drastically during this short period of time. So the revolt against Cleomenes and Isagoras must have had its leader or leaders.

Spontaneous actions of the Athenian citizens against Cylon and Isagoras were something like self-mobilization of the citizen army. I am not sure whether the level of democratic consciousness of the Athenians of the archaic period was high enough to make the citizens rise against the people violating legal decisions, but I am sure of the level of their "hoplite" consciousness in purpose to defend their city.

Athens during the Peloponnesian war. The Peloponnesian war was a real proof test for city institutions of many Greek *poleis*. But I could find no sure trace of crowd activities, city riots and so on.

One may suggest that crowd took part in some political events and processes that were described by Thucydides. Corcyrean strife is the best possible example. But even in this case we can see only the activities of quite organized political groups of the oligarchs and democrats which successfully but not very spontaneously eliminated one another (3. 70–81; 4. 46–48). It means that Thucydides could not even imagine any crowd activities in the peak of civil strife, as we can see in his description of events in Corcyra (3. 70–81). *Stasis*, civil discord, did not presuppose any participation of unorganized mass gatherings. On the contrary, *stasis* was an unwanted, but quite logical result of escalation of the regular political struggle in the city. Crowd as a political phenomenon did not exist for Thucydides, and crowd activities, in his opinion, did not influence the political life of Greek cities.

Meanwhile it is necessary to study the cases of Thucydides' mention of crowd gatherings and crowd activities in non-military context. An interesting example is the Pericles' speech who "advanced from the sepulcher to an elevated platform in order to be heard by as many of the crowd as possible" (2. 34. 8). This crowd (*homilos*) consisted of citizens, but not of citizens alone. Pericles addressed to "the whole assemblage (*panta homilon*), whether citizens or foreigners" (2. 36. 4). The purpose was state funeral procession, and the Kerameikos was its location. It was obviously an organized gathering too (elevated platform is the sign of special preparations), but maybe not over-organized: not only citizens and their families, but *metoikoi* and foreigners were allowed to participate in this procession.

Almost in the same words we can characterize the departure of the Sicilian expedition (6. 30–32), when the whole population of the city (*ho allos homilos hapas* – 6. 30. 2) came to Piraeus to say farewell to the sailors and warriors. The

crowd consisted of the Athenians, foreigners and the *eunoi* of the Athenians (6. 32. 2). The shores of the harbor of Piraeus was the place of this gathering. The ceremony was a religious one and obviously was organized by the state (6. 32. 1), but the crowd was rather self-organized, because it was the initiative of people to come.

The events of the oligarchic coup d'état of 411 are also of interest for examination of the political activities of the crowd. After Phrynichus had been killed, and the power of oligarchs had become unstable, there gathered crowds of hoplites in Piraeus in order to act against the oligarchs (8. 92. 5–6). Crowd activities began in Athens too (8. 92. 7–8). But it is very characteristic that these crowd activities were quickly transformed into an official people gathering – assembly in the theatre of Dionysus in Piraeus (8. 93. 1 and 3). The same, as a matter of principle, phenomenon we can see in Aristophanes' *Lysistrata*: the women's activity is transformed into a kind of a self-organized assembly.

Xenophon's *Hellenica* gives us some more interesting cases. A Theban Coiratadas, the prisoner-of-war, while disembarking at Piraeus, "slipped away in the crowd (*ochlos*) and made his escape to Decelea" (*Hell.* 1. 3. 22, transl. by C. L. Brownson). It is a very rare mention of often, if not everyday, Piraeus crowds. Piraeus was a great port, and, of course, there was a permanent circulation of port workers, ships' crews and so on. In the same year (408/7) the mob (*ochlos*) of Piraeus and the city gathered to meet Alcibiades (*Hell.* 1. 4. 13). This was, of course, a real mass gathering. The question is, whether it was organized or not. Alcibiades through his friends prepared public opinion and arrived to Piraeus just on the day of Plynteria, a popular Athenian religious festival (*Hell.* 1. 4. 12). It was an organized gathering, but organized in favor of one person, the politician, who could transfer official people gathering (religious ceremony) to that of aimed to support his plans.

The next example is the Arginusae trial. The enemies of the *strategoi*, of whom Theramenes was the first, used the religious festival Apaturia for their propaganda (here we may draw a parallel with Alcibiades arrival to Athens). But due to the specific features of this festival (the remembering of the dead relatives) there could have been only small gatherings of the relatives.

It would be wrong to imagine the people's Assembly just like an exalted crowd. The Assembly had its reasons to be furious: the number of the Athenian citizens lost in the battle was too substantial even compared with the casualties of the Sicilian catastrophe. Of course, there is no precise data concerning the casualties, although both Xenophon and Diodorus report about 25 ships lost by the Athenians (*Xen. Hell.* 1. 6. 34; *Diod.* 13. 100. 3–4). As to the opinion of Barry Strauss, total Athenian casualties in this battle were about 3300 men (in comparison with about 7000 in Sicily). Robert Buck suggests that up to 5000 Athenian lives were lost. Anyway, the Assembly had serious reasons to blame the generals. Thus the trial of the *strategoi* shouldn't be regarded as an example of the crowd's influence over the Athenian political life.

A civil crowd appears in *Hellenica* when Xenophon describes the return of Theramenes' embassy to Athens in 405 BC "And as they were entering the city, a great crowd gathered around them (*ochlos periecheito polus*)" (2. 2. 21). The situation was critical in Athens, and people were dying of famine: that was the reason, why did the crowd meet the ambassadors near the gates or in the agora. But it is very important, that there is no mention of any crowd action. On the contrary, only "on the next day the ambassadors reported to the Assembly the terms on which the Lacedaemonians offered to make peace" (2. 2. 22). The Assembly should and did dominate over any possible unorganized political gathering in Athens.

It is interesting to compare Thucydides' and Xenophon's attitudes to the crowd with that of his contemporary, Andocides. The orator did not use *ochlos* at all, did not describe any crowd activity, and I could find the only place in Andocides' *corpus* concerning this problem, but an interesting one.

The trial of Andocides on impiety took place in 400 B. C., but in his successful speech *On the Mysteries* Andocides described the events of 415 BC, when he had been imprisoned because of his real or alleged involvement in the mutilation of herms and the profanation of the mysteries. Surely, Andocides tried to retell these events in his own favor, but his audience knew the real conditions of public Athenian life; that's why Andocides' picture should be realistic in this particular field.

Andocides wrote that Diocleides had brought an impeachment before the Council after he had seen "a large number of men going down from the Odeum into the orchestra" by the gateway to the theater of Dionysus. "He saw in total about three hundred men, but standing in groups of fifteen or twenty" (Andoc. 1. 38, transl. by M. Edwards).

Was it a real crowd? No. We can see only a picture (real or not very real, it doesn't matter in this context) of a conspiracy preparations. But it is of great importance that both the orator and his audience could imagine the area of the theater of Dionysus as the exact place for mass gatherings. There were really no places for mass gatherings in Athens, but the areas of official city institutions. These places can be used illegally only at night, as happened in this case.

All that points to the absence of any kind of political influence of the crowd in Athens even at the very end of the Peloponnesian War – in this hardest time for the city institutions. The power of organization was stronger than the disorganizing tendencies even in this period.

Absence of real crowd activities in Athens during the Peloponnesian War is crucial for us. It means that crowd activities were not real means in the political struggle.

Argos: *skytalismos*. Events in Argos in 370 BC represent another possible case of crowd activities in classical Greece. Indeed, one of the most striking examples of internal strife in Greek city is the so-called "Club-law" (*skutalismus*) in Argos in 370 BC., after the fall of Spartan domination in Peloponnesus. One could immediately imagine crowds of people beating aristocrats by clubs: the picture looks like peasant rebellions in Eastern Europe or China. But our sources draw quite a different picture. Our main source, Diodorus, writes: "Among the Greeks this revolutionary movement (*neoterismos*) was called "Club-law" (*skutalismus*), receiving the appellation in the manner of execution" (15. 57. 3). And then he describes the internal strife in Argos; but utters not a single word about any crowd activity! The demagogues inspired the masses (*plethos*) against upper classes. "...And the democracy (*demos*) without a thorough investigation put to death all those who were accused and confiscated their property" (15. 58. 1) (transl. by Ch. L. Sherman). Neither Dionysius of Halicarnassus (*Ant. Rom.* 7. 66. 5) nor Plutarch (*Praecepta gerendae reipublicae. Moral.* 814 B) contradict this statement. The only contemporary author, Isocrates, describing these events, notes that the Argives "put to death (*apolluosi*) the most eminent and wealthy of their citizens" (Isocr. *Philip.* 5. 52, transl. by G. Norlin). Surely, it does not necessarily mean the death in disturbances.

So, it was not spontaneous disturbances or crowd activities. *Skutale* in the hands of Argive democrats was not the weapon, "the club of people's war"; it was only a mean of execution, quite like a guillotine.

Conclusions. May we suppose a crowd as a social phenomenon, and crowd activities to have any importance in Greek political life in pre-Hellenistic period? The answer is clear: no. But what are the reasons for this? One may easily point out the demography or the settlement patterns of the Greeks in classical period. Surely, ancient Greek cities, *poleis*, were rather small. There were very few places in ancient Greek cities where crowd activities could take place: agora, the theater, and maybe no more. Greek polis had no place for crowd activities: both agora and acropolis were the places for organized religious and civic processions (events, festivals). All these places were controlled by the city authorities, and unofficial gatherings may have occurred there only at night (as Andocides saw or imagined). There are no traces of crowd activities during the Olympic, Nemean, or Panathenaean Games in the classical period too.

The main reason, however, is that it was extremely difficult to abuse polis institutions by this way. It seems to me that the Greek democracy was the society of a slightly organized civil crowd, and the critics of democracy were rather just. The psychological necessity for crowd activities could canalize in the assembly meetings, and in extraordinary situation such meetings may have transferred (mostly in the eyes of the opponents of democracy) into something like crowd gatherings as we can see in the case of the generals, victors of Arginusae, trial.

There were some changes at the end of the fifth – beginning of the fourth centuries BC. The signs of these changes are the appearance of a few, but really unorganized public gatherings in our sources, and the attempt of Alcibiades even to organize public gathering out of official framework. But there were only signs, and they did not influence the political life of ancient Greek cities. Even *nautikos ochlos*, so strong in Athens, was no more than the part of the Athenian population, and there were no attempts to use its resources for crowd activities. The demagogues were the leaders of the demos not only by name; they continued to use polis institutional framework. These framework should be destroyed or seriously damaged to allow the crowd activities to take place.

The crowd had much more importance in the sphere of ideology. Opponents of democracy in the philosophical and rhetorical schools of Plato and Isocrates began to use the notion *ochlos* widely in the meaning of unrestrained crowd of Athenian citizens after the Peloponnesian war. It is only here, in the rhetorical and philosophical schools of the fourth century that the word *ochlos*, acquires a clear and unambiguous negative anti-democratic connotation, becomes one of the key words of the vocabulary of oligarchy. But *ochlos*, for Plato and Isocrates was mostly the mob; they did not use any example of crowd activities (but only organized political gatherings, such as Ecclesia, courts, etc.) in their works. Moreover, the crowd was for them mainly an ideological issue, necessary for their anti-democratic arguments, but not a real danger. There is no evidence to prove any serious involvement of the crowd into the political life of the Greek cities in the archaic and classical periods.

So there were no direct influence of crowd actions upon political life in archaic and classical Greece. The danger of crowd activities had more importance for ideology. The crowd for the opponents of democracy (Plato, Isocrates) was an ideological image, and not a real danger.

III. Political Onomastics of Classical Athens

Do personal names of the Athenian citizens give any ground for political or ideological connotations? If so, is it possible, based on the analysis of personal names, to add a new page to the study of political ideas of the Athenian democracy?

Of course, there were, there are and there will be a lot of attempts to consider passages of ancient authors “that illustrate certain fundamental doctrines of Athenian democratic thought” (R. Seager). And, of course, problems of prejudice of the most of the classical authors against Athenian democracy, on the one hand, and the absence of democratically programmatic texts still remain. So, on my mind, any additional information on democratic ideology or on the spread of democratic ideas in classical Athens would not be unnecessary. E.g. John Boardman made an attempt to reconstruct the ideology of early tyranny based on vase painting. To my mind, our picture of the society of classical Athens will not be complete without study of personal names and tradition of name-giving.

In this chapter I’ll try to use the data of historical onomastics (anthroponymics) to reveal influence of democratic ideas on society of classical Athens. I realize that my study is rather marginal and will only try to add an untraditional source (i.e. personal names) to investigations in this particular field.

I am not sure that we may use personal names as a source of information of political ideas for any society. But personal names of classical Athens give us such an opportunity for some reasons. First, ancient Greek personal names are clearly those of Indo-European (as Sanskrit or ancient Slavonic). There were some Greek theophoric names or those, based on nick-names. But most of them are composite names consisted of two stems with a clearly positive meaning. They usually cannot be translated directly, but should remain clearly positive associations. Second, onomasticon of every society is rather traditional one and depends on family preferences. But in periods of revolutionary changes fashion for names may change drastically, as we can see in the periods of Christianization of Roman Empire, French and Russian revolutions.

I am not sure if we may use a term “Athenian revolution” as Josh Ober did, but a period after Cleisthenic reforms was that of great changes both in political institutions and in popular psychology of the Athenian citizens.

We have some early examples of politically motivated (tinted) name-giving in Attica. Isagoras, the famous opponent of early democracy, had a name based on the verb *isagoreuo* clearly connected with political equality. Plutarch in his biographies of Themistocles and Cimon enumerated five children of these Athenian political leaders with geographic names, which may pointed out on father’s political preferences.

I will try to analyze personal names of the citizens of classical Athens with the stem *dem-*. They are rather common (2-3% of all Athenian personal names during all antiquity), and not only in Athens: e.g. only in Arcadia there were 39 types of personal names, beginning with *dem-/dam-*. Names with *dem-* were more common in Etolia in the third and second centuries BC, and less common in Boeotia. In Chios names with the stem *dem-* were rather unique (about 1%), though from archaic period we know some representatives of Chian political elite with such names, including the name of the only known Chian demagogue – Demos .

One important note before. Surely, I definitely realize that for most periods of Greek history personal names cannot be used as a source for history of political ideas. Names in *dem-/dam-* can be found among mythological (*Demodike*, *Demobhoon*,

Damokrateia – daughter of Zeus and Aegina) and among Homeric ones (*Demodokos*, *Demoptolemos*, *Demoleon*), and ‘demos’ means rather ‘community’, than ‘people’ here. Aristodemos was a very popular archaic Greek name.

The study proceeds from the premise that analyzing personal names of classical Athens’ inhabitants from this viewpoint one can reconstruct the development of democratic political ideas more precisely. The data of historical onomastics (anthroponymics) are used in this research in order to reveal the importance and the role of democratic ideology in classical Athens, to select politically tinted names and to consider them as a “marker” for ideological changes.

For the 5th century BC we have the precious evidence of public funeral inscriptions. From the time of the Persian wars, the habit of public burial of the fallen warriors, called *patrios nomos* developed in Athens. It included eulogy of *andres genomenoi agathoi* as well as erection of burial monuments listing the names of the fallen citizens according to the tribes they belonged to (*demosion sema* or *pasi mnema Athenaios*). For the 4th century of special importance are the lists of the members of Boule, prytanes and judges.

A selection of the Athenian public funeral inscriptions yields 4,5% names with the stem *dem-* in the Athenian civil community of the 5th–4th cc. BC. In the author’s opinion, such percentage of names with the stem *dem-* (4,5–5,5%) is normal for the Athenian civil community, and deviations from it within a large body of onomastic data mean either that the material selected was not representative (with preponderance of a certain layer of the community) or that bearers of the names in question were not citizens.

It is quite evident, from the one hand, that names with the stem *dem-* were used by foreigners to a lesser extent and were scarcely used, if ever, by non-citizens. On the other hand, among the 5th c. BC aristocrats with strong anti-democratic attitudes such names were also extremely rare, as it is attested by the ostraka. Names with the stem *dem-* were wide spread both among the aristocrats with democratic attitudes and among the politically active part of the demos. This view is supported by the statistics of such names among Athenian magistrates (archons, judges), who, though they were chosen by lot, nominated themselves for the election, and by a high percentage of Athenians bearing names with the stem *dem-* among trierarchs in the mid-4th c. BC.

While in the 5th c. BC the average percentage of names with the stem *dem-* among the rich Athenians practically coincides with average percentage in the whole of the civil community, and “aristocratic” names are much more common, in the 4th c. BC the situation changes. One tenth of the trierarchs of the mid-4th c. BC bear names with the stem *dem-*, and among “aristocratic” names those with the stem *arist-* lose popularity, though those with the stems *hipp-* and *kall-* are still in common use.

Thus, “democratic” names (in particular, those containing the stem *dem-*) become “politically motivated” names of the Athenian democratic elite consisting of aristocrats with democratic attitudes and of the politically active part of the demos. All in all, the share of names with the stem *dem-* in a list may be indicative of the social status of the Athenians listed.

The broad “middle-class” layer of “democratic aristocracy” was prone to use “democratically marked” names. In 5th and 4th c. Athenian aristocracy would first resort to a sort of mimicry assimilating it to the demos, and later on merged with its top. The analysis of personal names makes this process “palpable”. Besides, statistic analysis of names enables us to draw conclusions on the status or political preferences of a certain group of Athenian citizens in the classical period.

Conclusions

So there were no direct influence of crowd actions upon political life in archaic and classical Greece. There is no evidence to prove any serious involvement of the crowd into the political life of the Greek cities in the archaic and classical periods. The danger of crowd activities had more importance for ideology. The crowd for the opponents of democracy was an ideological image, and not a real danger.

Some personal names of the citizens of classical Athens (in particular, those containing the stem *dem-*) became “politically tinted” names of the Athenian democratic elite consisting of aristocrats with democratic attitudes and of politically active part of the demos.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ АВТОРА ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Карпюк С.Г. Дело о назначении ординарного профессора греческой словесности Московского университета // ВДИ. 1993. № 1. С. 175–181.
- Карпюк С.Г. Никий: доблесть политика // ВДИ. 1994. № 3. С. 38–57.
- Карпюк С.Г. ОХЛОС от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 31–50.
- Карпюк С.Г. Полибий и Тит Ливий: *ochlos* и его римские соответствия // ВДИ. 1996. № 3. С. 44–53.
- Карпюк С.Г. Лекции по истории древней Греции. М., 1997. 160 с.
- Карпюк С.Г. *Vulgus* и *turba*: толпа в классическом Риме // ВДИ. 1997. № 4. С. 121–137.
- Карпюк С.Г. Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. 1998. № 4. С. 142–145.
- Карпюк С.Г. Толпа в архаической и классической Греции // ВДИ. 2000. № 3. С. 3–15.
- Карпюк С.Г. Греческий полис в российской историографии // Scripta Gregoriana. Сборник в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 292–299.
- Карпюк С.Г. Политическая ономастика классических Афин в надписях V–IV вв. до н.э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 4–35.
- Karpyuk S. Aristotle on *ochlos* // Aristotelian Political Philosophy. Proceedings of 6th International Conference on Greek Philosophy. Ierissos, 1994.
- Karpyuk S. Crowd in Archaic and Classical Greece // Hyperboreus. Studia classica. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 79–102.
- Карпюк С.Г. [Рец.:] Murray O. Early Greece. 2nd ed. L., 1993 // ВДИ. 1994. № 2. С. 192–194.
- Карпюк С.Г. [Рец.:] Davies J.K. Democracy and the Classical Greece. 2nd ed. L., 1993 // ВДИ. 1994. № 2. С. 195–196.
- Карпюк С.Г. [Рец.:] Ober J. The Athenian Revolution: Essays of Ancient Greek Democracy and Political Theory. 2nd ed. Princeton, 1999 // ВДИ. 2000. № 4. С. 197–199.
- Карпюк С.Г. [Рец.:] Хабихт Хр. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999 // ВДИ. 2001. № 1. С. 214–216.
- Карпюк С.Г. [Рец.:] Ostwald M. Oligarchia: The Development of a Constitutional Form in Ancient Greece. Stuttgart, 2000 (Historia: Einzelschriften, Ht 144) // ВДИ. 2001. № 3.
- Карпюк С.Г. «Политическая» ономастика древнегреческого мира: попытка количественного анализа // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных). М., 2000. С. 43–47 (в докладе были использованы математические разработки А.Г. Рапуто).

Научное издание

Карпюк С.Г.

Общество, политика и идеология классических Афин

Л.Р. ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 10.11.2003
Гарнитура «Таймс». Объем – 19,5 п.л.
Тираж 330 экз.